ISSN 2073-5618

Переводчик

Translator

ВЫПУСК № 23

2023

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

П Е Р Е В О Д Ч И К

Литературно-художественный журнал

Выпуск 23

Чита
ЗабГУ
2023

УДК 81’25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Литературно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор
О. В. Стельмак, канд. филол. наук, доцент,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет
Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов, д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов, канд. филол. наук, доцент ЗабГУ

Редакционная коллегия
О. В. Ушникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филинкова

Переводчик : литературно-художественный журнал / Забайкальский
П 27 государственный университет ; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ, 2023. – Вып. 23. – 293 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящен славным страницам российской истории, связанной с пребыванием декабристов в Забайкалье. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Конкурсы, конкурсы...!!!», «Новинки».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81.25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Райнер Мария Рильке. Лирика. Предисловие и перевод с немецкого Ольги Панькиной……... 5

Современная тувинская поэзия. Артык Ховалыг. Лирика. Вступительное слово и перевод с тувинского Николая Переяслова……. 10

Джордж Гордон Байрон. Лирика. Предисловие и перевод с английского Андрея Щетникова…… 18

Данзангийн Нямсурен. Круговорот времён. Лирика. Перевод с монгольского Виктора Балдоржиева…….. 23

Проза

Оскар Уайльд. Сказка «Звездный принц». Предисловие и перевод с английского Евгении Славороссовой……... 31

Камилу Каштелу Бранку. Лиссабонские тайны. Главы XI, XV. Предисловие и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой… 41

Гвидо Гоццано. Сказки. Перевод с итальянского Леонида Зимана…… 70

Марион Коксвик. Новые афоризмы. Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой и Ольги Маркеловой…… 86

Английская викторианская проза. Изабелла Крейг Нокс. Время сева и время жатвы. Главы 2–3. Перевод с английского Ольги Стельмак…….. 90

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Изумительная история болезни Бенджамина Баттона. Часть 2. Перевод с английского Екатерины Коржовой…… 112

Фэн Мэнлун. Гуань Чжун и Бао Шуя. Истории из романа «Хроники государств Восточного Чжоу». Предисловие и перевод с китайского Николая Воропаева…… 125

Биргир Сигюрдссон. Пьеса. «День Надежды». Перевод с исландского Ольги Маркеловой…….. 133

АМЕРИКАНА

Рудольфо А. Анайя. Халаманта: послание из пустыни. Глава 1. Перевод с английского Татьяны Воронченко…… 172

Хелен Хант Джексон. Рамона. Глава 2. Перевод с английского Елены Гладких…….. 182

Алехандро Моралес. Баррио на грани. Перевод с английского Екатерины Фёдоровой…….. 201

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Екатерина Щербакова. Как переводить китайские пожелания…… 205

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

Леонид Зиман. Интеграция англоязычного и италоязычного вариантов стихотворений Кристины Россетти в русскоязычном переводе…… 214

Анна Булдыгерова. Китайский взгляд на процесс перевода (о некоторых значимых аспектах переводческого процесса)…… 223

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

Поль Лаббе. В краю Забайкальских лам. Главы 6–9. Перевод с французского Николая Епишкина……... 231

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ирэн Фрэн. Роман. «Я последую за тобой в Сибирь». Глава VII. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади….. 249

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

XXVIII Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2023…… 266

НОВИНКИ

Николай Воропаев. Китайский на ладони (инновационный самоучитель китайского языка)…… 280

Ольга Маркелова. «ВСЁВЗЯЛСТИХ». О книге стихов Сигюрда Паульссона……. 281

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистика……..... 286

Сведения об авторах…….. 287

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1894 – 1926)

От переводчика. Рильке – один из тех поэтов, которым очень повезло – их много и самоотверженно переводили в России. Рильке – один из тех поэтов, которым очень не повезло – их много и самоотверженно переводили в России. Какое из этих двух утверждений ближе к истине – бог весть! Но число переводчиков, вступающих в бой с поэзией Рильке, не уменьшается, а наоборот, растёт. Стихи Рильке – это русская поэзия, по странному недоразумению, чьему-то капризу, написанная по-немецки. В этом есть нечто загадочное, видимо, связь поэта с Россией, казалось бы, эфемерная, немного матрёшечно-балалаечная, со временем становится только сильнее и двустороннее, обоюдоострее. К тому же русских переводчиков привлекает изначальная, имманентная, ясно осознаваемая непереводимость, воспринимаемая, как несправедливость, которую так и хочется исправить.

Поддалась этому всеобщему психозу и я. Надеюсь, что мои скромные усилия вкупе с трудами других со временем создадут тот субстрат, на котором вырастут новые переводы Рильке, полностью адекватные его поэзии.

А может, и нет.

НОЧНОЕ НЕБО И ПАДЕНЬЕ ЗВЁЗД

Миров, пространств на небе утесненье
божественно излишеством своим.
Мы слишком далеки для единенья,
для отреченья слишком близки с ним.

Звезда летит! И вслед за нею взгляд,
исполненный желаньем неотложным
узнать: что началось, что было в прошлом?
И в чём провинность? И за что простят?

ВЕНЕЦИЯ

К «Аве» призыв колокольни струят.
Сказки церквей до сих пор ещё длятся;
только на тихих каналах палаццо
не говорят.

Мимо покоя их сонного, там,
где лица спящих фасадов нависли,
реют гондолы, как чёрные мысли
по вечерам.

КОНЕЦ ОСЕНИ

Я вижу с недавних пор –
всем перемена владеет.
Что-то встаёт и деет,
и губит, и шлёт мор.

От раза к разу мой сад
не тот, каким был ранее;
желтее всё и шафраннее
медленный распад:
он, как мой путь, нескор.

Сквозь проредь аллейных пустот
далёкое кажется ближе.
Гляжу – и угрюмость вод,
и неколебимый свод
небес отрекающих вижу.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Здесь воздух затхл, как в комнате, где гаснет
больной, а на пороге смерть молчит;
на мокрых крышах свет лежит неясный,
как блик последний меркнущей свечи.

Хрипит вода, в канавах вырастая,
вскрывает ветер трупы – листьев кучи,
и, как бекасов вспугнутая стая,
сквозь серость неба в страхе мчатся тучи.

СОСЕД МОЙ БОГ

Бывает, что тебе, сосед мой Бог,
я ночью долгой в стенку барабаню,
но потому лишь, что твоё дыханье
не слышу. Ты там одинок,
я знаю; некому дать старику
воды, когда страдает он от жажды,
но я на страже. Дай мне знак однажды.
Я начеку.

Нас разделяет тонкая стена,
случайная; и если только рот
ты или я отверзнем, то она
тотчас падёт
без грохота и криков.

Из образов она твоих и ликов.

И лики пред тобою как названья.
И если свет во мне вдруг возгорит,
и глубь моя с тобой заговорит,
их рамы расточат его сиянье.

И разум мой, спешащий к угасанью,
бездомен будет, от тебя сокрыт.

ОСЕНЬ

Листвы паденье застит окоём,
как будто сад небесный вянет где-то,
паденья жестом отрицая лето.

А ночью тяжко падает планета
в холодном одиночестве своём.

Всё падает. Вот падает рука.
И посмотри вокруг: так было вечно.

Но Тот, чьё снисхожденье бесконечно,
паденье сдержит, длань его легка.

ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ…

Вся жизнь моя – кольца широких кружений,
очерченных вкруг вещей.
Хочу я достигнуть последних свершений,
хотя, наверно, вотще.

Кружу я бога и башни около
тысячи лет, но кто есмь –
не знаю: я буря, а может, сокол, а
может, большая песнь.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Бог, лето было так длинно, пора.
Дай солнечным часам отдохновенья
и из забвенья в мир верни ветра.

Вели плодам последним стать круглей,
ещё два дня дай южного блаженства
и, доведя плоды до совершенства,
последней сластью тяжесть лоз налей.

Теперь приют бездомный не найдёт,
а одинокий быть им не престанет,
лежать без сна, писать он письма станет,
читать и по аллеям взад-вперёд
бродить вслед ветру, что листву пластает.

АНГЕЛЫ

На их устах изнеможенье,
а души цельны и ясны.
Лишь грусть (как после прегрешенья)
порою им приходит в сны.

Друг с другом схожи небывало,
безмолвны в Божиих садах,
они как бездна интервалов
в его напевах и трудах.

Но стоит лишь им воскрылиться,
они разбудят ветер вмиг,
как взмах божественной десницы
творца, что пролистал страницы
извечных сумеречных книг.

ДАЙ МНЕ, ЗЕМЛЯ…

Дай мне, земля, чистой глины,
я лакримарий создам,
чтоб свои слёзы и сплины
мог перелить я туда.

С тем, чтобы всё, там хранимо,
не возвращалось бы впредь.
Только ничто нестерпимо,
сущее можно стерпеть.

А РАЗВЕ БОЛЬ…

А разве боль, та, будто новый пласт,
что дыбит лемех, прикреплённый прочно,
нехороша? Какая боль бессрочно
все прежние забвению предаст?

И сколько их довольно? И когда
полегче были времена, благие?
Я понимаю лучше, чем другие,
блаженство и воскресшего тогда.

ГЛАС ПОСЛУШНИКА

Я рассыпаюсь, я сыплюсь,
теку, как сквозь пальцы песок.
Так много во мне разных мыслей,
и каждая как ожог.

Боль жжёт в сотне мест олютело
тело, стервенея.
Но сердце болит всех сильнее.

Я смерти хочу. Отпусти.
Надеюсь, мне хватит силы
тоской изойти,
так, чтобы лопнули жилы.

Перевод с немецкого Ольги Панькиной

СОВРЕМЕННАЯ ТЫВИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

АРТЫК ХОМ-ОТТУКОВНА ХОВАЛЫГ (род. в 1951 году)

Артык Хом-Оттуковна Ховалыг родилась 12 мая 1951 года в селе Бора-Тайга Сут-Холского района. Окончила филологический факультет Кызылского пединститута и факультет журналистики Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Москве. Работала заведующей отделом газет «Молодёжь Тувы» и «Правда» (на тувинском языке), а также старшим инспектором министерства культуры Тувинской АССР. Она – член Союза писателей СССР, член Союза журналистов и Международной организации журналистов. Работала председателем Союза журналистов Тувы[1].

Артык Ховалыг – создатель Ассоциации писательниц Тывы, которую возглавляла более 10 лет. А ещё – редактор-составитель двух женских сборников «Серебряная нить» и десятка первых книг тувинских писательниц. Она Заслуженный работник Республики Тыва и Заслуженный работник культуры РФ, автор 14 книг стихов и прозы на тувинском языке и одной на русском.

Произведения Артык включены в школьные и вузовские программы обучения, по ним пишутся дипломные и курсовые работы, проводятся читательские конференции.

Творчество Артык Ховалыг удивительным образом соединяет в себе размышления о непостижимой Вселенной и основах нашего мира, о ключах к счастью и наказах предков, о Боге в каждом из нас и о звучании национального музыкального инструмента хому́са, а также о любви к родной Туве и о памяти к любимой многими тувинцами газете «Слово Матери» («Эне сөзүн»).

[1] Собственно слово «тува» является самоназванием народа и в оригинале звучит похоже на «тыва», что и дало тувинцам возможность требовать внесения в конституцию РФ, принятую в 1993 году, нового безальтернативного названия «Республика Тыва». (Прим. ред.).

Книга стихов Артык Ховалыг дышит чистейшим воздухом своего любимого тувинского края, где возвышаются перевал Хылдыг-Узук, горы Кызыл-Тайга, Бай-Тайга, бегут речки Хемчик и Ак, блещет серебряной водой Сут-Хол, зовут к себе Чистые Земли и след Будды, а над всеми витают Дух Земли, Белый Свет, Небесный Огонь и Святой Дух.<…>

Главное – что в душах тувинского народа живёт великая Поэзия тувинцев, с огромным уважением относящихся к стихам своих поэтов и, особенно, к такой уникальной форме поэзии, как сонеты.

СВИДАНИЕ С ГОРАМИ

Нет прекрасней гор моей Тувы́
И речушек, весело звенящих.
Нет свежей тенистой нашей чащи
И тувинской неба синевы.

Десять лет своей родной травы
Не могла я слышать шелестящей,
Днём и ночью над собой шумящей
Не слыхала я лесной листвы.

Как ручьи здесь горы украшают!
Как цветы мой дух здесь возвышают!
Мне сияют радостно луга,
Меня манит в глубь свою тайга.

О, Тува́! Моя родная юность!
О, прими меня – я вновь вернулась...

СИЛА С НЕБА

Я добродетель собрала.
Я светлою душой была.
Я к духу высшему пришла.
Я ум и силу обрела.

Мой колокол над головой
Молчит, когда приходит свой,
Какой же он поднимет вой,
Когда к вратам идёт чужой!

Я узел счастья завяжу,
Его к предплечьям привяжу,
Ядро в мортиру заряжу.
Ему «готовься» прикажу.

И, озарив грудь, как болид,
Из сердца – сила вдруг взлетит...

ПОДАРОК ОТ ОМАРА ХАЙЯМА

Омар Хайям меня пленил,
Он в рубаи́ меня влюбил,
Они мне шепчут в тишине,
О чём хотел сказать он мне.

Сто раз пыталась я упрямо
Стихи переводить Хайяма,
Сама отчаянно в тиши
Себе твердя: пиши, пиши!

Прекрасные стихи поэта
Прославлю на четыре света,
Пускай поёт он, не молчит,
Пусть – на тувинском прозвучит!

Стихи Хайяма – наслажденье!
Сижу, перевожу с волненьем...

ВОЛЯ И СИЛА

Есть воля у тебя и сила,
Ещё – Вселенский есть Закон.
Поняв всё это – ты спасён,
Пути тебе судьба открыла!

Никто – как жизнь бы ни хитрила –
Твой захватить не сможет трон.
Терпи. И никакой закон
Не скажет: всё неправдой было.

Это – не действие чудес,
Это – включение Небес,

Здесь всем виновного покажут,
Злодея тут при всех накажут.

Коль сам ты не несёшь обид –
Кто тебе в жизни навредит?

О СЕРОМ ЦВЕТЕ

Пройдя семь раз по десять лет,
Постиг, что вечной жизни нет, –
Сказал поэт Омар Хайям,
Свою простую мудрость нам.

Тайком шепчу я: «Ховалы́г,
Ты не держись за каждый миг,
Но только знай, что надо нам бы –
Не позабыть Хайяма ямбы!..»

Ярчайший мир, что был вокруг,
Я серым увидала вдруг,
И вот стою средь лужи я –
И вся в грязи краса моя...

Так знай, чтоб мир вокруг был тих –
Ты береги друзей своих!

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА – АК[1]

Меня купали с детства в ней –
Той речке, что зовётся Ак,
Той, что бежит через овраг,
Мимо сверкающих камней.

Та речка мчит мимо людей
Возле села не просто так –
В неё бросается смельчак,
Творя пример для сыновей.

И в ковш ладоней я брала
Ту воду – и её пила,

[1] Река в Республике Тыва́, приток реки Хемчи́к. (Прим. пер.).

И с каждой ласковой волной
Та речка нежилась со мной.

Ведь родники Отчизны милой
Всех полнят мудростью и силой.

ИГРА СВЯТОГО ДУХА

Мой дух порой меня зовёт
Медовым запахом цветов,
Туда, где зреют кисти слов –
Те, чья краса в душе цветёт.

Он за стадами вслед бредёт,
Ища тропинки пастухов,
И посреди семи цветов
Опустит лестницу с высот.

И в десять раз сильней огня,
Наполнит Белый Свет меня,
Низринув к нам из-под небес
И на луга, и в тёмный лес.

Там Дух Святой меня зовёт
Творить над безднами полёт…

ОСНОВЫ МИРА ОЧИЩАЯ

Когда мечты мои чисты –
Мы мчимся в высшие орбиты,
Миров десятки нам открыты,
Как снега белые пласты.

Когда вокруг стоят, густы,
Кусты сиянья малахита,
Как не принять здесь красоты,
Которая для всех разлита?

Звучи, наш бубен до небес,
Звук всё быстрее ускоряя,
Дни нашей жизни наполняя
Дыханьем сказочных чудес.

Пока стоит над миром тишь –
Пой нам шаман! Звучи, алгы́ш![1]

ЗА ВСЁ БЛАГОДАРИ

Когда в тебе любви проснётся дух,
Кто помешает высказаться вслух
Тебе в признаньи небу и зари?
Ты всех за всё всегда благодари!

Твои желанья, коль они добры –
То всем они открыты и щедры.
Когда душа очищена твоя,
Кто улыбнётся ей? Конечно, я!

Народ вокруг – тень брата твоего,
Не сравнивай ни с кем и никого,
Такой настрой неси в широкий свет –
Тогда ты Будды выполнишь завет.

Всегда своих наставников держись.
Вот Будды завещание на жизнь!

НЕ РАЗОБРАВШИЕСЯ

Одни, поддакивая злу,
Завидуя, затылки чешут.
«Зазнайка!» – мне другие шепчут,
Огульно разнося хулу.

«Где я́?» – спрошу я на углу,
И мне прохожий скажет строго:
«Ищи себя в душе у Бога,
Где сменишь на хулу хвалу».

«Хвастунья!» – отвернувшись, скажут
И тем презренье мне окажут,

[1] Алгы́ш *(тув.)* – особый вид шаманского пения во время камлания. При исполнении алгыша энергия проявляется максимально чисто и непосредственно, шаман двигается с помощью звука в тонкие миры. Особенной чертой этого пения является искренность мотивов по отношению к духам или божествам. Алгыш более похож на медитацию, чем на динамическое действие. Сознание словно бы замирает в настоящем времени в то время, как телу выделен импульс двигаться, играть на бубне и петь. (Прим. пер.).

Хоть я – обидою горю,
И только правду говорю!

Со злом болтая языками
Себя считают – «знатоками».

НЕ ДАВАЙ СЕБЯ ОБМАНУТЬ

Как много в мире хитрецов,
Коварных вралей и лжецов,
Что руководствуются рьяно,
Чтоб мчаться следом за бараном.

Ну, а хапуги из дворцов,
Найдя таких же подлецов,
Толпой бесстыдною и ушлой
Терзают край родной послушный.

Вгоняя нас, как в бездорожье,
В страну, опутанную ложью,
Ни на минуту, ни на час
Не подпускают к правде нас.

Сам Бог сказал нам: поднимайтесь!
Словам лжецов – не поддавайтесь!

РЕШЕНИЕ ПРАВДИВО, ОТВЕТ ТОЧЕН

Из-за лесов пришёл туман
И напустил на мир обман,
И столько он украл бесчестно –
Из жизни всё в момент исчезло!

Из-за незнаний я себе
Сама вредила по судьбе
И лишь сумела всё исправить,
Сумев сама собою править.

Мне не страшна отныне ложь,
Защищена я от неправды,
За правдой я иду упрямо
Мимо всего, что стоит грош.

«Спасибо, Боже! – я шепчу. –
С Тобою рядом быть хочу...»

САМОЕ ЦЕННОЕ СЛОВО – «ЧЕТТИРДИМ!»[1]

С врагом спокойно говори,
Скатиться с ним не дай до брани.
По свету ходит много дряни –
Прости их, и – благодари.

Всем только радости дари!
Сотри слова об их обмане.
Все мы живём, словно в тумане,
Смотри – не ври и не хитри!

Тебя излечит, словно врач,
То слово дивное – «спасибо»,
Жизнь тяжела порой, как глыба.
Живи с улыбкой! И не плачь.

Судьбе своей – не прекословь.
«Спасибо» – лучшее из слов.

СЛЕД БУДДЫ

Ногою Будда, словно в храме,
На древнюю Туву ступил.
Снега её он полюбил,
Сияющие над горами.

Как, пролетая над мирами,
Он вспоминал, где он ходил,
О том, где многих он учил,
Кто вырастали мастерами.

Здесь Ша́мбала цветёт, как Рай,
Здесь сто цветов лелеют край,
Для всех здесь всё, как напоказ,
Дают простор для дум и глаз.

[1] Четтирдим – *(тув.)* спасибо. (Прим. пер.).

Нас всех Тыва здесь окружила.
Но радуга навек сдружила!

БОГ В ТЕБЕ

В своём уме ту мысль держи,
Что в сердце у тебя есть Бог.
Всегда будь искренен и строг,
Что знаешь – правду расскажи.

И над успехом не дрожи,
С любым идя сквозь сто дорог,
И, не пугаясь злых тревог,
Со всеми на Земле дружи.

От сердца твоего лучи
И днём сияют, и в ночи,
Они летят вперёд, горят
И возвращаются назад.

То Бог над миром распростёр
Твоей энергии костёр!

Перевод с тувинского Николая Переяслова

ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН (1788 – 1824)

От переводчика. Объяснять, кто такой Байрон, точно не нужно. Наверное, не надо объяснять и то, сколь значима была его поэзия для русских поэтов в двадцатые-тридцатые годы XIX века. Однако стоит заглянуть в «Паломничество Чайльд-Гарольда», в оригинале или в прекрасном переводе Вильгельма Левика, чтобы понять, сколь многое из этой поэмы было усвоено Пушкиным и пересажено на отечественную почву в «Евгении Онегине». Что до переводов стихотворений и поэм Байрона на русский язык, они поистине неисчислимы. Поэтому к ним можно и даже нужно добавить ещё несколько своих вариаций – ведь Байрон был поэт, и, переводя его, мы крепко держимся за поэзию.

В этой небольшой подборке я представляю несколько переводов из «Еврейских мелодий» – цикла, связанного с ветхозаветными преда-

ниями и написанного по просьбе композитора Исаака Натана, дабы быть положенным на музыку. Их дополняет перевод «Тьмы» – пророческого сновидения, записанного белым ямбическим пентаметром с одними мужскими окончаниями. Сколько русских поэтов уже переводили эти стихи, трудно перечислить. Поэтому при переводе важно не заглядывать в сделанное предшественниками, хотя, конечно, следует помнить о нём.

В целом же, я свою задачу вижу так. Переводить надо, чтобы перевод вызывал одновременно несколько ощущений. Первое – чтобы не пропадал флёр стихов, написанных на английском языке два столетия назад. Второе – чтобы казалось, что эти стихи пишутся на русском языке сегодня. И ещё: переводчик не должен забывать, в какой традиции он работает, следуя ей и одновременно оставляя её позади и отыскивая новое слово для извечных идей, своевременное и современное.

***

Я видел – яркая слеза
Лилась из синих глаз;
В фиалке утренней роса
Блеснула, как алмаз:
Твоя улыбка – перед ней
Сапфир тускней любой:
Куда ему до тех лучей,
Что взор наполнят твой!
Так получают облака
Закатный мягкий свет,
Когда ночная мгла близка
И солнца в небе нет;
Улыбка делает светлей
Труд тяжкого ума,
И озаряет вечер дней,
Когда на сердце тьма.

МОЙ ДУХ УГРЮМ

Мой дух угрюм! Настрой скорей
Ты арфу, пусть она поёт.
Перстами лёгкими по ней
Пройдись, в душе расплавив лёд.
Надежда в сердце оживёт
И отвлечёт меня от дум,

И слёзы сладкие прольёт
На мой воспламенённый ум.
Но пусть напев твой будет дик,
Пусть радости не знает он.
Пусть исказит мой мрачный лик
Мучительный, протяжный стон.
Лежит на мне пустых времён
Неизгладимая печать,
И дух мой скорбный обречён
Разбиться – или песней стать!

«ВСЁ СУЕТА, – СКАЗАЛ МНЕ ПРОПОВЕДНИК»

Власть, слава, ум были со мной,
И здравие, и младость;
Струился в чашу сок густой,
И жизнь была мне в радость;
Вокруг меня краса цвела,
Меня ласкала нежность:
Всем, что земля дарить могла,
Сулило безмятежность.
Я перечесть пытаюсь дни
И памяти внимаю,
Своим теплом манят они
Туда, где жизнь играет.
В былые годы я ни дня
Не жил без наслаждений;
Удачи берегли меня,
И я не знал сомнений.
Змей, что живёт среди могил,
Подвластен флейты чарам;
Но как мне быть, когда обвил
Он сердце мне печалью?
Он смотрит, звуков не страшась,
Своим змеиным взглядом;
Он жалит, и должна душа
Жить вечно с этим ядом.

НЕСПЯЩИХ СОЛНЦЕ!

Неспящих солнце! Горькая звезда!
Твой слёзный луч, мерцающий всегда,

Пределов тьмы глубокой не достиг,
Но сохранился в сердце счастья миг!
Так светит тусклый свет минувших дней
Бессильным холодом своих лучей:
И виден сквозь невзгоды прошлых лет
Далёкий, ясный – но холодный свет!

ИОВ

Дух встал передо мной: увидел я
Бессмертное сиянье бытия;
И погрузился мир в глубокий сон, –
Божественный, он формы был лишён:
Заговорил – и от его речей
Вдруг содрогнулась плоть моих костей.
«Как смеешь состязаться ты со Мной?
И серафимам страшен я порой.
Пришёл из праха – и во прах уйдёшь!
Как мотылёк, ты днём одним живёшь,
Но ночь наступит, и тебя уж нет,
Ты слеп пред Мудрым, раздающим свет!»

ТЬМА

Мне снился сон, но это был не сон:
Погасло солнце; сонм небесных звёзд
В пространстве вечном, угасая, плыл
Без света, без путей; земля, как лёд,
В безлунном воздухе была черна,
И утро дня с собой не принесло;
Забыли люди о своих страстях
Пред страхом запустения; сердца
О свете умоляли в зыбкой тьме;
Жизнь у дозорных теплилась костров;
Будь то дворцы всевластных королей
Иль хижины – жилища всей земли
Пылали ради света и тепла,
И люди, собираясь у огня,
смотрели друг на друга в темноте;
Вулканы взорвались; был счастлив тот,
Чей дом стоял близ этих факелов;
Во страхе мир одной надеждой жил;

Леса пылали: в них, за часом час,
Стволы трещали, падали в огонь
И исчезали: всё покрыла тьма.
На лицах угасал последний свет,
Сияло что-то неземное в них
При этих вспышках; кто-то наземь лёг,
Закрыл глаза и спал; другие же
На руки подбородком оперлись
И улыбались; кое-кто бродил
Вокруг костров, и к ним тащил дрова,
И тупо в небо страшное глядел,
Как в прошлое; потом, свои костры
Угасшие со злобой раскидав,
Скрипел зубами; стаи птиц во мгле
Отчаянно метались по земле
На бесполезных крыльях; дикий зверь
Ходил ручным и трепетным; к огню
Сползались змеи, яростно шипя,
Но всё ж без яда – люди ели их.
Война на миг затихла, но потом
Себя решила снова пожирать;
Был куплен кровью лакомый кусок,
И каждый ел его один во тьме,
Угрюмо, позабывши о любви;
И сразу стала вся земля как мысль
О смерти скорой и бесславной; боль
От голода терзала их нутро –
Их кости не были погребены;
Здесь скудный скудного глодал, и псы
Смотрели на хозяев, скаля пасть;
И лишь один был верен мертвецу,
Держал поодаль птиц, зверей, людей,
Покуда голод их не одолел,
И челюсти не сжал, их умертвив;
Он сам стонал без пищи, тихо выл
И скорбно руку мёртвую лизал,
Но лаской не ответила она –
Он умер. Голод добивал людей.
Два города огромных, уцелев,
Врагами сделались: они сошлись
Близ умиравших углей алтаря,
Там, где валялось множество святынь,

Уже не нужных, и они сгребли,
Царапая безжизненной рукой,
Угасший пепел, и, едва дыша,
Вдохнули жизнь в чуть тёплое нутро,
Словно насмешку; подняли глаза
При этом слабом свете, и узрев
Друг друга, завопили в смертный миг –
И умерли, свою увидев жуть,
Не зная, кем был тот, на чьём челе
Впечатал голод слово «Зло». Был пуст
Могучий, прежде населённый мир –
Без жизни, без лесов, травы, людей,
Как хаос смерти – хладной глины ком.
Оцепенели реки и моря,
Ничто не двигалось в глубинах их;
Во тьме пустые гнили корабли,
И падали их мачты: а упав,
Они над бездной спали в тишине –
Все волны умерли; был мёртв прилив,
Лишён своей владычицы, луны;
Застойный воздух смерть принёс ветрам
И гибель облакам; Тьме нет нужды
В них всех – Она и есть весь этот мир.

Перевод с английского Андрея Щетникова

ДАНЗАНГИЙН НЯМСУРЕН (1947 – 2003)

Данзангийн Нямсурен – член Союза писателей Монголии. Известный монгольский поэт. Жил и творил в селении Эрээнцав сомона Чулунхороот Восточного аймака Монголии. Автор нескольких сборников поэзии. Оригинал произведения «Круговорот времён» написан в 1979 году в Эренцаве. Его именем названа школа сомона, во дворе которой поставлен памятник поэту. Это скульптурная композиция представляет собой тележное колесо с гнездом жаворонка.

Поэт Данзангийн Нямсурен удостоен звания – доктор Нямсурен. Доктор, лечащий душу всех монголов от гнетущих душу болезней современности!

КРУГОВОРОТ ВРЕМЁН

1
Снега зажурчали, в ручьи изойдя,
От влаги блестящие травы прекрасны.
Прекрасны упавшие капли дождя,
И птиц гоготанье, и всплески прекрасны.

И ласточек быстрых прекрасен полёт,
И путник, коня привязавший, прекрасен.
Прекрасная женщина в юрте живёт.
Семья, что явилась кочевьем, прекрасна.

Прекрасна хангайских нагорий гроза,
И высверки молний ночами прекрасны,
Прекрасны дождей обложных небеса.
Вернуться домой издалёка прекрасно.

Прекрасная степь, словно мех дорогой.
И ветер косу обдувает прекрасно.
Прекрасно уснуть на копне под луной,
Во сне тебя видеть, встречаться прекрасно.

Прекрасна нечастых дождей череда.
И капли с накидки стекают прекрасно.
Прекрасно меж тучами солнце всегда.
И птицы степные взмывают прекрасно.

Прекрасен в ночи всхрап тревожный коня.
В бессонницу мысли и рифмы прекрасны.
Луч света в щель дымника юрты, пленя,
Прекрасно всем светит. И утро прекрасно.

Прекрасны далёкие нити дождя,
Игреневый конь, также всадник прекрасен.
Прекрасен рассказ, как он прибыл не ждя,
Входящий с чеканным седлом весь прекрасен.

На лунной вершине верблюдицы зов.
Внимать очарованно чанзе прекрасно.
И жёлтый огонь в алых бликах цветов.
Свеченье размытого лика прекрасно.

Прекрасно кричат в синеве журавли.
Дожди солончак омывают прекрасно.
Прекрасны поклоны цветов, что вдали.
Земля в ожидании ливня прекрасна.

И в дымнике юрты прекрасна луна,
В котле молока отраженье прекрасно.
Прекрасна в глубокой ночи тишина.
Стреноженной лошади ржанье прекрасно.

Прекрасно дожди, шелестя, моросят.
Повсюду трава зеленеет прекрасно.
Прекрасен возникнувшей радуги ряд.
Сиянье дождя, продолжаясь, прекрасно.

Прекрасно отдаться всем телом дождям,
И девушкам косы омыть в них прекрасно.
Прекрасно, свежо, ароматно телам...
Далёко ли, близко ли мыслить прекрасно.

Прекрасно прийти предвечерней порой,
Пройти в предрассветной прохладе прекрасно.
И плакать от счастья, любуясь Землёй,
И миром огромным, где всюду прекрасно.

Прекрасные степи и Родина-мать,
Как песни, стихи и напевы прекрасны.
Прекрасно вращенье времён ощущать.
Дожди, Эренцав омывая, прекрасны...

2
Прекрасно наутро вдруг снег увидать,
В открывшемся своде снежинки прекрасны.
И снег на горах будет долго сиять,
Травинки, над снегом качаясь, прекрасны.

Прекрасны огни на стоянках семей.
И кони-трёхлетки легки и прекрасны,
Ровесница в юрте встречает гостей.
И лает на месяц собака прекрасно.

Прекрасен снежок, опадая в проём,
Попав на котёл и растаяв. Прекрасно
Отец восседает на месте своём,
И мать, заходя, и светла, и прекрасна.

Прекрасен в закатных лучах перевал,
Тележный обоз, поднимаясь, прекрасен.
Колёса скрипят, долгий путь раскачал.
И птицы, с обочин взлетая, прекрасны.

Прекрасно на небе, где сумрака нет.
И призраки видеть, не видеть прекрасно.
И вихри прекрасны, затмившие свет,
Снега, закружившие смерчем, прекрасны.

Прекрасно устало уснуть у печи.
И вечером летним напиться прекрасно.
Э-ээ... Чай! Всё прекрасно, мой друг. Бормочи.
Тянуть к себе женщину нежно прекрасно.

И бледный гуджир или ирис вдали,
И горы сиянием дальним прекрасны.
Затихнут метели в искристой пыли,
Встречать белый день, подготовясь, прекрасно.

Пусть звёзды короной горят вкруг луны,
Как кони в степи моей чистой прекрасны.
Пророчества звёзд Ориона важны,
Сменяются годы и циклы прекрасно.

Прекрасны нечастые хлопья снегов,
Вращение времени также прекрасно.
Прекрасно, меня ты не видишь, нет слов.
Часы в доме тикают тоже прекрасно.

Прекрасно всегда полнолунье долин,
Собрать на телегу поклажу прекрасно.
Прекрасны полночные тени низин.
И не страшиться дороги прекрасно.

Прекрасны порывы свистящей пурги,
Сбивая дымы из трубы распрекрасно.

Прекрасно остаться во тьме, где ни зги,
И снег вокруг дома ложится прекрасно.

Прекрасно людей из домов вызывать,
И птицы свободные в небе прекрасны,
Прекрасно с вершины в долину бежать,
Играть с детворой краснощёкой прекрасно.

Прекрасно прийти предвечерней порой,
Пройти в предрассветную стужу прекрасно.
И плакать от счастья, любуясь Землёй,
И миром огромным, где всюду прекрасно.

Прекрасные степи и Родина-мать,
Как песни, стихи и напевы прекрасны.
Прекрасно вращенье времён ощущать.
И падает снег в Эренцаве прекрасно...

3
Прекрасно опали и тают снега,
И вовремя время приходит прекрасно.
И ждать или знать, что ты мне дорога,
Смотря на часы, – как всё это прекрасно.

Прекрасны скольжение птиц, их полёт,
Садятся на камни, взлетают прекрасно.
И путник прекрасно дорогой идёт.
Валун подо мной, где сижу я прекрасно.

Прекрасно хозяйка к воде семенит,
Родник, увеличась в бинокле, прекрасен.
Прекрасен и синий мираж (чуть дрожит),
И синий халат на тебе весь прекрасен.

Прекрасны вершины рядами в гряде,
И шёлковый ветер ласкает прекрасно.
И тянет дымком по траве и воде,
И в синий туман погрузиться прекрасно.

Прекрасно в бессонницу ночью не спать.
Внимать новостям издалёка прекрасно.

И что-то в дорогу, спеша, собирать.
Младенец мой спи, мир наш всюду прекрасен.

Прекрасно, что люди приходят к тебе.
Огонь ли кому-то иль что-то? Прекрасно.
Прекрасно другим помогать, как себе.
Любить всех в течение жизни прекрасно.

Прекрасен, опасен весной ледоход.
Спасать, как себя, – даже думать прекрасно.
Встречаю один у реки я восход,
Вдвоём – вечерами, и там же, прекрасно.

Прекрасно сороки трещат на жердях.
Откуда-то люди шагают прекрасно.
Прекрасна родня отовсюду в гостях,
Короткие встречи с друзьями прекрасны.

Прекрасно строенья вдали увидать.
И слёзы глаза наполняют прекрасно.
Прекрасно на стремя привстать и скакать,
И видеть, как птицы взлетают, прекрасно.

Прекрасно с весенним рассветом вставать,
С уздою идти за конями прекрасно,
И запахи снега прекрасно вдыхать,
И сало с прослойками кушать прекрасно.

Прекрасно годами в степи проживать.
В уютной квартире звездой жить прекрасно.
Прекрасно в космическом судне летать,
Окурок шипит, капли с крыши прекрасны.

Прекрасно трава зеленеет всегда,
Столбы телеграфные в дымке прекрасны.
Прекрасно, согласно приходят года,
Они же уходят согласно, прекрасно.

Прекрасно прийти предвечерней порой,
Пройти предрассветной зарёю прекрасно.
И плакать от счастья, любуясь Землёй,
И миром огромным, где всюду прекрасно.

Прекрасные степи и Родина-мать,
Как песни, стихи и напевы прекрасны.
Прекрасно вращенье времён ощущать.
Теченье реки в Эренцаве прекрасно...

4
Прекрасен осенней порой листопад,
На сопках тепло солнцепёков прекрасно.
И ветры прекрасны в степи невпопад,
И вихри нежданные также прекрасны.

Прекрасны мерцание, блески реки,
На волнах качается муха прекрасно.
И конские яблоки, жёлты и легки,
И остов тележки минует прекрасно.

Прекрасна о ближних и дальних тоска.
Из города вести и гости прекрасны.
И льются, и бьются шёлка у платка –
Внезапно увидеть товары прекрасно.

Прекрасны меж облаков белых слои,
И мысль меж душою и сердцем прекрасна.
И шепчутся с ветром прекрасно дожди,
Вдали колыхание сопки прекрасно.

И скачущий всадник прекрасен вдали,
И лошади топот услышать прекрасно.
И небо, и полог у края земли,
И путь, что обозом прочерчен, прекрасны.

И птицы прекрасны в полёте на юг,
Курлыча меж тучами громко, прекрасно.
Желтея, меняется солнечный круг.
Метут ветры жёлтые листья прекрасно.

И солнечный дождь бьёт местами, вразброс,
Рыдания арфы и чанзы прекрасны.
Младенец разряжен, в Хонгоре возрос,
И песни наивные помнит прекрасно.

Прекрасно у юрты звенят стремена,
И конь грациозен, и всадник прекрасен.
Осенней порой, обновляясь, луна
Является вечером тихим прекрасно.

Прекрасны беседы пред сном о былом,
О храмах, обителях или... Прекрасно.
И месяц баюкает быль за окном,
И слушает чёрт умилённый прекрасно.

Холодное время у поздней луны,
И звёзды качаются в небе прекрасно.
Прекрасно равняются ночи и дни.
И кони, и люди уснули прекрасно.

Вот иней на камнях прекрасно лежит,
Стихи на них пишутся ясно, прекрасно.
Тоскуя, душа наша с ветром парит,
Вдали от чрезмерной любви жить прекрасно.

И птицам прекрасно сидеть на ветвях,
Чирикать монгольские песни прекрасно.
И гимном парить над страной в небесах,
Сияя огнём и эмблемой, прекрасно.

Вот кто-то приходит, прекрасно поёт,
С ним вместе печалится кто-то прекрасно.
Мелодия чья-то за сердце берёт,
Звенит колокольчиком время прекрасно.

Прекрасно прийти предвечерней порой,
Пройти предрассветной зарёю прекрасно.
И плакать от счастья, любуясь Землёй,
И миром огромным, где всюду прекрасно.

Глаза увлажняются, слёзы бегут.
Ах, Родина-мать, времена все прекрасны.
И нежность с любовью сердца наши жгут.
Заставив излиться слезами прекрасно…
А что к ним добавить… Эх!

Перевод с монгольского Виктора Балдоржиева

ПРОЗА

ОСКАР УАЙЛЬД (1854 – 1900)

О́скар Фи́нгал О’Фла́эрти Уи́ллс Уа́йльд – ирландский писатель и поэт. Один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода, одна из ключевых фигур эстетизма и европейского модернизма[1].

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ЧЕЛОВЕКУ

От переводчика. В чарующих сказках Оскара Уайльда особое место занимает своего рода триптих: «Звёздный принц», «Молодой король» и «Счастливый принц». Это автопортрет души художника, где он пророчески предсказывает свою трагическую судьбу. Особенно пронзительна, человечна и печальна сказка «Звёздный принц». В ней писатель касается проблемы существования сверходарённой личности среди людей. Мальчик, найденный дровосеком в лесу, ощущает себя среди односельчан даже не просто принцем, а каким-то инопланетянином. Настолько он превосходит окружающих невероятной красотой, физическим совершенством и способностями. Но обратной стороной этого оказывается отсутствие эмпатии, равнодушие, жестокость и нарциссизм. Он презрительно смотрит на своих близких и приятелей, на людей и лесных обитателей, как на ничтожных насекомых. Но сказка эта по ёмкости сравнима с «романом воспитания». Прекрасный и жестокий мальчик теряет свою красоту и становится изгоем. Тогда и начинается его трудный путь к человечности, состраданию и великодушию. Он испытывает боль, чувство вины и раскаяние, и душа его просыпается. Принцем можно родиться, а человеком надо стать.

К этой сказке у меня особое отношение. В детстве она произвела на меня такое сильное впечатление, что вместе со старшей подругой мы разыгрывали её, как домашний спектакль. А я исполняла роль несчастного Звёздного принца. В жизни ничего не случается просто так. Эти детские чувства побудили меня в дальнейшем взяться за переводы уайльдовских сказок.

[1] См. переводы сказок «Счастливый принц» и «Молодой король» в журнале Переводчик» № 18 (СС. 139–146), № 21 (СС. 82–91). (Прим. ред.).

ЗВЁЗДНЫЙ ПРИНЦ

Однажды два бедных Дровосека брели по густому сосновому бору. Стояла морозная зимняя ночь. Снег толстым ковром покрывал землю, ветки деревьев обледенели. Подойдя к Горному водопаду, они увидели застывшую в воздухе ледяную дугу: это Снежная Королева коснулась его своим смертельным поцелуем.

Было так холодно, что звери и птицы оцепенели.

– Бр-р-р! – прорычал Волк, хромая и поджав хвост. – Чудовищный мороз. Почему правительство не принимает меры?

– Фьюить! Фьюить! Фьюить! – прощебетала Коноплянка-зеленушка. – Земля спит мёртвым сном в белом саване.

– Земля грезит в белом подвенечном платье! – нежно проворковали Горлинки. Несмотря на то, что их розовые лапки окоченели, они взирали на мир романтично.

– Ерунда! – рявкнул Волк. – Ответственность за всё несёт правительство. А кто не согласен, того я съем! – у Волка был практический склад ума, и последнее слово всегда оставалось за ним.

– Самоочевидно, – заявил доморощенный философ Дятел, – что одной материалистической теории недостаточно для объяснения феноменов. Природа вещей такова, какова она есть. Налицо жуткий холод.

Свирепствовал лютый мороз. Белки в дупле высокой ели оттирали друг другу отмороженные носы. А Кролики и не высовывали носа из нор, свернувшись клубочками. Только Совы не унывали. Перья их заиндевели, но всё им было нипочём. Вращая жёлтыми глазищами, они весело перекликались: «Ух! Ух! Ух! Здоров морозный дух!»

А Дровосеки, грея дыханием пальцы, топали подкованными сапогами по твёрдому насту. Проваливаясь в сугробы, они побелели от снега, как мельники в муке; скользя по льду замёрзшего болота, рассыпали хворост из вязанок; а, потеряв дорогу, впали в панику ибо знали, что Снежная Королева не щадит тех, кто засыпает в её объятиях. Но, вверив себя Святому Мартину, покровителю путешествующих, после долгих блужданий вышли, наконец, на опушку леса. Далеко в долине мерцали огоньки родной деревни. Они засмеялись от счастья. И земля показалась им розой из серебра, а луна – розой из золота.

Однако после всплеска радости их охватило уныние. И один сказал:

– Чему мы радуемся? Ведь жизнь принадлежит богачам. А для нас благом была бы смерть от мороза.

– Малая горстка прибрала к рукам всё, – согласился другой. – А несправедливость сеет горе.

Но вдруг произошло чудо. Ослепительно яркая звезда сорвалась с

неба. Прочертив сверкающий след, она исчезла за купой ив возле овчарни.

«Падающая звезда к счастью», – подумали они и бросились за ней.

На белом снегу что-то блестело. Это был золотой плащ, расшитый чудными звёздами. Товарищи развернули его, надеясь найти слиток золота. Но, увы! Там не было иных сокровищ, кроме спящего младенца. Тогда один воскликнул:

– До чего не везёт! На что дитя бедняку, у которого своих ребят куча?

Но другой ответил:

– И у меня мал мала меньше. Но не оставлять же его в лесу.

И, бережно закутав младенца в плащ, направился в деревню. А товарищ, дивясь такой доброте и неразумию, предложил:

– Тогда давай поделимся: дитя тебе, плащ мне.

Но тот возразил:

– Нет, плащ принадлежит ребёнку. Бог в помощь, – и он постучал в дверь своего дома.

Увидев мужа живым и невредимым, жена обняла и расцеловала его, сняла вязанку хвороста, смела снег с сапог и повела в дом. Но, стоя на пороге, тот промолвил:

– Я принёс кое-что из леса.

– Что? – удивилась она. – Дома совсем пусто. – Он развернул плащ и показал ей младенца.

– Ну и муженёк! – вскипела жена, – Мало тебе своих детей, что ты подбираешь подкидыша? А вдруг он принесёт нам беду? И как его воспитывать? – Она очень рассердилась.

– Это – дар небес, Звёздный Принц, – поведал муж о чудесной находке.

Но жена гневно вскричала:

– Своим детям хлеба не хватает, а тут ещё чужой! Кто нам поможет?

– Господь даёт пищу птичке божьей, даже воробью, – молвил муж.

– Разве воробьи не умирают от голода зимой? – возразила она. – А сейчас зима.

Муж молчал.

Студёный ветер ворвался в дом, и жена, задрожав, спросила:

– Почему ты не закрываешь дверь? Холодно.

– В доме, где холодные сердца, всегда холодно, – вздохнул муж.

Жена наклонилась к огню. А потом резко обернулась со слезами на глазах. Он протянул ей младенца. Поцеловав малютку, она положила

его в колыбель к своему ребёнку.

Утром Дровосек спрятал золотой плащ в сундук вместе с янтарной цепочкой, которую жена сняла с найдёныша.

Так Звёздный Принц поселился в семье Дровосека. И с каждым днём становился он всё краше. Смуглые чернявые сельчане дивились его точёному лицу цвета слоновой кости и золотистым кудрям, похожим на венчик нарцисса. Губы его были нежней алых лепестков, фиалковые глаза прозрачней речной воды. Он расцвёл, как полевой цветок на лугу.

Но красота эта несла зло. Он рос высокомерным гордецом. Деревенских ребят презрительно звал чернью, а себя величал Звёздным Принцем и тиранил их, как рабов. К калекам и убогим был безжалостен, забрасывая их камнями и запрещая просить милостыню. И те стали обходить деревню стороной. Он был влюблён в красоту и насмехался над хилыми и неказистыми. А больше всего на свете любил себя. Летними днями подолгу лежал он у пруда в саду священника, любуясь своим отражением.

Дровосек с женой стыдили его:

– Зачем ты жесток к обездоленным? Разве так мы обращались с тобой?

Старый священник учил его любви ко всем живым созданиям:

– Даже малая мошка – твоя сестра. Не причиняй ей зла. Лесные птицы свободны. Не лови их для забавы. И червя, и крота создал Бог, у каждого – своё предназначение. Кто ты такой, чтобы нести страдания в Божий мир? Ведь даже стада на пастбищах славят Господа.

Но красавчик пропускал их слова мимо ушей, дерзко усмехаясь. И убегал командовать мальчишками. Те подчинялись ему, потому что он был самым пригожим и быстроногим, лучше всех танцевал и играл на флейте. И они плясали под его дудку. Когда он выколол глаза кроту, они веселились, а когда он бросил камень в прокажённого, хохотали. И стали такими же бессердечными, как их вожак.

Однажды в деревню забрела нищенка в лохмотьях со сбитыми в кровь ногами. Изнемогая от усталости, села она под раскидистым каштаном.

Звёздный Принц сказал своим подданным:

– Грязная нищенка сидит под цветущим каштаном и портит чудесный вид. Надо прогнать её.

И, издеваясь, стал швырять в неё камни. А она смотрела на него с ужасом, но не могла оторвать глаз. Дровосек, рубивший дрова поблизости, укорил его:

– Какой ты злой! Что тебе сделала бедная странница?

Но Звёздный Принц, вспыхнув от ярости, топнул ногой:

– Кто ты такой, чтобы учить меня? Я тебе не сын!

– Верно, – согласился Дровосек, – Но я пожалел тебя, когда нашёл в лесу.

Услышав это, женщина упала без чувств. Дровосек отнёс её в дом, а жена оказала помощь. Когда бедняжка очнулась, ей предложили еду и питьё. Но она только спрашивала:

– Ты нашёл этого мальчика в лесу? И с того дня прошло десять лет?

Дровосек кивнул:

– Да, я нашёл его в лесу десять лет назад.

– А была ли у него на шее янтарная цепочка? – говорила она. – Был ли он завёрнут в плащ со звёздами?

– Да, – подтвердил тот, вынимая из сундука плащ и янтарную цепочку.

И женщина заплакала от счастья:

– Это мой сын, которого я уже не чаяла найти. Зови его скорей!

Дровосек с женой кликнули мальчика:

– Беги домой, тебя ждёт твоя мать.

И он помчался, дрожа от радости и удивления. Но, войдя, скривился:

– Ну, где же моя мать? Я не вижу никого, кроме жалкой бродяжки.

Женщина ответила:

– Я твоя мать!

– Ты сошла с ума! – гневно закричал Звёздный Принц. – Я не могу быть твоим сыном, ведь ты оборванная попрошайка. Прочь с глаз моих!

– Но ты мой сын! – воскликнула она, упав на колени и протягивая к нему руки. – Разбойники похитили тебя и оставили умирать в лесу. Но я сразу тебя узнала и узнала золотой плащ с янтарной цепочкой. Прошу тебя, идём со мной. Мне так нужна твоя любовь!

Но Звёздный Принц, словно не слышал её, наглухо замкнув своё сердце. В тишине раздавался только плач несчастной.

Наконец он произнёс ледяным тоном:

– Если ты, правда, моя мать, то лучше бы тебе никогда не появляться здесь и не позорить меня. Ведь я Звёздный Принц, а не нищий. Уходи!

– Сынок! – взывала она. – Ты не поцелуешь меня на прощанье? Я столько выстрадала без тебя!

– Нет, – бросил тот. – Легче поцеловать жабу или гадюку!

Страдалица поднялась и ушла, содрогаясь от рыданий. А Звёздный Принц с облегчением побежал к ребятам.

Но те встретили его улюлюканьем:

– Ты жуток, как жаба, и гадок, как гадюка! Убирайся, мы не желаем играть с уродом! – и выгнали его из сада.

Со страхом и тревогой он подумал:

– Что за ерунда? Посмотрюсь в пруд!

О, ужас! Лицо его стало хуже жабьего, а тело покрылось чешуйками коросты, как у гадюки. Упав на траву, мальчик в отчаянье разрыдался.

– Это воздаяние за мой грех, – наконец понял он. – Я отрёкся от родной матери и прогнал её. Я был горд и бессердечен. Пойду искать её И не будет мне покоя, пока не найду.

Тут к нему подбежала младшая дочка Дровосека. Погладив по плечу, девочка стала утешать его:

– Хоть ты и потерял красоту, я не буду смеяться над тобой. Не уходи!

Но он ответил:

– Я был жесток к своей матери. И эта беда послана мне в наказание. Я должен получить её прощение.

И убежал в лес, зовя мать, но не услышал ответа. Весь день провёл он в поисках, а когда солнце село, уснул на охапке палых листьев. Звери и птицы разбежались в страхе. И несчастный остался совсем один. Только жаба сторожила его сон, да гадюка обвилась кольцом вокруг него. А утром, пожевав горьких ягод, он пустился в путь, безутешно плача. И всех встречных расспрашивал о своей матери. Он спросил Крота:

– Тебе ведомо, что таится под землёй. Не видел ты мою мать?

А Крот ответил:

– Ты выколол мне глаза. Что я могу видеть?

Он спросил Коноплянку:

– Ты летаешь высоко, значит, видишь далеко. Не знаешь, где моя мать?

А Коноплянка отвечала:

– Ты подрезал мне крылья. Как я могу летать?

И Бельчонка, одиноко жившего в дупле, он спросил:

– Где моя мать?

А Бельчонок ответил:

– Ты убил мою мать. Теперь ты хочешь убить свою?

И, опустив голову, мальчик со слезами стал просить прощения у всех божьих созданий. А потом отправился дальше. И на третий день вышел из леса в долину.

Он брёл через деревни, где дети потешались над ним. Крестьяне не пускали его ночевать даже в хлев, боясь заразы. Он встречал только оскорбления, и никто не пожалел его. И нигде не было слухов о его ма-

тери. Три года бродил он по свету. Часто казалось ему, что она мелькает впереди. И он бежал за ней, но догнать не мог.

Три года скитался он, не видя ни любви, ни сострадания. Но ведь такой мир он сам сотворил вокруг себя своей гордыней.

Как-то вечером путник подошёл к воротам города над рекой. Чуть не падая от усталости, он хотел войти. Но стражники, скрестив алебарды, грубо спросили:

– Зачем ты явился сюда?

– Я ищу свою мать, – ответил он. – Сжальтесь и пропустите меня. Может быть, она здесь.

Но они измывались над ним. А чернобородый страж расхохотался:

– Вот уж подарок для матери! Страшней болотной жабы или гадюки. Уходи. Твоей матери здесь нет.

А другой страж с жёлтым знаменем спросил:

– Кто твоя мать и почему ты ищешь её?

И скиталец поведал:

– Моя мать нищая, как и я. Я обидел её. Будьте добры, пустите меня. Может, она меня простит. – Но стражи стали гнать его копьями.

Когда, плача, он хотел уйти, появился воин в доспехах, украшенных золотыми цветами, и в шлеме с крылатым львом и спросил, кто это.

Стражники ответили:

– Нищий, сын нищенки. Мы прогнали урода.

– Зря, – засмеялся тот. – Продадим эту тварь за кубок сладкого вина.

Злобного вида старик, проходивший мимо, предложил:

– Я куплю его. И, отдав деньги, взял горемыку за руку и повёл в город.

Миновав лабиринт улиц, они увидели дверь в стене под сенью граната. Старик коснулся её резным яшмовым кольцом, и она открылась. Они спустились по пяти бронзовым ступенькам в сад с чёрными маками и кувшинами зелёной глазури. Вынув из тюрбана узорный шёлковый шарф, старик завязал пленнику глаза и, подталкивая, повёл вперёд. А когда шарф был снят, тот очутился в темнице, освещаемой фонарём на крюке.

Старик поставил перед узником миску с заплесневелым хлебом, сказав: «Ешь», и чашку с солоноватой водой, сказав: «Пей». А когда тот поел, старик ушёл, заперев дверь и закрыв её на цепочку. Это был коварнейший Чародей из Ливии, обучившийся колдовству у обитателя гробницы на Ниле.

Утром он вошёл и сурово произнёс:

– В лесу за воротами этого города спрятаны три монеты: белого

золота, жёлтого золота и червонного золота. Сегодня ты должен принести мне монету белого золота. А если не принесёшь, то получишь сто ударов плетью. Отправляйся скорей, на закате я буду ждать тебя в саду. И, завязав глаза, провёл его через дом, маковый сад и пять бронзовых ступеней. И, открыв дверь кольцом, выпустил на улицу.

Мальчик вышел из городских ворот и углубился в лес. Лес казался очень красивым, полным пения птиц и благоухания цветов.

Но красота эта таила обман: заросли шиповника и терновника, крапивы и чертополоха ранили кожу. Нигде не было монеты белого золота. На закате он повернул обратно, горько плача, ибо знал, что его ожидает. Но вдруг из чащи донёсся жалобный крик. Забыв свои горести, мальчик бросился туда и увидел Зайчонка, попавшего в западню. Он пожалел его и выпустил со словами: «Я раб, но подарю тебе свободу».

А Зайчонок спросил:

– Ты подарил мне свободу, а что подарить тебе?

И несчастный признался:

– Я ищу монету белого золота. А если не принесу, хозяин изобьет меня.

– Идём со мной, – воскликнул Зайчонок. – Я знаю, где она спрятана.

В дупле векового дуба сверкнула монета. Мальчик радостно схватил её и поблагодарил: «За добро ты отплатил стократно».

– Как аукнется, – ответил Зайчонок, – так и откликнется. И ускакал.

А мальчик двинулся в город.

У ворот сидел прокажённый. Лицо его скрывал серый капюшон из мешковины, а глаза сквозь прорези горели раскалёнными угольями. Стуча по деревянной плошке и трезвоня колокольчиком, он кричал:

– Дай мне монету или я умру с голода! Ни у кого нет жалости.

– Увы! – вздохнул мальчик. – У меня лишь одна монета, и, если я не принесу её, хозяин прибьёт меня, ибо я раб.

Но прокажённый молил его, пока тот не сжалился и не отдал монету. А когда он вернулся, Чародей спросил:

– Ты принёс монету белого золота?

Пленник ответил: «Нет». Тогда хозяин избил его. Потом дал пустую миску, сказав: «Ешь», и, пустую чашку, сказав: «Пей», и втолкнул в темницу.

А утром Чародей явился с угрозой:

– Если сегодня ты не принесёшь монету жёлтого золота, то останешься моим рабом навеки и получишь триста ударов плетью.

Бедняга снова отправился в лес, и целый день искал монету жёл-

того золота, но не мог найти. На закате он залился слезами. Но к нему подбежал Зайчонок, которого он спас, и спросил:

– Что ты ищешь в лесу?

Тот ответил:

– Монету жёлтого золота, а, если не найду, останусь в рабстве навечно.

– Следуй за мной! – велел Зайчонок и привёл его к омуту, на дне которого мерцала золотая монета.

– Как отблагодарить тебя? – спросил мальчик. – Опять ты приходишь мне на помощь.

– Но ты первый пожалел меня, – ответил Зайчонок и быстро умчался.

Достав монету, мальчик положил её в кожаную сумку и поспешил в город. Увидев его, прокажённый упал на колени:

– Дай мне монету или я умру с голода!

Мальчик ответил:

– У меня только одна монета и, если я не принесу её, хозяин оставит меня в рабстве навсегда.

Но прокажённый слёзно молил, пока, сжалившись, тот не отдал монету.

А когда он вернулся, Колдун спросил:

– Ты принёс монету жёлтого золота?

Пленник ответил:

– Нет.

Отстегав плетью, старик заковал его в цепи и бросил в темницу.

А утром Чародей сурово изрёк:

– Если сегодня ты принесёшь монету червонного золота, я отпущу тебя на волю. Но если нет, я убью тебя.

Целый день несчастный безуспешно искал монету в лесу. А вечером услышал голос Зайчонка:

– Монета в пещере позади тебя. Вытри слёзы и радуйся.

– Чем отплатить тебе? – воскликнул мальчик. – Снова ты пришёл на выручку.

– Но ведь ты протянул мне руку дружбы, – молвил тот и исчез в чаще.

В укромном уголке пещеры лежала монета червонного золота. Спрятав её в сумку, он поспешил в город.

Но прокажённый встал посреди дороги с воплем:

– Дай монету или я умру!

Мальчик снова пожалел его и, вздохнув, отдал монету:

– Видно тебе она нужнее, чем мне. Но на сердце у него было тяжело, ибо его ждала ужасная участь.

Но что за чудо? Стражи низко склонились перед ним:

– Как он прекрасен!

А горожане славили его криками:

– Наша краса и гордость!

У бедняги выступили слёзы обиды:

– Это глумление над моим несчастьем.

Толпа была так велика, что он сбился с пути и очутился на площади перед королевским дворцом.

И вдруг двери дворца распахнулись. Священнослужители с военачальниками приветствовали его:

– О, королевский сын, которого мы так долго ждали!

Мальчик возразил:

– Я сын нищенки. И не прекрасен, а безобразен.

Но рыцарь в доспехах с золотыми цветами и в шлеме с крылатым львом поднял свой полированный, как зеркало, щит:

– Разве Звёздный Принц не прекрасен?

Звёздный Принц посмотрел в него. И что же? Красота вернулась к нему! Только в глубине глаз появилось новое выражение.

Священнослужители, преклонив колени, поведали:

– В давние времена было предсказано, что сегодня явится тот, кто будет править нами. Прими корону и скипетр и будь Королём нашим.

Но он отвечал:

– Я недостоин этого, ибо отрёкся от родной матери. И не будет мне покоя, пока не получу её прощение. Поэтому отпустите меня.

И вдруг в толпе он увидел свою мать рядом с прокажённым. Крик радости сорвался с его губ, и он бросился к ней. И на коленях стал целовать её израненные ноги, омывая их слезами. Склонив голову до земли и рыдая так, что сердце разрывалось, он говорил ей:

– Мама, я отказался от тебя в гордыне. Прими же меня в смирении. Я встретил тебя ненавистью. Встреть же меня любовью. Я отверг тебя. Прими же своё дитя. Но мать ничего ему не ответила.

И он обнял ноги прокажённого с мольбой:

– Трижды я был милосерден к тебе. Упроси мою мать поговорить со мной. Но прокажённый не проронил ни слова.

Тогда он снова зарыдал и сказал:

– Мама, мои страдания выше моих сил. Прости меня, и я уйду в лес. И мать возложила руки ему на голову и произнесла:

– Поднимись.

И прокажённый возложил руки ему на голову и произнёс:

– Поднимись.

Он поднялся и взглянул на них. Ах! Это были Король и Королева.

И Королева сказала:

– Это твой отец, которому ты помог.

А Король сказал:

– Это твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

Они обнимали и целовали его. Во дворце его переодели в королевское одеяние, возложили корону на голову и вложили скипетр в руку. И он стал Правителем города над рекой. Он был справедлив и милосерден. Злого Чародея изгнал, Дровосека с женой наградил щедрыми дарами, а детей их сделал знатными дворянами. Он запретил жестокое отношение к зверям и птицам, учил добру, любви и состраданию. Бедным дал хлеб и одежду. И вокруг воцарились мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Столь велики были его страдания, и такое страшное горнило испытаний довелось ему пройти, что через три года он умер. А следующий правитель был ничтожеством.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

КАМИЛУ ФЕРРЕЙРА БУТЕЛЬЮ КАШТЕЛУ БРАНКУ (1825 – 1890)

Камилу Каштелу Бранку был португальским писателем, романистом, автором хроник, литературным критиком, драматургом, историком, поэтом и переводчиком. Он был первым виконтом де Куррейя Бутелью – титул, дарованный королем Доном Луишем за его литературные заслуги. Он является одним из самых популярных, выдающихся и плодовитых писателей в португальской литературе, особенно в XIX веке.

Будущий писатель родился в Лиссабоне, его мать была из простого сословия, но отец принадлежал к аристократической семье. Мать умерла в 1827 году, отец его, который не состоял в браке с его матерью, усыновил его только в 1829 году, а в 1835 отец скончался. Мальчик рос в доме тети по отцовской линии, затем в доме старшей сестры в Лиссабоне, ему давали образование два провинциальных священника. Впечатление, оставшиеся от его сиротского детства и весьма непростой жизни в юности и в зрелые годы, сформировали у него реалистичный взгляд на жизнь как португальских аристократов, так и простого народа, легли в основу многих его произведений. Он был первым португальским писателем, жившим на свой литературный заработок.

В 1853 году, в возрасте всего 28 лет, он написал роман «Лиссабонские тайны» в четырех книгах (*Mistérios de Lisboa*). После этого им

было написано много романов, что принесло ему известность первого романиста XIX века. Известный португальский писатель, историк и поэт Алешандре Эркулану (1810–1877) приветствовал появление нового таланта в португальской прозе.

Камилу Каштелу Бранку был человеком бурных страстей. Но самой большой любовью его жизни была Ана Аугушта Виейра Пла́сиду (1831–1895, португальская писательница), чье замужество (1850 г.), к которому её принудил отец, было для него тяжёлым ударом и привело к психологическому кризису. Через шесть лет после замужества 19-летней девушки с 43-летним мужчиной, Ана вступает в связь с Камилу, за что по обвинению мужа обоих заключили в тюрьму и судили. В 1861 году писатель и его возлюбленная соединяют свои судьбы, но в официальный брак вступают много лет спустя. Совместная их жизнь, уже обеспеченная, благодаря наследству от отца, которое получил сын Аны, а она им распоряжалась, позволила писателю полностью отдаться творчеству, в этот период была написана большая часть его произведений.

Тяжелая болезнь, приведшая к слепоте и параличу, заставила Камилу Каштелу Бранку покончить с жизнью в возрасте 65 лет.

На русский язык, насколько мне известно, ни один роман Камилу Каштелу Бранку ещё не был переведён.

Некоторые литературные критики находят общее в судьбе и в творчестве Каштелу Бранку и Оноре де Бальзака. Но, думается, русский читатель почувствует с первых строк близость мировосприятия португальского писателя и русского писателя, также прошедшего в своей жизни через многие тяжелые испытания, – Ф. М. Достоевского. Тема преступления и наказания необычайно ярко и глубоко освещена в романе «Лиссабонские тайны». Сам факт написания такого романа 28-летним юношей поражает, настолько глубок психологический анализ душевного состояния героев, настолько оригинальны некоторые выводы писателя.

Сам роман написан в манере, способной завладеть вниманием читателя и не отпускать этого внимания до самой развязки, до конца четвёртой книги. Точно из волшебной шкатулки, или из матрёшки, из разворачивающейся истории возникают всё новые и новые тайны, загадки... и не все они становятся для нас ясными, даже по окончании чтения романа. Герои меняют имена и обличья – это увлекательный для читателя, хотя и трагический, окрашенный мистическим чувством, маскарад. Приключения, любовь, страдания, смерть – всё это прихотливо переплетено на страницах этой книги.

Думается, несмотря на то, что прошло два столетия, роман будет интересен и современному читателю, и не только как далёкое историческое прошлое не слишком хорошо знакомой русскому читателю страны,

но и как глубочайший анализ сути, скрытого смысла человеческих жизней, жизни человека – вне его национальности и принадлежности к тому или иному сословию. Возможность или невозможность изначальной добродетели, неизбежность искупления своих проступков и даже злодеяний собственным страданием, возможность или невозможность нравственного преображения – вечные идеи, над которыми задумываются люди на всей нашей, в общем-то, такой небольшой Земле.

Ирина Фещенко-Скворцова

ЛИССАБОНСКИЕ ТАЙНЫ

ГЛАВА XI

Отец Диниш посвятил всего себя утешению своей приёмной дочери. Их разговор почти всегда был о моём будущем. Никто, как он, не умел рисовать такие красивые перспективы. И я не знаю, откуда он брал вдохновение, которым полнились эти картины будущего! Моя мать слушала его чудесные мечты и верила ему так, будто он был пророком.

Нет, он не был пророком, но обладал высочайшим даром ангела утешения. Я, в своём беспросветном унынии, в котором нахожусь сегодня, в этой смертной оставленности, которая происходит из-за обманов жизни, следовал бы всюду за человеком, чей смелый язык, чьи странные видения, могли бы захватить полностью моё внимание, поскольку дух не может не пленяться мгновенной иллюзией. Я хотел бы встретиться с этим человеком, прожить несколько лет прекрасными химерами его грёз, выбросить себя из этого земного шара, где я так устал от преследующей меня череды несчастий, и до конца убедить себя в том, что единственная хорошая вещь в этом мире – фантазия.

Отец Диниш был человеком высочайшего ума, потому что своё творческое воображение он получил с небес. Однажды, сидя днём в тени буков во дворе он, моя мать и я погрузились в глубокое молчание. Отец Диниш давно восхищался красотами горизонта, где солнце, словно вулканическая лава, казалось, выплёскивало языки пламени на поверхность вод.

Я, привлечённый экстатической медитацией падре, пытался понять тайны, которые он видит в величии Солнца, ныряющего в волнах.

Моя мать не смотрела ни на небо, ни на землю: её видения были там, в глубине её духа, куда не могут проникнуть наши глаза. Сложив руки и склонив над ними голову, моя мать могла бы плакать тайно, если бы одна слеза, которая добежала до её губ, не сказала нам, что великая тяжесть несчастья мешает ей поднять глаза, чтобы полюбоваться вели-

чественными картинами божьего творения.

И это так; потому что несчастье всегда нестерпимее для меня, когда я вижу вокруг себя прекрасную природу, безмятежную, как покой, улыбающуюся, как радость, благоухающую, как сад, возделываемый ангелами, и чувствую в своём интимном мире, и вижу в моей панораме душевных страданий безутешность прошлого, тьму настоящего и ужас будущего. Я не знаю, почему для меня оскорбительна, тяжела радость, которую вижу здесь, в чистой красоте природы, почему я чувствую себя тогда обиженным, лишним, чужим здесь, как чёрная черта, как существо, не заслуживающее счастья!

И, может быть, моя мать именно об этом и думала в то время, когда мы смотрели на небо, а она плакала. Быть может, та мужественная душа сходила тогда в бездну страданий, которые должны были бы быть проклятием только сильных, железных людей, не имевших права вопить в припадках отчаяния: «Помилуй меня, Боже, ведь я – сын Твой!».

Ибо этот вопль, если он не услышан на небе, является предвестником богохульства, которое должно быть услышано в аду. Потому что те слёзы существа, которое в этом мире страдает, в этом мире, куда его поместила и бросила невидимая сила... эти слёзы, падая на бесплодную землю, стирают с этой земли следы Промысла.

Итак, мы пребывали в этом состоянии духа, когда отец Диниш, опустив свой взгляд, прежде устремлённый в небеса, и посмотрев на полузакрытое лицо моей матери, сказал так:

– Этот час требует памяти; и память есть самое приятное в жизни несчастных.

– Как верно! – воскликнула мать, вдруг подняв голову и вздохнув с облегчением.

– Итак, вспомним, – продолжил падре со скрещёнными на груди руками, – будет пятнадцать лет... так было одним спокойным летним утром... и я помню голубое небо в печальном закате, похожем на этот, который нас заставляет задумываться, чувствовать и страдать.

Я видел спускавшегося по этой лестнице человека, который меня не знал... и я видел его мельком в «большом свете». Я прошёл половину дороги, чтобы принять его и поприветствовать. Он сказал мне, что, зная, что я один в этом саду, он хотел прийти, потому что должен был говорить со мной о нерушимо тайных вещах.

Я предложил ему сесть на скамью, где теперь сидит графиня; и я сидел на этой самой скамье. Я должен уступить желанию и попытаться свести воедино черты лица и фигуры этого человека, если память меня не подводит.

Он не был высок, был удивительно худым. Глаза у него были большие и чёрные, и в этих глазах блестел беспокойный свет, в кото-

ром обнаруживалось великое волнение духа. И не только в глазах я увидел эту изменчивость, движение жизни, красноречивость. В этом сочетании черт можно сказать, что рот был органом, который говорил меньше всего. Замечательный контраст являло лицо этого человека: одновременно строгое, сосредоточенное и очень печальное. Бледное и тревожное лицо представляло бы собой неподвижность трупа, если бы кипучая энергия глаз не излучала так ярко отблески жизни.

Он был одет в чёрное, как бы в строгом трауре; и в платье его был беспорядок, хотя сразу становилось ясно, что это презрение к своему внешнему виду, а не дурной вкус привело к беспорядкам в одежде, вплоть до асимметрично застёгнутого пальто.

Ну вот, я не смог забыть этого ничтожного обстоятельства, о котором я упоминаю, потому что мне было очень любопытно наблюдать, как одеваются некоторые мужчины, которые хотят выделиться в обществе во что бы то ни стало.

Я всегда считал, что первый признак банального и искренне глупого человека – это тщательность, с которой он поправляет воротник своего сюртука так, чтобы он ни на йоту не отличался от замысла портного. В этом есть что-то пустое, ничтожное, когда придаётся такое значение симметрии отворотов воротника и крыльев банта-бабочки или галстука.

Мать слегка улыбнулась, немного снисходительно; и я также не мог по достоинству оценить эту иронию моего учителя. Он продолжил:

– И поэтому, если бы вы спросили меня, какое суждение я сделал о моем госте, прежде чем я услышал его речь, я бы сказал наперёд, как пророк, то, в чём я в дальнейшем убедился, благодаря своей системе суждения о монахе по его привычкам и манерам.

После первых приветствий джентльмен сказал мне, кто он такой. Графиня уже догадалась. Этому мальчику не обязательно знать его имя: представьте себе, что слушаете легенду, в которой имя героя – наименее любопытное слово в сюжете.

Я увидел, что мать удвоила внимание, а священник продолжал:

– Назвав своё имя… бесполезное для меня… джентльмен несколько мгновений молчал, проводя пальцами по волосам, которые небрежно закинул за уши. Он попросил стакан воды, попросил разрешения закурить и отдохнуть несколько минут, прежде чем объявить причину, по которой он пришёл меня искать.

– Я должен показаться вам необыкновенным человеком, – сказал он.

– Пока, – отвечал я, – я вижу в вашем превосходительстве просто человека, не более и не менее.

– Очень несчастного, – добавил он, взяв свой стакан воды и сказав

слуге, чтобы тот его оставил одного.

После минуты отдыха господин слабым голосом, но привлекательного, несколько меланхолического тембра, объяснил свой приезд следующим образом:

– Прежде чем говорить, я бы мог вызвать сострадание вашей милости к моей ситуации, если бы я умел плакать. Я не могу... и никогда не буду. Если бы, по крайней мере, я смог хорошо обрисовать своё положение и положение несчастной девушки, которую я не могу спасти даже ценой своей крови... я пробудил бы в вас жалость, милосердие, как могли бы сделать слёзы.

– Говорите без колебаний. Представьте себе, что вы говорите с человеком, готовым служить вам, как будто дружба наша длилась бы много лет, как будто ваше превосходительство пришло просить у своего любимого брата великой жертвы.

Эти слова заметно оживили его, придав выражению его лица твёрдость доверия и близости к собеседнику.

– Я не искал, – сказал он, – кто представил бы меня вашей милости. Нет непреодолимых трудностей для страдающего человека, если он не стыдится своего страдания. Я пришёл один и не жалею, что сделал это, потому что читаю терпимость на добром лице вашей милости.

Я – второй сын, и поэтому я бедный человек. Закон человеческих капризов лишил меня, ещё ребёнком, некоторых склонностей, которые бедный человек, второй сын в семье, едва ли может в себе подавить, когда он зрел духом и силён волей. А так как сын бедняка, не получивший первородства по случайности, по закону беден, то, кажется, закон, в качестве компенсации, должен бы был позаботиться о судьбе этого, практически незаконнорождённого, хотя и рождённого в законном браке. И лучше было бы, если бы по закону второго сына человека, достатка которого не хватало бы на содержание детей, пришедших после наследника майората, забирали бы прямо из рук акушерки в какой-нибудь приют. Тогда ребенок вырастал бы невежественным и никому не известным. Достигнув возраста, когда можно пасти свиней, шить обувь или мыть полы, второй сын был бы сапожником, слугой, уличным мальчишкой и мог бы с радостью удовлетворять свои потребности. Тогда закон был бы великодушен к старшему и милосерден ко второму сыну.

– Ваша милость, простите мне эти отступления, значение которых понимаю только я, ибо не могу избежать отражения в моей судьбе этого легкомыслия, ведь моё положение второго сына было брошено мне в лицо, как аргумент в пользу того, что я не могу даже мечтать о благородных побуждениях первого сына. Было уже поздно, когда мне это сказали, отец Диниш. Я ушёл из колледжа в четырнадцать лет. Восемь лет любви, известности, не шумной, но такой, каждый день которой по-

глощает год существования... такой любовью было моё детство, моя юность, такой будет моя старость... Ваша милость ясно видит, что у меня вид человека, который тащится еле-еле невдалеке от гробницы, как расплющенные черви: их нельзя найти на открытом воздухе, которым дышат живые, пищу и отдых они получают среди трупов.

– В возрасте четырнадцати лет я встретил одну из тех судьбоносных женщин, что своим первым взглядом любви приносят полное счастье или страшное несчастье мужчине. Она была ребёнком, как я, второй дочерью, как я, и была обречена, как и я, на несчастье. Наша любовь сначала была сном, без всяких потрясений, нежным опьянением сердца, без бреда чувств, очень горячим желанием счастья, без расчёта. Потом была робость, румянец без причины, когда мы опускали глаза в присутствии друг друга. Была, под конец, борьба сердца с головой, невинности с расчётом, святости привязанностей с дьяволом социальных удобств. Это сюжет моей трагедии, отец Диниш. Я умалчиваю лишь о том, что не может быть высказано, да и ваша милость не смогла бы меня понять. Безмятежность вашего лица убеждает меня, что я – иностранец, говорящий с вами на языке, непонятном священнику, наливающему мёд религии в чашу страдания, вкуса которого он никогда не пробовал.

– Я понимаю вас, сеньор.

Это были мои единственные слова, и он продолжил:

– По прошествии шести лет эта любовь, задушенная рукой нищеты... нищеты... Не кажется ли вам это слово весьма унизительным, весьма неблагородным, отец Диниш?

– Ни постыдным, ни унизительным... Я нахожу это преувеличением... Может быть, лучше сказать: силой обстоятельств...

– Самое подходящее слово, сеньор, это – нищета. Женщина, которую я любил, была дочерью маркиза де Монтезелуша, а я был сыном графа де Алвасойша. Однако ваша милость хочет убедиться в бедности этих двух детей из двух первых семей Португалии? Надеюсь, я смогу вас убедить. По прошествии шести лет я на коленях просил руки этой женщины. Я просил её позволить мне искать у неё защиты, иначе я один не смогу избегнуть преждевременной смерти. Она со слезами ответила, что уже дала клятву Богу принадлежать мне душой и телом, в жизни и в смерти. Она говорила так, как никогда, о высокомерии общества, осудившего её привязанность к мужчине моего положения. На следующий день я попросил маркиза де Монтезелуша выслушать меня. Он ответил мне так, что его слова огнём запечатлелись в моем сердце: «Чтобы избавить вас от смущения, прошу вас не говорить о моей дочери. Я отдам свою дочь только человеку, настолько же благородного рождения, как и она. Ваша милость соответствует этому условию; но будущий муж моей

дочери, помимо того, что он благороден, должен быть достаточно богат, чтобы она жила в довольстве, к которому привыкла в детстве. Моя дочь бедна, ваша милость тоже; и ни я, ни граф де Алвасойш не должны допускать, чтобы положение в обществе наших вторых детей позорило первых.

– Не знаю, лепетал ли я что-то, задевшее чувства маркиза, однако он повернулся ко мне спиной, попросив меня как можно дольше не бывать в его доме, чтобы мы оба избежали неприятности полного отказа от дома.

– Я был пристыжен и раздосадован: мне стало стыдно за себя, и я почти убедил себя в напрасной дерзости моего поступка... ведь отец моей любимой женщины только что напомнил мне, что я – бедняк и презренный, как злодей! Гордость для бедняка – ужасное чувство. У богатых оно взрастает в пышности, ослепляющей его врагов. У бедняка же – дышит глухой местью или мало-помалу пожирает его.

– Я подумал о мести, не скажу, что простолюдина, потому что дворяне мстят не с большим рыцарством, а человека, удовлетворяющего низменные инстинкты своей души при виде румянца стыда на лице отца, который первым его оскорбил. Эта борьба гордости с бесчестьем длилась недолго. Гордость победила, но гордость, со своей порядочностью и добродетелью, была моим единственным достоянием.

– Я много плакал, отец Диниш, и по себе, и по ней. Бедняжка считала часы, а я не мог утешить её ложной надеждой, одной из тех тысяч, которые выдумывает мужчина, когда хочет утешить женщину....

– Я был болезненным с детства, не раз в течение моей школьной жизни я был опасно болен. Никто бы не мог сказать, какой будет моя смерть; но я бы смог, ведь я чувствовал её приближение сейчас. Умереть от горя в десять или двенадцать лет звучит как фантазия автора романов, но это правда, ведь я не мог бы назвать никакой другой причины своих болезней. Истощение, быстрое и без видимых причин, которое у меня бывало в детстве, было прелюдией к этой смерти. Теперь оно было ускорено этим ударом от отца моей любимой, чувствую, что оно меня убивает. Но у меня не было к нему ненависти, и сердце не просило крови того, кто заставил меня проливать горькие слёзы безысходности... Надежда... Была у меня одна, но это была попытка обмануть себя... Америка... где много золота, где завоевываются высокие посты в Европе, где торгуют людьми, а потом отправляются получать свидетельство честного человека в Португалии. Побег от отца... чтобы не было ни грубой и низкой работы, которая вызывала бы у меня отвращение, ни угрызений совести, которые мешали бы мне любыми путями завоевывать себе богатство. Раз общество отняло у меня вотчину своим сословным законом, мне надо было завладеть собственностью с помощью

хитроумного оружия бесчестия. Я знал, что это уничтожит во мне благородный дух. Меня разъедала язва честолюбия, и я понял тогда многих безнравственных людей, причина преступлений которых мне прежде не была известна. Я видел, что очень немногого достаточно, чтобы демонализовать даже добродетельного человека. Образ этой невинной девушки сиял во тьме моих поисков выхода. Я, казалось, слышал, как она ругает меня за борьбу с честолюбивой перспективой, на которую была возложена моя надежда. Память о моей прошлой независимости и равнодушии, с которым я смотрел на великолепие богачей, послужили мне мерилом для оценки богатства добродетелей, утраченных моей душой.

– Через три месяца после того, как меня вежливо выгнали из дома маркиза де Монтезелуша, я должен был уехать. Меня не сильно беспокоила сама организация отъезда, да я и не мог всерьёз готовиться к нему, не обнаружив при этом своих планов. До дня, предшествующего дню моего отъезда, я не искал никаких известий о моей несчастной возлюбленной. Большую часть времени я проводил на ферме своего брата, в семи лье от Лиссабона. Когда я искал это убежище, я хотел умереть в том же доме, где я впервые увидел Анжелу, где родилась эта несчастная любовь, прекрасная и солнечная. И кроме того, с детства у меня было предчувствие, когда я молился на коленях перед могилой моих бабушки и дедушки, которая находится в часовне этого дома. Предчувствие подсказывало мне, что очень скоро я лягу на кости тех, кто прожил этот мир счастливее, чем я. Когда во время болезни я чувствовал себя в опасности, я просил взять меня в тот дом, где выздоравливал, по-настоящему сожалея о том, что не умер. Именно оттуда я написал несколько строк дочери маркиза де Монтезелуша. Мой собственный брат, который не знал о моих намерениях, доставил записку. Я написал очень мало, просил её о мужестве и надежде, просил сострадания и верности. Просил о сохранении тайны, просил понять необходимость моего отъезда.

– Мой брат привез ответ. Он был тоже очень простым.

– Она соглашалась на мой отъезд, но его условием должно было стать её самоубийство. Когда я прочёл это, я был так потрясён, что кинулся в объятия моего брата, который попросил сохранять написанное в тайне. Я спросил, видел ли он её. Он ответил утвердительно и добавил, что она была в таком состоянии, что вряд ли сможет так жить.

Все мои амбиции и планы умерли в этот момент. Благородство сердечной боли победило умственные эгоистические расчёты. Мне сразу пришло в голову, что мой план был преступным, а молчание моей несчастной подруги в течение трёх месяцев было вынужденным, по приказу её отца. Я сравнил наши с ней ситуации. И мне стало стыдно за себя. Она умирала от немой тоски, угнетаемая отцом, я же покидал её,

надеясь развеяться от моей несчастной любви в поисках золота. Почувствовал, что должен молить её на коленях о прощении. Я хотел убедительно объяснить ей благородные побуждения, заставлявшие меня покинуть свою страну, чтобы впоследствии исполнить святые надежды моей любви. Но поймет ли она мои доводы? Не будет ли странным для неё язык человека, который замораживает своё сердце ради любви к деньгам, чтобы затем предложить эти деньги ей? И даже если бы она меня поняла, не было бы для нее унизительным то золото, которое я собирался нажить, чтобы потом за него купить её, словно на позорном аукционе? Эти вопросы, которые я задал своей совести, если бы я задал их любому из моих друзей, кто каждый день произносит эпитафию добродетели, умершей на земле, они рассмешили бы их. «Какое дело женщине, каким способом вы приобрели трон, на который её посадили?» – говорит грязная философия, стремящаяся низвести человечество до самой мелкой трясины сластолюбия. Я думаю, это имеет большое значение, если женщина, будучи покидаемой достойным её мужчиной, который стремится обрести положение, а для этого создать себе состояние, соглашается на уход мужчины и мужественно ставит условием своё самоубийство. Она трону предпочитает могилу.

– И она могла бы выполнить это условие? – спросил я.

– Я не уверен, вы сами знаете, что я не смогу вам ответить.

– Эта девушка получила религиозное воспитание?

– Я думаю, что да: её мать держалась твёрдо до самого конца своей мученической жизни, стоя на коленях у подножия креста. Вы задали этот вопрос, так как не можете совместить религию с самоубийством?

– Это правда. Мне так же трудно сочетать крайний пароксизм горя с религиозной покорностью.

– Очень мучительно терять надежду, которую сам Творец поселил в сердце. Чистому влечению препятствуют; самые невинные наклонности духа наказываются рукой общества, которое душит их; человек бывает ввергнут в пучину несчастья, не будучи преступником. Желает ли ваша милость, чтобы дух, столь теснимый, гонимый в своих благородных устремлениях, мог подняться к Богу и примириться со страданиями?

– Я бы хотел посоветовать, сеньор, чтобы несчастные искали в Боге утешения, которого не смогли найти у людей.

– Не будем дискутировать по этому вопросу, отец Диниш, он выходит далеко за рамки нашей темы. Простите меня, ваша милость, я избегаю религиозных споров, потому что я очень несчастен. Если бы я был счастлив, может быть, я бы и не избегал их... Я был бы даже сторонником убеждений, потому что нет ничего прекраснее благодарности, и я хотел бы, чтобы меня признал высший дух, защитник моего счастья.

Итак, убежденный, что зло всё от земли и Бог не может быть

злым, я не знаю, как просить у Бога утешения за то зло, которое делают мне люди… может быть, это была бы богохульная молитва...

– Теперь я уважаю ваше страдание, – ответил я, – но я не смог бы уважать ваше мнение, если бы вы были спокойнее духом.

Сеньор продолжил:

– Я немедленно написал Анжеле, отдал письмо брату, прося его не заставлять меня делать его своим доверенным лицом в отношениях с этой девушкой. Я заверил невинную бедняжку, что не сделаю ни шага против её воли.

Эти слова были росой небесной для маленького цветочка. Анжела подвергалась давлению со стороны отца, который знал о страданиях своей дочери, но считал их мимолетной лихорадкой; он ждал кризиса, который должен был избавить её от этой неподходящей любви.

Мой брат без моего разрешения заметил маркизу, что было бы не разумно разорвать невинные узы, которые с такой силой связали детство и юность, проведённые рядом. Он изобразил мое состояние, не менее опасное, чем состояние его дочери, и умолял его позволить нам встретиться. Маркиз не принял доводов моего брата и даже затронул его гордость, упрекая, что граф де Алвасойш играет печальную роль, взяв на себя поручение, которое вовсе не делает ему чести... Но в итоге я получил письма Анжелы.

Анжела, возрождённая надеждой, казалось, оправдала предположения отца. Он полагал, что его разочарованная в своих ожиданиях дочь забудет о своей любви; и, забытая возлюбленным, пойдёт навстречу его тщеславным расчетам.

И действительно, радость Анжелы нельзя было объяснить иначе. Получивший свободу бедный ребёнок не подозревал об опасностях, которые надо преодолеть, если любовь потребует от неё жертв. Известно, что есть женщины, считающие любовь договором, в котором телу назначена бесконечно более высокая цена, чем душе; и есть другие, которые из-за духовности своих привязанностей, не знают, что полёты души должны быть подавлены законами приличия, которые целиком касаются материи и не имеют ничего общего с духом. Анжела без моих просьб впустила меня в свой дом. С того момента, как я смог наедине с ней вытереть её слезы, сдерживаемые четыре месяца, я назвал её своей сестрой. Я рассказал ей о своих прошлых проектах богатства и фантазировал о прекрасном будущем, купленном за золото. Она не могла простить мне таких идей, какими бы яркими и радостными я ни пытался их представить. Она говорила мне, как чудесно мы могли бы жить в пустыне, даже если бы у нас не было ничего, кроме нашей любви. Она летела мечтой через те детские миры, куда я уже не мог её сопровождать, на опыте зная важность денег в человеческой жизни.

Что делало меня вдвойне счастливым с ней, так это надежда, что однажды я достигну положения в Португалии, настоящей знатности и почёта, вместо нынешней мнимой знатности. Второй сын графа де Алвасойша стоил меньше, чем сын бакалейщика, который входит в дом дворянина, даёт ему дочь и строит дворец, где завтра прикажет выгравировать свой герб, если ему захочется подобного безумия.

Четыре месяца по ночам я навещал Анжелу, не вызывая подозрений. Этот роман невыразимого счастья после многих мучений не был нарушен, пока братское поведение освящало наши чистые беседы. Ангел невинности покинул нас, когда властный голос страсти заговорил громче робкого бормотания того безмятежного стремления к небу, которого земля не даёт двум душам, просящим о нём в идеальном начале любви.

Ангел невинности покинул нас; и я знал тогда, что зло всегда наказывается своими последствиями, как бы поздно они ни пришли.

В одну из таких ночей, в два часа, я ждал, спрятавшись за стеной заднего двора Анжелы, знака, который по неизменному обычаю всегда побуждал меня без страха подниматься наверх. Этот сигнал всё не появлялся. Я задержался на несколько минут, размышляя о том, что могло произойти, не сводя глаз с той точки, где я каждую минуту ожидал увидеть фигуру Анжелы. Вдруг я увидел, как в другом месте над стеной медленно поднималась голова. Я вздрогнул, увидел рядом с ней ещё две фигуры: я хотел спрятаться – было поздно. Я услышал звук выстрела. Вспышка ослепила меня, а густое облако порохового дыма заставило меня почувствовать смятение.

Сначала я почувствовал лёгкую боль, которая постепенно усиливалась: в правой руке и в плече. Я понял, что ранен. Машинально сделал несколько шагов, потом меня окружил полицейский патруль. Они спросили, что была за стрельба в этом тупиковом переулке. Я что-то бормотал, и меня арестовали как подозреваемого.

Отвели в караульное помещение, меня допрашивали, но я больше не мог отвечать: потерял много крови, почувствовал, как моё лицо заливает холодный пот, и лишился сознания.

Этот обморок был кратковременным. Начальник караула был человек мягкий и, между прочим, сын бригадира, часто бывавшего в нашем доме. Мне не нужно было объяснять ему своё приключение: он знал деликатность события и проводил меня к аптекарю, чтобы я вылечился. Рана на руке легко зажила; но рана от пули, пробившей мне плечо и повредившей грудь, оказалась серьёзной.

Моим первым побуждением, когда я вернулся домой, было преклонить колени перед отцом и братьями, умоляя их оставить это событие в тайне. Я, со своей стороны, не сказал ни одного слова, ни о месте, где

я был ранен, ни о причине, по которой это случилось.

В первые дни ни один врач не гарантировал, что я выживу. У меня хватило смелости спросить, были ли эти раны смертельными, и моя семья ответила слезами. Тайна этого события должна была умереть вместе со мной. Я сопротивлялся нежным расспросам моего отца и даже отказывал моему брату в правде, о которой ему было бы нетрудно догадаться. Оба по просьбе доктора не беспокоили меня своими расспросами. Но я перенёс самые ужасные страдания. Это не были физические боли или страх смерти. Судьба Анжелы была тем секретом, который разрывал моё сердце. Мне было трудно сдержать это имя на устах: мне нужно было произносить его с воплем отчаяния, как мольбу умирающего, просящего о капле воды, как крик о помощи Провидению, когда нет человеческих сил, чтобы спасти несчастного человека от пропасти, в которую он скатывается. Я подозвал брата к постели, попросил у него сострадания, которого требует умирающий, рассказал ему обо всём, что произошло. Я остановил воспылавший в нём гнев, умоляя его о благоразумии, чтобы спасти несчастную женщину, если ещё есть время. Я открыл ему всё своё сердце: я рыдал, исповедуя свои грехи, которые нельзя было оправдать самой сильной страстью... Он выслушал меня со снисхождением и оживил меня словами, полными искренней братской любви. Я попросил его разузнать об Анжеле и взять её под свою защиту, если это будет необходимо.

Мой брат сообщил мне, что через два дня после моего ранения он, уже подозревавший истину, отправился в дом маркиза де Монтезелуша. Беспрепятственно прошёл в комнату маркиза, где нашёл его прислонившимся к скамье, на которой лежала пара пистолетов. Маркиз побледнел, когда мой брат вошёл, и встретил его холодно. Он добавил, что рассказал маркизу о выстрелах, но тот не проявил особого любопытства. И из всего этого брат заключил, что я был ранен в доме маркиза.

– А Анжела? – спросил я.

Брат ответил, что её не видел и не спрашивал о ней её отца. Уходя, он спросил у привратника, не была ли девушка в гостях; он ответил утвердительно: да. Она два дня назад ушла в гости и пока ещё не возвращалась. Мои расспросы больше ни к чему не привели.

Так я узнал, что Анжелы нет дома. Я чувствовал, что горю в лихорадке.

Диалог с братом был прерван письмом, адресованным графу де Алвасойшу. Печать была гербом маркиза де Монтезелуша. Моего отца не было дома; и мой брат, который тоже носил этот титул, понял, что письмо было адресовано его отцу, а не ему.

– Но, – подумал он, – может быть, в этом письме вся эта история...

– Отец не должен этого видеть... – перебил я, взволнованный.

– Но, – возразил брат, – открывать непочтительно...

– Я знаю; но я никогда не проявлял неуважения к отцу: это будет первый и последний раз. Я скажу, что это был я, когда узнал, что маркиз написал ему...

И я судорожно потянулся за письмом; открыл его, хотел прочитать, но не мог, потому что вдруг глаза мои заволокло пеленой, которая как бы протянулась между мною и жизнью. Это письмо читал мой брат... Вот оно, здесь... Сделайте милость, послушайте его:

Сеньор граф.

Времена изменились, и понятия об оскорблениях ушли вместе с эпохой чести дворянина. Дедушка мой, если бы у него была дочь, и отец вашей милости явился в дом просить её руки против воли её отца, он бы приказал ему больше не переступать порога его дома; и, если бы ваш отец бесцеремонно настаивал на своём плане, он получил бы удар шпагой – из тех, что маркизы Монтезелуш опробовали на поле боя. Однако времена изменились. Предательство дворянина сегодня наказывается выстрелом, когда преданный не хочет поручить наказание своему лакею. И ещё: кнут не наказывает бесчестного человека: его нужно наказать орудием, которое причиняет ему боль. Я объяснил причину, по которой я приказал выстрелить в вашего сына, как стреляют в грабителя, который лезет в ваш сад.

Ваш сын оказался счастливее, чем мои стрелки. Не думайте, что если бы я убил его, то сделал бы это тайно. Нет, сеньор граф. Я намеревался перенести труп вашего сына в дом его отца на носилках; а в руки трупа хотел вложить эту историю, так как он не мог бы рассказать её мертвыми устами.

У меня есть дочь, на владение которой никто не имеет права без моего согласия. Ваш сын хотел плюнуть мне в лицо, доказав, что права отца не могут конкурировать с дерзостью любовника. Он был не прав, и если он выживет, он сможет максимально использовать урок, который я ему преподал.

Я также уверен, что моя дочь чиста от всех пороков, которыми могла запятнать её любовь вашего сына; а если бы я не был уверен, ни соблазнитель не убежал бы от меня, ни моя дочь не осталась бы в живых. В случае её бесчестия она в этот момент уже была бы одета в саван.

Первая моя цель достигнута этим письмом. Мне не нужно говорить вам, что у меня есть ещё одна, но необходима полная ясность, чтобы избежать катастрофических последствий. Не позволяйте никому из вашей семьи ступать на камни моего двора.

Маркиз де Монтезелуш

– Я мало что понял из этого оскорбительного письма, когда услышал его чтение впервые. Мой брат убрал половину слов и изменил значение некоторых из этих дерзких фраз, которые раскрывали стыд того, кто их писал. Всё мое усилие сводилось к просьбе, чтобы брат скрыл такое оскорбление от моего отца, отговаривая его под любым предлогом от визита в дом маркиза. Все эти меры предосторожности были дет-

скими. Маркиз де Монтезелуш упивался совершённым им подвигом и был глашатаем своей славы. Он рассказывал обо всем так, чтобы выглядеть в этой ситуации как можно лучше: объяснял, что внимательно следил за любовью своей дочери; а когда он узнал, что мне впервые назначили свидание на заднем дворе в два часа ночи, то он решил встретить меня выстрелами.

Маркиз сопровождал рассказ циничным хохотом и получал поздравления от своих друзей, которые позже превозносили его в разговоре с моими. И поэтому мой отец, когда он вошёл в дом, уже знал обо всех событиях в изложении маркиза.

Наедине со мной почтенный старик говорил об этом случае со всей деликатностью. Он спросил меня, не хочу ли я отомстить по закону за это покушение. Я ответил решительным отказом; и мой отец приветствовал меня объятиями. «Значит, ты хочешь, – сказал он, – отомстить по-мужски?»

Я замолчал: мне кажется, я почувствовал, как рука Анжелы коснулась моих губ и успокоила муки моего сердца.

– И Анжела? – спросил я, когда он ожидал ответа; но внезапно понял свою бестактность и опрометчивость. Молчание моего отца подтвердило эти опасения.

– Простите меня – произнёс я, – я забыл, что говорил с отцом... видел перед собой только друга...

Появление моего брата изменило то сложное положение, в которое, сам того не желая, поставил меня мой отец... Я боялся, что дело может повернуться таким образом, когда вмешательство отца всегда нелепо.

Мой брат вполголоса сказал мне, что отец знает всё, кроме содержания письма; я спросил его об Анжеле; он ответил мне одним словом: монастырь. Это единственное слово, отец Диниш, подействовало на меня, как удар молнии. Оно родило в моём сердце такую мучительную тоску, которая убила бы меня, если бы я не был уготован для больших испытаний.

– Но почему? – спросил я. – Мне кажется более естественным, если бы ваше превосходительство предпочло, чтобы эта девушка поступила в монастырь. Там она была бы лучше защищена от угнетения, имела бы больше свободы, хотя бы для того, чтобы плакать?

– Свобода плакать, сеньор падре Диниш, но плакать слезами позора, когда её выгонят из монастыря, где она находится, чтобы носить саван, который её отец обещал в письме...

– Эта девушка поступила как послушница или как светское лицо?

– Светское.

– Значит, существует горестная тайна между вашим превосходительством и этой девушкой...

– Горестная тайна, которая вскоре станет позором для нас обоих. Бог не хотел, чтобы я умер от пуль, чтобы увидеть меня наказанным последствиями моих страстей, которые так благородно начинались, а общество их так гнусно извратило.

– Что я могу сделать для вас, сеньор?

– Много… милосердие... милостыня… можете спасти её.

– Как? Не стесняйтесь... говорите с уверенностью, что вам помогут.

– Анжела находится в монастыре Назаре.[1]

– В Назаре?

– Там, где у вашей милости есть сестра. Она – ангел милосердия для моей дорогой Анжелы.

– Да, это правда, что же, мы спасём эту девушку.

Сияющая радость, с которой я сказал эти утешительные слова благородному юноше, бросила его в мои объятия в пылу его порыва. Слёзы сопровождали его слова благодарности! Я не дал ему опуститься на колени, но не мог удержать его от целования моих рук, при этом он лепетал слова, от которых я плакал:

– Анжела, несчастная, вырванная из бесчестья, тоже поцелует эту руку!

Вдруг моя мать, с безумным блеском в глазах, с растрепавшимися волосами, с пылающим на щеках румянцем лихорадки, встала со скамьи, на которой сидела, бросилась на колени перед священником, начала лихорадочно целовать ему руку, она обняла его за талию одной рукой, так как он хотел встать, и восторженно воскликнула сильным, хоть и трепещущим голосом:

– Да, да, несчастная Анжела, несчастная, вырванная из бесчестия, исполнила пророчество ангела, возвестившего эти поцелуи, прежде чем покинуть этот мир! И, обращаясь ко мне:

– Мой сын, и ты встань на колени, что ты услышал из уст своего спасителя, спасителя своей матери, твою историю, историю горьких событий, предшествовавших твоему вхождению в мир!

Я встал на колени, я как будто потерялся в странных видениях. Я слышал историю о двух людях, которые любили друг друга очень счастливой любовью. Я не понял некоторых слов священника, говорящих о бесчестии моей матери, о слезах её позора... Внезапно меня озарило понимание, и я понял остальную часть истории моей матери.

Священник, взволнованный и уставший, взял мою мать за руку и

[1] Такого монастыря нет в Лиссабоне. Название вымышленное. (Прим. автора).

повел её в свою комнату.

Мы шли по коридору, когда дона Антония вышла нам навстречу.

– Пора, – сказала она, – ночной воздух вреден и для здоровых, и уж тем более для больных... Что с тобой, доченька? Ты такая бледная!

И мать, очень нежно обняв её, пробормотала:

– Я пришла послушать историю Назаре...

– Для чего вы говорили об этих вещах? – возразила дона Антония.

– Для того чтобы мой сын научился целовать руки женщины, которая в Назаре была ангелом любви для его матери.

Дона Антония не позволяла мне выполнить желания моей матери и стремления моего собственного сердца. Она обнимала меня, плача, и заставляла всех улыбаться, потому что настаивала на своём желании взять меня на руки, а ведь я был почти с неё ростом.

Следующий отрывок рассказывает о предсмертной исповеди мужа Анжелы де Лима – графа де Санта Барбары. Граф повествует падре Диниш историю своей женитьбы на Анжеле.

ГЛАВА XV

Падре Диниш, ничего не сказав по поводу предмета этого необычайного разговора, закрыл за уходившими дверь спальни и почтительно подошёл к постели больного. Граф, не отрывая взгляда от своих рук, скрещённых им на груди в благоговейной позе, облизав языком пересохшие от лихорадки губы, заговорил так медленно, придавая каждому слову мрачный тон торжественной исповеди, сделанной перед смертью:

– Сеньор падре! Когда я прислушиваюсь к своей совести, то слышу обвинения, которые огорчают меня; но когда я советуюсь со своим сердцем, я прощаю свои грехи, то есть те, которые я совершил в обиде на графиню де Санта-Барбара.

Отец Диниш быстро прервал молчание графа:

– Лучше слушайте свою совесть, сеньор граф, потому что влюблённое сердце – плохой советчик, оно, подстрекая к преступлению, потом без колебаний его оправдывает.

– Но голова, сеньор, склоняется на сторону сердца... Мне нужно было отомстить... отомстить, да!... Над моей невинностью надругались ... сделали мою душу жертвой моего богатства... Если бы я был бедняком, не пришли бы эти мошенники отнять счастье всей моей жизни...

– Я не хорошо вас понимаю, сеньор граф... Так как ваше сиятельство оказывает мне честь тем, что хочет выслушать меня, разъясните, пожалуйста, ваши мысли так, чтобы я мог ответить...

– Да, конечно, но у меня мало... или нет вопросов, чтобы задать

вам... Не знаю, расскажу ли я вам что-то новое. Если нет, то выслушайте то, что вам известно, повторенное мной, будто сказанное в присутствии Божием... Вам придётся слушать с терпением, и я буду говорить с отвращением, но правдиво... Я был ребёнком, когда маркиз де Монтезелуш, вооружённый лицемерием и коварством, начал сбивать меня с толку, пользуясь моей неопытностью и безумствами юности, от которых не было вреда никому, кроме меня самого, оплачивающего эти безумства своими деньгами... Обманщик сожалел о моих потерях, и, по его словам, ему было больно видеть, что юноша из одного из самых знатных домов Португалии не находит ни в ком опоры на своём жизненном пути и совершает ошибки.

Сначала я слушал его с нетерпением; потом понемногу привязался к этому упорному преследователю, который позволял себе во всякое время входить в мой дом, отдавать приказы моим слугам, вмешиваться в мои дела и с отеческой любовью заботиться о моих интересах.

Его первой задачей было противодействовать тем, кто отвечал за мою опеку, убеждая меня, что это – шайка мошенников, которые процветали за счёт моего состояния, а мне отдавали остатки. Он убедил меня в этом, потому что они не давали мне того, о чём я просил, и если я показывал, что доход был больше, чем мои расходы, они отвечали мне, показывая вклады в будущее, которые я получу при окончании срока опеки. Эти будущие счета, объяснял мне хитрый маркиз, были придуманы, чтобы отсрочить их разоблачение за кражу и организовать баланс, который позволил бы им ещё и воспользоваться моими кредитами.

Эти продолжающиеся измышления маркиза убедили меня. Надо было воспрепятствовать этим кражам, и для этого, как сказал мой умелый советник, единственный выход – это моя женитьба.

Я ненавидел это слово, а чтобы мне самому жениться – такое даже не приходило мне в голову. Я достаточно рано имел возможность наблюдать чужие браки, к тому же хранил в памяти тяжёлые воспоминания о семье моих родителей. Итак, мне впервые навязывали как необходимую вещь вступление в брак, о котором я не хотел и думать.

Вначале я воспринял совет маркиза как банальную фразу, несмотря на всю серьёзность, с которой он был мне дан. Однако мой назойливый советчик упорствовал и добивался от меня ответа. Однажды, чтобы как-то закончить докучный разговор, я сказал ему, что лучший консультант по вопросам брака – это хорошая незамужняя женщина.

Маркиз улыбнулся с выражением большой радости, что заставило меня удивиться. Я не был таким простачком, чтобы не увидеть в этой улыбке радость от осуществления какого-то расчёта.

Я очень хорошо знал, что у маркиза есть дочь. Я вспомнил, как видел её два года назад, очень красивую, очень любезную, но очень пре-

данную второму сыну графа де Алвасойша. Я также вспомнил о нескольких выстрелах, которые глубокой ночью были сделаны в её возлюбленного, комментарии общества по поводу этого события и насильственное помещение доны Анжелы в монастырь по приказу её отца.

Все эти воспоминания, почти стёртые из-за того, что я больше никогда не видел дону Анжелу, были слишком серьёзными причинами, по которым дочь маркиза не заслуживала ухаживания, не говоря уже о безумии... брака! Её существование было для меня столь безразлично и столь лишено поэзии, что я за несколько месяцев знакомства с её отцом так и не удосужился расспросить его о ней; и если я иногда вспоминал, что у неразлучного со мной наставника была дочь, я думал, что не должен говорить с ним о ней, потому что этим могла бы быть задета его чувствительность.

Как бы я мог всерьёз подумать о том, чтобы быть избранным в мужья дочерью маркиза де Монтезелуша!..

Однажды я был на балу у графа Кулареша. Я пошёл туда, по правде говоря, с намерением повстречать там какую-нибудь женщину, интрижка с которой уравновешивала бы мою безудержную страсть к собакам и породистым лошадям. Мне казалось, что молодому человеку не обойтись без женщины, которая жила бы на просторной улице, где хороший арабский конь мог бы гарцевать, делать смертельно опасные скачки, что заставило бы его подругу восхищаться всадником. Вот, сеньор падре, как зародились эти сумасбродные желания юности. Тщеславие, желание напугать женщину и привести её в восторг, показывая умение удержаться в седле во время рискованных прыжков лошади. Печальное определение любви, хотя, возможно, и оригинальное... Пойдём дальше...

– Вас, наверное, утомляют усилия, которые вы прилагаете, чтобы говорить? – прервал священник.

– Наоборот, сеньор... мне лучше, когда я вспоминаю времена, когда я был менее несчастен... Как я вам говорил, я вошёл в бальные залы и жадно глядел на многих женщин. Как только я вошёл, маркиз уже был со мной. И после обычных банальностей приветствия он взял меня за руку и сказал, что хочет познакомить меня со своей дочерью.

Я пошёл, сам не знаю, добровольно или машинально. Дело в том, что, когда я пошёл, то увидел в конце ряда стульев красивую женщину, ослепительную фигуру, смесь богатства и красоты, которая меня поразила. Нужно было медленно идти сквозь толпу мужчин, и мне не терпелось приблизиться к этой женщине, очень радуясь предположению, что дочь маркиза была недалеко от неё.

Мое любопытство не оставило мне времени, чтобы узнать её вблизи.

– Кто эта женщина, сидящая на последнем стуле? – спросил я маркиза.

– Это моя дочь, – ответил он.

– Ваша дочь? – перебил я в идиотском изумлении.

– Да сэр; разве вы никогда не видели её?

– Кажется, нет, по крайней мере, никогда не видел её такими глазами, как сегодня...

Маркиз снова улыбнулся мне с радостью, как в прошлый раз, и вместе со мной раздвигал плотную толпу, пока мы не подошли к прекрасной королеве праздника.

Моё впечатление вблизи стало несколько реалистичнее, но не всё было иллюзией; женщина, увиденная вблизи, приобрела, благодаря своему сердцу, то, что потеряла при ближайшем рассмотрении. Она была женщиной, которой можно было любоваться, больше того – она была женщиной, созданной для любви... Как я смог в один миг охватить все эти идеи?.. У любви есть эти просветлённые интуиции, которые могут заставить замолчать самую неистовую страсть к собакам и лошадям.

Итак, это случилось со мной! Анжела приняла меня холодно, но без надменности. Показалась мне печальной. Её лицу не хватало свежести счастливой невинности. Меня это не испугало. Мужчина, которого так любила эта женщина, умер, и кто знает, любит ли она ещё память о нём.

Я говорил с ней общими местами, а она отвечала односложно. Я начал говорить о чувствах, она отвечала мне молчанием. И правда в том, что я был влюблен в неё. Я почувствовал энергию души, внезапный огонь, который возвысил меня над собой. Какое несчастье! Я даже завидовал тому образу, который, как мне казалось, жил в её душе, как тень мёртвого, я ревновал и к тени! Я заметил, как трудно ей было ответить мне. Анжела улыбалась, и я принял эту улыбку за насмешку, а, напротив, вероятно, она была верным выражением её несчастья...

Я был оглушён тем ледяным приёмом, который она мне оказала.

Отец, кажется, наблюдал за нами издалека. Как только я разлучился с дочерью, он вышел мне навстречу. Он подошёл ко мне, чтобы деликатно спросить меня о ценности его дочери, как я задаю вопросы специалистам о стоимости своих лошадей.

– Итак, – спросил он, – вас развлекали?

– Ваша дочь очень скупа на слова, – ответил я.

– Значит, она не разговаривала? – сердито спросил он.

– Она не была со мной слишком любезна, – закончил я, идя поприветствовать некоторых тётушек, которые махали мне рукой.

Я не мог, несмотря на своё самолюбие, отвести взгляд от Анжелы. Если бы она была очень красноречива, я, разумеется, полюбил бы её за

разум. Поскольку она ничего не говорила, я полюбил её за её молчание. Сердце влюблённого мужчины подобно вкусу бедняка: ему всё нравится.

Я видел, что маркиз бросился прямо к своей дочери; он немного наклонился к её уху и сказал ей что-то, от чего она опустила глаза в пол, и как только отец отвернулся, Анжела приложила платок к глазам, вытирая слёзы.

Меня это впечатлило. Что бы он мог ей сказать? Маркиз снова вернулся ко мне, перенеся тему разговора на свою дочь. И мне это не надоедало. Он сказал, что у Анжелы бывают кратковременные недомогания, что он не знает, романтика это или меланхолия; но главная его догадка, что дочь жаждала любви столь же чистой и святой, как и её душа. Лучшего посредника для жаждущих сердец не найти!.. Но правда в том, что эта информация из такого надёжного канала будоражила моё самолюбие. Маркиз был опытен, как все прожившие жизнь мужчины. Природа компенсировала ему в злобе то, что недодала в рыцарстве. И поэтому он, одно за другим, угадывал каждое ощущение, которое его слова вызывали во мне. Он всегда говорил мне что-то о своей дочери!.. Нынче я развращён, сеньор падре, и думаю, что нет спасения этой заблудившейся в бездне мира душе; но я до сих пор не знаю, как объяснить бесстыдство маркиза, когда он мне посоветовал вернуться к его дочери, предположив, что я уже застану её в другом настроении. И всё тогда казалось таким хорошим, таким естественным!..

И по правде говоря, когда я застенчиво подошел к Анжеле, я нашёл её послушной и улыбающейся. Свободное кресло рядом с нею давало мне возможность беседы, о которой, в этот момент исповеди, говорю вам откровенно, сеньор падре, что именно это воспоминание во все времена удерживало мою руку, чтобы я не вонзил в неё кинжал... в грудь дочери маркиза де Монтезелуша...

Сидя рядом с ней, я, несмотря на свою развязность, чувствовал, что я с трудом понимаю, и мне не хватает красноречия, чувствовал себя дураком, подобным моим самым тупым арендаторам – фермерам. Пришёл час мужества, и я сказал ей, что люблю её до безумия. И я не солгал. Что я ей говорил, и что она мне ответила! Мне достаточно сказать вам, мой дорогой сеньор, что всё содержание нашей краткой беседы вылилось в решительное «нет» с её стороны, которое заставило разбиться о землю мою душу любви, чтобы возросла до ярости душа моей гордости...

– Я уже знал эту историю, – сказал священник.

– Вы уже знали эту историю? Она вам рассказала?

– Я знаю её, но не знаю, от неё или от кого-то другого, но знаю,

что это – один из прекраснейших цветов в мученическом венце графини. Такое признание, сделанное вашим сиятельством, лишает вас возможности оправдаться в своём дурном поведении с несчастной дочерью худшего из родителей...

– Я не думаю, что будет справедливо, – прервал его граф, – чтобы ваше преподобие обращалось в суд, не выслушав показаний подсудимого...

Больной не раз сопровождал иронической улыбкой определённые выражения, которые читатель должен был заметить. Таков был его характер, и было бы легче заставить улыбнуться статую, чем графа.

Священник восхищался этим несоответствием, но он объяснил его лучше, чем я могу объяснить. В своей «Чёрной книге» он сказал, что смех графа де Санта-Барбары был такой же естественной и спонтанной реакцией для этого человека, как слёзы – для других. И добавил, что и те, и другие не должны осуждаться за эти их реакции, ведь есть мужчины, и особенно женщины, у которых резервуар слёз всегда наготове, а машина смеха всегда стоит со смазанными колёсами. В этом образном выражении правдивость его возмещает недостаток красоты.

Граф, разгадавший, о чём думает священник и не желавший лицемерить, прервал его мысленные размышления таким полным оправданием двусмысленного смеха:

– Умоляю вас, пожалуйста, не истолкуйте неправильно эти мои шутливые выражения. Я всегда был таким, даже в самых тяжёлых несчастьях. Когда мне не с кем было поговорить, я набрасывал сюжеты весёлых рассказов, которые вполне могли бы обнаружить во мне человека со склонностью к шутовству. Но это не так, сеньор падре! Ради моего спасения говорю вам, что ужас моего нравственного положения в этом мире проник до самой глубины моей души... Довольно размышлений, вам не кажется?

– Не отказывайте себе в этих признаниях, сеньор граф... Жаль, что...

– Чего жаль?..

– Что ваше сиятельство не были удачливы! Насколько всё было бы иначе, если бы на бале у графа Кулареша вы были бы с другом, который сказал бы вам: «Посмотри, как ты унижаешь себя, гоняясь за женщиной, которая тебя отталкивает».

– У меня не было друга, у меня не было никого…по крайней мере, в ту ночь. Я не мог доверить свою тайну кому-то, мне было стыдно... Единственный, кому я мог открыть душу, был отец Анжелы... но и ему мне было трудно делать эти признания. Видимо, я уже очень любил эту женщину, раз стыдился сделать её отца своим наперсником!..

Если бы я не был таким ребенком, мне должно было не хватать

чести и достоинства! Меня отвергли так надменно, но я пытался себя убедить, что дона Анжела была дерзкой. Надувшись и обезумев, как школьник, дважды получивший пощёчину, я уже собирался уйти с бала, когда маркиз, зорко следя за моими шагами, вышел мне навстречу.

– Так что же? – он сказал. – Вы уходите?

– Я ухожу, – ответил я, – потому что я нездоров. Я не привычен к балам, не умею разговаривать с этими людьми: думаю, что я очень глуп или очень некрасив!.. Кажется, я не стою улитки, когда соскакиваю с моего чёрного коня на землю, где все остальные идут пешком!..

– Не сердись так, – сказал мой благородный друг и сеньор маркиз де Монтезелуш, сердечно прижимая меня к своей чувствительной груди. – Ты ещё очень молод, мой граф, и я хочу сделать тебя мужчиной насильно...

За этим горячим объятием и за обращением на «ты», сопровождавшим его, должны были последовать доверие и фамильярность, к которым я до того момента с трудом привыкал. С тех пор маркиз в свои сорок четыре года казался мне мальчишкой, мы называли друг друга на «ты», он рассказывал мне о своих юношеских проделках, прося сохранить всё в тайне, и из всех проделок, о которых он мне говорил, неизменно делал этот славный вывод:

– И все эти дела, которые я совершил, мой граф, – приключения во время моего брака... ты уже понял, что брак есть в известной мере договор политический, гражданский, хозяйственный и гигиенический до определённой точки. Пока мне нравилась моя жена, она мне нравилась; потом, увидев её много раз всегда с одним и тем же лицом, с той же талией, с теми же руками и ногами, которые прежде сводили меня с ума от восторга, я пожелал, чтобы у неё была большая рука, английская нога, неотёсанная физиономия и талия, шире плеч. Поскольку статуя не преображалась, я возненавидел её... я некрасиво выражаюсь... я возненавидел её не как красивую мебель в моих комнатах, а как супружеский нарост в моей жизни. Вот так, мой граф... женщина, на которой женишься, становится той, на которой, изо всех женщин, ты женишься меньше. Знаешь, почему я говорю это тебе, почему я рисую для тебя эти ностальгические гротески?

Я прекрасно знал это... Добродетельный маркиз читал мне лекции, чтобы ободрить мой дух, если бы мысль о женитьбе пугала меня своим пожизненным пленом.

Какой великодушный тесть! Он был готов довести меня за руку до алтаря со своей дочерью; но заранее, ввиду величия моей жертвы, он избавлял меня от рабства и освобождал ото всех атрибутов уважения к жене! Как же не будет нерушимой красота общества, поддерживаемая

такими людьми, как маркиз де Монтезелуш!..

Но вернемся к балу: так как маркиз очень уговаривал меня не досадовать, я ответил с глупейшей простотой, что его дочь меня не любит. Сегодня я стыжусь этой простоты!.. Я вижу, что мне ещё предстоит пройти многие стадии безнравственности, чтобы бежать в паре с моим покойным тестем!.. Вам не кажется?

– Бог видит сердца; и пусть Он позволит, чтобы было так! – ответил священник, чувствующий дурноту от услышанного рассказа, от низости, до которой может дойти человек, почитаемый в обществе за благородство крови!.. И влечёт ли за собой благородство крови – благородство духа!..

Священник продолжал:

– Конечно, маркиз снова пошёл звать свою дочь, не так ли?

– Нет, на этот раз я не согласился, потому что этот человек даже притворяться не умел; он отпустил мою руку, как сумасшедший из комедии, когда я сказал ему, что я не приду больше в его дом, если он скажет своей дочери обо мне и моих откровениях ему на балу хотя бы одно слово. Он вёл себя хорошо: я никогда не видел, чтобы он разговаривал с ней; но само молчание наказывало её и возвещало, быть может, отцовские ласки, которые он ей готовит дома... Бедная Анжела! Бог знает, что она перенесла... я думаю, очень многое!

Граф прервал свой рассказ на несколько минут. Последние слова были произнесены им невнятно, с дрожащей интонацией. Добрый дух просил у этого сердца слезу печали и шипа раскаяния. Слеза выдала себя, и граф, как бы устыдившись её, сомкнул веки; но шип не мог быть спрятан ... в этой тишине была печальная немота, так бывает, когда – словно чья-то рука душит слова в нашей гортани.

Прошли те пять минут молчания, быть может, единственные минуты в жизни, когда заговорили совесть и человеческое достоинство, какие были у графа до тридцати двух лет.

Отец Диниш, напуганный преображением больного, провёл рукой по его лбу, пощупал пульс и вздрогнул. Граф открыл глаза и посмотрел на него с какой-то кротостью, что произвело на священника сильное впечатление.

– Вам стало хуже?

– Я чувствую усталость... – ответил граф голосом, уже лишённым той энергии, которая у него была прежде.

– Так и должно быть, – сказал отец Диниш. – Мы оба забыли о состоянии вашего сиятельства... Должен был я помнить об этом; но, сеньор граф, мне так нужно было выслушать вас, чтобы разобраться в вашей несчастнейшей домашней жизни!..

– Да, несчастнейшей...

Граф продолжал, когда в дверь постучали. Врач уговаривал больного принять порцию лекарства; но он сделал мне знак не открывать: сам же он ответил, что дверь нельзя открыть, и продолжал:

– Позвольте мне, сеньор, поддаться ощущению, которого я никогда в жизни не испытывал... Это новое дело... Это печальное явление, – кто-то неизвестный, излучающий небесный свет, просвечивающий для меня из дали лет, так далеко, через всю эту долгую ночь в пятнадцать лет... Я всё ещё вижу её там, на балу!.. Как я вижу сегодня глазами духа ту женщину, которая сделала меня таким несчастным, а я сделал такой несчастной её!.. Как бы я был счастлив, если бы моё сердце было таким тогда!.. Анжела была так прекрасна, когда просила меня не любить её! О! Никто не видел, она была женщиной, которая вызывала столько сострадания!.. Женщины так любили её... они приходили столько раз, чтобы утешить её... они бормотали, я не знаю, какое страшное пророчество о её судьбе! Теперь, да, теперь я слышу и чувствую слова человека, которого мир называл поэтом... Этот человек, часто, видя меня с Анжелой, говорил мне о ней с таким уважением, с такой нежностью и со слезами на глазах!

– Граф, – говорил он мне, – взгляни хорошенько на эту женщину... она – полузасохший цветок, умоляющий сорвать с неё листья, потому что в осени слёз она не может не скучать по своей прекрасной весне! Ты не знаешь, что это такое... Она уходит из этого мира, раздираемая муками... В её душе была скиния любви... превратили её в чашу с желчью... Ты, граф, хочешь влить свою каплю желчи в сердце этой несчастной?! Оставь её, потому что память о первой любви... труп первого любимого питает это существование той пищей тоски, которую не может дать ему твоя безудержная страсть... Оставь её из жалости, не покупай её у её отца, ведь ты приобретёшь мёртвую рабыню...

Отец Диниш с сияющим воодушевлением в глазах прервал молчание, последовавшее за последними словами графа:

– Неужели этот человек, этот поэт никогда больше не говорил с вами тем же языком?

– Я никогда больше его не видел и не нашёл никого, кто рассказал бы мне о нём.

– Значит, он не был известен в обществе?

– Говорили, это была тайна… Я говорил с ним всего дважды. В первый раз я был рад услышать его так же, как был рад услышать, как поют птицы на иудиных деревьях в моих владениях! Какая у него была речь! Когда я встретил его во второй раз на моей земле в Алмаде на следующий день после бала, он рассказал мне об Анжеле... Я искал его позже... Больше я его никогда не видел... Это был мужчина сорока лет, у

него были чёрные усы и хрупкое сложение... Он говорил так, как я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил... Жалко было его потерять... Сегодня, более чем когда-либо, речь того человека должна бы быть гимном, под звуки которого засыпали бы мои несчастья.

– Это удивительно! Он явился вам как ангел спасения и покинул, вас, когда ваше сиятельство больше всего нуждалось в его совете!..

– Он бросил меня, когда увидел, что я отказываюсь от его заботы. Он появился как бы чудесным образом в лоне общества не знавшего его. Он не сказал, чей он сын, но его представил обществу маркиз из первых семей Лиссабона, может быть, единственный, кто знал его. Когда он внезапно пропал, многие люди расспрашивали об исчезновении Себаштьяу де Мелу, как его звали. Сведения о нём были неясными, кое-кто подозревал, что он был мошенником. Говорили также, что он был внебрачным сыном графа Визу, который жил в Минью и умер. О нём было сказано и многое другое. Одни не верили, считали, что рассказчики любили выдумывать таинственных незнакомцев; другие верили этим рассказам и даже отыскивали следы этого человека, но так и не смогли найти. Видимо, он умер.

– Должно быть, умер. Но что же всё-таки мог сказать вам Себаштьяу де Мелу такого, чего сегодня не может повторить ни один человек с сердцем, умом и честью?

– Всё, что мне говорили, приходит поздно. Я не послушал советов... Именно на краю пропасти я оценил друзей. Сегодня, сеньор, наибольшее, что могут мои друзья – посочувствовать мне. Жалость – я не благодарю за неё, я даже не знаю, зачем она нужна. Я никогда никому не рассказывал о тайных горестях моего дома. Я никогда не представлялся людям несчастным, чтобы вызвать интерес и сострадание у других. Разумеется, мир разгадал страшный секрет моего домашнего ада из-за одиночества, которому я предался, с тех пор как увидел себя связанным с доной Анжелой де Лима. Я никогда не выходил с ней на публику. Не мог бы выйти, не разоблачив себя. Есть виды позора, которые заставляют краснеть самые высокомерные лица перед саркастическим смехом общества.

Мне казалось, что мир, увидев меня мирно общающимся с этой женщиной... посмеётся над моей доверчивостью и наивностью и даст мне из жалости мягкий эпитет несчастного человека...

– И в результате, – прервал отец Диниш, – пятна на вашей гордыне требовали, чтобы вы смыли их слезами доны Анжелы де Лима, запертой в комнате на восемь лет, с голодом и жаждой в роли компаньонок, с отчаянием в душе в роли утешителя. Это был варварский приём, синьор граф! Душа ваша, конечно, не успокоилась. Система подлых и трусливых оскорблений, которыми ваше сиятельство терзало свою

сеньору, не могла сделать её раскаяние менее мягким, а стыд более терпимым. Какова была Ваша цель?

– Медленно убить её...

– Это правда, вы хотели убивать её медленно... Если бы Вашему сиятельству не хватило откровенности ответить мне так честно о ваших намерениях, я бы ответил сам – во имя вашей совести. Сеньор граф хотел, чтобы его жена умерла, но он не хотел её убивать... Немного смягчим смысл ваших слов. Сказанное таким образом менее отвратительно и, может быть, более верно.

Ваше сиятельство желало, чтобы донья Анжела де Лима умерла так, чтобы мир сказал: «Она умерла от горя, стыда, раскаяния за то, что обманула человека, который очень дорого купил её, потому что он считал её жемчужиной невинности, думал, что покупает безукоризненное сердце, губы, на которых никогда не мелькала улыбка любви, завоёванная не её покупателем». Это то, чего ваше сиятельство хотело, чтобы мир сказал, не так ли?

Граф Санта-Барбара смотрел на священника с изумлением, как будто каждое из этих слов разрывало его сердце по волокнам, чтобы проникнуть в тайну его совести, которую он закрыл для всего мира. Не ответив на заданный ему вопрос, граф поднял правую руку к своим падавшим на лоб влажным от внезапного пота волосам, немного опёрся на левую руку, закрыл веки и как бы одобрил вопрос бывшего цыгана с Кинты-дез- Алка́соваш.

Снова раздался стук в дверь, неутомимые медики призывали знаменитого пациента выпить отвара. Отец Диниш, не посоветовавшись с графом, открыл дверь, взял стакан, отнёс его к больному и спросил, есть ли у него какие-нибудь распоряжения. Граф ответил отрицательным жестом. Священник снова закрыл дверь и вновь встал, скрестив руки, перед своим собеседником, который смотрел на него с изумлением, не понимая того загадочного влияния, с помощью которого смиренный священник смирял его высокомерие.

– Сеньор граф, мы вырвем шипы из вашей совести. Нет абсолютного позора под небом. Мы все несчастны, когда смотрим на медаль только с одной стороны. Ваше сиятельство, есть одна проблема. Исполненный тщеславия своей чести до такой степени, что воображал, что весь мир догадывается о тайнах его бесчестия, как мог граф швырнуть в свет свою жену, объявив её прелюбодейкой, для оправдания обвинений, которые она могла выдвинуть против него? Это не имеет решения; это проблема непостижимого извращения человека!.. Пойдём дальше. Я не хочу делать вас счастливым. Это невозможно. Время Себаштьяу де Мелу прошло. Теперь мне необходимо представить себе, что тень Себа-

штьяу де Мелу шепчет мне на ухо утешения, которые мог бы дать вам этот вдохновенный человек, если бы он был жив.

– Если бы он был жив... он бы убежал от меня, – прервал его граф, лихорадочно возбуждаясь.

– Может быть, нет... Я так не думаю. Пророк несчастья пришёл бы, как Иеремия, чтобы оплакать руины, которые он предсказал, когда богатство Иерусалима обдумывало преступление, заставившее его пасть навеки. Ваш друг пришёл бы пожалеть вас; и хотя слёзы вашего друга кажутся бесплодными, поверьте мне, это не так, сеньор граф. Они утешают, даже когда не возвращают несчастной душе бодрости, веры в лучшее будущее и спокойствия посреди натиска несчастий. Себаштьяу де Мелу говорил бы с вами так: «Граф, я говорил тебе пятнадцать лет назад: у этой женщины в сердце была скиния любви... её превратили в чашу с желчью. Хочешь влить свою каплю желчи в сердце этой несчастной женщины? Оставь её, потому что воспоминание о первой любви, о трупе первого возлюбленного питает её существование ностальгией, которую не может дать ей твоя безудержная страсть...»

– Кто вам сказал эти слова?! – спросил граф в судорожном возбуждении.

– Это было ваше сиятельство несколько минут назад. Помните, вы рассказывали мне о человеке, которого мир назвал поэтом. Именно с этим человеком я советуюсь в этот торжественный момент. Я обращаюсь к вам от имени этого таинственного привидения: «Граф, – сказал бы он, если бы был здесь свидетелем прекращения Вашего беспокойного существования, – граф, во второй раз я говорил с тобой в твоих владениях в Алмаде, это было накануне твоей свадьбы. Ты сиял от счастья, ты был очарован поэзией, которую я не мог понять, потому что дона Анжела де Лима сказала тебе накануне»:

– Сеньор граф де Санта-Барбара, я буду несчастна, и ваше сиятельство, если не найдёт счастья в том, чтобы быть моим палачом, тоже будет несчастно, и без исцеления...

– Этих слов, сеньор, я не повторял вам только что! – прервал больной, с усилием прислонившись к изголовью постели.

– Верно, нет, не повторяли; но Бог позволяет мне в этот момент услышать отголоски прошлого благодаря чуду. Вообразите, ваше сиятельство, что я – просветлённый, что Провидение привело меня к ложу боли.

Граф посмотрел на него со странным выражением удивления или даже испуга, а отец Диниш невозмутимо продолжал:

– Себаштьяу де Мелу говорил: «Граф, когда я в последний раз обнимал тебя, я крепко прижал тебя к своей груди и шептал на ухо, чтобы твой будущий тесть, маркиз де Монтезелуш, не услышал этих слов:

«Это наше последнее объятие в твоё счастливое время; завтра, если я встречу тебя, я пожму руку самому несчастному из людей».

– Вы были знакомы с Себаштьяу де Мелу? – перебил его граф, всё более и более возбуждаясь.

– Да, – холодно ответил священник, и продолжал: – Итак, тот человек, которого мы оба знали, сказал бы вашему сиятельству: «И я никогда больше тебя не видел, граф. Я не ходил в салоны, где мы встречались, но узнавал о тебе и знал, что дом твой – тёмный, как ужас, и лишённый связей с миром, как отвратительное преступление, был камерой пыток для твоей жены... цирк, где твоя душа, которая приобрела кровожадный инстинкт тигра, питалась беспомощной жертвой, накануне свадьбы предсказавшей судьбу вам обоим. Я хотел найти тебя... Не знаю зачем... В то время Себаштьяу де Мелу был жесток, как задушенный гнев, и крепок, как плечо рычага, которое не сгибается под тяжестью разрушаемых им зданий. Если бы он приказал тебе убрать ногу с шеи жены, а ты этого не сделал, этот человек приставил бы пистолет к твоей груди, ты, думаю, послушался бы его, но жена твоя с этого момента была бы несчастна вдвойне. И затем, я не знаю, отступил бы предполагаемый сын графа ду Визу от этого своего первоначального намерения, если бы не одна превратность его судьбы, о которой тебе не нужно знать. Себаштьяу де Мелу исчез из общества, где одни считали его мошенником, а другие – великим человеком. Прошлое, прошлое. Мир остался, и Себаштьяу де Мелу пошёл своим путём. Пятнадцать лет прошло, и, может быть, ты, граф де Санта-Барбара, был единственным человеком, который помнил о существовании этой загадки, мелькнувшей в высшем обществе Лиссабона и оживившей его безделье...

– Это возможно, сеньор! – прервал заворожённый граф, протягивая к священнику свои сводимые судорогой руки.

– Возможно... что, сеньор граф де Санта-Барбара?..

– Вы – Себаштьяу де Мелу... Теперь да... Эти глаза сияют, как сияли его... его голос был тем, что я слышу сейчас... его фигура была такой, сколько вам лет?.. Пятьдесят с чем-то... всё равно... Скажите мне, кто вы... вы – Себаштьяу де Мелу, не так ли?...

Отец Диниш торжественно протянул правую руку. Его глаза, полные слёз, блестели. Румянец энтузиазма окрасил его щёки. Его волосы, редкие и белые, казалось, встали дыбом. Губы его подёргивались, как бы волнуемые приливом воздуха, который нельзя было выдохнуть с речью, остававшейся в его вздымавшейся груди. Оба они замерли молча, мысленно вновь проходя через жесточайшие страдания, пробудившиеся при этой встрече.

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

Гвидо Гоццано является и автором великолепных сказок, которые интересны и детям и взрослым. Волшебный мир сказок Гвидо Гоццано наполнен чудесными превращениями, талисманами. Он населён прекрасными принцессами, всесильными чародеями и отважными героями, которые не боятся вступать в бой с самыми коварными силами зла.

Другие сказки этого замечательного автора опубликованы в трёх предыдущих номерах журнала «Переводчик»[1].

КОНЬ ЧАРОДЕЯ

Жил-был бедный крестьянин-вдовец. Владел он лишь небольшим земельным участком да имел ещё трёх волов. Сын его Кандидо был способный, смышлёный мальчуган. В восемь лет он сказал отцу:

– Хочу в школу.

– Но у нас нет денег, сын мой.

– Продай одного из волов.

Не сразу отец решился на это, но всё же на очередной ярмарке продал вола и отправил Кандидо в школу.

Мальчик быстро осваивал школьные премудрости, учителя поражались его способностям.

Научившись читать и писать, он решил отдаться на волю судьбы. Надев костюм с одной стороны – наружной – чёрный, с другой – белый, он отправился в путь. Встретил синьора верхом на коне.

– Куда ты, мальчик, идёшь?

– Ищу работу.

– Читать умеешь?

– И читать и писать.

– Тогда ты мне не подходишь.

Синьор продолжил свой путь. Кандидо растерялся, но затем надел костюм наоборот – белой стороной наружу и встретил того же синьора верхом на коне. Синьор не узнал его.

– Куда ты, мальчик, идёшь?

– Ищу работу.

– Читать умеешь?

– Ни читать, ни писать.

– Это хорошо. Садись ко мне, позади.

[1] См. сказки Гвидо Гоццано в журналах: «Переводчик» № 20, 2020, – СС. 156–171; № 21, 2021, СС. 105–114; № 22, 2022, СС. 75–97). (Прим. ред.).

Кандидо взобрался на круп коня, и через несколько дней они добрались до замка, окружённого высокими стенами. Никто не вышел их встречать. Спустились в пустынный внутренний двор, и синьор сам повёл коня в конюшню. Затем обратился к Кандидо:

– Ты здесь не увидишь ни одной живой души. Но не волнуйся. Всё, что тебе надо, ты найдёшь. И жалованье будешь получать очень неплохое.

– А в чём состоят мои обязанности?

– Ухаживать за лошадьми в конюшне – и больше ничего. Я сегодня же должен отправиться в длительное путешествие, вернусь не раньше чем через год и один день. Так что мой за́мок в твоих руках. Прощай.

Синьор уехал.

Оставшись один, Кандидо очень усердно ухаживал за лошадьми. Четыре раза в день для него накрывали стол в просторной столовой, хотя он не видел ни единой живой души, не слышал никакого человеческого голоса. Он ел, пил, гулял по помещениям замка и в парке. Однажды он заметил среди деревьев голубые одежды: это была очень красивая девушка, которая спешила в конюшню. Кандидо её догнал, и она с мольбой обратилась к нему:

– Я одна из лошадей, которых вы сторожите. Серая в белых яблоках, третья справа от входа. На самом деле я принцесса, дочь короля Кореландии. А хозяин замка – чародей превратил меня в лошадь за то, что я не захотела стать его женой. Если он, возвратившись, останется доволен вашей службой, он предложит выбрать одну из лошадей. Выберите меня – не пожалеете.

Кандидо пообещал так и поступить, а сам углубился в книги чародея, стал изучать тайны его колдовских чар.

Хозяин замка вернулся через год и один день.

– Я удовлетворён твоей службой, и, так как уже прошёл целый год, год, вот тебе сумка с золотыми монетами. Иди теперь в конюшню и выбери себе лошадь, на которой сможешь вернуться домой.

Они спустились в конюшню, и Кандидо, якобы после некоторых колебаний, указал на серую лошадь в белых яблоках.

– Я выбираю эту.

– Что? Эту старую клячу? Нет, ты, видно, ничего не смыслишь в лошадях. Посмотри, какие красавцы около тебя.

– Но мне нравится эта – и не хочу другую.

– Твоё дело, – сказал чародей, а сам подумал: – Ловкач! Наверное, он узнал мою тайну. Ну, ничего, я смогу нагнать его на полпути.

Кандидо забрал серую в белых яблоках лошадь. Как только они вышли из замка, она приняла свой подлинный облик – принцессы.

– Спасибо, мой друг. Возвращайся к своему отцу, а я вернусь в королевский дворец в Кореландии. Ты найдёшь меня там через год и один день.

Она исчезла.

Кандидо направился в родную деревню. Много дней прошло, прежде чем он переступил порог лачуги, где оказался в объятиях не сразу его узнавшего отца.

– Мы богаты, отец мой. Повеселимся на мои деньги.

Он достал сумку с монетами. Два дня они жили богато и счастливо. Всё в жизни имеет конец. Вот и деньги кончились – до последнего скудо.

– Сын мой, мы опять бедняки, как прежде.

– Не беспокойся, отец. Завтра утром мы отправляемся на ярмарку, чтобы продать красавца коня.

– Коня? А где ты его возьмёшь?

– Не имеет значения. Завтра утром он будет, и ты получишь за него триста скудо. Но только не уступай покупателю поводья.

– Но ведь вместе с животным продают и поводья, – возразил старик.

– Не оставляй покупателю поводья. Это очень опасно.

– Хорошо, я принесу их домой, хотя для меня это так непривычно.

На следующий день старик услышал конское ржание у ворот и увидел чудо-коня. Но тщетно искал он сына, который сопровождал бы его.

– Он, наверное, уже на ярмарке, готовит сделку.

И отправился в путь. На ярмарке он тоже не нашёл сына, но сразу же был атакован покупателями.

– Хорош ваш конь. Сколько за него просите?

– Триста скудо, но поводья останутся при мне.

– Договоримся на двухстах пятидесяти.

– Не уступлю ни сольдо.

Подошёл какой-то купец с рыжими волосами и горящими глазами (это был переодетый чародей):

– Конечно, дорого. Однако конь мне так нравится, что я готов заплатить триста скудо, Но дайте мне и поводья, чтоб я смог отвести коня к себе домой.

– Поводья не уступлю ни при каких условиях.

– Так дело не пойдёт.

И чародей, разгневанный, удалился.

Конь был продан ломовому извозчику, который даже и не претендовал на поводья. Он привёл его за гриву и запер вместе со своими лошадьми в конюшне. Но наутро только что приобретённого коня там не

оказалось. Кандидо, используя колдовские чары, о которых прочёл в магических книгах, обратился в коня, потом вновь в человека – чтобы вернуться к отцу.

Много дней жили отец и сын в довольстве на эти триста скудо. Но вот истрачена последняя монета. Кандидо обратился к отцу:

– Больше денег нет. В тот раз я превратился в чёрного коня, завтра утром предстану в облике белого коня, и ты поведёшь меня на рынок. Но если ты уступишь покупателю поводья, мы пропали.

На рассвете старик услышал во дворе конское ржание и увидел белоснежного красавца коня. Взялся за поводья и направился на рынок.

Покупатели окружили коня. Вперёд вышел купец (тот самый чародей) с рыжими волосами и огненным взором.

– Хороший конь. Ваш? Сколько просите?

– Пятьсот скудо.

– Многовато. Но я беру. Только сначала позвольте испытать его.

Он вскочил в седло, дал шпоры, и конь рванул галопом. Бедный старик остался и без коня, и без поводьев.

Чародей остановил коня у кузницы и обратился к кузнецу:

– Мой конь не подкован. Как можно быстрее четыре подковы! По четыреста фунтов за каждую.

– Четыреста фунтов? Вы шутите, синьор!

– Нет, не шучу. Довольно! Без комментариев. Я знаю, за что плачу большие деньги.

Пока они в кузнице обсуждали сделку, конь стоял привязанный к кольцу в стене. Дети бегали вокруг него, развлекались и даже готовы были помучить животное.

– Дети! Хорошие мои! Распрягите меня!

– Конь-то говорящий!

Дети ликовали от восторга.

– Что он говорит?

– Просит, чтоб его распрягли.

– Да, распрягите меня, дети, и я вас развеселю хорошей шуткой.

Самый высокий и самый смелый мальчик распряг коня, и он тут же превратился в зайца, который бросился в поле.

Из кузницы вышли чародей и кузнец.

– Где мой конь?

– Он превратился в зайца и побежал через поле.

Чародей превратился в дикого пса и побежал по заячьим следам.

Когда преследователь чуть было не нагнал зайца, Кандидо превратился в цаплю и взлетел в небо. Чародей полетел за ним в облике ястреба. Вот они уже в столице Кореландии. Ястреб схватил было цаплю, но она тут же превратилась в золотое кольцо, которое оказалось

на пальце принцессы, печально стоявшей у раскрытого окна.

Чародей вернул себе свой человеческий облик и появился во дворце, представившись врачом: король страдал неизлечимой болезнью.

– Обещаю вас вылечить, государь. Но при одном условии.

– Любое ваше условие будет выполнено.

– Хочу получить золотое кольцо с пальца принцессы.

– И только-то? Я готов отдать вам гораздо больше.

– Ничего другого, Ваше Величество, я не прошу.

Принцесса закрыла все окна и стала снимать кольца. Когда она сняла золотое кольцо, перед ней появился улыбающийся Кандидо.

– Кандидо, как вы оказались здесь?

И он рассказал о своих приключениях.

– Чародей сейчас во дворце, он обещал вашему отцу вылечить его при условии, что получит золотое кольцо. Вы соглашайтесь, но в тот момент, когда будете надевать его на палец чародея, уроните «нечаянно» на землю.

Принцесса обещала так и сделать.

На следующий день старый король пригласил дочь в тронный зал и представил ей чародея, изображавшего врача.

– Дочь моя, этот знаменитый врач за лечение моё ничего не просит, кроме твоего золотого кольца.

– Согласна, – сказала принцесса, стала надевать кольцо на палец чародею, но якобы случайно уронила его на пол.

Кольцо превратилось в боб, чародей – в петуха. Он нацелился проглотить боб, но боб превратился в лисицу, которая тут же растерзала петуха.

Кандидо уже в своём собственном облике предстал перед королевским двором, ошеломлённым от всего увиденного.

Принцесса познакомила отца со своим освободителем, и в тот же день сыграли свадьбу.

СЕРЕБРИСТЫЙ ЗАЯЦ

Когда судьба с любовной страстью
Исполнена волшебных сил
И норовят напасть напасти,
Где их не ждёшь... –
Жил-был, жил-был...

... принц по имени Аквилино. Ему было двадцать лет и так хотелось жениться на самой красивой в мире принцессе. Он объявил о предстоящем бракосочетании – и сотни портретов прибыли во дворец. Они

были выставлены в дворцовых галереях; принц тщательно изучал очаровательные улыбки в золочёных рамах.

Выбор пал на Надзарену, принцессу Бикарийскую; послы обговорили условия бракосочетания.

Во дворце готовились грандиозные церемониальные действа, и на рассвете назначенного дня принц уже стоял, как на часах, на самой высокой башне дворца. Вот-вот прибудет кортеж, и он первым воочию увидит эту ни с кем не сравнимую красавицу.

Но кортеж что-то не показывался. Появилась лишь одна повозка, и с неё сошёл старый бородатый горбун.

– Я король Бикарии. А это моя дочь Надзарена, которую вы назвали своей невестой.

Аквилино не смог скрыть своего глубокого разочарования. Принцесса оказалась бледной и вялой карлицей, ничуть не похожей на ту, что была на портрете.

Старый горбун обратился к Аквилино:

– Она очень ослабла от утомительного путешествия и от волнений в связи с предстоящей свадьбой. Но силы её быстро восстановятся – и вы увидите, как она прекрасна.

Аквилино собрался уж отменить бракосочетание. Но слово дано – и это слово принца. Он только попросил отложить свадебную церемонию на пару дней, а горбуна с дочерью пригласил во дворец.

На следующее утро, чтобы как-то отвлечься от всех неприятностей, принц отправился на охоту – один, без сопровождения, взяв только свою золотую одностволку, украшенную драгоценными камнями. Пройдя поля и луга, он очутился в тысячелетнем глухом лесу.

На тропинке появился серебристый заяц. Он щипал траву и пристально смотрел на принца, не испытывая никакого страха.

Аквилино прицелился и выстрелил. Но как только дым рассеялся, он увидел, что заяц, целый и невредимый, преспокойно стоит на том же месте. Принц направился к нему. Заяц побежал, но тут же вдруг остановился, уставившись на принца приветливым человеческим взглядом. Аквилино выстрелил ещё раз. Дым рассеялся, и снова появился заяц, целый и невредимый. Он спокойно сидел на своих лапах, одно ухо вверх, другое вниз. Приветливые глаза и чуть дрожащая мордочка были направлены на принца, будто умоляя о чём-то. Но как только принц поднял ружьё и приблизился к нему, заяц, на удивление Аквилино, в одном прыжке скрылся среди деревьев.

Это было какое-то волшебство.

Аквилино прислонился к большущему дереву, и ему вновь представился приветливый человеческий взгляд его жертвы. Вдруг он услышал доносившиеся из ствола дерева отдалённые звуки музыки и

голосов. Аквилино обошёл дерево вокруг – никого. Он снова прислонился к стволу. И опять услышал музыку и голоса.

В раздражении он ударил кулаком по коре.

Кора заскрипела, раскрылись две створки, и перед растерянным принцем появилась сверкающая лестница с широкими ступенями. Как в бреду, он поднялся на первую ступень. Дверь шумно захлопнулась, и он очутился в огромном замке. Парадным лестницам, атриумам, коридорам, лоджиям, просторным залам из мрамора, порфира, яшмы, драгоценных камней, казалось, не было конца. Ошеломлённый, Аквилино брёл и брёл по замку.

Наступила ночь, в заколдованном замке никто так и не появился.

И только две руки двигались перед взором Аквилино: одна несла лампаду, другая подавала знак следовать за собой. Вошли в огромную трапезную. Аквилино сел за стол. И две руки стали подносить всяческие яства и изысканные вина.

Он смотрел на эти порхающие руки, пытался, когда они приближались, поймать их на лету. Но руки только ставили блюда с едой и улетали, порхая, подобно бабочкам. Аквилино поел, почувствовал, что его клонит ко сну, поднялся из-за стола и отправился спать. Две руки привели его в опочивальню, украшенную камчатной тканью, помахали на прощание и исчезли.

Аквилино улёгся на тончайших простынях и заснул. Ему приснилась принцесса Надзарена, но не та, которую привёл бородатый горбун, а та, что была на портрете – прекрасная, ни с кем не сравнимая блондинка.

Какой-то шум разбудил его. Принц прищурился. Комната была освещена, и множество пар рук, таких же, как вчера, энергично двигались и, переплетаясь между собой, указывали на него.

– Во что мы играем?

– В мяч! А мячом будет тот, кто здесь спит!

– Кто спит? Где?

– Вон, в кровати! Неужели не видите?

И сквозь опущенные ресницы Аквилино заметил, как руки приближаются к нему. Они схватили простыню и, растянув её по краям, стали с хохотом, криками и свистом раскачивать из стороны в сторону.

Принц даже бровями не повёл, притворившись спящим.

– Он не желает просыпаться!

– Разбудим его! Разбудим!

И ещё пуще, с удвоенной энергией продолжали свою жестокую игру.

С первым криком петуха руки бросили принца в постель и исчезли.

Аквилино лишь ощупывал свои онемевшие члены и вдруг уловил какой-то шорох, а затем увидел поблизости серебристого зайца. Но вместо четырёх лап у него были две ноги и две белоснежных женских руки.

– Принц Аквилино, я принцесса Надзарена – избранница вашего сердца. Когда наш кортеж пробирался через лес, чародей околдовал меня и вместе со свитой заточил в э тот замок. Я буду спасена, если вы проведёте здесь три ночи. А чародей – это тот, кто предстал перед вами в попытке выдать замуж свою карлицу дочь.

Заяц исчез.

В большом волнении дождался Аквилино второго вечера. Поел, обслуживаемый порхающими руками, лёг в постель, заснул. Проснулся от шума, который исходил от множества рук. Простираясь над его постелью и раскачивая простыню, они ещё с большим рвением начали свою игру.

– Он не желает просыпаться!

– Если он не проснётся, мы пропали!

Когда руки раскачали его в последний раз, они подбросили принца прямо к гвоздю, торчащему из потолочной балки. Издав истошный свист, руки исчезли.

Аквилино открыл глаза и вновь увидел серебристого зайца. Но теперь это была женщина с заячьей головой. И с таким приветливым человеческим взглядом, обращённым к принцу.

– Бедный принц! Потерпите ещё одну ночь во имя нашей любви – и мы будем спасены.

Наступила третья ночь. Опять появились руки, ещё более разъярённые, чем прежде.

– Играем?

– Играем!

– Но в эту ночь мы должны закончить игру!

– Должны закончить!

И вновь началось это дьявольская игра с живым «мячом», который бросали, как плоские камни по поверхности воды.

Аквилино, взлетая, с размаху ударялся о потолок, превращаясь чуть ли не в липкий бутерброд, падал на растянутую простыню и снова взлетал под дикий хохот и гоготанье. Но во имя любви к Надзарене так и не открыл глаза.

– Он не просыпается! Мы пропали!

– Уже светает! Мы пропали!

Разъярённые руки растянули простыню и сбросили Аквилино в окно с головокружительной высоты. В течение десяти минут летел он.

И грохнулся на траву с таким ощущением, что все его кости пере-

биты. Открыл глаза – жив. Лежит у подножья того магического дерева.

А рядом с ним – верная ему невеста Надзарена, самая красивая на свете принцесса. И весь её кортеж: золотые кареты, прекрасные дамы, доблестные кавалеры. Вместе с ней все они были освобождены от козней чародея.

Принц привёл их во дворец, собрал весь свой двор в зале Большого совета. Он приказал привести бородатого горбуна с его мерзкой дочкой и, обратившись к министрам, произнёс:

– Если я приготовил сундук из золота и драгоценных камней, а разбойник похитил его и подменил сундуком из подгнившего дерева, но при этом судьба благоволила отыскать тот – первый сундук, какому из них отдать предпочтение?

– Первому! – закричали придворные.

– А как поступить с похитителем и сундуком из подгнившего дерева?

– Сжечь их! На одном костре!

Так и сделали. И суровый приговор, и последовавшее вслед затем бракосочетание были встречены дружным одобрением всего народа.

НЕЗНАЙ

Как-то раз возвращался Принц с охоты и увидел мальчика лет восьми. Весь в пыли, он безмятежно спал на обочине дороги. Принц тут же спрыгнул с лошади и разбудил мальчика.

– Что ты здесь делаешь, малыш?

– Не знаю, – ответил мальчик, нисколько не испытывая робости перед Принцем.

– А где твой отец?

– Не знаю.

– А мать?

– Не знаю.

– А сам-то ты откуда?

– Не знаю.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

Принц посадил мальчика на лошадь и привёз к себе домой. Слугам своим он приказал заботиться о ребёнке, которого так и назвал – Незнай.

Когда Незнаю исполнилось двадцать лет, Принц назначил его своим оруженосцем. Провели они лишь один день в городе, и Принц говорит Незнаю:

– Ты радуешь меня своей службой, и я хочу подарить тебе коня.

Выбирай любого.

Прибыли на ярмарку. Сколько ни вглядывался Незнай в коней-красавцев, ни один не понравился ему. Так и покинули они ярмарку ни с чем. На обратном пути увидели старую, полуслепую клячу, которая крутила мельничные жернова. Посмотрел пристально на неё Незнай и обратился к Принцу:

– Вот как раз такой боевой конь, какой мне нужен.

– Ты шутишь?

– Синьор, я буду счастлив, если вы купите мне этого коня.

Такие слова вызвали у Принца чуть ли не возмущение, но, когда он посмотрел на умоляющие глаза Незная, он уступил его просьбам и купил клячу. А мельник, передавая её Незнаю, шепнул ему на ухо:

– Видите узелки в гриве у лошади? Всякий раз, когда развяжете один из них, она вас в мгновение ока перенесёт на пятьсот миль.

Между тем Принц с Незнаем вернулись домой. Через несколько дней Принца пригласил к себе сам Король, и вместе с Принцем в королевский дворец прибыл и Незнай. В ночь полнолуния он прогуливался по парку и вдруг увидел подвешенное на одном из деревьев алмазное ожерелье. Оно сверкало при свете луны.

– Почему бы не взять его... – громко произнёс Незнай.

– Ты раскаешься в этом, – услышал он где-то рядом незнакомый голос.

Он оглянулся вокруг. Это, оказывается, старая, слепая кляча его произнесла такие слова. Незнай заколебался было на минуту, но желание приобрести ожерелье оказалось слишком сильным.

Король поручил Незнаю присматривать за своими лошадьми. И как-то ночью Незнай в порученной ему конюшне повесил сверкающее ожерелье. Другие королевские конюхи, его завистники, стали то и дело шептаться о том, что в конюшне у Незная сверкает какой-то подозрительный луч, уж не отдался ли он колдовским чарам.

Король стал следить за ним, и однажды ночью, войдя в его конюшню, поразился прямо-таки ослепительному блеску, исходящему от повешенного над яслями ожерелья.

Король приказал схватить юношу. Он тут же созвал королевских мудрецов, чтобы они расшифровали надпись на застёжке ожерелья.

Один из мудрецов обнаружил тогда, что это ожерелье Зеленовласой красавицы-принцессы, самой капризной из всех принцесс в мире.

– Если не приведёшь ко мне Зеленовласую принцессу, – обратился к Незнаю Король, – не сносить тебе головы.

Незнай впал в отчаяние и пошёл искать утешения у старой клячи. Он горько плакал над её скудной гривой.

– Твои несчастья начались с того дня, – сказала верная ему кляча,

– когда ты пренебрёг моим советом и взял ожерелье. Но... мужайся и слушай моего совета. Попроси у Короля побольше овса и денег.

Король дал ему овса и денег, и Незнай со своей тощей клячей отправились в путь. Прибыли к морю. Незнай увидел рыбку, которая, как в сети, запуталась в водорослях.

– Освободи бедняжку, – посоветовала ему кляча.

Незнай послушался её, и рыбка, высунув голову из воды, проговорила:

– Ты спас мне жизнь, и я отблагодарю тебя. Как только понадобится моя помощь, тут же зови меня.

А затем Незнай с клячей своей увидели птичку, попавшую в силки.

– Освободи бедняжку, – посоветовала кляча.

Незнай послушался её, и птичка прощебетала:

– Спасибо, Незнай. Как только я понадоблюсь тебе, зови меня, и я отблагодарю тебя.

Вот добрались они до замка Зеленовласой принцессы.

– Входи, – сказала кляча, – и ничего не бойся. Как только увидишь принцессу, пригласи её к нам. Я станцую перед ней удивительный танец.

Незнай постучался. Дверь открыла прекрасная дама, которую он принял за принцессу.

– Принцесса, – обратился он к ней.

– Я вовсе не принцесса...

И она повела его в другую залу, где их ждала другая дама, прекраснее этой. Та повела их в следующую залу, где находилась дама, ещё прекраснее, чем она. И так они шествовали из залы в залу, от одной прекрасной дамы к другой, ещё более прекрасной... Чтобы глаза Незная постепенно привыкали к той ослепительной красоте, с которой он, наконец, столкнётся, когда увидит Зеленовласую красавицу.

Она приняла его благосклонно, через день согласилась встретиться с клячей-танцовщицей.

– Садитесь верхом на лошадь, принцесса, и она вместе с вами станцует удивительный танец.

Немного поколебавшись, красавица согласилась. Незнай прыжком приблизился к кляче, распутал один из узелков в её гриве, и они в мгновение ока оказались у королевского дворца.

– Меня обманули! – возмутилась принцесса. – Но я не чувствую себя побеждённой. Прежде чем я стану невестой Короля, я заставлю тебя не единожды пролить слёзы.

Незнай же чувствовал себя вполне удовлетворённым.

– Сэр, вот она – Зеленовласая красавица.

Король был ослеплён её красотой и тут же решил жениться на принцессе. Но принцесса попросила, чтоб ей прежде принесли золотую шпильку, украшенную драгоценными камнями, которую она позабыла в гардеробной в своём замке.

Король приказал Незнаю найти эту шпильку – под угрозой смерти. Но юноша после своего дерзкого похищения Зеленовласой красавицы не мог даже осмелиться вновь появиться в её замке. В глубоком горе смотрел он на свою клячу.

– Помнишь, – спросила она, – ту птичку, что ты освободил из силков? Позови её – и она тебе поможет.

Незнай позвал птичку – она прилетела.

– Успокойся, Незнай! Шпилька будет доставлена тебе.

Она созвала всех известных её птиц, к каждой обратилась по имени. Все они прилетели, но ни одна не была столь мала, чтобы сквозь замочную скважину проникнуть в гардеробную красавицы. И всё же самая маленькая пичужка решилась и, ободрав чуть не все свои пёрышки, принесла шпильку совсем уже отчаявшемуся Незнаю.

– Вы получили свой подарок, – обратился Король к Зеленовласой красавице, – и у вас теперь нет причин отказываться от бракосочетания.

– Сэр, но мне не хватает ещё одной вещи, без которой я никогда не выйду замуж.

– Только скажите, принцесса, что вы имеете в виду, и ваше желание тут же будет исполнено.

– Мне не хватает кольца... кольца, которое упало в море на пути сюда, во дворец.

Незнаю было приказано найти кольцо. И он вновь со своей верной клячей отправился в путь. Оказавшись на морском берегу, он позвал рыбку. И она тут же появилась на поверхности воды.

– Мужайся, Незнай. Мы найдём кольцо.

Рыбка обратилась ко всем своим водоплавающим друзьям. В одно мгновенье её сообщение было передано по всему морю, и вскоре кольцо было найдено – оно застряло между щупальцами коралла.

Принцесса вынуждена была согласиться на бракосочетание. Свадьбу с невероятной пышностью отпраздновали в главном соборе.

Незнай и его лошадь сопровождали королевский кортеж и вошли в собор под негодующие крики всех присутствующих.

Но когда свадебная церемония подходила к концу, лошадиная шкура у клячи отвалилась – и все увидели принцессу, ещё более прекрасную, чем даже Зеленовласая красавица. Она взяла Незная за руку.

– Я дочь Татарского Короля. Отправимся во владения моего отца, и я стану твоей женой.

На них взирали все с опаской,
Застыли в изумленье лица.
Всё завершилось, будто в сказке...
Так это быль иль небылица?

ШЕСТЕРО ДРУЗЕЙ

Жил-был старый синьор-неудачник. Было у него три сына.

Старший, Дезидерио, что значит Желание, говорит однажды отцу:

– Хочу отправиться по свету, испытать судьбу.

– Иди куда хочешь, – сказал отец, – но я могу дать тебе только десять скудо.

– Мало, но придётся уложиться в такую сумму.

Взял Дезидерио десять скудо и отправился в путь.

Прибыв в город, он увидел королевского глашатая, который шествовал по улицам и провозглашал королевский указ. В указе говорилось о том, что Королю необходим такой корабль, который ходит и по воде, и по земле. Тот, кто построит его, получит руку принцессы.

– Надо попробовать, – решил Дезидерио и обратился к глашатаю.

Его привели в королевский дворец и вручили топор, чтобы он нарубил леса, необходимого для строительства.

Всё утро работал Дезидерио и в полдень уселся в тени старого каштана, достал кусок хлеба, чтобы подкрепиться.

На него с любопытством, спускаясь с ветки на ветку, взирала сорока. Раздался её хриплый стрёкот:

– И мне кусочек! И мне кусочек!

Она даже протянула клюв к рукам Дезидерио, державшим хлеб.

– Оставь меня, назойливая птица! – в раздражении закричал Дезидерио.

Сорока поднялась на две ветки.

– Что у тебя за работа?

– Ложки делаю! Удовлетворена? – ответил Дезидерио, подтрунивая над ней.

– Ложки! Ложки! – закричала сорока, перепрыгивая с ветки на ветку. И исчезла.

Расправившись с куском хлеба, Дезидерио вновь принялся за работу. Но при каждом ударе топора от дерева отскакивала щепа в форме грубо отёсанной ложки. Как ни старался Дезидерио, ничего другого у него не получалось.

– Это окаянная сорока заколдовала инструмент.

Он отбросил топор и вернулся в родительский дом.

– Ты уже вернулся, сын мой? – спросил отец.

– Да. Я решил, что жить дома, с тобой, лучше, чем искать приключения.

О королевском указе и о загадочной сороке он промолчал.

Попытать счастья решился средний сын, Сатурнино, что значит Угрюмый.

Отец дал ему только пять скудо.

Прибыв в город, Сатурнино услышал глашатая и решил приняться за дело. Проработав всё утро, он сел у подножья столетнего каштана и стал лениво жевать свой кусок хлеба.

Сорока прыгала с ветки на ветку.

– И мне кусочек! И мне кусочек!

– Оставь меня, назойливая птица!

Сорока поднялась по веткам.

– Что ты тут делаешь?

– Костыли для твоих лап, любопытная сорока, – ответил юноша, подтрунивая над ней.

– Костыли! Костыли для моих лап! – закричала птичка, прыгая по веткам. И исчезла.

Когда Сатурнино вновь взялся за работу, при каждом ударе топора от дерева отскакивала щепа в форме малюсенького костыля.

– Это всё от колдовства маленькой птички.

Сатурнино отбросил топор и, раздосадованный, возвратился домой.

Теперь испытать судьбу решился младший сын, Джентиле, что значит Благородный. Это был бледный, молчаливый юноша.

– И ты надеешься победить судьбу, – сказал отец, – там, где потерпели фиаско твои старшие братья?

– Судьба может оказаться благосклонной ко мне. Отпусти меня.

Джентиле прибыл в город, услышал указ и представился глашатаю. И вот он в лесу после утренней работы сидит под величественным каштаном и медленно жуёт кусок хлеба.

– И мне кусочек! И мне кусочек!

Он поднял глаза и увидел сороку, протягивающую к нему клюв.

– Получи свою долю, бедная птичка.

Он раскрошил кусок хлеба на траве. Сорока, наклевавшись, спросила его:

– Что ты тут делаешь?

И Джентиле рассказал и о себе, и о королевском указе.

– Удачи тебе! Красивого корабля! – закричала сорока, перепрыгивая с ветки на ветку.

– Услышал бы Господь твои пожелания!

Джентиле принялся за работу, и при каждом ударе топора от де-

рева отлетали готовые части корабля, уже обработанные, будто по волшебству изваянные. Различные части притирались друг к другу, соединялись между собой как намагниченные.

– Это волшебные силы благоволят мне, – подумал Джентиле.

Он чувствовал себя на седьмом небе.

К заходу солнца необыкновенный корабль был готов. Джентиле взошёл на борт, взялся за штурвал и повёл корабль через поля, реки, долины, озёра – на глазах у ошеломлённых поселян.

На полпути встретился странный человек, который грыз кость.

– Что ты делаешь? – спросил его Джентиле.

– Меня зовут Аппетит. Умираю от голода.

– Садись на корабль. Мы найдём, чем утолить твой голод.

Аппетит взошёл на борт корабля.

У водного источника встретился ещё один странный человек.

– Что ты делаешь?

– Я выпил весь этот источник и жду, когда он снова наполнится водой. Я Водохлёб. Меня мучит жажда.

– Поднимайся к нам. Мы найдём, чем утолить твою жажду.

Водохлёб взошёл на борт корабля.

Прошли не очень большое расстояние и встретили человека, который бежал быстрее лани, хотя к каждой ноге у него было привешено по тяжёлому камню.

– Что всё это значит? – спросил Джентиле.

– Хочу поймать зайца, который должен здесь пробежать.

– Зачем же ты, глупый человек, привязал к ногам тяжёлые камни?

– Да потому, что бегу слишком быстро и даже с этими камнями обогнал зайца на несколько миль.

– Прямо смех. Хочешь к нам на корабль?

И этот непревзойдённый бегун – Скороход – взошёл на борт корабля.

Ближе к закату встретили ещё одного необыкновенного человека, который держал в руках лук с натянутой тетивой и целился в какой-то невидимый объект.

– Человек с луком, что ты делаешь?

– Я нацелился на зайца, которого вижу там, вдали, на горе.

– Шутки шутишь?

В этот момент лучник выпустил стрелу, потом сообщил:

– Вот так... Я попал в него. Но отсюда до горы семь миль. Я боюсь, что кто-нибудь раньше пройдёт там и заберёт зайца.

– Скороход, быстро беги, – попросил Джентиле, – и посмотри, действительно ли заяц убит или этот Остроглаз просто хвастун.

Скороход пустился к далёкой горе и вскоре вернулся с застрелян-

ным зайцем в руках.

– Ты непревзойдённый лучник, – обратился к Остроглазу Джентиле, – поплывём с нами навстречу к новым приключениям.

Остроглаз взошёл на борт корабля.

Вскоре им повстречался ещё один незнакомец, приложивший ухо к земле.

– Что ты делаешь? – спросил его Джентиле.

– Я вчера посадил овёс и слушаю, как он произрастает...

– Ну и тонкий слух! – сказал Джентиле. – Если хочешь, Тонкослух, поднимайся на корабль. Такие друзья, как мы, могут творить великие дела.

И вот уже шестеро на этом необыкновенном корабле: Джентиле – Благородный, Аппетит, Водохлёб, Остроглаз, Скороход и Тонкослух.

Корабль продолжал свой путь и с триумфом вошёл в столичный город на глазах у ошеломлённой праздничной толпы.

Джентиле спустился с борта корабля прямо в королевский дворец и предстал перед Королём.

– Ваше Величество, я исполнил королевский указ. Ваша дочь теперь моя.

Король с восхищением смотрел на корабль, но его удручала мысль о том, что придётся выдать дочь за этого нищего бродягу.

– Сын мой, чтобы получить руку королевской дочери, недостаточно только построить корабль. Надо пройти ряд испытаний.

– Я готов к испытаниям.

– Итак, – сказал Король, – в моих хлевах пятьдесят быков. Сможешь ли ты или один из твоих друзей съесть их в восемь дней?

– Попытаемся, государь.

Джентиле обратился к Аппетиту. Через четыре дня хлева были пусты.

Король был раздосадован и тем, что испытание выдержано, и тем, что остался без быков.

– Это не всё, – сказал он Джентиле. – Нельзя ведь есть всухомятку. В моих погребах пятьдесят бочек кислого вина. Ты или кто-нибудь из твоих друзей должен выпить их в восемь дней.

– Водохлёб, это твоя задача.

За восемь дней погреба были опустошены.

– Кто он такой и откуда взялись его друзья? – размышлял про себя обеспокоенный Король.

Он не знал, как отделаться от Джентиле. Один из министров дал такой совет:

– Ваше Величество, у нас есть повар – непревзойдённый бегун, он в течение пяти минут успевает набрать воды в десяти милях отсюда и

вернуться от источника с полными бурдюками. Предложите незнакомцу сразиться с ним.

Король позвал Джентиле и предложил устроить соревнование в беге.

– Пожалуйста, – ответил Джентиле и позвал Скорохода.

На следующий день повар-бегун и Скороход вступили в борьбу, к явному неудовольствию повара, считавшего, что нет на свете никого равного ему в беге.

Наполнив бурдюки, бегуны уселись передохнуть на траве – и повар, который владел некоторыми основами магии, усыпил Скорохода. Чтобы тот долго не просыпался, положил на веки ему зелёные камешки, а сам бросился бежать.

Но всё, что происходило у водного источника, дошло до тонкого слуха Тонкослуха, и он сообщал обо всём своим друзьям.

– Тонкослух, а что они делают сейчас?

– Беседуют, запыхавшиеся, у источника. Скороход засыпает, я слышу его тяжёлый храп. Повар возвращается.

– Остроглаз, посмотри, что там.

– Повар уже на полпути, а Скороход спит на спине с двумя камешками на веках.

– Возьми свой лук, – крикнул Джентиле, – и сбей с глаз Скорохода эти зловредные камешки – он проснётся. Но только так, чтоб не ранить его.

И искусный лучник натянул тетиву и сбил камешки с век спящего друга. Тот вздрогнул и проснулся. Он схватил бурдюки и бросился бежать с такой скоростью, что, на удивление Королю и его придворным, прибежал раньше повара.

– Ну, – сказал Король, – ты опять победил. Человека таких способностей лучше видеть зятем, чем врагом.

На той же неделе сыграли пышную свадьбу. А Аппетит, Водохлёб, Остроглаз, Скороход и Тонкослух были назначены министрами.

Перевод с итальянского Леонида Зимана

МАРИОН КОКСВИК (род. в 1939 году)

Марион Коксвик – долгие годы практикующий психолог, при этом – литератор, автор трёх прозаических книг и семи сборников стихов. Её перу принадлежит также целая серия сборников афоризмов. В

2010 году подборка афоризмов Марион Коксвик вышла на русском языке – «И тролль бывает симпатягой. И акула, порой, улыбается…».[1]

Вашему вниманию предлагаются афоризмы из сборника «Мартину» (2020), посвященному её покойному мужу, известному слависту, литературоведу, поэту и переводчику Мартину Нагу (1927– 2015).

НОВЫЕ АФОРИЗМЫ

- Жизнь без любимого человека – это жизнь на планете, для которой перестало светить солнце.

- Можно согнуть железную или стальную подкову, но уж никак не Мартина.

- Говорить с Мартином – это то же самое что говорить, общаться со Вселенной.

- Если благодарность имеет границы, то это уже не благодарность.

- Слова могут быть смертоносными.

- Некоторые готовы спорить даже с расписанием поездов.

- Старый диван (или шкаф) может быть твоим старым верным другом.

- Я сомневаюсь, значит я существую.

- Никогда не проклинай одиночество. Пусть оно будет твоим лучшим другом.

- Некоторые люди закрыты, как запаянная банка консервов.

- Проигравший войну всегда считает себя победителем?

- Почему-то кое-кто думает, что можно одновременно разжигать войну и строить мир.

- Слёзы ребёнка – вот что такое война.

[1] «И тролль бывает симпатягой. И акула, порой, улыбается…». – М.: Импэто, 2020. – 119 с. Составление и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой и Ольги Маркеловой. (Прим. пер.).

- Любая идея может быть использована в военных целях.

- Бывает, целая страна берёт на себя роль жертвы.

- В наши дни повестку для мирных конференций, порой составляет дьявол.

- После окончания очередной войны цензура просто звереет, особенно в отношении исторической литературы.

- Ложь требует хорошей памяти.

- Зачем тебе смотреть фильмы ужасов, ведь твоя собственная жизнь намного ужасней.

- Если возмущает прочитанное, значит точно там о том, что ты не приемлешь в тебе самом.

- Нет более непримиримых соперников чем, Правда и Ложь.

- Среди тех, кто вокруг нас всегда найдётся и дьявол и Иисус.

- Помни, что Иисус – это мост, а не стена плача.

- Счастье – это мгновенья, несчастье кажется бесконечным.

- Тирания свободы.

- Одержимый любовью легко принимает серый речной камешек за бриллиант.

- Мужчины страшно боятся страстно влюблённых в них женщин.

- У любви тоже есть похмелье.

- Можно встретить любовь в жизни слишком рано, но никогда слишком поздно.

- В Америке некоторые восхищаются Трампом только потому, что у него красивая жена.

- Многие американцы ведут себя так, как они будто они – участники гангстеровского боевика.

- Кое-кто верит в таблетки больше, чем в Бога.

- Даже приобретя настоящий дворец где-нибудь в Сорренто, ты всегда будешь тосковать по маленькому домику в горах у себя в Норвегии.

- Единственное о чём в жизни не стоит сожалеть, так это о хорошем образовании.

- Серийные маньяки-убийцы любят выступать с требованием уважения своих человеческих прав.

- Чтобы выжить в наши дни, человечеству надо любить природу больше себя.

- Мнительному президенту даже в собственной собаке может мерещиться политический противник.

- Порой и воробей становится задирой.

- Если ты прочёл «Преступление и наказание» Достоевского, то тебе незачем читать все остальные детективы.

- Неудачная пластическая операция – свидетельство того, что Бог не терпит вмешательства в свою творческую деятельность.

- Причины развода: жидкий кофе, холодный обед, холодная постель, холодные поцелуи, холодные слова…

- Значительный заём в банке – вот подлинное рабство.

- Кажется, ни у одного из персонажей Ветхого Завета не появилось столько последователей, как у Онана?

- Есть люди, для которых трагедии других служат подтверждением собственного счастья.

Элеонора Панкратова, литературовед, переводчик

ИЗАБЕЛЛА КРЕЙГ НОКС (1831 – 1903)

ВРЕМЯ СЕВА И ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Глава 2

Прошло десять лет[1]. Миссис Эсслемонт только что отобедала с сыновьями – Артуром и Фрэнком. Она теперь живёт одна в старом доме с младшим сыном Артуром. Фрэнк у них частый и желанный гость. Обычно он приходит с женой, но не в этот раз.

Как только обед завершился, все трое поднялись из-за стола. Фрэнк попросил разрешения сопроводить матушку в гостиную.

– Можно мне не присутствовать? – спросила она, ощущая странную дрожь в голосе.

– Лучше тебе побыть здесь.

– Да, так будет лучше, – эхом отозвался Артур.

Фрэнк подал ей руку и повёл в гостиную. Артур последовал за ними, так как мать готова была лишиться чувств.

В возрасте за пятьдесят миссис Эсслемонт всё ещё оставалась изящной и привлекательной, но она была очень слаба, гораздо слабее своих сверстниц. Из-под кружевного чепчика выбивались седые волосы, щёки её были лишены всякого румянца.

Рана, о которой нам уже известно, не переставала кровоточить. Сегодня она дала о себе знать с новой силой. Вот почему миссис Эсслемонт выглядела такой бледной и измученной.

Фрэнк нежно усадил её в кресло и молча стоял подле неё. Все трое не проронили ни слова, терзаемые одной и той же мыслью. Фрэнк первым прервал молчание. Он посмотрел на часы и сказал: «Он будет здесь с минуты на минуту».

Миссис Эсслемонт беззвучно охнула: «Ради меня, будьте с ним подобрее», – прошептала она тихо.

– Ты знаешь, нам приходится так поступить, – сказал Фрэнк. – Ты сама должна осознать эту необходимость.

Она склонила голову, из груди вырвался стон вынужденного согласия.

Фрэнк поспешил вниз по лестнице.

Артур замешкался. «Не беспокойся, мама», – прошептал он.

---

[1] См. информацию об авторе и начало в журнале «Переводчик» № 22, 2022, СС. 125–137. (Прим. пер.).

– Я постараюсь, дорогой, – ответила она. – Не отпускайте его, не повидавшись со мной, – добавила она.

– Я приведу его к тебе, – заверил её Артур и последовал за своим братом. Они оставили её одну и прошли в небольшую комнату, примыкающую к столовой, которую для солидности называли библиотекой. Конечно, в ней было несколько книг, но она больше подходила для деловых встреч, чем имела отношение к литературе. Встреча, которая планировалась там, имела сугубо деловой характер.

– Как всегда не пунктуальный, – заметил Фрэнк, стоя на коврике перед камином.

Артур ничего не ответил. Он сидел за обитым зеленой кожей столом, уронив на руки свои каштановые локоны.

Без сомнения, эти два сына были счастьем для миссис Эсслемонт. Они выглядели такими сильными, красивыми, были так хороши в своей мужественности. Красивое лицо Фрэнка излучало энергию, решительность и тонкий ум. Возможно, сейчас у него был немного взволнованный вид, но такое выражение лица было для него не свойственно, дома оно становилось добрым и нежным.

Но сейчас волнение братьев нарастало.

Раздался звонок в дверь, который услышала из гостиной миссис Эсслемонт. Она слегка приподнялась, как будто хотела ответить, но потом опустилась в кресло, ещё утомлённее и слабее, чем прежде.

– Вот он наконец, – произнёс Фрэнк.

Артур поднял лицо, которое говорило о том, что, какое бы дело им ни предстояло, оно начиналось с молитвы. Он первым приветствовал брата рукопожатием, Фрэнк неохотно последовал за ним.

Но Чарльз! Что с ним сталось! Ясные голубые глаза потускнели, он смотрел как-то воровато, исподтишка, некогда прекрасное лицо покрылось пятнами. Он изменился до неузнаваемости. Никто не признал бы в этом располневшем чувственном человеке некогда стройного, утончённого рафинированного молодого человека.

Его рука задрожала, когда он сел на стул и пододвинул к себе кипу бумаг.

Деловая встреча, сутью которой было отстранение Чарльза от ведения дел в компании «Братья Эсслемонт» началась. Десять лет назад у них возникли серьёзные затруднения. Фрэнк в то время обнаружил, что Чарльз брал деньги из семейного бизнеса, и он выступил против того, что старший брат называл просто займом. Чарльз стал брать деньги в других местах. Он занимал их у не слишком щепетильных кредиторов до тех пор, пока ему не стали отказывать везде. Позднее эти мошеннические счета попали в руки братьев, и однажды его кредиторы с сомнительной репутацией явились в офис компании. В конце концов, это при-

вело к кризису. Чарльза нужно было вынудить выйти из семейного бизнеса.

Он признал эту необходимость не без внутреннего сопротивления. Но в противном случае, если компания выплатит его долги, что неизбежно скажется на их семейном капитале, у них не будет гарантии, что не всплывут ещё какие-то финансовые обязательства Чарльза.

Их встреча длилась в течение нескольких часов, часов агонии для бедной матери, которая находилась наверху в гостиной. Она знала, что в братьях созрели семена ожесточения. В конце концов, встреча братьев подошла к концу. Документ о выходе старшего брата из компании был подписан, и Чарльз Эсслемонт согласился получать свою долю отцовского бизнеса деньгами по частям в течение последующих двух лет.

– Мы всё ещё братья, Чарльз, хотя мы уже не партнеры по бизнесу, – сказал Артур, протягивая ему руку.

Чарльз поднялся попрощаться и ответил на сердечное рукопожатие брата.

– Сначала поднимись наверх повидаться с матушкой, – попросил Артур. – Она ждёт тебя.

– Оставайся и поужинай с нами, – добавил Фрэнк.

– Нет, спасибо, я, пожалуй, пойду. Я как-нибудь навещу мать в ближайшее время. Лучше мне не встречаться с ней сегодня. Я не перенесу очередной сцены.

– Я пообещал ей привести тебя наверх, – настаивал Артур, пытаясь удержать его. – Не разочаровывай её.

Но Чарльз не стал мешкать. На прощание он беззаботно кивнул Фрэнку, высвободился от руки Артура, которая дружески сжимала его плечо, и вышел из дома.

Ни один звук не ускользнул от слуха миссис Эсслемонт. Открывающиеся двери, голоса, не предвещающие скандала, все это усиливало её ожидание. Она вся дрожала, взгляд был прикован к двери. Затем она услышала звуки прощания и почувствовала глубокое разочарование.

Нетерпеливое желание погасло в её глазах, и всё тело пронзила невыносимая боль. Артур взлетел по лестнице наверх, чтобы утешить её. Она держалась рукой за сердце. Затем мать издала глубокий вздох и разом вся поникла.

– Это убило её, – воскликнул Артур с мукой в голосе, когда его брат вошёл в комнату.

– *Он* убил её, – произнёс Фрэнк, на мгновение склонившись к матери, а затем бросился за ближайшим доктором. Но доктор уже был не в силах чем-либо помочь. Она умерла от застарелой болезни сердца.

Чарльза пригласили на похороны, но он ушёл с кладбища сразу же после церемонии прощания, так и не примирившись с братьями.

– Если бы Фрэнк не вынудил меня занимать деньги у этих людей, я никогда бы не попал в такую переделку, – пробурчал он про себя. Итак, он пошёл своим путём отдельно от братьев.

Но их бизнес в компании «Братья Эсслемонт» ещё долго не мог войти в свою колею. Многие партнёры, которые имели деловые отношения ещё с их отцом, уже отошли от дел. Фрэнк мог бы вернуть их доверие, поскольку он был в бизнесе намного способнее Чарльза, но начинал вести дела именно Чарльз. Он не только оттолкнул от компании старых друзей, но и начал проводить сделки с новыми людьми. Какое-то время эти люди вели прибыльный бизнес, но у некоторых из них дела пошли из рук вон плохо, другие тоже были на пути к разорению. Над компанией «Братья Эсслемонт» нависла серьёзная угроза, и Фрэнк, чтобы компенсировать финансовые потери, поскольку всё руководство делами легло на его плечи, стал ещё более осторожным.

Около двух лет назад после смерти отца он женился на прекрасной девушке восемнадцати лет, дочери другого городского дельца, который хорошо знал его родителя. Этот брак вызывал одобрение у всех, кто был знаком с обеими семьями, и сулил счастье им обоим.

По мере того как время шло, казалось, что их надежды с избытком оправдались. Молодая женщина, миссис Фрэнк Эсслемонт, стала ещё прекраснее, чем до замужества. У неё был замечательный нрав, который отражался в её ясных глазах и безмятежном лице. Они с мужем никогда не высказывали недовольства в отношении друг друга. Некоторые жёны неприязненно относились к его преданности бизнесу и настаивали на том, чтобы он принимал участие в их развлечениях. Но миссис Эсслемонт, несмотря на то, что ей всегда было приятно видеть рядом с собой её красавца мужа, вела себя спокойно, наслаждаясь светской жизнью и без него. Она выезжала на прогулки, наносила визиты, ездила на море, оставляя его на целый сезон холостяцкой жизни с покорностью, которая была большим утешением для занятого бизнесом человека.

Когда он был слишком утомлён, чтобы сопровождать её на вечеринках, она была достаточна добра, чтобы не дуться на него и отправлялась развлекаться одна. Напротив, подавала ему чай перед своим отъездом и возвращалась к нему с горящими от восторга глазами в шелках и сверкающих бриллиантах. Она целовала его так же, как целовала на прощание детей.

У них было четверо прекрасных детей, которые приводили в восторг свою бабушку. И они также восторгались ею, потому что она никогда не уставала от них и не отправляла их наверх в детскую, как это делала их собственная мать. Они не стояли на цыпочках на своих стульях и не выглядывали из окна детской комнаты. Напротив, она показывала им картинки, рассказывала разные истории, отвечала на их вопросы и

«очень их любила». Они употребляли это слово, поскольку её продолжительные ласки сильно отличались от коротких поцелуев их матери. Бабушке так же как и детям, чего-то явно не хватало в этих быстрых поцелуях.

Домохозяйство Фрэнка Эсслемонта требовало больших расходов – на детей, на целый штат прислуги и на их молодую, весёлую хозяйку. Чтобы покрыть все расходы, ему требовался весь доход от бизнеса. И пока миссис Эсслемонт летала как на крыльях, такая лёгкая и статная и на прогулках и во время танцев, такая сияющая в расцвете своей красоты, лицо её мужа становилось всё более серым и угрюмым, черты озабоченности углубились вокруг его глаз и губ. Его походка стала тяжёлее, но всё ещё оставалась энергичной, а каштановые волосы на прекрасной голове становились всё реже и реже.

Фрэнк Эсслемонт был человеком, который не спешил быстро вступать в игру и рисковать всеми деньгами. Он терпеть не мог влезать в долги, полагая, как некоторые, что этот год был неудачным, но следующий, наверняка, будет благоприятнее. Он жил по своим средствам и иначе просто не мог – он не желал тратить сверх возможного. Выплата доли бизнеса отца, которая принадлежала Чарльзу, сильно уменьшит его доход в течение одного-двух лет, если он, Фрэнк, не наладит бизнес. Он твёрдо решил возместить все расходы.

Фрэнк не стал терять времени даром и решил поговорить с женой о сокращении их семейных расходов. Она терпеливо удостоила его вниманием, но во время разговора оставалась неподвижной, как мрамор. Никого из слуг нельзя уволить. Как она может обойтись без своей одноконной двухместной кареты в платной конюшне? Её более обеспеченные сёстры имели дома в Уэст-Энде. Неужели она не увидит их до конца лета? А поездка на побережье для подкрепления здоровья и детей, и её самой? Конечно, без неё просто невозможно было обойтись. Нет, она не склонна к экстравагантности. Она просто хотела получить пару модных серёжек и к ним брошь, чтобы надеть их на рождественский вечер. Этим она может поступиться. Она также может использовать французский белый шёлк, чтобы из него сшить нижнюю юбку и, таким образом, уменьшить расходы на новое платье.

Фрэнк пытался оправдать её в своих глазах. Он не особенно впечатлил её этой вынужденной необходимостью, ведь она никогда не сталкивалась с тем, что её желание может быть не исполнено. И потом её сестры. Они были такими богатыми, нарядными, что она просто не может оказаться беднее их или быть не такой нарядной, как они. Всё это он говорил сам себе, тем не менее, его жена вонзила первый шип в его сердце.

Другим и ещё более острым шипом оказалось её нежелание прию-

тить Артура в её доме – Артура, который скоро станет бездомным, так как после смерти миссис Эсслемонт ему вскоре придётся освободить их старый дом. Сара и другие слуги получат расчёт, эти расходы поделят между собой Фрэнк и Артур. Мебель будет продана, доходы будут поделены между братьями, включая Чарльза.

При таких обстоятельствах Артур был бы рад жить под одной крышей с женой брата, и Фрэнк собирался предложить ему такой вариант, но внезапно почувствовал укол шипа и решил прежде поговорить об этом с женой. Он не особенно сомневался в результате, так как Артур всегда был любимчиком миссис Фрэнк и, если бы она могла, то с удовольствием брала бы его с собой на какие-нибудь увеселительные прогулки.

Но он ошибался. Дом был слишком тесен. Детям и слугам нужно было много места. Что касается слуг и даже детей, это так и было. У них было не слишком просторно. Две служанки спали в маленькой непроветриваемой комнатке размером в 10 квадратных футов. Кормилица и младший ребёнок имели отдельную хорошую комнату. Но остальные трое детей и няня жили все в одной, сравнительно небольшой комнате. Все восемь человек спали на одном этаже, тогда как внизу всё пространство было отведено под спальню и будуар миссис Эсслемонт.

В доме были ещё два других этажа с симпатичными гостиными. И на каждом этаже также было по маленькой комнатке, одна из них была типа будуара, а другая могла служить кабинетом. Можно ли предложить одну из этих комнат Артуру? Он будет хорошо платить за проживание, а это в настоящий момент нельзя сбрасывать со счетов.

Миссис Эсслемонт сказала, что она не собирается стать содержательницей жилья, сдающегося в наём.

Фрэнк ничего не ответил, но в самое его сердце вонзился ещё один шип и даже не один, а целый пучок шипов.

Эти приметы тревоги ещё больше углубились на привлекательном лице Фрэнка. В его душу вселилась жажда вернуть былое благосостояние, и она овладевала им тем больше, чем быстрее улетучивалось из дома Эсслемонтов всё, что было нажито прежде. Но Фрэнк решил, что всё должно вернуться на свои места любой ценой, пусть даже за его собственный счёт. Теперь он часто смотрел на свою жену с любопытством, как будто она была незнакомкой, и расстояние между ними вместо того, чтобы сокращаться, стало всё увеличиваться.

Возможно, это произошло оттого, что они вращались по разным орбитам бытия. В то время как она восседала за хорошо приготовленным и сервированным столом, он ел свой картофель или стейк во второразрядной забегаловке, а потом возвращался к своим конторским книгам, часто один, когда Артур и другие работники уже уходили по

домам.

– Она предпочитает мне мои деньги, – с горечью говорил он сам себе. – И она их получит – их, не меня.

А потом, так как он её всё-таки любил, он положит свою голову на руки и будет мечтать о том времени, когда даже она ему скажет: «Хватит – люби меня, мой муж, люби меня» и, он, сдерживая себя некоторое время, в конце концов, прижмёт её к своему сердцу.

Но сейчас, после того, как Фрэнк постепенно устранился от сопровождения жены даже в церковь, чего раньше он никогда не делал, – их разобщённость стала полной. Она сначала раскрыла в удивлении свои глубоко посаженные фиалкового цвета глаза, но потом надела свою новую шляпку на свободно уложенные волосы и пошла без него. Он сказал, что слишком устал и ему нужно многое обдумать, и «Ты можешь отправляться на небеса и без меня»,– добавил он горько про себя.

Артур снял себе жильё. Фрэнк помогал ему подыскать подходящие комнаты, испытывая сожаление и сочувствие, когда он думал о соблазнах жизни в одиночестве и и о том, как один из братьев уже стал жертвой поиска удовольствий. Хотя Артур уже не был юношей, но кто мог с уверенностью сказать, что и он сможет устоять перед соблазнами? Мы все невольно судим о других по себе. Фрэнк мог понять искушение, но он не имел представления о характере, который вместо того, чтобы устремиться в толпу любителей удовольствий, дабы избежать одиночества, найдёт в уединении стимул к набожности, побудительный мотив к благочестию.

Именно это и нашёл Артур в своём положении. Осознав себя в новом состоянии одиночества, он в то же время уверовал в присутствие Бога, почувствовал свою приобщённость к христианской религии. То, что такие души, как у него, искали во все века в кельях отшельников, в пустынях, на горных вершинах, Артур неожиданно нашёл в своих, ничем не примечательных комнатах. Позднее, когда долг довлел над ним особенно сильно, он обращал свой взор к первому году своего полного затворничества, как ко времени совершенного наслаждения и покоя.

Артур оказался в доме молодой четы, которую очень рекомендовали как набожных и благоразумных людей. Муж служил в религиозном обществе, а жена сдавала комнаты в большом старомодном доме, с целью иметь дополнительный доход к скромному жалованью главы семейства. Они были женаты шесть лет и имели троих детей.

Хозяева и их новый жилец были вполне довольны друг другом, у них постепенно складывалось дружеское отношение к Артуру. Под крышей этой молодой семейной пары он чувствовал такое умиротворяющее затворничество! От полноты их собственного семейного счастья они испытывали жалость к незнакомцу, у которого не было ни дома, ни

матери, ни сестры, ни жены. Они предложили ему вместо еды в одиночестве разделить с ними завтрак и ужин и присоединиться к ним во время утренней и вечерней молитвы. Последнего его сердце особенно жаждало, и он с благодарностью принял их предложение.

Пара была такой простой и искренней, а малыши – у Артура была особая привязанность к детям – были такими хорошенькими и прелестными, что жилец все больше становился членом их семьи.

Но со временем у них ожидалось пополнение, однако не в виде ещё одного маленького карапуза, который уже появился и ни для кого не был обузой. Ожидался приезд новой постоялицы в лице молодой девушки из Шотландии, которая должна была поселиться у них на несколько недель до того времени, когда она сможет отправиться к своему будущему мужу в сопровождении миссионерской группы в один из районов Индии. Жена миссионера родилась и выросла на севере в той же самой деревне и вызвалась сопровождать её. Наречённый молодой девушки работал армейским хирургом. Предполагалось, что она приедет к нему сразу же после смерти её отца-инвалида, за которым ей приходилось ухаживать.

Итак, среди них появилась Грейс Стюарт – скромная, получившая домашнее воспитание девушка, которая не опасалась никакого зла просто потому, что сама была неспособна причинить кому-либо зло. Какой свежестью горных вершин и озёр она наполнила тесные лондонские комнаты! Молодая хозяйка по сравнению с ней выглядела бледной и апатичной. Надо было видеть, как она подбрасывала младенца, которого его мать и служанка носили на руках, устало вздыхая, и с облегчением клали его снова в кроватку. Она, слегка отклонив назад свою благородную фигуру – лёгкая и стройная, держала подпрыгивающее и издающее восторженные крики дитя на вытянутых руках. Было наслаждением наблюдать за тем, как она несла тяжёлый поднос, прекрасная, сильная – качество, столь редко обнаруживаемое у представительниц её пола и в то же время столь необходимое для перенесения всех тягот, которые выпадают на женскую долю.

С момента её появления в доме всё потекло гладко и ровно.

– Не знаю, как это произошло, но с её приездом я чувствую себя намного крепче, – сказала миссис Браун. – Даже сам её вид придаёт мне силы.

Дети тоже выглядели здоровее. Они гораздо чаще стали гулять в парках, чем это было прежде, и поэтому крепко и сладко засыпали.

Грейс вообще не знала праздности. Она занималась самообразованием, так как ей не пришлось получить должного обучения, что не было типичным для Шотландии. Но девочка была такой выносливой и оказалась просто незаменимой помощницей по дому. Причиной тому

послужил несчастный случай, который произошёл с её отцом, который в расцвете сил и лет стал беспомощным инвалидом. Она принадлежала к классу, который был выше крестьянского сословия, но который отличался стремлением бороться и подняться выше не просто для того, чтобы занять более высокое положение в обществе, как это обычно называется, но желанием достичь более благородных целей – знания и его применения в жизни.

Младший по возрасту, дядя по материнской линии – не старше того, кто мог бы быть её старшим братом, собирался стать врачом, он успешно изучал медицину, пока не подхватил лихорадку, когда проповедовал для бедных в переполненных людьми кварталах Глазго. Как раз через этого дядю Грейс и познакомилась со своим женихом. Эндрю Миддлтон принадлежал к более высокому классу, чем Грейс, но он был беден и сам себе хозяин, поэтому ничего не мешало ему полюбить благородную сельскую девушку и привязать её к себе помолвкой во время своего отсутствия.

Но если бы Андрю Миддлтон принадлежал и к более высокому классу, имел более благородную репутацию, он выбрал бы себе невесту с достоинствами Грейс. Её ум отличался одновременно и силой, и простотой. Она открыто шла во всём до конца. Её действия и поступки говорили о свободе, которая была присуща чистой и солнечной натуре девушки. Например, она не стыдилась быть застигнутой врасплох за столом с тетрадкой, в которой она исписывала страницу за страницей, чтобы улучшить свой слишком детский почерк с тем, чтобы он соответствовал, по её мнению, должному уровню – безукоризненно написанным с точки зрения почерка письмам возлюбленного. Что до их содержания, то Грейс с присущей ей благородной сдержанностью ничего не говорила. Как только она получала письмо, то ходила по дому с мягкой улыбкой на красивых губах её прекрасно очерченного рта и ласкала ребёнка в течение часа. И на этом всё.

Она сверяла написание слов по старому словарю, одновременно вникая в смысл, и ничего не мешало ей воспользоваться помощью Артура в этой своей работе. В её чистых серых глазах не было никакого кокетства, когда она отрывала взгляд от книги в процессе изучения, или в складках её лба, когда она вникала в смысл особенно трудного слова. В ней не было жеманства, краска не бросалась ей в лицо. Оттенок её мягких щёк был глубоким и ровным. Она занималась очень серьёзно и быстро продвигалась в учении, так как решила, что ей не должно быть стыдно за свое невежество перед своим будущим мужем.

Будучи поглощенным этим занятием, под надёжным щитом любви и истины сердце Грейс было в полной безопасности. Но с Артуром Эсслемонтом всё было не так. Он вступил в пору мужской зрелости, так

и не позвав настоящей любви. Он вообще мало знал женщин, сестры у него не было, и, как оказалось, Артур был влюблён в Грейс гораздо раньше, чем это осознал.

Итак, он занимался тем, что обычно делают мужчины его склада – он страдал, но не подавал виду. Он продолжал встречаться с ней, помогал ей, обучал её, готовил её для другого. Это причиняло ему сладкую боль, и он старался закрыть глаза на то безысходное отчаяние, которое за этим последует. Он не мог думать о том, какой будет его жизнь, если эта душа, наполнившая его подлинной истиной и чистотой, покинет его.

Время расставания неотвратимо приближалось и наконец пришло осознание – осознание, которое открыло Артуру глаза на ту опасность, в которую он попал. Он не мог найти в себе силы попрощаться с ней. Артур был просто не способен на это, но он планировал написать ей небольшое письмо со скромным прощальным подарком в придачу. Он купил книги и написал её имя на каждой из них, её имя и дату и перевязал их в пакет, который собирался оставить тогда, когда наступит время. Неожиданно жена миссионера заболела, и миссия не могла отправиться в далёкий путь в назначенное время.

Было очевидно, что эта отсрочка повергло Грейс в уныние.

Должна была прийти почта из Индии, и она ожидала письмо от возлюбленного. Почта пришла вовремя и была доставлена во время завтрака. Артур украдкой наблюдал за Грейс, когда она читала письмо. Миссис Браун была слишком занята, чтобы что-либо заметить, а мистер Браун уже ушёл. Его взгляд отметил сначала изумление, замешательство, затем страх, переходящий в смертельный ужас. Здоровый цвет лица не мог измениться в один миг, но её губы побледнели, руки затряслись и смяли тонкий лист бумаги.

Она не проронила ни слова, а Артур не осмелился что-либо спросить, пока она не поднялась и не вышла из-за стола.

– Что-то случилось у мисс Стюарт, – сказал Артур, собираясь уходить.

– Как вы думаете, что произошло? – спросила миссис Браун. – Я ничего особенного не заметила, у неё всегда всё хорошо.

– Думаю, что она получила плохие новости.

– В письме?

– Да.

– Мне пойти к ней?

– Я бы пошёл, будь я на вашем месте.

Но Артуру нужно было уходить. В любом случае он не мог пойти к ней, он должен идти на службу, но с таким же успехом он мог бы оставаться и на своём месте. Сидя над конторскими книгами и деловыми письмами, он будет видеть только лицо Грейс, охваченное ужасом, и

будет размышлять о причине этого страдания, вместо того, чтобы подсчитывать проценты и скидки.

Спустя какое-то время миссис Браун пошла к Грейс и, постучав пару раз, получила разрешение войти. Она была шокирована и опечалена, найдя девушку буквально убитую горем. Грейс сразу же рассказала о причине своей печали.

– Прочтите это, – сказала она, протягивая письмо миссис Браун. Оно было от её возлюбленного и означало, что их помолвка разорвана и ей предложена денежная компенсация за потерю времени и денег. Но к тому времени, когда она получит это письмо, а он позаботился о том, чтобы она получила его вовремя и не отправилась в путь на пароходе – он уже будет мужем молодой леди, сестры его товарища – офицера, к которому он был очень привязан. Он написал, что долгая разлука и другие причины ослабили его чувства к Грейс. Он понимает, что его есть за что упрекать, но, возможно, однажды она ещё поблагодарит его за полученную свободу.

Она ему уже ответила.

– Я благодарю тебя, а что касается компенсации, я оставляю её той леди, которую ты избрал. Ей нужно то, что ты не сможешь ей дать – честное и преданное сердце.

«Андрю Миддлтону от Грейс Стюарт»

Это был сухой ответ. Бедная миссис Браун была ошеломлена. Она полагала, что к этому письму нужно многое добавить, и она умоляла Грейс дождаться мужа и позволить ему прочитать и письмо, и её ответ.

Грейс хорошо знала себя. Она знала, что между ними всё кончено раз и навсегда. Ни единого слова больше, чтобы сократить пропасть между ними. Но она ответила:

– Хорошо, пусть мистер Браун прочитает его, и мистер Эсслемонт тоже. Мне нечего утаивать от них, и я презираю его.

Затем Грейс поднялась и принялась, как обычно, хлопотать по дому, запрятав свою сердечную боль в глубину души. Но она буквально не находила себе места. Она пыталась поесть, но не могла. Она взяла ребёнка на руки и прошла многие мили по улицам, площадям, парку и вернулась домой в состоянии такого же беспокойства.

Когда наступил вечер, она выглядела, как человек, который прошёл сквозь огонь. Её румянец поблек. И всё же у неё хватило силы переносить эту боль.

Артур Эсслемонт вернулся домой – теперь он называл это домом – как можно раньше, и через короткое время к нему со слезами на гла-

зах пришла миссис Браун и рассказала, какое оскорбление получила мисс Грейс. Там, в углу, на серванте, лежали её книги, тетради, грифельная доска, так как Грейс проявляла большое старание в постижении основ образования. В этих простых книгах было что-то странно жалкое. Останутся ли они лежать там навсегда?

Они встретились как обычно в гостиной. Мистер Браун уходил и вновь вернулся. Он отсутствовал на собрании. Сегодня Грейс не занималась своими книгами. Она сидела без дела с побелевшими губами и отсутствующим взглядом. Огонь негодования стих, и её лицо стало ещё нежнее и мечтательнее, чем Артур его когда-либо видел.

Неожиданно она резко поднялась поприветствовать его.

– Она вам сказала?

– Да, – ответил он. – Я знаю, как к вам отнеслись, и с трудом верю в то, что это возможно.

– Я думала сейчас, – произнесла она, – как невероятно всё это было, и только на мгновение решила, что всё это просто ошибка. Но вот это письмо.

Оно было в её сумке, а не там, где она обычно хранила письма. Она хранила их там, с чем была связана её христолюбивая вера, – между листами Библии. Сейчас она их достала и связала вместе, чтобы сжечь.

Она протянула ему письмо, и он взял его дрожащими пальцами.

– Вы были очень добры ко мне, – сказала она. – И будет правильно, если вы будете знать, что я не лукавлю и всё изменилось.

– Я бы никогда не стал думать, что вы лжёте.

– Ах, вас никогда не предавали, – ответила она. – Думаю, что я уже никому не буду верить.

Артур прочитал письмо и прошептал сквозь зубы: «Негодяй». И, тем не менее, это относится к нему.

– Он лжец, – добавил Артур.

– Да, я думала об этом, – ответила она. – Когда-то он был искренним и не поступил бы так ни за что на свете. Как он, должно быть, переменился!

– Причём настолько, что если бы он сдержал своё слово, Грейс, и позволил вам приехать к нему и стать его женой, то вы не были бы счастливы с ним.

– Как это могло случиться? – вскрикнула она. – Что могло его так изменить?

– Жизнь всех нас меняет, Грейс. Нам достаются и добрые семена, и острые шипы. А теперь скажите мне, что вы собираетесь делать дальше? Вы ответили на его письмо.

Она безмолвно дала ему ответ.

– Он этого заслуживает. Вы правы в том, что отвергли его деньги,

и он одобрительно вернул ей письмо.

– Теперь я должна вернуться домой, – ответила она, так как не могу оставаться здесь дольше. Я должна подумать, что делать дальше.

Она стояла на пороге будущего, которое было столь ужасным, что её взгляд стал каким-то диким, как будто её положение было совершенно безвыходным.

– Не уезжайте, Грейс, – сказал Артур, поднимаясь, встал перед ней. – Останьтесь. И он протянул ей обе руки и посмотрел на неё тем взглядом, в котором невозможно было ошибиться, и который просто говорил: «Останьтесь со мной навсегда».

– Нет, нет, нет, – закричала она в ответ.

– Послушайте меня, Грейс, – сказал он. – Я боролся со своей любовью к вам, потому что вы принадлежали другому. Теперь у меня есть право просить вас стать моей, позволить мне вознаградить вас за все ваши страдания. Вы позволите мне, Грейс?

– Ещё вчера я была его, могу я стать вашей сегодня? – закричала она нетерпеливо, содрогаясь от боли, её щеки горели от негодования.

– Простите меня, – пробормотал он и протянул ей руку, но она не заметила её, так как в этот момент вошла миссис Браун. Громко рыдая, Грейс бросилась в свою комнату, где она опустилась на колени перед своей кроватью, чтобы подняться только тогда, когда её внутренняя борьба закончится и она отдаст своё сердце только Богу.

Грейс была прекрасным бутоном в божественном саду. В ту ночь печали она превратилась в совершенный цветок – чистую, нежную, бесстрастную, набожную женщину.

А в комнате под ней Артур Эсслемонт, тоже проведя бессонную ночь, сел написать ей письмо, умоляя простить его за ту боль, которую он причинил ей своим неожиданным признанием и просил отныне быть ему только другом.

Утром они не встретились как обычно, так как Грейс предпочла остаться в своей комнате, а Артур принял решение уйти на какое-то время. Когда он вернулся, Грейс уже не было.

Глава 3

Пролетел ещё один период в жизни Эсслемонтов. Обещания весны уступили место заботам жаркого лета. Приближалось время жатвы. Братья уже вступили в пору среднего возраста со сложившимися характерами и вполне определёнными перспективами на будущее. Что они сделали со своей жизнью, которая у них начиналась одинаково?

Фрэнк Эсслемонт всё ещё является главой компании. Нет, пожалуй, он и есть компания. Он также, что бы там ни говорилось, был гла-

вой семьи. О Чарльзе ничего не было слышно. Мистер Фрэнк Эсслемонт этому несказанно рад, потому что было бы очень неприятно отказывать ему в работе клерка в офисе. А что ещё можно было сделать с выпивохой с сомнительной репутацией? Он будет вечным позором семьи. Будет закатывать сцены в конторе и перед другими служащими тоже. Нет, мистер Фрэнк сделал самое лучшее – дал блудному сыну денег и попросил его убраться подальше и больше не вмешиваться в семейный бизнес.

Мистер Фрэнк не сказал об этом небольшом инциденте миссис Фрэнк, хотя, несмотря на то, что он сделал все возможное, время от времени его охватывало беспокойство. Между ним и миссис Фрэнк не осталось взаимопонимания, хотя они никогда не ругались. Вряд ли можно ожидать, чтобы пуховая подушка конфликтовала с мечом и доспехами. Миссис Фрэнк была более, чем когда-либо, пуховой подушкой, а мистер Фрэнк не был облачен ни в какие доспехи, кроме своего процветания. В общем, они не ссорились.

Мистер и миссис Фрэнк жили в городе. Миссис Фрэнк не любила жить за городом. Их дом находился в модном районе Уэст-Энда и миссис Фрэнк, которая не могла переносить петушиное кукареканье по утрам, была совершенно безразлична к шуму и грохоту карет в предрассветные часы.

Теперь она могла соперничать со своими сёстрами и козырять перед ними более дорогими нарядами и драгоценностями, великолепием её дома и пышностью увеселений, что она и делала. Будучи праздной по натуре, поступая таким образом, она испытывала удовлетворение. Ей не было дела до соперничества с кем-либо ещё, завоеванием новых королевств. У неё, как всегда, был весёлый ровный характер и своеволие, но не ведущее к спорам. Это было упрямство подушки, которая всегда принимает свою первоначальную форму, как её не взбивай и не тереби.

У неё всё шло гладко, как по маслу. Она всё ещё была прекрасна – ни единой морщинки, волосы, не тронутые сединой, она благоухала свежестью с лёгким ароматом розы. Её фиалковые глаза блестели, как и прежде, но, казалось, в них не было души. Это были как глаза восковых кукол, сделанные из стекла, в витрине парикмахерского салона. С возрастом она становилась всё более самовлюблённой и всё больше заботилась скорее о комфорте, чем о показном благополучии. Мистер Фрэнк Эсслемонт теперь богатый человек, фантастически богатый, но он также фанатично предан своему делу, как и прежде. Праздность, по которой он когда-то тосковал, теперь, когда он мог себе это позволить, его не привлекала. После жестокой изнурительной борьбы бизнес Эсслемонтов, словно птица Феникс, возродился из пепла и стал процветать. Фрэнк получил признание, и он этого действительно заслужил – всё это

была его работа. На самом деле, именно тогда, когда бизнес стал возрождаться, Артур Эсслемонт оказался достаточно глуп, чтобы отойти от дел с тем, что он предпочитал называть скромным достатком.

Но даже сейчас, со всем своим богатством, мистер Фрэнк Эсслемонт и не думал уходить на покой. Он не был скупцом. Нет, он свободно распоряжался своими средствами, но в накоплении богатств он не знал насыщения и с удовлетворением продолжал делать деньги, которые затем тщеславно расходовались. Он был доволен за исключением тех моментов, когда в глубине его сердца что-то сдавливало его, как будто что-то взывало к свету, к простору, к свежему дыханию жизни. Сын мистера Эсслемонта учился в Кембридже. Со временем он войдёт в семейный бизнес, но торопиться с этим было ни к чему. Тем временем он может получить образование и приобрести хорошие манеры, чтобы, став богатым человеком, вращаться в достойном обществе. Что-то нет-нет, да и шевельнётся в сердце отца, не из-за экстравагантности молодого человека, он мог оплатить эти прихоти, но из-за его скептицизма. Он, отец, говорил сыну, что такой открытый скептицизм ему не к лицу, он абсурден и свидетельствует о плохих манерах. Но сам Фрэнк не мог не помнить об уроках своего собственного отца и молитвах матери, которые как слабый ветерок, шелестели в его душе.

Итак, деньги заполняли и опустошали сундуки мистера Фрэнка Эсслемонта, и их звон заглушал шёпот слабого ветерка в его душе. И богатство, как мало пользы оно приносило, как многое из заработанного им превратилось в пепел! Его сын играл в азартные игры и принимал участие в бунтах, его дочери наряжались, его слуги транжирили деньги в его домохозяйстве. Еда, которая могла помочь многим голодающим беднякам, ежедневно выбрасывалась собакам. Он давал деньги на благотворительность, но из них многое растрачивалось попусту – и летело в мусорную корзину на встречах, которые не посещались, в отчётах, которые никто не читал.

В намеченную среду – важный день для лондонских обедов – особняк мистера Фрэнка Эсслемонта сверкал всеми огнями от мансардных до подвальных помещений. На исходе мартовского дня лакей внёс посуду из венецианского стекла и закрыл портьеры, чтобы посмотреть, как выглядел стол при свете люстр, как сияли бокалы и серебро. Горничная миссис Эсслемонт только что сделала то же самое, чтобы лучше оценить туалет хозяйки, которым она начала заниматься. Подобный же процесс происходил и этажом выше, где двое из молодых леди одевались к званому обеду. Это были очаровательные девушки, прекрасные своей телесной красотой. Увы! В них мало было красоты духовной. Их юные сердца были бездушно набиты тщеславием и приземлённостью, как утрамбованная дорога. Любое случайное упавшее семя добра сразу

же уничтожалось, как чуждое растение-изгой. В раннем детстве их дённо и нощно воспитывали дома – няни, пустые сплетни, тщеславие и злословие. Школа не вносила ничего нового, а только поддерживала приобретённые знания. А теперь молодые девушки осваивали на практике эти уроки или с уважением внимали наставлениям старших – их матери и её друзей.

– Фанни, – сказала старшая сестра, – наш старинный голубой шёлк прекрасно подойдёт к сегодняшнему вечеру. Сегодня будут только влиятельные люди.

– Да, мама не может представить кому-нибудь дядю Артура и его жену, – ответила Фанни.

– Жаль, потому что я люблю дядю Артура, – ответила сестра Фанни покровительственным тоном, – но его жена выглядит совершенно как школьная учительница.

– Это её стиль. Она всегда одевается в чёрный шёлк, – настаивала Фанни.

– Знаешь, её можно привести в порядок. У нее великолепные волосы, если только она их правильно укладывает (Фанни имеет в виду, если взбить волосы и использовать подложку), и у неё прекрасные руки и шея. Однажды я была в её уборной комнате, и до того, как она начала одеваться, она вовсе не выглядела простушкой. Только когда она подвернула свои волосы наверх, как няня, и надела своё лучшее платье из чёрного шёлка, она стала смотреться довольно обычно.

Но у неё нет никакого стиля, и мама слышала, как она рассказывала о своей школе и детях, которых она учила и которые из милости были взяты на воспитание. И когда мистер Бонус спросил её, как она может тратить на это всё своё время, она ответила, что это её работа и она получает за неё жалованье. А мама сказала, что он выглядел таким озадаченным и произнёс: «О, в самом деле», как если бы он не знал, как на это реагировать.

И пока молодые девушки болтали, мистер Эсслемонт сидел в своём кабинете, ему было не по себе. Он не был одет к обеду и, тем не менее, праздно сидел перед камином в своём роскошном кресле, наморщив лоб, знак того, что на сердце у него было ещё тяжелее.

Газета «*Таймс*» лежала на столе, но не финансовый рынок повлиял на преуспевающего дельца, ни потери на суше или на море, ни банкротство, ни злоключения. Это был лишь случайно брошенный взгляд на несчастное, бледное лицо человека на улице, и это лицо будет преследовать его теперь повсюду. Оно было в огне камина, перед тяжелыми зашторенными портьерами, оно будет с ним за обеденным столом, возможно, не даст ему уснуть ночью.

Это было лицо Чарльза Эсслемонта, столь изменившееся и в то же

время более похожее на него в юности, чем когда это было лицо чувственного распутника. Оно было измучено страданием, в умоляющих глазах читалась боль. Он был истощён, плохо одет, в пальто, доверху застёгнутом на пуговицы, под которым ничего не было. Его башмаки были изношены, как у нищего. Был ли он нищим? Его уже совершенно бесцветные глаза встретились с глазами его брата, но не узнали его, и он отвёл их прочь. В Чарльзе всегда была некоторая кротость и застенчивость. Худая рука была прижата к больной груди, потом призрак Чарльза Эсслемонта испарился в толпе.

Вот что преследовало преуспевающего дельца – настоящее, истинное привидение. Он переоделся и снова вошёл в кабинет. Затем, ближе к обеду, спустился в гостиную. Он ожидал, что Артур придёт раньше других гостей, но тот не пришёл.

Они появились, эти другие гости – член городского управления с женой, его компаньон с супругой, холостяк средних лет и молодой доктор. Хозяин дома подождал пять, десять минут, но Артура всё не было. Обед будет испорчен. Что касалось его брата, у него не было необходимости соблюдать церемонии. Итак, он позвонил к обеду, и в указанное время обед был объявлен. За столом оставались два свободных места, одно из них, казалось, было предназначено для гостя-призрака с бледным лицом – Чарльза Эсслемонта. Обед начался, и призрак испарился, по крайней мере, так показалось Фрэнку Эсслемонту, который ел, пил и говорил как во сне. Прошло время, гости разошлись, а Артур с женой так и не появились.

– Я закажу карету и съезжу посмотрю, что случилось с Артуром.

– Я не стала бы беспокоиться на твоём месте, – сказала миссис Эсслемонт, зевая. – Скорее всего, какой-нибудь пустяк. Возможно, у его жены заболела голова, и она не видит особой важности в ответе на наше приглашение.

– Ты, конечно, отправишься спать, – ответил мистер Эсслемонт, не обращая внимания на её слова. Произнося это, он позвонил в колокольчик, чтобы заказать экипаж.

В этот же самый вечер другая миссис Эсслемонт сидела в старомодной гостиной, которая некогда принадлежала матери Артура. Старый квартал, где стоял дом, пришёл в упадок с того времени, как мать Артура жила и умерла там.

Бурлящие волны лондонской жизни огибали его, оставляя после себя грязь и нечистоты. Но он всё ещё держался, хотя был окружён убогой бедностью. Там жили один или два доктора, пара стряпчих по криминальным делам и стояла пара больших добротно построенных особняков, которые превратились в благотворительные заведения. Там же

жил и приходской викарий, чтобы быть поближе к своей пастве, поскольку он, что касается средств, был человеком, который мог жить где угодно. Приходским викарием был Артур Эсслемонт.

Артур, после того как он вышел из семейного бизнеса, занялся самообразованием и принял сан, чтобы иметь право работать среди лондонской бедноты в могущественном городе, лучшие дети которого учатся любить, как евреи любили свой Иерусалим, главным образом из-за его печалей. Он мог ошибаться, он знал многих, кто думал точно так же, но действовал по-другому, но он чувствовал, что может пойти к ним с большим правом, как посланник Церкви – той части мужчин и женщин, которые призваны искать и спасать тех, кому нужна помощь.

И у него нашёлся помощник в его трудах. Однажды он вошёл в школу, которая, как он узнал, была бесплатной и поддерживалась из благотворительных средств некоторых из тех граждан, которые некогда были связаны с этим районом. Он вошёл туда по долгу службы, чтобы устроить в школу, если возможно, нескольких детей-сирот, и там неожиданно столкнулся лицом к лицу с женщиной, которую он любил и по которой тосковал. «Грейс!» – воскликнул он. И услышал в ответ: «Мистер Эсслемонт!». Они взволнованно обменялись рукопожатием, которое, казалось, связало воедино прошлое и настоящее и было залогом их прочного союза.

Грейс вскоре рассказала о себе. Находясь в крайней нужде, она собрала свои скромные средства и потратила их на обучение учительскому труду. Затем она нашла это место и приступила к работе. В короткий срок она стала женой Артура Эсслемонта, стала его помощницей и поддержкой. У них не было детей. Грейс с мягким юмором говорила, что Бог не дал им своих детей, потому что в мире существует так много детей, о которых нужно позаботиться. У них не было детей, но в то же время в доме была детская с несколькими белыми кроватками и добрая, по-матерински заботливая няня, всегда готовая помочь.

И более того, маленькие кроватки редко пустовали, так же, как и игровая комната наверху, с балконом под крышу – пространство, наполненное цветами, игрушками и картинками. Много несчастных детей, которые ютились в одной небольшой комнате, где зачастую вместе были и живые и мёртвые, где могли соседствовать и люлька, и гробик, были помещены у них на время, чтобы они вспомнили, что есть место, похожее на земной рай, вспомнили утреннюю ванну, и вечернюю молитву, и чистую еду, и покой, и красоту в центре ужасных контрастов, где грязь, проклятья, отвратительные пожитки, и беспокойство, и ужас.

Иногда они устраивали целую семью, чтобы их шум не мешал выздоровлению их бедной матери, которая слышала шум и крики своих голодных детей, но не могла подняться и накормить их. Иногда больной

ребёнок находился у них в течение нескольких недель и даже месяцев и возвращался домой совершенно другим человеком. То, что обычно друзья делают для своих друзей в годину испытаний, Артур и Грейс делали для бедняков. И эти люди были их друзьями. Они знали, что получали не милостыню, но любовь. И в этом вся разница.

Грейс спокойно сидела в ожидании возвращения мужа, чтобы привести себя в порядок и пойти на званый обед к брату мужа.

Свет мартовского дня рано угасал в дымно-свинцовой атмосфере. Она взглянула на часы. Артур опаздывал, и, возможно, ей лучше переодеться, чтобы быть готовой к его приходу. Он посещал приход и мог оставаться там до последней минуты с кем-нибудь из несчастных бедняков, которые нуждались в его помощи.

С этой мыслью она поднялась и подошла к окну. Её внимание привлекла одинокая фигура, остановившаяся на краю тротуара. Человек смотрел вверх на их дом.

Это был мужчина, плотно закутанный в поношенное пальто, в рваных башмаках бродяги и с худой, обтянутой кожей рукой на груди.

Он покашливал, и его глаза были прикованы к окнам детской. «Это кто-то, кто имеет отношение к детям», – сказала себе Грейс.

Затем этот жалкий человек поймал её взгляд и отвернулся прочь.

О, если бы он знал, что в этом доме они часто с нежностью говорили о нём и что было ещё чаще, они молились о нём.

Это был Чарльз Эсслемонт, который пришёл в последний раз взглянуть на свой отчий дом, прежде чем он уползёт в своё логово умирать.

Грейс стояла и смотрела на него. Во взгляде этого человека было нечто большее, чем трогательно жалостливое. Очевидно, что он когда-то принадлежал к другому имущественному классу. И он был болен. Он качался, как будто вот-вот потеряет сознание. Грейс уже готова была выбежать на улицу, чтобы поддержать его, но в этот самый момент пришёл муж. Человек буквально натолкнулся на него.

И Артур принял его в свои руки.

Чарльз Эсслемонт, повернувшись, чтобы уйти прочь, почувствовал такую слабость, что практически ничего не видел. Он покачнулся в сторону Артура, не видя, кто был перед ним. Он не знал, пока не услышал голос брата, произносившего его имя, которое звучало в его ушах, пришедшее как будто издалека, из другой жизни.

Он пришёл в себя и увидел, что брат крепко держит его и ведёт к ступенькам дома, от которого он собирался уйти.

– Куда ты ведёшь меня, Артур?

– Домой, – был ответ.

– Но ведь ты не живёшь здесь!

– Живу.

– Я не могу войти туда.

– Грейс будет тебе рада.

– А кто такая Грейс?

– Твоя сестра.

– Я не знал, что ты живёшь здесь, и пришёл в последний раз посмотреть на дом.

Дверь открылась, и Артур впустил его внутрь. Грейс ждала их, и муж повлёк её вместе с братом в гостиную и закрыл дверь.

– Грейс, это Чарльз.

Он был ещё несчастнее, чем казался. Голова у него кружилась. Он схватился за стену, чтобы удержаться. Они поставили для него кресло, растёрли смертельно холодные руки, потому что он весь дрожал. Немного бренди оживило его. О, с каким ужасающим нетерпением он выпил его!

Глухой кашель огласил комнату.

– Ты болен, – сказала Грейс, опускаясь перед ним на каминный коврик.

– Умираю, – ответил он. – Мне нужно идти, иначе я умру здесь, а я не хочу причинить вам лишнее беспокойство.

– Ты никуда не уйдёшь, – сказал Артур. – Ты должен остаться здесь.

– Мы не позволим тебе снова уйти, – подтвердила Грейс.

Вновь послышался глухой кашель.

– Чарльз, позволь нам уложить тебя в постель, – сказал Артур, – и послать за доктором.

– Вы очень добры ко мне, но это бесполезно – слишком поздно.

– Почему ты не пришёл к нам раньше? – спросил брат.

– Я думал, что вы не захотите меня видеть. Я видел сегодня Фрэнка, он отвернулся от меня и прошёл мимо.

– Я тебя повсюду искал, – сказал Артур, испытывая жестокую боль. Грейс уже оставила их, она пошла приготовить постель и распорядиться о еде. Вскоре она вернулась сказать, что всё было готово.

– Меня не интересует еда, – сказал Чарльз. – У меня с утра маковой росинки не было во рту, но я выпью бренди.

– Но сначала ты должен повидаться с доктором. Бренди – опасный наркотик. Я не рискую дать тебе его сейчас, – ответил Артур. – Давай я уложу тебя в постель.

Артур повёл его наверх в уютную комнату, в которой уже горел камин, помог ему раздеться и плакал при виде голых ног без носков и худого тела без рубашки, которое он вымыл собственными руками.

Грейс уже послала за доктором, которого они знали и который

жил в их квартале. Он пришёл почти сразу и, спокойно обследовав пациента, сказал, что его услуги бесполезны. «От него нельзя отходить», – добавил он со значением.

И его не оставляли ни на минуту. Артур, сидя рядом с ним, вспомнил о званом обеде намного позднее того, когда уже подали первое и второе блюда. И Грейс, которая то входила, то выходила из комнаты, тоже вспомнила об этом, но ей и в голову не пришло ответить на приглашение в такой ситуации.

– Нам лучше послать записку, – сказала она.

– Или отправить одного из слуг с запиской. Фрэнк должен знать, – ответил Артур.

Было решено остановиться на последнем. Они написали письмо и без промедления отправили его. Затем они попросили няню посидеть у постели Чарльза, и Артур с женой наконец-то сели за самый простой импровизированный ужин.

– Странно, что я встретил Чарльза именно тогда, когда я больше всего о нём думал, – сказал Артур.

– Какое счастье, что ты пришёл именно в это время. Ещё немного и он бы ушёл.

– Я сидел у постели умирающего – того, кто был обитателем этого дома, когда мы были детьми. Он так и остался чужаком.

Грейс посмотрела на него с интересом, и Артур продолжал:

– Но, если бы не имя, которое пристало к нему в течение всей жизни, я не узнал бы его. Однажды зимним вечером мой отец нашёл его на ступеньках нашего дома. Он практически замерзал, его привели в дом и держали в течение нескольких месяцев помощником на кухне. В конце этого срока он сбежал домой к своим родителям, которых выпустили из тюрьмы. Его звали Боффи, он был достаточно умным малым. Моя мать пыталась обучить его всему, чему могла и развивала его память текстами и гимнами, поскольку он не умел ни читать, ни писать. Он их все забыл и помнил только свою удобную постель и мясо, и пудинг, сравнивая их с тюремной пищей, которая сменялась на еду воров и бродяг. Я не мог произвести никакого впечатления на его ожесточённый разум, когда я сказал ему, что он умирает.

«Да, – сказал он, – я скоро получу билет, чтобы покинуть этот мир, только мне не кажется, что меня вернут обратно. Но мне бы хотелось, чтобы мне позволили остаться на то время, что мне отведено. Там было лучше, чем здесь. Но это не имеет значения, ничего не имеет значения, – прошептал он, – здесь или там». Я оставил несчастное существо, когда он впал в забытьё. Его ожидало ещё более убогое существо – его мать. Молодость и порок – ужасны, но старость и порок ещё ужаснее».

– Не думаю, что я сегодня куда-нибудь поеду, – сказал мистер Фрэнк, снова вызывая лакея. – Отмени заказ на карету.

Мистер Эсслемонт отдал этот приказ, читая записку, которую принесла просто одетая служанка.

Женщина всё ещё ожидала ответа, ей нужно было успеть на последний омнибус. Мистер Эсслемонт вышел в переднюю.

– Скажи своему хозяину, – сказал он беззаботно, – что я навещу его завтра.

Если бы он захотел увидеть своего брата Чарльза, он должен был приехать вечером. Утром было уже слишком поздно.

В ту самую ночь смерть пришла за скитальцем – пришла, когда сестра обнимала его, и Артур стоял на коленях перед его кроватью.

Чарльз хотел что-то сказать, но его невозможно было услышать. Он только улыбался своей знакомой очаровательной улыбкой.

– Всё кончено, – этими словами Артур приветствовал брата следующим утром.

– Когда он умер? – автоматически спросил последний.

– Перед рассветом, – ответил Артур. – Ты зайдёшь, посмотришь на него?

– Нет. Пожалуй, нет. Какой смысл снова бередить свои чувства?

– Он прекрасен в смерти, – сказал Артур, – и так мирно улыбается. Его последняя улыбка как будто источала уверенность в том, что он получил прощение. Милость божья не знает границ, но, о брат, какой урожай мы собрали здесь на земле?

После паузы Фрэнк сказал:

– Я рад, что ты нашёл его, хотя бы потому, что он может рассчитывать на похороны, достойные сына моего отца.

– Что будет значить очень мало, Фрэнк, и для него, и для нас. Смерть сделала для него больше, чем можем мы, – освободила его от всех земных страданий и возмездия. Мы можем надеяться, что он придёт к Богу, но мы знаем, что он посеял на земле семена греха.

Эти слова не нашли отклика в сердце Фрэнка Эсслемонта. Артур не вёл аморальную жизнь, но заработал для себя лишь бедность и страдания. Фрэнку принадлежало всё – богатство, процветание. И с этого момента даже шёпот в глубине его сердца стих.

Перевод с английского Ольги Стельмак

ФРЭНСИС СКОТТ КЕЙ ФИЦДЖЕРАЛЬД (1896 – 1940)

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

Посв. Татьяне Ивановне Сухановой

Глава 6

Спустя полгода после знакомства мистер Бенджамин Баттон[1] и мисс Хильдегард Монкриф были помолвлены. На протяжении всех шести месяцев отец Хильдегард, генерал Монкриф, заявлял, что скорее вонзит в своё сердце меч, чем благословит этот союз. И в целом взволнованность балтиморского общества достигла лихорадочного напряжения. Почти забытая история рождения Бенджамина воскресла и разлетелась на ветрах злословия в самых авантюрных и невероятных разновидностях. Сочиняли, будто Бенджамин – на самом деле отец Роджера Баттона; будто он его брат, который на протяжении сорока лет отбывал срок тюремного заключения; будто он замаскированный Джон Уилкес Бут – будто, в конце концов, из его головы произрастают два конусообразных рога.

Воскресные выпуски нью-йоркских газет рекламировали Бенджамина Баттона как чудака, задействуя увлекательные комиксы, изображавшие его голову, прикреплённую к туловищу рыбы, змеи и, наконец, к туловищу толстого офицера-начальника. Журналисты мгновенно присвоили ему прозвище «Мистический муж Мэриленд». Но правдивая история внимания журналистов и публики так и не заслужила – впрочем, как оно и водится при описании сенсационных известий.

Как бы то ни было, каждый житель Балтимора был согласен с генералом в том, что его обворожительная юная девочка совершает истинное преступление, бросаясь в объятия мужчины, которому, вне сомнений, пятьдесят лет! Ведь у неё есть возможность выбрать себе в мужья любого из многочисленной армии молодых поклонников! Тщетно мистер Роджер Баттон крупным шрифтом опубликовал свидетельство о рождении своего сына в балтиморском издании “Blaze”. Никто не поверил в это. При единственном взгляде на Бенджамина всё становилось очевидно.

Со стороны же самих виновников общественного переполоха не было ни малейших колебаний. Количество ложных рассказов о женихе

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 22, 2022, СС. 97–115. (Прим. ред.).

Хильдегард было столь велико, что она упорно отказывалась верить даже в правдивый. Тщетно генерал Монкриф убеждал дочь в высокой смертности среди мужчин пятидесяти лет или, по крайней мере, среди мужчин, которые выглядят на пятьдесят лет. Тщетно он сообщал ей о неустойчивости бизнеса оптовых продаж скобяных товаров и металлических изделий. Хильдегард приняла решение связать свою судьбу с «золотой серединой» – следовательно, так тому и быть…

Глава 7

Впрочем, одно из опасений отца и друзей Хильдегард Монкриф не оправдалось: бизнес оптовых продаж скобяных товаров и металлических изделий процветал поразительно. За пятнадцатилетний период между женитьбой Бенджамина в 1880 году и выходом на пенсию его отца в 1895 году семейное благосостояние было увеличено в два раза – и в значительной степени благодаря усилиям младшего представителя компании.

Разумеется в конечном счёте балтиморское общество приняло чету Баттон в свои ряды. Даже неумолимый старик-генерал смирился с тем фактом, что его зять – Бенджамин Баттон, как только последний дал ему денег на публикацию его «Истории гражданской войны» в двадцати томах, которая была отвергнута девятью известными издательствами.

В самом Бенджамине пятнадцатилетний период произвёл множество изменений. Ему казалось, что в его венах бурлит новая, могущественная кровь. Теперь он с наслаждением просыпался по утрам, шёл бодрым шагом вдоль оживлённых, солнечных улиц и, не чувствуя усталости, грузил и отправлял заказчикам партии молотков и гвоздей. В 1890 году он осуществил свой деловой приём, которому суждено было стать успешным и знаменитым. Его идея состояла в том, что *все гвозди, задействуемые в процессе заколачивания ящиков, в которых транспортируются грузы гвоздей, являются собственностью грузоотправителя*. Данное нововведение, будучи одобренным главным юристом «Роджер Баттон Энд Кампэни», быстро приобрело законодательный характер и предоставило компании возможность экономить свыше шести сотен гвоздей ежегодно!

Следует добавить, что Бенджамина стали всё более и более прельщать разного рода увеселения. Он стал первым жителем города Балтимора, который ездил за рулём собственного автомобиля – и данный факт дарил ему несравнимую восторженность и наслаждение. Встречая его на улице, все его сверстники с изумлённой завистью наблюдали за впечатлением здоровья и жизненной энергии, которое он производил.

Они, бывало, отмечали: «Кажется, он с каждым годом становится

всё моложе и моложе». Даже родной отец стал неприкрыто льстить Бенджамину, хотя читатель помнит, какова была его первая реакция на появление в его жизни столь необычного сына. Теперь старику Роджеру Баттону было шестьдесят пять лет, и его потребность в заботе сына была очевидной, в чём и кроется корень низкопоклонства.

И здесь, уважаемый читатель, мы подходим к факту, о котором следует упомянуть лишь вскользь, поскольку пространные рассуждения на данную тему были бы чрезвычайно неприятными. Появилось мучительное для Бенджамина Баттона осознание: его жена перестала привлекать его.

На тот момент Хильдегард была уже зрелой тридцатипятилетней женщиной, поглощённой заботами о четырнадцатилетнем сыне Роскоу. В первые годы совместной жизни Бенджамин боготворил её. Но с течением лет из златокудрой чаровницы она превратилась в обычную шатенку, которая уже была не в силах взволновать его. Голубая финифть её глаз теперь более походила на дешёвый фаянс. Но мучительнее всего для Бенджамина было то, что она стала до скуки хладнокровной, безжизненной в своих эмоциях; до скуки здравомыслящей в своих склонностях; до скуки уравновешенной в своих привычках; до скуки безмятежной и довольной. Будучи невестой, она насильно «тащила» Бенджамина на многочисленные балы и званые обеды – теперь же всё было наоборот. Она выходила с супругом в свет, но не чувствовала и не выражала при этом ни малейшего энтузиазма. Она уже была уничтожена той неотступной вялостью и косностью, которая в какой-то момент приходит к каждому из нас и остаётся с нами до последнего дня нашей жизни.

Меж тем досада Бенджамина крепла. К тому моменту, когда в 1898 году разразилась Испано-американская война, его дом стал для него настолько невыносимым, что он принял решение отправиться на фронт. Его предпринимательская жилка, помогавшая ему в бизнесе, выручила его и в военной службе: он быстро вступил в звание капитана, и проявил себя настолько талантливым офицером, что ему было присвоено звание майора, а прославленную битву у холма Святого Хуана он встретил уже в звании подполковника. Он был легко ранен и возвратился домой с медалью на груди.

Бенджамин искренне полюбил напряжённость боевой жизни. Он оставлял службу с сожалением. Но его бизнес требовал внимания, поэтому он сложил с себя свои воинские полномочия и отправился домой. На железнодорожной станции его встретил духовой оркестр – он же сопровождал его до самого дома.

Глава 8

Хильдегард приветствовала Бенджамина на крыльце, развевая большой шёлковый флаг. Целуя её, он осознавал, что снова падает духом: как тогда, до войны; что эти три года взяли своё. Теперь Хильдегард была сорокалетней женщиной, волосы её уже затронула первая седина. Глядя на неё, Бенджамин чувствовал угнетённость.

Поднявшись в свою комнату, Бенджамин увидел своё отражение в родном зеркале. Он подошёл ближе и стал исследовать собственное лицо. Затем он стал разглядывать фотографию, которая была сделана три года назад, и на которой был изображён он в военной форме. Бенджамин тревожно сравнивал своё нынешнее лицо с лицом на фотографии.

– Господи! – воскликнул он. Процесс продолжался. Не могло быть никаких сомнений: он действительно теперь выглядел на тридцать лет! Но вместо восторга и наслаждения он почувствовал неловкость и тревогу: он действительно становился моложе! До указанного момента Бенджамин надеялся на то, что однажды его организм и внешний вид станут соответствовать его фактическому возрасту, что абсурдный феномен, приключившийся с ним в момент его рождения, прекратит своё существование. Он вздрогнул. Его судьба показалась ему жуткой, невероятной.

Спустившись обратно, Бенджамин увидел, что его ожидает Хильдегард. Она выглядела раздражённой, а он упорно выжидал, догадается ли она наконец что что-то явно не так. Сели обедать. Когда натянутость между ними стала нестерпимой**,** Бенджамин принял решение заговорить первым, пытаясь выглядеть как можно более вежливым.

– Что ж, – беспечно начал он, – все говорят, что я сейчас выгляжу моложе, чем когда-либо.

Хильдегард оглядела его с нескрываемой брезгливостью и омерзением. Она презрительно фыркнула.

– И что: ты думаешь, тут есть чем хвастаться?

– Я не хвастаюсь, – чувствуя неловкость, возразил Бенджамин.

Она снова презрительно фыркнула.

– Самое главное, – сказала она и после недолгой паузы продолжила: – Это то, что мне очень жаль, что тебе не хватает элементарного чувства собственного достоинства, чтобы всё это прекратить.

– Как я могу это сделать? – требовательно спросил Бенджамин.

– Я не собираюсь препираться с тобой, – резко заявила она. – Просто существуют нормальные, правильные поступки, а существуют ненормальные, неправильные поступки, вот и всё. Если ты вбил себе в голову, что тебе жизненно необходимо отличаться от всех нормальных людей, я не думаю, что я в силах тебя остановить, но я убеждена в том,

что всё это крайне нетактично с твоей стороны.

– Но, Хильдегард, я ничего не могу с этим поделать.

– Да всё ты прекрасно можешь!.. Ты просто упрямый, вот и всё. Ты просто вбил в свою голову, что ты не хочешь, что у тебя нет потребности быть похожим на всех нормальных людей. Ты всегда себя так вёл, и всегда будешь. Но ты хотя бы на минуту задумайся, что творилось бы, если бы каждый человек смотрел на жизнь так же, как ты на неё смотришь?! Во что бы превратился наш и без того многострадальный мир?!

Бенджамин начал данный разговор – он же его и закончил. Он счёл спор бессмысленным, он счёл все вопросы и упрёки своей жены такими, на которые попросту невозможно ответить. С того момента бездна между ними стала расширяться. Его изумляла одна мысль о том, что когда-то эта женщина была смыслом его жизни.

Когда небо пронзили лучи нового столетия, Бенджамин обнаружил, что его жажда развлечений неумолимо нарастает – и данный факт лишь усугубил непонимание между супругами. В городе Балтиморе не существовало ни единого званого вечера, гостем которого не был бы Бенджамин. Он танцевал с самыми обворожительными из молодых замужних женщин, непринуждённо болтал с самыми обласканными из вновь приглашённых молодых денди. Подобными зваными вечерами он был очарован, тогда как его супруга, эта величественная престарелая дама, это зловещее предзнаменование, восседала в окружении таких же престарелых компаньонок. Преисполненная высокомерного осуждения, она каждый раз провожала Бенджамина официальным, озадаченным и упрекающим взором.

– Вы только поглядите! – восклицали, бывало, люди. – Какая жалость! *Столь юный мальчик* женат на престарелой сорокапятилетней даме! Он, должно быть, моложе её на целых двадцать лет! – Но, как известно, людской памяти свойственно с течением времени избавляться от некоторых фактов. Так и в данном случае: люди забыли о том, что в 1880 году их мамы и папы уже обратили внимание на этот же самый мезальянс, с единственной разницей: тогда людей шокировало то, что «столь *юная девочка»* бросается в объятия пятидесятилетнего мужчины.

Семейная жизнь тяготила Бенджамина с каждым годом сильнее и сильнее. Но его спасали новые пристрастия. Он стал играть в гольф и весьма преуспел в данном виде спорта. Он увлёкся модными на тот момент танцами: в 1906 году он великолепно владел бостоном, спустя два года он был признан превосходным исполнителем максикса, а спустя ещё год его касл уок стал предметом зависти каждого юноши в городе.

Многообразные развлечения Бенджамина, естественно, до некоторой степени препятствовали его бизнесу, но на тот момент он добросовестно работал в сфере оптовых продаж скобяных товаров и металли-

ческих изделий уже на протяжении двадцати пяти лет, поэтому полагал, что скоро станет уместной передача бизнеса сыну, Роскоу, который как раз недавно окончил Гарвардский университет.

Бенджамин и Роскоу выглядели как братья-близнецы, и первого данный факт радовал. Бенджамин забыл о том предостерегающем страхе, который овладел им по возвращении с Испано-американской войны, и стал наивно наслаждаться своим внешним видом. Существовала лишь единственная ложка дёгтя в этой восхитительной бочке мёда: Бенджамин ненавидел появляться на публике со своей женой. Хильдегард было почти пятьдесят лет, и, видя её рядом с собой, Бенджамин чувствовал себя нелепо.

Глава 9

Бизнес Роджера Баттона был передан младшему представителю семейства, Роскоу Баттону. Спустя несколько лет, в 1910 году, в сентябре, один молодой человек, вероятно, двадцати лет от роду, поступил на первый курс Гарвардского университета. К счастью, он не совершил роковой ошибки, а именно он не стал рассказывать ни о том, что ему уже за пятьдесят, ни о том, что его сын окончил данное учебное заведение десятью годами ранее.

Итак, Бенджамин начал учиться – и едва ли не тотчас же достиг лидерской позиции в группе: отчасти в силу своего возраста, ведь он выглядел старше остальных первокурсников, чей возраст варьировался в пределах восемнадцати лет.

Но в первую очередь Бенджамин стал успешным студентом благодаря своим спортивным достижениям. В футбольном противоборстве с командой Йельского университета он играл блестяще: с решительным натиском, с ледяным, беспощадным гневом. Он прославил команду Гарвардского университета, забив четырнадцать голов в футболе и семь голов в регби. Бенджамин оказался настолько талантливым игроком, что однажды одиннадцать представителей йельской команды одновременно потеряли сознание и были удалены с поля. Бенджамин стал, без преувеличения, знаменитостью Гарвардского университета.

Однако триумф Бенджамина длился недолго. На третьем, предпоследнем курсе, стали очевидными его первые трудности. Тренеры заметили, что он стал худощавым, а наиболее внимательные из них заметили ещё и то, что он стал низкорослым. Он уже не забивал голов ни в футболе, ни в регби. Его не удаляли из команды по единственной причине: надеялись на то, что его былые заслуги создадут панику и хаос среди игроков йельской команды.

Всё-таки, когда Бенджамин стал студентом выпускного курса,

тренерский состав был вынужден удалить его из команды. Он стал настолько хилым, что однажды стайка второкурсников приняла его за абитуриента, чем больно ранила самолюбие выпускника. Зато теперь к Бенджамину пришла другая слава – слава вундеркинда: всех изумлял старшекурсник, которому, вне сомнений, не более шестнадцати лет! Сам же Бенджамин, в свою очередь, был изумлён искушённостью некоторых своих одногруппников. Кроме того, он стал испытывать трудности в учёбе: занятия казались ему слишком продвинутыми. Но он узнал о том, что многие из его одногруппников перед поступлением в университет проходили обучение в школьном пансионате имени Святого Мидаса – известной подготовительной школе. Бенджамин принял решение по окончании университета поступить в данный пансионат, уповая на то, что в окружении таких же худощавых и низкорослых мальчиков, как он, ему будет уютно.

Окончив в 1914 году Гарвардский университет, Бенджамин возвратился в родной Балтимор дипломированным специалистом. Хильдегард теперь проживала в Италии, следовательно, Бенджамину предстояло делить кров со своим сыном Роскоу. Роскоу создал формальную обстановку приветствия, но ни о какой сыновней ласке даже речи идти не могло. Напротив, Бенджамин ему только мешал: особенно, когда начинал бесцельно бродить по дому, погружённый в свои апатичные подростковые грёзы. Теперь Роскоу был женат и занимал далеко не последнее место в жизни города, поэтому разного рода сплетни, касающиеся его семьи, были для него в крайней степени нежелательными.

Среди вновь приглашённых на балы и званые вечера молодых денди и даже среди студентов младших курсов Бенджамин внезапно стал персоной нон грата. Единственными людьми, которые пока ещё не отвернулись от него, были трое или четверо живших по соседству пятнадцатилетних мальчиков. Бенджамин чувствовал себя покинутым. Мысль о поступлении в школу имени Святого Мидаса снова пришла ему на ум.

Однажды он подошёл к Роскоу и сказал:

– Слушай, сколько ещё я могу тебе повторять, что мне нужно поступить в подготовительную школу.

– Ну, иди да и поступай – я-то тут причём?! – отрывисто произнёс Роскоу. Он питал нескрываемое омерзение и брезгливость по отношению к данной теме. Он всеми силами пытался уклониться от разговора.

– Но я не могу идти без сопровождения взрослых, – беспомощно пробормотал Бенджамин. – Тебе придётся подать заявление о моём приёме в школу и взять меня под своё покровительство.

– Слушай, у меня нет времени на твои капризы!.. – резко заявил Роскоу. Он прищурился и с тревожным чувством взглянул на своего от-

ца. – Это, во-первых, а во-вторых, – добавил он, – тебе пора уже, наконец, прекратить весь этот твой бред. Тебе пора остановиться. Тебе пора – тебе пора… – Роскоу умолк и, пока он искал слова, лицо его стало багровым от гнева. – Тебе пора развернуться на сто восемьдесят градусов и начать жить по-другому. Всё это зашло слишком далеко. Теперь уже точно не до шуток… Теперь уже точно *не* забавно – ты понял меня?! Ты – ты веди себя нормально!

Бенджамин смотрел на своего сына: бедный маленький Бен, беспомощный, готовый разрыдаться.

– И ещё: – продолжал Роскоу, – когда в доме гости – будь добр, называй меня «дядей» – не «Роскоу», а «дядей», ты меня понял? Нелепо со стороны пятнадцатилетнего молокососа называть меня по имени. И вообще, называй меня «дядей» *всё* время: может, хоть так до тебя дойдёт быстрее.

Окинув своего отца злобным взглядом, Роскоу развернулся и пошёл прочь…

Глава 10

Вышеприведённый разговор произвёл на Бенджамина тягостное впечатление. Он мрачно побрёл на второй этаж: в свою комнату. Он стал пристально глядеть на своё отражение в зеркале. Несмотря на то, что он не брился уже на протяжении трёх месяцев, он не увидел на своём лице ничего, кроме едва заметного белёсого пушка, сбривать который он не счёл необходимым. Когда Бенджамин возвратился домой из Гарварда, Роскоу приказал ему надеть очки и приклеить к щекам искусственные бакенбарды. На мгновение Бенджамином овладело жгучее ощущение, будто фарс первых лет его жизни повторяется снова. Так или иначе, приклеенные бакенбарды явились причиной зуда на его коже и стыда в его душе. Однажды он не вытерпел и расплакался – и Роскоу смягчился, хоть и без всякого на то желания.

В домашней библиотеке Бенджамин взял книгу, посвящённую бойскаутам, и стал её читать. Но его разум был всецело поглощён мыслями о войне. Его интересовали политические события, произошедшие в США за последний месяц, и он мечтал поступить на военную службу, но, к сожалению, возрастной ценз не допускал к службе лиц моложе шестнадцати лет, а Бенджамин выглядел гораздо моложе шестнадцати. К тому же, его в любом случае признали бы негодным к военной службе, поскольку его истинный возраст на тот момент составлял пятьдесят семь лет.

Однажды в дверь его дома раздался стук. На пороге стоял лакей, державший в руках конверт, в углу которого была начертана объёмная официальная надпись. Письмо было адресовано мистеру Бенджамину

Баттону. Бенджамин нетерпеливо вскрыл конверт, извлёк письмо и стал с наслаждением читать его содержание. Письмо гласило о том, что офицеры запаса, служившие в годы Испано-американской войны, теперь вновь призваны на службу в армии США с повышением звания: в случае с Бенджамином речь шла о звании бригадного генерала. Кроме того, письмо содержало приказ о незамедлительной явке на службу.

Бенджамин вскочил на ноги, трепеща от восторга. Он находился в шаге от осуществления своей мечты. Он схватил свою фуражку и уже десять минут спустя переступал порог большого здания ателье, расположенного на Чарльз-стрит. Своим нерешительным дискантом он попросил портного снять с него мерки с целью шитья военной формы.

– Захотелось поиграть в солдатики, малыш? – пренебрежительно бросил свой вопрос работник ателье.

Бенджамин вспыхнул.

– Слушайте, вы! – столь же пренебрежительно и вместе с тем гневно отреагировал он. – Не вашего ума дело, чего мне захотелось! Моя фамилия – Баттон, и я проживаю на Монт-Вернон Плейс, и, исходя из данных фактов, вы отлично знаете, что я годен к военной службе!

– М-да уж, – сомневаясь, ответил работник. – Если ты не годен, то твой папочка – уж наверняка.

В конце концов портной всё-таки снял с Бенджамина все необходимые мерки, и спустя неделю военная форма была сшита. Но теперь перед Бенджамином стояла другая трудность: нужно было прикрепить к форме эмблему, которая соответствовала бы званию генерала. Торговец уговаривал Бенджамина купить миловидный значок с аббревиацией «ХСЖМ» («Христианский союз женской молодёжи»), утверждая, что именно такой значок является наиболее подходящим и что именно с ним игра в солдатики будет наиболее увлекательной и забавной. Бенджамин был вынужден проглотить очередное издевательство.

Однажды вечером, ни слова не сказав Роскоу, Бенджамин покинул свой дом, сел в поезд и отправился в военный лагерь Мозби, штат Южная Каролина. Именно там генерал Бенджамин Баттон должен был взять под своё командование пехотную бригаду. Знойным апрельским днём таксист вёз его от железнодорожной станции до военного лагеря. Расплатившись с таксистом, Бенджамин приблизился к контрольно-пропускному пункту и обратился к часовому.

– Позови кого-нибудь сюда: пусть примут мой багаж! – быстро проговорил бригадный генерал.

Часовой стал разглядывать Бенджамина пристальным и упрекающим взором.

– А ну стоять! – приказал он. – И куда это ты навострился, малыш?! Да ещё и в генеральской одежонке, как я погляжу!

Бенджамин, ветеран Испано-американской войны, взвился вокруг часового подобно вихрю, испепеляя его гневным пламенем своего взора.

– Смир-рно! – попытался прогреметь Бенджамин, но, увы, его снова выдал дрожащий дискант. Взволнованность не позволяла ему свободно дышать. Вдруг часовой, щёлкнув сапогами, сдвинул их и прицелился своей винтовкой. Бенджамин был доволен, на губах его притаилась улыбка – однако, когда он оглянулся, его улыбка исчезла. Оказалось, что причиной внезапного повиновения часового явился вовсе не Бенджамин, а полковник артиллерии, который, верхом на своём коне, производил грозное впечатление.

– Пол-лковник! – пронзительно закричал бригадный генерал.

Полковник, всё ещё сидя верхом на коне, приблизился к нему и натянул поводья. Он сохранял самообладание, но в его глазах, устремлённых на Бенджамина, мерцали насмешливые огоньки.

– Ты чей будешь, малыш? – снисходительно спросил он. – Где твой папа?

– Да как вы смеете! – воскликнул Бенджамин, чей дискант внезапно превратился в свирепое громогласие. – Я вам покажу, чей я малыш и где мой папа, чёрт вас побери! Немедленно слезайте с лошади!

Полковник оглушительно расхохотался.

– Вы только поглядите на него, а? Целый генерал!

– Хватит! – в безысходности прокричал Бенджамин. – Читайте.

И он придвинул свой документ к самому носу полковника.

Полковник прочёл документ и в изумлении широко округлил глаза.

– Откуда ты это взял? – требовательно спросил он, пряча документ в своём кармане.

– Я взял это от правительства – в чём вам очень скоро предстоит удостовериться! Округлившиеся глаза полковника приняли ещё более странное выражение.

– Так, ты сейчас идёшь вместе со мной, – приказал он Бенджамину. – Мы придём в штаб и там всё подробно обсудим. Чего замер – поторапливайся!

Полковник развернулся и стал вести своего коня по направлению к штабу. Бенджамин пошёл вслед за полковником – ничего иного ему делать не оставалось. Он был преисполнен чувства собственного достоинства и мечты о неумолимом мщении.

Но, увы, мщению не было суждено воплотиться в реальности – зато два дня спустя «в реальности воплотился» сын Бенджамина Роскоу, который приехал из Балтимора и, разгорячённый и озлобленный непредвиденной спешной поездкой, схватил рыдающего генерала за

плечи и, сорвав с него позорящую семейство Баттонов генеральскую форму, увёз с собою обратно в Балтимор.

Глава 11

В 1920 году супруга Роскоу подарила ему первенца-сына. Вокруг дома, играя со свинцовыми солдатиками и миниатюрным цирком, бегал маленький неряшливый мальчик, вероятно, десяти лет от роду. В процессе празднования появления на свет нового представителя семейства Баттон, никто из взрослых представителей не счёл «важным» или «нужным» акцентировать своё внимание на том, что этот десятилетний мальчик является не кем иным, как родным дедом новорождённого ребёнка.

Бодрое и весёлое лицо десятилетнего мальчика было подёрнуто едва заметной завесой печали. В целом, по отношению к нему не проявлял враждебности никто. Никто, кроме Роскоу. Для него присутствие этого мальчика являлось источником мучений. Употребляя новомодный жаргон своего поколения, Роскоу называл поведение своего отца «недейственным, неэффективным», «нерациональным, нецелесообразным» и, в конце концов, «непродуктивным, с низким коэффициентом полезного действия». Излюбленной фразой Роскоу была следующая: «сильный, энергичный, храбрый мужчина, настоящий мужчина, мужчина-самец». Именно таким – по его убеждению – упорно отказывался становиться его отец, который, вместо того чтобы выглядеть на свой шестидесятилетний возраст, вёл себя, мягко выражаясь, странно и капризно. Естественно, размышляя о поведении своего отца на протяжении получаса, Роскоу начинал чувствовать, что уже сам находится на грани умопомешательства. Роскоу был согласен с тем, что в шестидесятилетнем возрасте оставаться «живчиком» и молодо выглядеть – непредосудительно и даже похвально, но то, до какого масштаба свою моложавость довёл его отец, было… было… было…, чёрт возьми, «недейственным, неэффективным», «нерациональным, нецелесообразным», «непродуктивным, с низким КПД». И таково было его непреклонное убеждение.

Пять лет спустя малыш Роскоу достаточно подрос, и родители стали позволять ему играть в саду. Сын Роскоу и маленький Бен вдвоём забавлялись своими детскими играми под присмотром общей на двоих няни. В один и тот же день Роскоу отвёл в детский сад и того, и другого. Бен стал играть с полосками цветной бумаги, вырезать из них многообразные поделки, красивые и возбуждающие любопытство узоры. Бену подобные занятия казались самым обворожительным развлечением на планете. Однажды он расшалился и был вынужден стоять в углу: именно в то мгновение он заплакал в детском саду в первый и последний раз

– большей же частью существовали весёлые яркие дни, которые он проводил в не менее весёлой и яркой комнате; существовал солнечный свет, сиявший сквозь оконные стёкла; существовала тёплая ладонь мисс Бэйли, время от времени умиротворённо ласкавшая его взъерошенные волосы.

Спустя год сын Роскоу стал первоклассником – Бенни же продолжил посещать детский сад. Бенни был счастлив. Но иногда его маленькое детское личико становилось по-взрослому встревоженным. Окружавшие его малыши беспечно щебетали о том, кто кем станет и кто чем займётся, когда вырастет – но в тусклом сознании Бенни пульсировала убеждённость в том, что ему, увы, уже никогда не будет дано даже просто грезить о подобных вещах…

Дни плавно перетекали из одного в другой, не оставляя после себя никаких увлекательных запоминающихся событий. Бенни посещал детский сад уже на протяжении трёх лет, но теперь он стал слишком маленьким и был не в силах понять, для какой цели предназначены блестящие полоски цветной бумаги. Он стал часто плакать, потому что боялся других мальчиков, которые выглядели значительно взрослее, чем он. Воспитательница постоянно бранила его за отсутствие сообразительности, но он, сколь бы ни пытался, увы, ничего не мог понять.

В конце концов, Бенни прекратил посещение детского сада – и теперь няня по имени Нэйна, в её накрахмаленном льняном платье, стала центром его крошечного мира. Солнечные дни они посвящали прогулке по парку; Нэйна, бывало, протягивала руку в сторону огромного серого чудовища и говорила: «Слон», а Бенни повторял за ней это слово, и вечером, когда Нэйна переодевала его в пижаму, он неустанно продолжал на своём детском языке повторять это слово: «Слён, слён, слён». Иногда Нэйна позволяла ему прыгать на кровати, и данное занятие стало его любимой забавой. Он обнаружил, что, когда он ровно приземляется, кровать подбрасывает его обратно, и он снова встаёт на ноги – а затем снова приземляется и снова подпрыгивает, выпрямляя ноги. Ещё он обнаружил, что произнесённый в момент подпрыгивания звук «А-а-а» оставляет после себя неповторимое прерывистое эхо, которое дарит радость и наслаждение.

Бенни любил играть с длинной тростью, которая стояла рядом с вешалкой для шляп. Он бегал по дому и, ударяя тростью столы и стулья, повторял: «Война, война, война»… Увы, к тому моменту эта трость была единственным реально существующим оружием ветерана Испано-американской войны… Когда к Роскоу приходили приглашённые им гости, маленький Бенни становился центром внимания. Пожилые дамы непрестанно «кудахтали» над ним, а юные барышни стремились осыпать его поцелуями. Сам же Бенни проявлял больше заинтересованно-

сти по отношению к пожилым дамам, тогда как ласкам барышень он покорялся, кротко показывая свою скуку. В пять часов вечера бесконечно длинный день Бенни начинал плавно идти к своему завершению. Нэйна уводила его на второй этаж, в детскую спальню, и кормила его из ложечки: кормила овсяной кашей и разными протёртыми сладостями.

После вечерней трапезы Нэйна убаюкивала Бенни, и ни единого тревожного воспоминания уже не существовало в его детском сне. Уже не существовало ни единого следа тех смелых дней, что он провёл в университете, тех блистательных лет, когда он волновал сердца многих барышень. Существовали только белые защищённые стенки его детской кроватки, Нэйна и какой-то незнакомый мужчина, который иногда приходил в детскую комнату. Существовал гигантский оранжевый шар, сиявший у его сумрачной кровати; Нэйна протягивала свою руку в сторону этого шара и называла его словом «солнце». И когда это самое солнце гасло, глазки Бенни плавно погружались в сон. И уже не существовало ни единого образа, ни единого миража, которые могли бы посетить его спящий разум.

И постепенно абсолютно все воспоминания изгладились: словно ничего не значащее смутное видение, словно нечто такое, чего никогда не существовало. Неистовая атака его бойцов на врага при битве на холме Святого Хуана. Первые годы его женитьбы и летние сумерки, которые он встречал в процессе работы, окружённый суетливым городом, весь его бизнес, который он посвящал своей юной любимой Хильдегард. Милые дни до женитьбы, когда он беседовал со своим дедушкой: когда они вдвоём курили сигары, приветствуя надвигавшуюся ночь, которая устилала своим ласковым тёплым покрывалом старый, угрюмый дом Баттонов, что расположен на Монроу-стрит. Прошлое бесследно исчезло. Он ничего не помнил.

Он не помнил, тёплое или остывшее молоко он пил несколько минут назад. Он не помнил событий дня. Существовали только его детская кроватка и привычное присутствие Нэйны, однако вскоре он не помнил даже этого. Он оставался способным лишь ощущать голод и плакать. Он продолжал дышать, но уже не замечал ни дней, ни ночей. Над ним порхали бормотания и шорохи, которые он с трудом слышал, и запахи, которые он слабо различал. Свет незаметно перетекал в тьму, тьма незазаметно перетекала в свет.

Затем воцарился безбрежный и бездонный мрак. Белая детская кроватка, смутные лица, душистый аромат тёплого молока – всё существовавшее когда-либо и существующее ныне: абсолютно всё навсегда покинуло разум и душу Бенджамина Баттона.

Перевод с английского Екатерины Коржовой

ФЭН МЭНЛУН (1574 – 1646)

От переводчика. Фэн Мэнлун – выдающийся китайский писатель периода династии Мин (1368–1644), драматург, библиофил и издатель, автор крупнейшего собрания городских повестей (120 произведений), известных под названием «Сань янь» («Троесловие»).

Здесь же мы предлагаем вашему вниманию избранные истории про Гуань Чжуна и Бао Шуя из его романа «Хроники государств Восточного Чжоу». Этот роман Фэн Мэнлун создал на основе сборника рассказов писателя периода династии Мин Юй Шаоюя «Хроники государств» и назвал его «Новые хроники государств». Во времена династии Цин (1644–1912) писатель Цай Юаньфан внёс в этот роман правки и изменил название романа на «Хроники государств Восточного Чжоу».

Истории про Гуань Чжуна и Бао Шуя из данного романа были изданы в Китае в 1957 году отдельной небольшой книгой на современном китайском языке, автор адаптации Е Гопинь. Наш перевод выполнен именно с этого издания.

Эти истории повествуют о жизни и деятельности политиков Древнего Китая Гуань Чжуна (725 (?) – 645 гг. до н. э.) и Бао Шуя (умер в 644 г. до н. э.). Их имена примечательны тем, что они являются символом образцовых друзей, прецедентными именами, то есть известными всем китайцам с детства, обретшими переносное, ценностное, воспитательное значение, но всегда сохраняющими связь в сознании носителей языка с изначальными референтами данных имён.

Что интересно, части этих имён (фамилии) даже входят в состав фразеологизмов современного китайского языка, которые стали единицами языковых словарей, например: 管鲍 guǎn bào «верные друзья, друзья до гроба» (по именам Гуань Чжуна 管仲 и Бао Шуя 鲍叔牙, образцовых друзей), 管鲍之交 guǎn bào zhī jiāo «дружба Гуаня и Бао» (образно: глубокая дружба, истинная дружба, крепкая дружба), 管鲍分金 guǎn bào fēn jīn «Гуань [Чжун] и Бао [Шуя] делят деньги» (образно о крепкой дружбе и родстве душ). В представленных ниже историях как раз подробно рассказывается о непростых взаимоотношениях Гуань Чжуна и Бао Шуя.

Возможно, что обращение к таким особенным именам, персонажам и судьбам поможет нам лучше понять, что такое дружба и как её понимают китайцы.

ГУАНЬ ЧЖУН И БАО ШУЯ

Истории из романа «Хроники государств Восточного Чжоу»

3. Установление гегемонии

В княжестве Ци были лучшие солдаты и достаточно запасов, армия была в полной боевой готовности. И князь Ци Хуань-гун захотел захватить главенство среди всех князей. Он спросил Гуань Чжуна, как стать гегемоном. Гуань Чжун сказал: «Среди всех этих княжеств немало могущественных государств. Чу – на юге, Цинь – на западе и Цзинь – на севере: все крупные государства, но почему они не могут занять господствующее положение? Да потому, что они не почитают царя – правителя царства Чжоу, и не противостоят чужеземцам. Хотя правитель царства Чжоу слаб, он всё ещё правитель всех князей Китая. Нашествия чужеземцев наносят нашему народу серьёзный ущерб. Если вы провозгласите политику «признавать единственную верховную власть и изгонять чужеземцев», то завоюете доверие царя Чжоу и от его имени будете командовать князьями, отражать агрессию чужеземцев и защищать жизнь и имущество людей. Так вы сможете стать гегемоном».

В то время на севере существовала страна под названием Шаньжун. Эта страна обладала сильной армией и никогда не платила дани династии Чжоу. Князья Центральной равнины считали её страной варваров. Как раз в то время, когда князь Ци Хуань-гун пытался установить гегемонию, Шаньжун вторглась в княжество Янь. Княжество Янь запросило помощь у Ци Хуань-гуна. Ци Хуань-гун спросил мнение Гуань Чжуна. Гуань Чжун сказал: «Китай часто подвергается вторжениям чужеземцев. Если мы хотим стать лидерами среди остальных княжеств, мы должны взять на себя ответственность за спасение соседних стран от чужеземцев».

Ци Хуань-гун лично возглавил армию, чтобы помочь княжеству Янь. Княжества Ци и Янь объединили свои силы ради победы над Шаньжун. Правитель страны Шаньжун по имени Милу бежал на север в страну Гучжу, чтобы набрать там солдат и контратаковать. Ци Хуань-гун и Гуань Чжун решили продолжить движение войск, атаковать Гучжу, одержать окончательную победу над Милу, чтобы простые люди на севере смогли жить в мире и спокойствии. Около столицы Гучжу они разбили союзную армию Милу и Гучжу.

В тот же вечер Хуан Хуа, генерал армии Гучжу, попросил аудиенции у Ци Хуань-гуна. На встречу он пришёл, держа в руке окровавленную человеческую голову. Он сказал Ци Хуань-гуну: «Наш правитель

Да Лихэ не послушался моего совета и помог Шаньжун сражаться с армией Ци. Это было всё равно, что яйцом бить по камню, поэтому сегодня мы потерпели крупное поражение. Да Лихэ так ничего и не понял, он повёл за собой в пустыню простых людей, чтобы там сформировать подкрепление. Я не хочу погибать вместе с ним, поэтому я принёс голову Милу в качестве подношения при знакомстве и хочу сдаться».

Хотя Ци Хуань-гун и Гуань Чжун поначалу отнеслись к Хуан Хуа с некоторым недоверием, но они поверили ему, когда убедились, что голова действительно принадлежала Милу. На следующий день объединённая армия вошла в столицу страны Гучжу, но город действительно был пуст. Ци Хуань-гун попросил армию княжества Янь остаться в городе, а сам отправился в погоню за Да Лихэ. Хуан Хуа шёл впереди и указывал дорогу, а армия Ци следовала за ним. Когда пришло время зажечь факелы, они добрались до одного странного места. Это место было подобно морю, и нельзя было определить, где восток, запад, север и юг. Местные жители называли его Долиной блужданий. Армия Ци заблудилась в Долине блужданий. Ци Хуань-гун и Гуань Чжун очень забеспокоились и послали людей спросить Хуан Хуа, но его и след простыл. Только тогда все узнали, что попались на уловку Хуан Хуа.

Как раз была зима, дул пронизывающий северо-западный ветер. Армия Ци целую ночь промёрзла в Долине блужданий. Кое-как дождались рассвета, но и днём всё вокруг было подёрнуто жёлтой пеленой. Хуже всего было то, что в этом проклятом месте не было ни капли воды, и все так страдали от жажды, что, открыв рты, часто и тяжело дышали, как собаки. В это время Гуань Чжун придумал способ, как оттуда выбраться. Он приказал выбрать несколько старых лошадей и пустить их впереди. Так старые лошади, которые хорошо помнили дорогу домой, вывели армию из Долины блужданий на исходную дорогу.

По пути им встретилось большое количество бредущих со скарбом людей. На вопрос, что они здесь делают, люди ответили: «Наш правитель Да Лихэ прогнал войско Янь и велел нам возвращаться в столицу». Ци Хуань-гун и Гуань Чжун поняли, что захват ими пустого города тоже был частью коварного плана Хуан Хуа и Да Лихэ. Поэтому Гуань Чжун решил ответить хитростью на хитрость и попросил нескольких солдат нарядиться обычными жителями страны Гучжу и проникнуть в столицу. Среди ночи солдаты армии Ци, пробравшиеся в город, подожгли город, и в этот момент армия Ци вошла в столицу. Хуан Хуа и Да Лихэ были убиты. Так страна Гучжу была уничтожена.

После того как Ци Хуань-гун и Гуань Чжун победили Шаньжун и уничтожили Гучжу, князь Янь несколько дней удерживал их, оказывая горячий приём.

Вскоре после того, как Ци Хуань-гун вернулся в свою столицу

Линьцзы, он получил письмо с просьбой о помощи из княжества Вэй. Оказалось, что северные варвары Ди вторглись в пределы Вэй. В это время армия Ци только что вернулась из княжества Янь и нуждалась в отдыхе и восстановлении. Было решено подождать до следующего года, объединить армии всех княжеств и вместе отправиться на выручку Вэй. Но неожиданно для всех зимой этого же года княжество Вэй было полностью захвачено чужеземцами, а его правитель Вэй И-гун был убит.

Почему же княжество Вэй не смогло выстоять? Оказалось, что князь Вэй И-гун был совершенно бестолковым правителем и не умел управлять страной и любил только возиться с журавлями. Те, кто дарил ему журавлей, получали щедрое вознаграждение, а те, кто за ними ухаживал, получали полное государственное содержание. Также он отнимал продовольствие у простого народа, чтобы кормить своих журавлей.

Во дворце, саду и парке Вэй И-гуна – повсюду жили журавли. У этих его журавлей были всевозможные чины и звания, среди них были государственные чиновники (дафу) и даже генералы. Во время поездок Вэй И-гуна всегда сопровождало несколько повозок с журавлями, и он был очень счастлив, что его охраняли такие «генералы».

Простые жители княжества Вэй до мозга костей ненавидели Вэй И-гуна. Однажды, когда Вэй И-гун развлекался со своими журавлями и витал в облаках, ему доложили о нападении чужеземцев. Спеша во дворец, он призывал людей защищать столицу, но люди думали только о бегстве, и никто не хотел давать отпор врагу. Князь Вэй И-гун, топая ногами от злости, приказал схватить нескольких своих подданных и спросил их, почему они не хотят воевать. Люди, глядя на него в упор, гневно сказали: «Пусть с чужеземцами ваши генералы-журавли воюют, мы-то тут при чём?!»

Чужеземцы захватили княжество Вэй, убили князя Вэй И-гуна, ограбили государственную казну, отобрали у жителей всё продовольствие и разрушили городские стены столицы Вэй. Они оставили княжество Вэй в покое только тогда, когда услышали, что приближается армия Ци Хуань-гуна. Позже Гуань Чжун послал войска для ремонта городских стен столицы Вэй, и только благодаря этому княжество Вэй худо-бедно продолжило своё существование.

Ци Хуань-гун помог княжеству Янь победить страну Шаньжун, вынудил северных варваров Ди отступить и спас княжество Вэй. Эти его деяния восхвалялись простыми людьми всех княжеств, но был один человек, которому всё это очень не нравилось. Кто же это? Им был Чу Чэн-ван, правитель государства Чу. Государство Чу располагалось в глуши на далеком юге, и все князья Центральной равнины всегда считали Чу дикой, отсталой страной варваров. Но эта страна освоила целинные земли юга, покорила мелкие племена и постепенно стала крупным

государством. Поэтому Чу Чэн-ван тоже хотел стать лидером всех князей и превратился в соперника князя Ци Хуань-гуна.

Первый министр государства Чу Цзывэнь знал о заветной мечте Чу Чэн-вана и сказал ему: «Ци Хуань-гун благодаря политике «признавать единственную верховную власть и изгонять чужеземцев» уже в течение тридцати лет обладает статусом гегемона, и все князья желают находиться под руководством княжества Ци. Поэтому в настоящее время наша страна ещё Ци не соперник. Княжество Чжэн находится как раз на главной дороге с юга на север, и если мой господин хочет оспорить гегемонию на Центральной равнине, то почему бы сначала не завоевать княжество Чжэн»?

И Чу Чэн-ван действительно вторгся в княжество Чжэн, и Чжэн также обратилось за помощью к Ци Хуань-гуну. Ци Хуань-гун не был полон решимости сражаться против могущественного государства Чу. Гуань Чжун сказал: «Наше княжество Ци завоевало одобрение и поддержку всех княжеств благодаря тому, что мы помогали соседним государствам. Если мы не поможем княжеству Чжэн, то утратим свой статус гегемона». Так Ци Хуань-гун задействовал более десяти тысяч своих солдат, привлёк армии других семи княжеств с тем, чтобы атаковать государство Чу.

Шу Дяо и И Я проболтались о том, что объединённая армия Ци и других княжеств выступила в поход, поэтому посланник государства Чу Цюй Вань давно уже ожидал эту армию на полпути к Чу. Гуань Чжун сказал Ци Хуань-гуну: «Чу направило посланника, следовательно, они готовы к нападению. Вам, государь, следует дать ему аудиенцию. Если мы путём переговоров сможем предотвратить агрессию Чу, то нам не придётся воевать».

Ци Хуань-гун попросил Гуань Чжуна встретиться с Цюй Ванем. Гуань Чжун и Цюй Вань встретились и поклонились друг другу. Цюй Вань сказал: «Государство Ци находится на севере, государство Чу – на юге, речная вода в колодец не попадает, мы друг другу не мешаем, почему же ваше княжество Ци посылает большую армию для вторжения в нашу страну?» Гуань Чжун сказал: «На Ци с самого начала существования нашего княжества возложена миссия карать те княжества, которые не подчиняются царю Чжоу. Государство Чу должно было платить дань и преподносить в дар царю Чжоу пучки пырея для фильтрования жертвенного вина, чтобы правитель царства Чжоу мог процеживать вино во время жертвоприношений. Но вы этого не делали на протяжении многих лет. Во-первых, армия Ци пришла в этот раз, чтобы попросить Чу взять на себя ответственность по выплате дани царю Чжоу. Во-вторых, в прошлом, когда правитель династии Западная Чжоу Чжао-ван совершал поход на юг, вы предоставили ему разбитую лодку, и он утонул в

реке Ханьшуй. И с этим делом мы тоже должны разобраться». Цюй Вань ответил: «Если вы хотите узнать, как утонул Чжоу Чжао-ван, то вам следует спросить об этом у реки Ханьшуй. Что касается неуплаты дани и того, что мы не присылали в дар пучки пырея для фильтрования жертвенного вина, то это вина Чу. Если армия Ци сможет отступить на тридцать ли (мера длины, равная 0,5 км.), то Чу готово заплатить дань царю Чжоу и заключить союз со всеми странами, чтобы гарантировать дружеские отношения друг с другом в будущем».

Таким образом, война против Чу была завершена путём переговоров.

Когда армия Ци вернулась домой, Бао Шуя спросил Гуань Чжуна: «Ведь самый большой проступок государства Чу в том, что они самовольно провозгласили себя царством, а ты вменил им в вину только такие мелочи как неуплату дани и то, что они не присылали пучки пырея для фильтрования жертвенного вина. Разве это не то же, что подобрать кунжутное семя, но потерять арбуз?» Гуань Чжун сказал: «Государство Чу существует как царство уже в течение трёх поколений. Невозможно заставить Чу Чэн-вана отказаться от титула вана (царя). Если бы переговоры не увенчались успехом, то разразилась бы война, и страдали бы простые люди. Поэтому я и указал им только на такие мелкие проступки, которые они могли легко признать. Пока государство Чу готово признавать свои ошибки, авторитет нашего княжества Ци будет расти. Ведь это гораздо лучше, чем бесконечная война». С тех пор Бао Шуя стал ещё больше доверять Гуань Чжуну.

4. Дружба не умирает

Ци Хуань-гун помог княжеству Янь победить страну Шаньжун; поддержал княжество Вэй в изгнании северных варваров Ди; военной силой заставил государство Чу снова платить дань царю Чжоу; девять раз он созывал собрание князей Центральной равнины и всегда занимал место председателя собрания; он стал лидером всех князей; эти достижения большей частью были заслугой Гуань Чжуна. Поэтому великий просветитель из княжества Лу Конфуций, восхваляя Гуань Чжуна, сказал: «Если бы Гуань Чжун не отразил нашествие чужеземцев Жун и Ди, мы, должно быть, распустили бы волосы, надели чужеземные одежды, и больше не выглядели бы как китайцы!»

Позже знаменитый политик периода Троецарствия Чжугэ Лян тоже любил сравнивать свои деяния с деяниями Гуань Чжуна.

Зимой 645 года до нашей эры Гуань Чжун тяжело заболел. Князь Ци Хуань-гун пришёл навестить его и увидел, что он настолько похудел, что напоминал лишь тень прежнего себя. Стало понятно, что он

уже не поправится. Ци Хуань-гун взял Гуань Чжуна за руку и сказал: «Болезнь ваша серьёзна, если случится несчастье, кто сможет стать вашим преемником?» Гуань Чжун отрицательно покачал головой и тяжело вздохнул.

Ци Хуань-гун сказал: «Я хочу попросить Бао Шуя занять вашу должность. Что вы об этом думаете?» Гуань Чжун сказал: «Бао Шуя – хороший человек, но он не подходит для должности премьер-министра. Он никогда не забывает об ошибках других людей, и это его самый большой недостаток». Ци Хуань-гун снова спросил: «А как вам Си Пэн?» Гуань Чжун ответил: «Си Пэн готов всему учиться, и всегда заботится об интересах страны».

Ци Хуань-гун спросил: «А И Я и Шу Дяо?» Гуань Чжун сказал: «Даже если бы вы, государь, не спросили, я сказал бы о них. Вы, государь, подобны высокому светильнику, который освещает даже самые удалённые уголки, но не может осветить пространство около себя. И Я и Шу Дяо – никчёмные подлые людишки, которые ежедневно плетут интриги в вашем окружении, как они могут быть премьер-министрами? С этого момента, государь, вам ни в коем случае нельзя допускать их к себе».

Ци Хуань-гуну неприятно было слушать эти слова. Он пожалел Гуань Чжуна. Ци Хуань-гун подумал, что Гуань Чжун от болезни потерял рассудок. Он сказал: «И Я, не колеблясь, убил ради меня своего сына, а Шу Дяо сам себя оскопил, чтобы служить мне. Их преданность мне подобна восходящему солнцу и никогда не изменится. Почему я не могу допускать их к себе?»

Гуань Чжун сказал: «Кто не любит свое тело? Кто не любит собственного сына? Шу Дяо даже не дорожит своим телом, как же он может проявлять доброту к вам? И Я был так безжалостен к собственному сыну, как же он может быть добр к вам?» Ци Хуань-гун сказал: «Эти двое служат мне много лет, почему же вы ни разу мне ничего про них не говорили?» Гуань Чжун сказал: «Эти двое подобны наводнению, а я дамбе. Как только дамба рухнет, наводнение тут же всё затопит. Поэтому вам, государь, необходимо немедленно прогнать этих двух людей». Ци Хуань-гун в душе был недоволен такими словами, но он не показал виду, а попятился и тихо ушёл.

Когда слова Гуань Чжуна дошли до И Я, то они поистине подлили масла в огонь. И Я в страшном гневе пришёл к Бао Шуя и сказал: «Гуань Чжун, вообще говоря, был арестантом, но вдруг стал премьер-министром, и всё благодаря вам. Теперь он платит вам чёрной неблагодарностью и говорит государю, что вы не подходите для должности премьер-министра. Я очень возмущён такой несправедливостью». Бао Шуя холодно усмехнулся и сказал: «Вот поэтому-то я и рекомендовал

Гуань Чжуна на должность премьер-министра. Гуань Чжун ни за что не будет использовать личные дружеские отношения для вмешательства в политические дела страны. Я думаю, что такому человеку, как я, лучше всего быть сыкоу (начальником уголовного приказа), чтобы бороться с этими бессовестными негодяями, которые льстят государю и сеют раздоры. Если я стану премьер-министром, то как я смогу позволить вам, злодеям, оставаться в окружении государя сплетничать и вбивать клинья между людьми!?» Так И Я получил от ворот поворот.

На следующий день Ци Хуань-гун и Бао Шуя пришли к Гуань Чжуну и узнали, что он больше не может говорить. Той же ночью Гуань Чжун умер. После смерти Гуань Чжуна И Я пошел к дафу Бо Ши, и сказал: «Государь отнял у вас триста уделов[1] и подарил их Гуань Чжуну. Теперь, когда Гуань Чжун умер, почему бы вам не попросить государя вернуть вам эти уделы? Я могу оказать содействие». Бо Ши заплакал и сказал: «Именно потому, что у меня нет никаких заслуг перед государством, я и потерял эти уделы. Хотя Гуань Чжун умер, заслуги его бессмертны. С каким лицом я буду просить государя вернуть мне уделы?»

Си Пэн также умер от болезни менее чем через месяц после того, как сменил Гуань Чжуна на посту премьер-министра. Ци Хуань-гун снова попросил Бао Шуя стать премьер-министром, но Бао Шуя решительно отказался. Он сказал: «Государь, вы очень хорошо знаете мой характер. Если вы хотите, чтобы я стал премьер-министром, вы должны немедленно прогнать негодяев И Я и Шу Дяо». Ци Хуань-гун сказал: «Гуань Чжун неоднократно просил меня об этом, как же я могу теперь не прислушаться к вашему мнению». В тот же день был издан указ, запрещавший И Я и Шу Дяо входить во дворец.

После того, как Ци Хуань-гун прогнал И Я и Шу Дяо, он плохо ел и плохо спал. Такому человеку, как он, без подлиз и льстецов и жизнь была не мила, поэтому он в конце концов тайно вернул И Я и Шу Дяо к себе во дворец. Бао Шуя снова и снова убеждал его, очень сердился и переживал и вскоре умер от болезни. Теперь И Я и Шу Дяо никто не мешал, и они стали бесчинствовать в открытую. К тому же Ци Хуань-гун уже постарел и утратил ко всему всякий интерес.

И Я и Шу Дяо взяли все дела страны в свои руки и устроили в княжестве Ци полную анархию. У князя Ци Хуань-гуна было шестеро сыновей, и все они хотели бороться за власть. Одного из них звали У Куй. Он спелся с И Я и Шу Дяо, и они стали действовать заодно.

В 643 году до нашей эры Ци Хуань-гун заболел. И Я и Шу Дяо посчитали, что он скоро должен умереть, и издали фиктивный незаконный приказ, запрещавший кому бы то ни было заниматься его болез-

[1] Удел – район сбора податей; пожалованный лен (удел, с дин. Чжоу); наместничество (Прим. пер.).

нью. Во дворце они оставили только одного У Куя. Но вопреки их ожиданиям и через три дня Ци Хуань-гун был всё ещё жив.

И Я и Шу Дяо боялись, что об их проделках станет известно, поэтому они прогнали всю стражу Ци Хуань-гуна, плотно закрыли ворота дворца и построили вокруг спальни князя стену высотой в три чжана[1] (китайская сажень, равна 3,33 метра). В стене проделали дыру, в которую могла пролезть только собака. Каждый день они заставляли самого маленького евнуха пролезать через эту дыру в спальню князя и проверять, умер он или нет. Бедный князь Ци Хуань-гун, бывший гегемоном среди князей более тридцати лет, хотел в это время съесть тарелку жидкой каши, выпить стакан горячей воды, но никто ему ничего не давал.

Дело всей его жизни пошло прахом как будто носил он воду в бамбуковой корзине. Когда он был уже при смерти, молодая служанка рассказала ему о делишках И Я и Шу Дяо. Он вздохнул и сказал: «Я не послушал Гуань Чжуна и поэтому имею то, что имею!» Через некоторое время он отрывисто сказал: «Если есть жизнь после смерти, то с каким лицом я буду смотреть Гуань Чжуну в глаза!» Подняв руку, он закрыл лицо рукавом халата и умер.

После смерти Ци Хуань-гуна из-за того, что его сыновья были заняты борьбой за власть, его тело пролежало в спальне шестьдесят семь дней, и никто не готовил тело к погребению. Шли дни, труп разлагался, черви наполняли комнату и даже вылезали из окон.

Если бы Ци Хуань-гун прислушался к совету Гуань Чжуна, он, возможно, не закончил бы жизнь таким образом.

Перевод с китайского Николая Воропаева

БИРГИР СИГЮРДССОН (1937 – 2019)

Биргир Сигюрдссон (Birgir Sigurðsson) – крупный исландский прозаик и драматург. В юности издал несколько книг стихов; с 1970х гг. начал писать пьесы, которые были поставлены при жизни автора в театрах Исландии, а также других скандинавских и европейских странах. Автор романов «Обрыв» (Hengiflugið, 1993) и «Свет в воде» (Ljósið í vatninu, 2000), нескольких сборников рассказов. «День надежды» (1987) – самая известная его пьеса. В 1988 г. исландским телевидением был снят фильм, основанный на ней.

[1] *Чжан* – китайская сажень, равна 3,33 метра (Прим. пер.).

На русский язык ранее переводилась одна новелла Биргира Сигюрдссона: *Биргир Сигурдссон. Соревнования // LiteraruS № 3/2019, сс. 42–47, пер. О. А. Маркеловой.* Перевод осуществлён по изданию: Birigr Sigurðsson. Dagur vonar. Mál og menning, Reykjavík, 1987 и публикуется с разрешения наследников автора.

ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

Памяти моей сестры,
Сигрид Фрейи Сигюрдардоттир

День суда и воздаянья
в прах повергнет мирозданье.
(пер. Эллиса, 1911)

Действующие лица

Лаура
Хёрд, её сын
Рейнир, её сын
Альда, её дочь
Гвюдни
Гюннар

Сейчас она стояла у дерева, прекраснейшего из всех деревьев. Оно было словно утешение, которое говорило, что красота, несмотря ни на что, по-прежнему существует. И она стала разговаривать с жизнью: «Ты дала мне много и сказала, чего всё стоит, но лишь одно я ценю больше всего». Тут жизни захотелось узнать, какое из её великих богатств самое дорогое. «Жизнь-красавица, – сказала она. – Если б мне не было дано понимание, я была бы таким же великим молчанием, как смерть».

I действие

Действие происходит в Рейкьявике в середине пятидесятых годов. Сцена представляет квартиру в каменном доме. Квартира расположена на втором этаже: в окно и в стекло балконной двери на заднем плане видны фасады, голые кроны деревьев и крыши. На окне с внутренней стороны и на стекле балконной двери вертикальные прутья решётки. Слева от окна выступает крошечный кусок стены. Справа на этом куске стены висит картина: сбоку видна только рама, а сама картина не видна. Справа у куска стены стоит старый неприбранный

обеденный стол. Слева от куска стены и дальше вглубь сцены – кухня. В ней окно с такой же решёткой.

Вход в квартиру с левой стороны. На переднем и среднем плане гостиная. В ней диван, глубокое кресло. У стены слева – диван-кровать, потёртый, не в том стиле, что другой диван. Справа на переднем плане – кресло-качалка. Возле неё маленький столик. Сбоку на этой стороне просцениума – дверь. Она ведёт в комнату Альды. Впереди на самом краю сцены с этой стороны видна часть дома снаружи: окно (или его часть) комнаты Альды. (Когда она проходит в комнату и из комнаты, то её видно в этом окне). На нём, как и на всех других окнах – такая же решётка. Позади этой комнаты, с правой стороны – выход (в другие комнаты), а дверь комнаты – справа от окна на заднем плане.

Утро в апреле.

Гюннар неподвижно сидит за столом на кухне и смотрит прямо перед собой. Он темноволос, небрит, в рабочей рубашке с расстёгнутым воротом. Ему 38 лет. Перед ним на столе стоит чашка кофе.

Альда стоит в своей комнате у окна: неподвижно, в профиль к зрителям. Волосы у неё средней длины. Ей 26 лет, и она сумасшедшая. Одета она в ночную рубашку, простую, но со вкусом. Одной рукой она вцепилась в решётку. Она красива.

Молчание.

Она медленно поворачивается анфас и просовывает голову между двух прутьев решётки. Её скулы касаются прутьев. Она бледна, под глазами тёмные круги. Её взгляд (или то, что его наполняет) как будто исходит глубоко изнутри. Она смотрит не на зрителей, а поверх них, далеко вдаль. Сейчас она вцепилась в решётку обеими руками. Стоит неподвижно. Вдруг она начинает петь «Помнишь, сидели мы вместе…[1]*» (слова – Тоурарин Гвюдмюндссон, музыка – Якоб Йоуханессон Смаури). Она поёт только одну строфу, выражение её лица при этом не меняется, она по-прежнему глядит вдаль. Голос у неё чистый, высокий; он словно доносится откуда-то издалека, это полуфальцет, ноты слегка растянутые, ровные, но звучат не по-детски. Она прекращает пение так же внезапно, как и начала, и продолжает смотреть вдаль.*

Гюннар встаёт, заглядывает в коридор справа, достаёт бутылку бреннивина, которую прятал за диваном-кроватью. В бутылке осталось мало. Он прихлёбывает из неё, не поморщившись и ничем иным не показав, что напиток крепкий. Он не пьян. Хотя он спрятал бутылку, таким образом, он, в строгом смысле, не пьёт скрытно. Он вытирает

[1] Песня «Воспоминание» (Minning), автор текста – Якоб Йох. Смаури (Jakob Jóh. Smári (1889–1972). (Прим. пер.).

рот тыльной стороной ладони, снова возвращается к столу, садится, затем отхлёбывает из кофейной чашки. Продолжает сидеть неподвижно. Альда у окна медленно отворачивается, поворачиваясь к решётке спиной; затем стоит неподвижно.

Лаура входит справа с полной охапкой грязного белья. Идёт она быстрым решительным шагом. Она на десять лет старше Гюннара, и это заметно; ей сорок восемь лет. При всём том она видная собою и красивая женщина. У неё в волосах бигуди или заколки, поверх них платок или сетка для волос. Она останавливается возле входной двери слева, смотрит на Гюннара. Он понимает, что ему нужно открыть ей дверь, встаёт, но не спеша. Дверь он открывает ключом.

Лаура. Ты пьёшь, что ли? От тебя вином пахнет!
Гюннар. А по-моему, не пахнет.

(Она выходит, а он запирает за ней дверь. Он садится. Входит Альда. Она встаёт возле кресла-качалки и кладёт на него руку. Выражение лица у неё далёкое. Она не знает, что он здесь. Она живёт в своём мире и не проявляет прямой реакции на окружающее. Иногда может показаться, что она испытывает его косвенное влияние, но это не точно. На самом деле у неё не устанавливается связь с окружающим миром, разве что, до определённой степени – во время приступов. Гюннар не смотрит на неё).

Гюннар (*в коридор*). Вот чёрт.

Молчание.

Гюннар (*спокойнее*). Вот чертовня проклятая.

Короткая пауза.

Зараза!

(*Альда медленно подходит к входной двери, останавливается возле неё, берётся за ручку, некрепко, отпускает, затем неподвижно встаёт, повернувшись лицом к двери. Гюннар смотрит на неё. По его лицу непонятно, о чём он думает.*)

Молчание.

Гюннар. Тебя зашибёт дверью, когда она будет её открывать.

(*Альда не реагирует. Впрочем, он и не ожидает никакой реакции на свои слова. Он встаёт, подводит её к креслу-качалке и усаживает туда. Затем он берёт бутылку, делает глоток, как раньше, вытирает рот рукой, смотрит вперёд.)*

Молчание.

Гюннар. Я наяву грежу. Делириум тременс. Жара изнуряющая. Солнце такое, что трава высыхает до ломкости. Австралия. Я лежу в траве и смотрю на кенгуру. Они прыгают в длину на семь метров. Австралия. Я сбегаю из этой жизни. В Австралию… Или в Антарктиду. Почему бы не в Антарктиду? Солнце сверкает на снегу. Холод такой, что моча замерзает прямо в письке. (*смотрит на Альду, выражение лица непонятное*). И там пингвины. (*Допивает бутылку, вытирает рот тыльной стороной ладони, ставит бутылку за стул, достаёт из кастрюли на плите варёное яйцо, садится, разбивает его о стол, очищает скорлупу. Альда медленно качается в кресле, смотрит вдаль, напевая, как прежде.*)

Альда. Помнишь, сидели мы вместе…

Гюннар. Интересно, каково это – на кенгуру верхом вскочить? (*Засовывает всё яйцо целиком – крутое – себе в рот, смотрит в коридор и жуёт*.)

Альда. Помнишь… (*Пропевает только это слово, медленно покачиваясь. Лаура отпирает дверь снаружи, вносит постельное бельё, только что снятое с верёвки, кладёт его на диван-кровать, запирает дверь, обнаруживает бутылку, берёт её, не меняя выражение лица, и кладёт в мусорное ведро в шкафчике под раковиной; она брякает; Лаура захлопывает шкафчик. Она твёрдым шагом идёт в коридор направо, не взглянув на Гюннара, слышно, как она стучит в дверь и кричит: «Время – без четверти восемь!» Она заходит в кухню, подходит к столу. Он сметает скорлупу со стола себе в ладонь, а затем вытряхивает в мусорное ведро, снова садится, подмигивает ей. Она начинает собирать завтрак, движения энергичные, она не смотрит на него; она отпирает шкаф в верхнем ряду, вынимает оттуда длинный острый нож и режет им хлеб на разделочной доске. Начинает набирать воду в чайник.*)

Гюннар. В кофейнике полно свежего кофе. (*Она перестаёт набирать воду, не замечает его, режет хлеб, намазывает маслом и пр., резкими энергичными движениями*). А ночью ты была не такая.

Короткая пауза.

Ночью ты красивее, чем днём. (*Она энергичными движениями вытирает со стола, за которым он сидит, не смотрит на него, прекращает вытирать, ждёт с непрошибаемым лицом (с тряпкой возле чашки), пока он поднимет свою чашку, чтоб она могла протереть под ней. Он поднимает чашку, а она вытирает. Он ставит чашку назад. Она продолжает протирать стол, потом перестаёт и бросает на него быстрый взгляд*).

Лаура (*резко*): Мне в доме пьяницы не нужны.

Гюннар. Да там и было-то два глотка. Даже меньше. На самом деле всего полтора.

Лаура. С тех пор, как началась забастовка, ты только и знаешь, что хлестать винище. Две недели. Более или менее.

Гюннар. А чем ещё заняться?

Лаура. Когда ты пришёл к нам в дом, я тебе сказала, что придётся бросить пить.

Гюннар. А я бросил. Совсем. Три месяца вина в рот не брал. Ни капли.

Лаура. Вот ты снова начал.

Гюннар. Я бросил. Снова.

Лаура. Бросай – или вон из дома.

Гюннар. Это были два последних глотка. Я вместо этого поеду в Австралию и Антарктиду. Там кенгуру и пингвины.

Лаура (*наклоняется к нему и смотрит прямо в глаза. Она держит нож для хлеба в той руке, которой опирается на стол; он встаёт из её объятий. Она говорит, чеканя слова*): Это было очень смешно. Но это в последний раз, когда ты говоришь мне в лицо смешное после своей пьянки. Другой женщине так говори. Но не мне. К тому же, я вовсе не красивая. Никогда и не была красавицей. Поэтому я не могу быть красивее ночью, чем днём. И ты не имеешь права напиваться днём из-за того, что мы делаем ночью. Я взяла тебя к себе в дом. Ты был склонен к пьянству. Ты был несчастен. А сейчас ты целыми днями пьян – и тебе это смешно! А мне не смешно. Довольно ты уже винище хлебал! Не хочешь бросать – пойдёшь отсюда. (*Отворачивается от него и начинает резать хлеб на разделочной доске на кухонном столе.)*

Молчание.

Альда внезапно прекращает раскачиваться и наклоняется на кресле вперёд: словно она увидела вдали что-то, что не может как следует разглядеть; пристально смотрит вперёд. (Через длительное время снова откидывается назад и вновь начинает медленно качаться.)

Молчание.

Лаура (*резко поворачиваясь к нему*). Ты катишься вниз по наклонной.

Гюннар. А я больше никогда никуда и не катился.

Лаура. А виноват в этом только ты сам.

Гюннар. Да.

Лаура. Если ты только этого и хочешь, пожалуйста, делай это где-нибудь в другом месте. (*Отворачивается от него*.)

Гюннар. Я не этого хочу.

Лаура. Нет, скорее всего, как раз этого. Ты встал в семь часов и уже начал заливать за воротник.

Гюннар. Да там всего и было два глотка.

Лаура. Остаток вчерашнего глотка. А вчера был остаток позавчерашнего. А днём раньше – остаток предыдущего дня. И умываться ты перестал. И не бреешься. От тебя воняет. Ты и сам превратился в остаток самого себя. Остаток остатка. То есть, алкаш.

Гюннар. Благодарю покорно.

Лаура. Сам себя благодари.

Молчание.

Гюннар. Что-то сегодня ночью по тебе было незаметно, что от меня воняет.

Молчание.

(*Она закончила резать хлеб, убирает нож в тот же шкаф, откуда достала, запирает его. Начинает прибираться на кухонном столе и мыть посуду, не смотрит на него; её движения энергичны и недружелюбны.*)

Гюннар. Всё эта забастовка проклятая. Мне нужно работать. Если я не буду работать – с ума сойду.

Лаура. Не один ты бастуешь.

Гюннар. А ты не бастуешь. Тебе жаловаться не на что.

Молчание.

Этим дням конца не видно. Я ничего не делаю, только сижу на заднице и думаю, как плохо поступил сам с собой и со всеми и со всем, и у меня башка становится полна дерьма.

Лаура. Почему же ты тогда не проявишь солидарность к товарищам и не пойдёшь в забастовочный комитет?

Гюннар. По-моему, с тебя уже хватит в доме и одного героя-забастовочника, которым можно хвастаться. А почему ты другого своего сына не отправляешь в забастовочный комитет?

Лаура (*отворачиваясь*). Он в университете учится.

Гюннар. Что-то я в последнее время не видел, чтоб он ходил в университет. Он по утрам вообще не встаёт. Хороша учёба, нечего сказать! А может, у него своя индивидуальная забастовка? И он сам себе забастовочный комитет?

Лаура (*поворачивается к нему, шипит*). Пей! Пей дальше! Вообще спейся! (*Отворачивается.*)

Альда (*поёт, как и прежде*). Помнишь, сидели мы вместе…

Молчание.

Гюннар. Прости. Мне плохо. Поэтому я так и разговариваю. Я хочу бросить. Ты же знаешь… Я бросил, как только мы начали быть вместе. Это всё благодаря тебе. Никто кроме тебя не мог бы заставить меня бросить. Я это сразу ощутил, как только увидел, какая ты величественная. Это издалека видно. Как только я тебя увидел, я сказал сам себе: Я буду танцевать с этой женщиной, и она будет моей. И ты стала моей, и это самое прекрасное, что со мной вообще было.

Лаура. Я это уже слышала.

Гюннар. А я всегда буду это говорить. Снова и снова. Потому что это так и есть. Ты меня спасла. Правда-правда. Я был уже готов вот-вот потонуть в собственном дерьмище и безнадёге. Я потерял обоих родителей, когда мне было четырнадцать. Обоих зараз. Вот так (*щёлкает пальцами*). В одну секунду. Я видел, как они умирают. Их кровь брызнула мне в лицо. Залила меня. У меня до сих пор во рту привкус крови. Я до сих пор по ночам с криком вскакиваю, и мне кажется, что у меня рот полон крови. Их какой-то пьянчуга машиной задавил… Я так искренне ненавидел жизнь, что мне хотелось убить бога. И ничего красивого в моей жизни не было – пока я не познакомился с тобой.

Лаура. Я знаю, что ты потерял родителей. Я знаю, что ты вырос у чужих, и никто тебя не любил. Я знаю, что ты хлебнул горя.

Гюннар. Ты меня ранишь.

Лаура. Всё это я уже слышала. Даже слишком часто.

Гюннар. Мне тридцать восемь лет. Я никогда об этом не разговаривал. Ни с кем кроме тебя. Просто не мог. Пока не встретил тебя. Я тебе это рассказал, потому что думал – тебе важно, как я жил.

Лаура. Гораздо более важно – чтоб ты бросил пить.

Гюннар. А я бросил. Просто эта забастовка чёртова меня из колеи выбила.

Короткая пауза.

Лаура. Где ты достал денег на выпивку?

Короткая пауза.

Гюннар (*тихо*): С книжки снял.

Молчание.

А я бросил. Можешь на это положиться. (*Она отворачивается от него, продолжает прибирать со стола, вытирать посуду и пр. Он смотрит на неё. Её движения медленнее, чем прежде, больше не говорят о враждебности. Альда резко вскакивает с кресла, по-прежнему абсолютно спокойная, и пристально смотрит вдаль перед собой, словно увидела что-то неясное, – никто из двоих не смотрит на неё.)*

Молчание.

С тех пор, как мы впервые увиделись, я всегда тобой восхищался. Меня никогда никто не ценил. Ты вырастила троих детей. Одна. Я тобой восхищаюсь. Ты говоришь, ты некрасивая. А это не так. Ты красивая. Прямо-таки красавица. Просто ты сама об этом не знаешь. И красивее всего ты, когда сердишься. Тогда я лучше всего чувствую, какая ты величественная. Тогда ты как будто молодеешь на много лет.

Лаура (*холодно*): Не надо напоминать мне, что я на десять лет старше. Я это и так знаю.

Гюннар. Да я не об этом.

Лаура. Нет, как раз об этом.

Гюннар. Я никогда не считал тебя хоть на день старше меня!

(Альда садится.)

Молчание.

Ты будешь жалеть, если я уйду? Скучать по мне будешь?

Лаура. Ты катишься вниз по наклонной.

Гюннар. Если бы я ушёл – ты бы стала по мне скучать?

Лаура. Пока я не познакомилась с тобой, я была одна. Смогу и дальше быть одна.

Гюннар. А скучать по мне будешь?

Лаура. Хватит ныть.

Гюннар. А вот и не будешь. Потому что я не заслужил. И как только я переступил порог этого дома с чемоданом в руке, меня начали ненавидеть. И здесь я – всего лишь приблудное животное.

Лаура. В моих глазах – нет.

Гюннар. В этом доме есть не только твои глаза.

Молчание.

(Мягче – искреннее): Скажи мне! Скажи: ты будешь по мне скучать? Мне ужасно важно это знать.

Короткая пауза.

Ты же меня любишь. Я знаю. Я это чувствую.

Короткая пауза.

Ну, скажи мне. Будешь по мне скучать?

Короткая пауза.

Лаура. Да.

Гюннар. Спасибо.

Короткая пауза.

Я никогда не мог поверить, что такая женщина, как ты, может хорошо относиться ко мне. К такой сволочи, как я.

Лаура. А ты разве сволочь?

Гюннар. Порой мне так кажется.

Лаура. Мне тебя за это пожалеть?

Гюннар. Нет.

Лаура. А вот и да. Я должна тебя пожалеть. Я должна разрешить тебе плакаться мне.

Гюннар. Ты же не такая суровая. Тебе хочется такой быть, но на самом деле ты не такая.

Лаура. Не хочу тебя жалеть. Я хочу, чтоб ты был таким, каким был, когда мы только начали встречаться: решительно настроенным

вырваться из этого всего. Ты этого хотел. Поэтому я и взяла тебя в свой дом. Но я не собираюсь помогать тебе жалеть самого себя. Это не ко мне. У меня и без этого забот хватает. Мне нужно твёрдо стоять на земле обеими ногами – как я всегда стояла. И я не позволю всякого нытья.

Гюннар. По-моему, тебе не следовало бы так со мной разговаривать. Ты меня ранишь.

Лаура. Когда ты пьян – из тебя всё мужество как будто вытекает. А я хочу человека, который может твёрдо стоять на ногах рядом со мною. Мужчину. А не нытика.

Гюннар (*спокойно*): Взгляни на эти руки! (*Протягивает руки.*)

Лаура. Я их уже видела.

Гюннар (*спокойно*): И всё-таки взгляни. (*Она поворачивается к нему и смотрит на него – а не на руки – спокойно, бесстрастно.*) Рассмотри их хорошенько. Это мои руки. Мои собственные. Я ими людей избивал. Я ими могу тебя пополам передавить. Я ими могу взять тебя за ноги и об угол. А когда я ими тебя щупаю – тебе вообще голову сносит от похоти. Так что не надо тут мне говорить, будто я не мужчина. Нельзя со мной так говорить. Никому нельзя со мной так говорить. Никогда. (*Кричит.*). Поняла?

Лаура (*спокойно – холодно*): Ты меня ударить хочешь? (*Отворачивается, продолжает мыть посуду, гремит тарелками.)*

Молчание.

Гюннар. Прости. (*Она не реагирует на это и продолжает своё занятие.*)

Альда (*как будто с ноткой удивления*): И он вывел меня из дому и показал мне звёзды, и сказал мне: «Звёзды – гонцы, спешившие к людям, но из-за людской злобы они заледенели на небосводе, и ты, маленькая девочка, должна растопить лёд своим сердцем». (*Никто из двоих не прислушивается к её словам.*)

Гюннар. Я плотничать буду.

Молчание.

(Она никак не реагирует на его слова, продолжает мыть посуду.)

Ты слышала, что я сказал?

Лаура (*не поворачиваясь к нему, продолжает своё занятие, незаинтересованно*): Что ты сказал?

Гюннар. Я ими плотничать буду. Руками. Строитель, о котором я

тебе рассказывал, хочет взять меня на работу. Хочет заключить со мной договор. (*Лаура поворачивается к нему и смотрит на него.)*

Короткая пауза.

Лаура. Почему ты мне раньше не сказал?

Гюннар. Хотел сделать тебе сюрприз. Но тут началась эта чёртова забастовка и всё испортила. (*Она проводит пальцами по его волосам, прикасается рукой к его щеке, смотрит ему в глаза.*)

Лаура. Это меня радует. Очень-очень. Я рада за тебя.

Гюннар. Мне никогда ничего не хотелось, пока я не встретил тебя. Мне на всё было вообще плевать. А сейчас я стану не хуже людей. Плотником. Дома строить. Мне этого хочется. (*Он берёт её руки в свои.*) Я выстрою дом. Когда выучусь. Для нас. Нас двоих. Для меня и для тебя. И для Альды. Она будет жить у нас. Мы её больше никуда сдавать не будем.

Короткая пауза.

Я не оплошаю. Можешь мне верить.

Альда (*Её слова накладываются на слова Гюннара*)**.** Ты, маленькая девочка! Ты должна растопить лёд своим сердцем.

Гюннар. Представляешь: у меня на книжке деньги. У меня их там не было с тех времён, когда мама с папой ещё были живы. (*Лаура крепко прижимает его к себе.*)

Альда (*словно издалека*): Он вывел меня под звёзды. Он показал мне их все, ни одной не пропустил. И он был мой папа. (*Гюннар и Лаура целуются.*)

Гюннар. Когда я гляжу на тебя днём, то не верю ничему, что ты показываешь по ночам.

Альда (*поёт, как и прежде*): Из той таинственной бездны извлекли мы краткий покой…

Лаура. Ночью все не такие, как днём.

Гюннар. Ты была необузданной, ненасытной (*гладит её руками*)**.** Ты сняла с себя не только одежду. Ты сняла с себя всё, что ты есть днём. Я возбуждаюсь, когда вижу, как ты полностью изменяешься, становишься бесстыдной любовницей. Как будто каждый раз у тебя – последний.

Лаура. Я не хочу, чтоб ты так говорил.

Гюннар. Нет, хочешь. Я шепчу тебе на ухо что угодно, и ты просто впадаешь в неистовство. Мы вместе уже четвёртый месяц, и ты этого хочешь каждую ночь. (*Лезет ей под одежду*)**.**

Лаура. Сейчас Гвюдни придёт. (*Отталкивает его и всё же находится под влиянием его ласк. Он прижимает её к себе крепче.*)

Гюннар (*страстно*): Ты великая любовница. Лучшая. Тебе это нравится. Когда я к тебе приближаюсь – ты рассудок теряешь. Когда прикасаюсь – вся намокаешь.

Лаура (*с силой вырываясь от него*): Я не хочу, чтоб ты так разговаривал в присутствии Альды.

Гюннар. Она ничего не слышит. Поёт себе – и всё. Одну и ту же песенку. И не видит ничего. Да я тебя запросто мог бы при ней повалить на пол в гостиной и там отыметь. (*Она смотрит прямо на него ледяным взглядом, резко разворачивается и уходит в комнату в глубине сцены.*)

Гюннар (*после того, как она ушла*): Вот чёрт.

(*Входит Гвюдни, слева. Она отпирает дверь и запирает за собой. Ей под семьдесят лет. Она худощавая, седая, в чёрном платье, вид очень ухоженный*).

Гвюдни (*с теплотой*): День добрый.

Гюннар. Добрый день. (*Она уходит в комнату Альды и приносит для неё халат*).

Гвюдни (*озорно*): Не стой на людях в одной ночной рубашке! (*Надевает на неё халат*). Вот так. Так-то лучше. (*Достаёт из шкафа полотенце или слюнявчик, подходит к Альде, целует её, гладит по щеке, повязывает ей это полотенце/слюнявчик, затем подходит к плите и снимает с неё сотейник*).

Гвюдни. Эти яйца вкрутую?

Гюннар. Да. (*Гвюдни кладёт яйцо в рюмку, начинает очищать. Лаура выходит из комнаты в глубине сцены и выходит в коридор справа. Она в расстёгнутом халате, под которым видно нижнее платье.*)

Лаура (*кричит за сценой*): Парень, ты вставать вообще собираешься? (*Лаура быстро входит справа. Проходит в комнату в глубине сцены.)*

Молчание.

Гюннар. Я её покормил.

Короткая пауза.

(Гвюдни пристально смотрит на него.)

Гвюдни. Ты её покормил?

Гюннар. Она съела только пол-яйца и больше не захотела, а овсянку вообще не стала.

Короткая пауза.

Гвюдни. Зачем?

Гюннар. Что – зачем?

Гвюдни. Зачем ты её кормил?

Гюннар. Покормил – и всё. А что мне ещё было делать? Она начала петь в шесть часов. Вечно одну и ту же песенку. Спать было невозможно. Я её покормил, когда сам поел.

Гвюдни. Лучше бы не стал.

Гюннар. Да у неё всё равно аппетита не было. (*Альда медленно встаёт и пристально смотрит вперёд. Она неподвижна.*)

Гвюдни. Как ей давать еду – это не всё равно, и не надо пичкать её тем, что ей не нравится. Она овсянку терпеть не может.

Гюннар. Я не знал. Прости.

Гвюдни. Тут маху давать нельзя, а то она вообще есть перестанет.

Гюннар. Прости, я правда не знал.

Гвюдни. Прошлой весной, когда я начала за ней приглядывать, она была просто – кожа да кости. Женщине, которая за ней приглядывала до меня, вообще ничем не удавалось её накормить. Её уже собирались через шланг кормить. Лаура уже готова была опустить руки и согласиться, чтоб её опять забрали. Я целыми днями над ней просиживала, чтоб запихнуть в неё каплю сливок, пару кусочков мяса. Я не хочу, чтоб мне пришлось начинать всё сначала. Поэтому лучше кормить её-буду только я. (*Альда уходит к себе.*)

Гюннар. Конечно. Разумеется. Мне тогда просто в голову взбрело…

Гвюдни. Понимаю.

Молчание.

(Она наливает в чашку кофе, зажигает сигарету.)

Гюннар Ты с ней гулять пойдёшь?

Гвюдни: Да.

Короткая пауза.

Гюннар: А куда вы с ней ходите?

Гвюдни: Иногда к озеру. Иногда к морю. Или мы гуляем по центру города, смотрим людей, витрины. Но интереснее всего нам в саду у Оркестровой беседки. Там мы сидим у памятника Йоунасу Хатльгримссону. Он, как она, тоже цветы любил.

Гюннар. Она не замечает, где находится. С ней запросто можно хоть в гостиной гулять.

(*Гвюдни садится на диван-кровать возле входной двери.*)

Гвюдни. Откуда мы знаем, может, что-то и замечает.

Гюннар. Она в другом мире. Не в этом. Она ничего не видит, ничего не знает, ничего не слышит и не помнит ничего, кроме своего отца. Она создала себе свой мир – в нём и живёт. Это врачи говорят. Чтоб она вылечилась – нужно чудо. Они говорят, у неё это уже хроническое. С рождения больная.

Гвюдни. Они этого не знают. А те, кто говорит, что у неё это хроническое, знают меньше всех.

Гюннар. Это Лаура тебя в этом убеждает или ты её?

Гвюдни. У меня брат был психиатр.

Гюннар. Не лучше ли будет её сдать?

Гвюдни. От этого никому не лучше. В той больнице сумасшедших не лечат, а просто держат взаперти.

Гюннар. Вы обе так рассуждаете, словно вы какие-нибудь главврачи. Я вот никогда не видел, чтоб она что-то или кого-то замечала вокруг себя. Разве что во время приступов.

Короткая пауза.

Гвюдни. Прошлым летом мы почти каждый день ходили в сад у Оркестровой беседки. Однажды маленький мальчик обронил свою шапочку прямо у её ног. Я протянула ему шапочку. А он так застеснялся, что не посмел её взять. Просто стоял весь красный, потупившийся и ручки за спиной. А она вдруг взяла и улыбнулась. Улыбнулась – и на мгновение как будто увидела всё вокруг себя. Как будто она вдыхала аромат растительности.

Короткая пауза.

Гюннар. А потом что?

Гюдни. На следующий день я взяла с собой карандаши и бумагу. Понимаю, что я как-то по-детски поступила, но мне казалось – надо попытаться. А она к ним не притронулась. И ничего подобного больше не

случалось. А потом и лето прошло.

Короткая пауза.

Гюннар. А в этих картинках, которые она нарисовала, вообще есть толк?

Гвюдни. Не знаю.

Гюннар. Это абстракционизм или как там это называется?

Гвюдни. Нет. Вряд ли.

Гюннар. Этого абстракционизма никто не понимает.

Гвюдни. Это явно был не абстракционизм.

Гюннар. Я в живописи не разбираюсь. Я вообще ни в чём не разбираюсь.

Короткая пауза.

(*Он проходит через всю сцену к проходу с правой стороны, засовывает руку в карман пиджака или куртки на вешалке у входа, вытаскивает оттуда сигареты*). А её отец тоже уничтожил свои картины? Кроме этой? (*Смотрит на картину на куске стены.*)

Гвюдни. По-моему, да.

Гюннар. А в этой картине есть толк?

Гвюдни. Вот не знаю. Но что-то в ней есть.

Гюннар. Лучше бы он их и не рисовал. Всё равно ведь уничтожил. С него хватило бы и просто нафантазировать себе, что он рисует. Нафантазировать вообще можно очень многое. И о себе самом, и о других. Я себе всегда что-нибудь фантазирую для развлечения. Особенно, когда мне скучно. Только что я нафантазировал, будто приехал в Австралию.

Короткая пауза.

Он был сумасшедший. Она изорвала свои картинки, когда сошла с ума. И он тоже был сумасшедшим.

Гвюдни. Может, ему просто показалось, что они у него вышли неудачные?

(*Альда входит в дверь, проходит к креслу-качалке и садится, медленно и плавно раскачивается.*)

Гюннар. Конечно, они действительно такими и вышли.

Гвюдни. Вот уж не знаю.

Гюннар. Иначе бы их кто-нибудь купил. И он стал бы знаменитым. У кого хорошо получается, всегда становятся знаменитыми.

Гвюдни. Не всегда.

Гюннар. Да? Ну и ладно. Я в этом не разбираюсь. Я вообще ни в чём не разбираюсь. Мне начхать на дохлых художников и уничтоженные картины.

Молчание.

Гвюдни. Тебе не захотелось на прогулку, Альдочка?

Гюннар. Ты всегда с ней так разговариваешь, как будто она тебя слышит и понимает.

Гвюдни. Если с ней достаточно много разговаривать, может, в один прекрасный день она начнёт и слышать, и понимать. Во всяком случае, так на это больше шансов, чем если с ней не разговаривать. (*Подходит к Альде.*) Давай сперва умоемся и оденемся? (*Входит Хёрд справа. Он только что проснулся, ещё не продрал глаза, квёлый, в незастёгнутой рубашке навыпуск поверх брюк. Он худой, на вид некрепкий, ему двадцать два года.)*

Гвюдни. С добрым утром.

Гюннар (*с ударением*): С добрым утром. (*Хёрд не обращает на него внимания.*)

Хёрд. (*к Гвюдни*): Который час?

Гвюдни. Девятый.

Хёрд. Что значит «девятый»? Пять минут девятого, две минуты, одна минута, полминуты, а может, пятнадцать минут девятого? Мне надо точно знать.

Гюннар. С добрым утром. С добрым утром. С добрым утром. (*Хёрд не обращает на него внимания*).

Гвюдни. Я часы надеть забыла. Я точного времени не знаю.

Гюннар. Восемь часов одиннадцать минут пятнадцать с половиной секунд. По Гринвичу.

Хёрд (*бросает, не смотря на него*): Я не с тобой разговариваю.

Гюннар. Извини. Я возьму свои слова обратно. Обещаю больше никогда не говорить тебе точное время. Точно никогда.

Хёрд. Я с тобой не разговариваю. Я на тебя не смотрю. Как будто ты не здесь, а где-нибудь в Китае.

Гюннар. Нет. Не в Китае. В Австралии. (*Альда прекращает раскачиваться и смотрит прямо перед собой.*)

Хёрд. Я с тобой вообще не разговариваю. Ты это замечал? Нет. Конечно, нет. Ты всего лишь кусок мяса. Грудинка и окорока. Мышечный рефлекс. В духовном отношении ты амёба. Одноклеточный. С моей матерью в гормональные дурачки играешь.

Гюннар. Я только дуну – и ты улетишь вверх тормашками.

Гвюдни (*Альде*): Давай мы с тобой умоемся.

Хёрд. Сперва я. Я уже опаздываю. Я перед вами. (*Собирается идти, но встаёт как вкопанный, когда Альда начинает говорить, смотрит на неё, не отрываясь.*)

Альда (*как будто издалека*): Есть страна. В ней белая гора. Чудесные ручьи стекают по склонам этой белой горы. Они сделаны из правды. И гора тоже сделана из правды. И это дивная гора. У этой горы-правды стоит птица на тонких ногах и поёт. Это белая птица правды. И долго-долго после того, когда она умолкнет, будет слышен в тишине звук. Вот какая жизнь в стране, где поёт птица правды. (*Гвюдни целует её в затылок.*)

Хёрд (*горячо; его переполняют чувства*): Я это уже слышал. Она это и раньше говорила. Когда я был маленьким. Я припоминаю. Она всегда рассказывала такие сказки. Поэтические. Нет, это стихи. Чистая поэзия. Ты слышала? Чистая поэзия.

Гюннар. Наичистейшая. Только что из ванной. (*Хёрд не обращает на него внимания.*)

Хёрд (*рьяно*): Это надо записать. Пойду, принесу карандаш и бумагу. Запомните вместе со мной то, что она сказала. Ты помнишь?

Гвюдни. Не надо это записывать.

Хёрд. А?

Гвюдни. Я это уже записала. Она уже раньше это говорила. В точности так же.

Молчание.

(Хёрд пристально смотрит на Гвюдни.)

Хёрд. Ты это записала? Зачем?

Гвюдни. Для себя. Кое-что из того, что она говорит, такое, что хочется унести себе.

Хёрд. У тебя нет права так поступать.

Гвюдни. У меня нет права? (*Альда начинает раскачиваться медленно и плавно.*)

Хёрд. Да.

Гвюдни. Почему?

Хёрд. У тебя нет никакого права записывать то, что она говорит, и сохранять себе. Эти записи могут найти после твоей смерти, и тогда все подумают, что это твоё.

Гвюдни. Я разве при смерти?

Хёрд. Старики вообще умирают. Я думал, ты это знаешь.

Гвюдни. Всё, что я записала за ней, подписано, что это её, так что не беспокойся. Это всё в особой книжке, подписанной её именем.

Хёрд. Книжке? Какой книжке?

Гюннар. Сберегательной. (*Хёрд не обращает на него внимания.*)

Гвюдни. Записной.

Хёрд. Я хочу её увидеть.

Гвюдни. Ну, наверно, я тебе и разрешу.

Хёрд. Я требую показать её мне.

Гюннар. Давайте подключим сюда полицию, Шерлока Холмса, Интерпол.

Хёрд (*резко*): Заткнись! (*Гюннар ухмыляется.*)

Гвюдни (*спокойно*): Я сказала, что одолжу её тебе почитать. (*Начинает расчёсывать Альде волосы.*)

Хёрд. Ты не имеешь никакого права собирать в записную книжку то, что она говорит. Это собираю я. Я записал всё, что она мне говорила, когда мы были маленькими. Я собираюсь это издать. Мне нужно, чтоб всё это было у меня в руках.

Гвюдни. (*продолжая причёсывать Альду*): Я тебе её одолжу. Но не сейчас.

Хёрд. А я хочу сейчас. Сию секунду. Я слежу за тем, что она говорит, её поэтическим творчеством. За картинами бы тоже следил, если б мама не позволила ей их уничтожить. Я всегда был к ней ближе всех. Мы – души-двойняшки. Мы одинаковы. Все одинаковы: она, я и папа.

Гюннар. Тогда уж тройняшки. (*Хёрд продолжает, словно не слышал. Гюннар через некоторое время встаёт, берёт с дивана-кровати газету, садится туда и листает.*)

Хёрд. Хочу, чтоб мне прямо сейчас дали эту книжку.

Гвюдни. Она у Рейнира. Я могу дать её тебе, когда он её вернёт.

Хёрд. Рейнир? Зачем? Ему-то она для чего?

Гвюдни (*спокойно*): У тебя одного нет исключительного права на сестру.

Хёрд. А разве об этом кто-то говорил?

Гвюдни. Вроде я это услышала. (*Продолжает хлопотать над волосами Альды, начинает их укладывать.)*

Альда (*как будто издалека – её слова накладываются на слова Хёрда*): Однажды я увидела птицу. Когда она перестала петь и улетела, звук остался в тишине.

Хёрд. Ты его любишь. Ты ему стала как родная мать. И теперь матерей у него две. И вы обе его любите. Когда его в детстве отправляли в деревню, мама всё никак не хотела с ним расставаться и по шесть раз за лето названивала туда, чтоб сказать, как она его любит. И ты его балуешь. Отдала ему лучшую комнату у себя наверху, чтоб ему было хорошо.

Гвюдни. Тебе её предлагали до него. (*Входит Лаура. Она с причёской и в пальто. Хёрд не замечает её.*)

Хёрд. Ага, это она хотела меня спровадить. Самой-то тебе было наплевать, что я мёрзну в каморке, куда ничего не влезает, где теснота такая, что даже думать невозможно. Ты просто хотела помочь ей спровадить меня: соблазнить меня хорошей комнатой, чтоб она могла спокойно развлекаться с этим вот (*Указывает на Гюннара. Входит Рейнир. Ему лет двадцать. Он держит в руках дублёнку. Он в хорошей физической форме, сильный, непохожий на брата и сестру, похож на мать, только лицо у него не открытое: по лицу незаметно, что происходит у него в душе. Он садится за кухонный стол, повернувшись спиной к Лауре и Хёрду, пьёт молоко и ест хлеб, и по нему не заметно, чтоб ему было какое-нибудь дело до происходящего.*) Но я не позволю меня спровадить. Я буду там, где Альда.

Гюннар (*из-за газеты*): Не будешь ты там, где Альда. Никто там не будет. Она там, где только она одна.

Лаура (*Хёрду – бесстрастно, холодно*): Ты на учёбу опоздал.

Хёрд. Ничего себе!

Гюннар. Это уже давно не новость.

Лаура. Если поторопишься – успеешь на следующий автобус.

Хёрд. А на какой автобус я успею, если не буду торопиться?

Короткая пауза.

(*Хёрд суёт руки в карманы, смотрит вперёд.*)

Лаура (*к Гвюдни*): Если будешь её купать, то чистое бельё для неё висит на верёвке в подвале. Оно, наверно, уже высохло.

Гвюдни. Я думаю, я её завтра утром искупаю (*Смотрит на Хёрда.*), но я бы хотела, чтоб ты закрывался в ванне, чтоб я могла её умыть и почистить ей зубы. (*Он пристально смотрит вперёд, а на неё не глядит.)*

Короткая пауза.

Лаура. Следующий автобус через десять минут.

Хёрд (*не глядя на неё*): Это ведь не твой автобус?

Лаура. Мой.

Хёрд. Смотри, не пропусти его. (*Выходит направо.)*

Короткая пауза.

Гюннар. А я вот думаю: а не начать ли и мне стихи сочинять. Когда сидишь целыми днями напролёт и ничего не делаешь, недолго и начать сочинять. Я от этого ничегонеделанья вот-вот поэтом стану! Тогда у нас в доме будет два поэта. И даже если забастовку поломают, я так и продолжу заниматься ничегонеделаньем и быть поэтом. Издавать ничего не стану – вот как он, зато поэтом я буду. Как он. Давай мы с тобой тоже начнём стихи сочинять, Рейнир?

Рейнир (*безучастно, не глядя на него*): Конечно.

Гюннар. Наверно, мы с тобой напишем зашибанские стихи, если вместе навалимся.

Рейнир (*безучастно*): Зашибанские.

Лаура (*застёгивает пальто, подпоясывается – к Гвюдни*): Гвюдни, мне сейчас придётся выйти на двойное дежурство, сменщица заболела. Ты не могла бы сготовить и ужин?

Гвюдни. Да. Разумеется. Запросто.

Лаура. Там остаток вчерашнего мяса. И не надо постоянно находиться при ней как пришитая. Гюннар тоже будет дома. (*К Гюннару.*) Ты ведь будешь дома?

Гюннар. Буду. А что мне ещё делать?

Гвюдни. Этого совершенно не нужно. Нам вдвоём хорошо. Мы ходим гулять, разглядывать витрины. Вчера мы видели такое красивое пальто, которое нам захотелось посмотреть получше. (*Она всё ещё продолжает укладывать волосы Альде*.)

Лаура. Пальто? Ты хочешь посмотреть пальто?

Гвюдни. Немножечко.

Лаура. Не стоит. (*Гюннар откладывает газету на диван.*)

Гюннар. А почему ты ей не разрешаешь подарить ей пальто, если уж она так хочет?

Лаура. Она ей только что купила кофту, а всего месяц назад купила дорогое платье, такое красивое, что его просто нельзя ей надевать.

Гвюдни. Это праздничное платье. Она может надевать его на Рождество.

Лаура. А это пальто? Тоже праздничное? И наверняка ужасно дорогое.

Гвюдни. Нет-нет. Не очень. (*Рейнир встаёт, берёт газету с дивана, снова садится за стол и начинает читать газету, обращая на*

происходящее мало или совсем никакого внимания.)

Лаура. Сколько оно стоит?

Гюннар. Какая разница, сколько стоит, если платить будет она!

Лаура. Гвюдни! Так дело не пойдёт. Ты всегда что-нибудь ей покупаешь. Ты вызвалась приглядывать за ней, и я согласилась. Тебе платили. Постепенно ты устроила всё так, что я перестала тебе платить. И ты пустила Рейнира жить в комнате за так.

Гвюдни. Он за себя платит.

Лаура. Всего ничего. К тому же плата за эту квартиру настолько низкая, что, когда я тебе плачу, мне всегда стыдно.

Гюннар. Радовалась бы. Такое как раз не лишне.

Лаура. Постарайся понять, что я говорю, Гвюдни. Я так не хочу. Я тебе такого не позволю. Мне от этого нехорошо.

Гвюдни. Когда мы вернёмся, я его тебе покажу. Я знаю: когда ты его увидишь – ты меня поймёшь.

Лаура. Гвюдни, с тобой я точно поседею!

Альда. Ты, маленькая девочка, должна растопить лёд своим сердцем. (*Её слова накладываются на реплики других.)*

Гвюдни. А ещё я видела ботинки, которые просто замечательно подходят к этому пальто. Они такие красивые.

Лаура (*сердито*): Нет, нет и ещё раз нет.

Гюннар. Почему нет-то? Она же сама за них заплатит!

Гвюдни. Вообще говоря, я их уже купила. (*Гюннар смеётся.*)

Лаура (*сердито*): Уже купила?

(*Входит Хёрд сперва и проходит прямо к матери. В руке у него зубная щётка, и он протягивает её ей. Рейнир поднимает глаза от газеты, когда Хёрд заговаривает, но потом продолжает чтение, словно происходящее его не касается; притворяется, что не слушает.*)

Хёрд (*возбуждённо*): Взгляни-ка!

Лаура. Зубная щётка?

Хёрд. Да. Именно. Это зубная щётка. А посмотри-ка, во что её превратили.

Лаура. А что с ней.

Хёрд. С ней самой-то ничего. А вот на ней зелёное мыло.

Лаура. Зелёное мыло?

Хёрд (*тычет щётку ей в лицо*): Глаза разуй.

Лаура. А почему на ней зелёное мыло?

Хёрд. Да. Почему же на ней зелёное мыло? Интересный вопрос. А зелёное мыло в ней потому, что твой бойфренд, твой сожитель, твой

обормот или как ещё назвать эту тварь, воткнул её в банку с зелёным мылом, когда сегодня ночью бухал!

Гвюдни. Ты не возражаешь, если мы сейчас в ванную пойдём?

Хёрд (*злобно*): Иди в ванную. Умой её, почисти ей зубы. На её-то зубной щётке зелёного мыла нет. (*Гвюдни выводит Альду направо.*) И на Рейнировой нет. Маминому любимчику его красивую красную щёточку зелёным мылом не измажут. Это только мою щётку засунули до отказа в банку с зелёным мылом.

Лаура (*холодно, Гюннару*): Ты засунул его щётку в банку с зелёным мылом?

Хёрд (*кричит)*: Да, это он. Я это сказал. Зачем ты об этом его спрашиваешь? Разве недостаточно, что я это сказал? Почему ты веришь ему, а не мне? Он это сделал. Почему в банке оказалась только моя щётка? Он так и норовит сделать мне гадость. Когда он видит свет у меня по ночам, то знает, что я сижу, пишу, и начинает шуровать в ванной. Чтоб мне помешать. Более того – он пробки выкрутил, чтоб мне напакостить.

Гюннар. Они взорвались.

Хёрд. Ты притворился, будто чинишь их, а сам их выкрутил, чтоб у меня свет мигал. И обувь мою ты со ступенек спихиваешь.

Лаура. Это ты измазал его щётку зелёным мылом?

Гюннар. Хотел бы я так сделать! Жаль, что я до такого не додумался.

Лаура (*кричит*): Это ты воткнул его щётку в банку с зелёным мылом? Отвечай!

Хёрд. Это он.

Гюннар. Зачем тебе спрашивать? Он это выдумал или сам сделал. Вот ботинки его я разок с лестницы спихнул. Но это было давно.

Хёрд (*злобно*): Верь ему! Конечно! Мне-то ты никогда не веришь. Ты с самого моего рождения была против меня. У тебя ребёнок только один: вот этот. (*Указывает на Рейнира. Рейнир листает газету, на его лице не видно никакой реакции.*) Ты была против меня и Альды, как только мы родились.

Лаура (*злобно*): Её-то сюда не впутывай! С тобой вообще непонятно, чему верить, а чему нет. Ты никогда не различал реальность и фантазию. Увы.

Хёрд (*злобно*): Папа тоже не различал. Почему ты это не добавляешь? (*Передразнивает её.*) «И твой отец точно так же». Давай, скажи это. «Твой папа тоже». Ты ведь собиралась это сказать.

Лаура. Я на работу опаздываю. Я эту чушь слушать не буду. А ты пойдёшь в университет – сию секунду.

Хёрд (*кричит*): Не пойду я ни в какой чёртов университет!

Гюннар. Это ещё вопрос, кто в этом доме сумасшедший.

Хёрд (*шипит*): Ух, как мне хочется заткнуть это тебе в пасть. Залить тебе глотку зелёным мылом. Всю утробу твою поганую зелёным мылом наполнить!

Гюннар. Ну-ка, попробуй!

Хёрд. Ты будешь…

Рейнир (*Вдруг начинает как бы читать вслух из газеты, но на самом деле это его собственные слова. Он громко тараторит, держа газету перед собой обеими руками. Они пристально глядят на него.*) Это было в полночь. В час убийств и изнасилований. Когда все негодяи земли собираются на молитву о том, чтоб зверство царило во веки вечные. Когда дьявол танцует щека к щеке с собственной тенью. Когда ведьмы ласкают его причинное место. Полночь. Когда глаза виновных выскакивают из глазниц и с криком носятся по небосводу. Когда ложь испускает вздохи в поту и страхе. Полночь. Когда мелкий стихоплёт изливает своё сердце и роняет слезу над собственным талантом. Тогда. Именно тогда, любезные дамы и господа… (*Хёрд отшвыривает зубную щётку, спешит к Рейниру, вырывает у него газету и бросает на пол. Рейнир прекращает «читать», но продолжает держать руки перед собой так, словно в них газета, и замирает в такой позе.*)

Хёрд (*злобно*): Давай, держи их сторону! Вступай в союз одноклеточных! Ты же любимчик! Которого она любит и хвалит превыше всего. Такой весь из себя надёжный и мускулистый. Такой весь из себя герой-забастовочник. Такой весь из себя красивый, как она. Такой здоровый, как она. Такой трудолюбивый, как она. Вообще во всём как она. Нет – ещё более нереальный, чем она. Исполненный холода и насмешек по отношению ко всему, что ты считаешь реальнее и больше себя. Просто воплощённая нечувствительность. Весь насквозь толстокожий. (*Быстро идёт вправо, хватает с вешалки верхнюю одежду.)*

Рейнир (*Продолжает держать руки перед собой, словно читает газету.):* Да. Именно тогда. Когда тучи клубились на небосводе. Луна ухмылялась самой мерзкой ухмылкой. Тогда. Именно тогда буржуазный сброд с крысиными мозгами, распираемыми ненавистью, и ртами, полными острых крысиных зубов, напал на членов забастовочного комитета. Тогда. Именно тогда…

Хёрд (*шипит на Рейнира*): Волдырь бесчувственный! (*Рейнир замирает, как прежде. Хёрд шагает к двери, открывает ключом, выходит, а дверь оставляет открытой. Как только он выходит. Рейнир принимает естественную позу, отпивает молоко из стакана, встаёт, подбирает газету с пола, садится и листает, а его лицо ничего не выражает, как и прежде. Все глядят на него.)*

Молчание.

Гюннар. У тебя зашибански получилось! Так с ним и надо! (*Рейнир не реагирует. Лаура идёт в сторону дверей, останавливается недалеко от Рейнира, смотрит на него почти испытующим взглядом.)*

Короткая пауза.

Лаура. И что же означает эта странная речь?

Рейнир (*с ничего не выражающим лицом, не глядя на неё*): Ничего особенного.

Короткая пауза.

Лаура (*сменив тон*): Ты собираешься выйти на дежурство в забастовочном комитете?

Рейнир (*не глядя на неё*): Да.

Лаура. А разве ты уже ночью не дежурил?

Рейнир (*как прежде*): Да.

Короткая пауза.

Лаура. Ты не выспишься.

Рейнир. (*как прежде*): Когда забастовку поломают, у меня будет много времени на сон.

Гюннар. Уровень крепости – шесть.

Короткая пауза.

Лаура. Ты перед уходом не растянул бы с Гюннаром эти пододеяльники?

Рейнир (*не глядя на неё*): Конечно. (*Она подходит к двери.*) Не надо запирать. Я ухожу.

Лаура. А перед уходом растянете с ним?

Рейнир. Да.

Короткая пауза.

Лаура. Пока.

Рейнир (*не глядя на неё*): Пока.

Гюннар. Пока. До вечера. (*Она выходит.)*

Молчание.

Гюннар. Говорят, забастовку поломали.
Рейнир (*не глядя на него*): Кто говорит?
Гюннар. В газетах пишут.

Короткая пауза.

Они всё ещё пытаются тайком провезти бензин в город?
Рейнир (*как прежде*): Да.
Гюннар. У тебя какие-нибудь передряги были?
Рейнир. Да.
Гюннар. Когда?
Рейнир. Сегодня ночью.
Гюннар. Как прошло?
Рейнир. Хорошо.

Короткая пауза.

Гюннар. Что значит хорошо?
Рейнир (*не глядя на него*): Я вырубил члена общества «Хеймдалль»[1].
Гюннар. Правда? Взял и вырубил? (*Рейнир листает газету.)*

Молчание.

Давай пойдём растягивать пододеяльники, чтоб это поручение на нас не висело? (*Рейнир встаёт. Гюннар вынимает из дивана пододеяльники. Он стоит рядом с диваном спиной к Рейниру. Тихо посмеиваясь, подаёт ему конец пододеяльника.*) Как ты Хёрда отбрил – вообще зашибись! Я и не знал, что у тебя язык так хорошо подвешен.
Рейнир (*бесстрастно*): Правда ведь? (*Сильно тянет пододеяльник, а Гюннар так же сильно – с другой стороны.)*
Гюннар. Вот так с ним и надо. (*Рейнир ещё сильнее тянет в свою сторону, Гюннар в свою.)*
Рейнир. Ты прямо так и считаешь? (*Со всей силы тянет пододе-*

[1] «Хеймдалль» (Heimdallur) – рейкьявикское молодёжное общество для юных членов Партии независимости (Sjálfsstæðisflokkur, консервативная партия, одна из крупнейших и старейших в Исландии, часто входила в состав правительства). В данном случае члены этого общества являются классовыми врагами Рейнира – участника забастовки. (Прим. пер.).

яльник, и Гюннару приходится напрячься, чтоб его не утянули вместе с ним.)

Гюннар. Эй, парень, ты хочешь пододеяльник напополам разорвать? (*Рейнир с нечеловеческой силой тянет пододеяльник, а Гюннар тянет в свою сторону, раздувшись от натуги, а лицо Рейнира бесстрастно.*). Мы с тобой, что ли, канат перетягиваем?

(*Рейнир резко отпускает пододеяльник, бросив свой конец Гюннару. Гюннар отлетает спиной на диван, пододеяльник оказывается на нём. Рейнир неподвижно стоит и бесстрастно смотрит на него. Гюннар сбрасывает с себя пододеяльник и отшвыривает его на диван, быстро вскакивает на ноги.*)

Гюннар (*запальчиво*): Ну и что это, чёрт возьми, значит?

Рейнир (*бесстрастно, холодно*): Не подлизывайся ко мне. (*Они на миг заглядывают друг другу в глаза. Затем Рейнир берёт свою дублёнку со стула и выходит, запирает за собой дверь. Гюннар по-прежнему стоит и смотрит перед собой.*)

Гюннар (*злобно)*: Зараза.

Молчание.

Гюннар. Зараза чёртова!

Короткая пауза.

Вот чёрт. (*Выходит в дверь в глубине сцены. Сцена некоторое время пуста. Затем справа входят Гвюдни и Альда, она подводит Альду к креслу-качалке, даёт ей сесть. Свет везде приглушается, освещена только Альда.*)

Гвюдни. Вот так, родная. Подожди здесь, а я пока схожу наверх и оденусь. А потом мы пойдём, купим пальто, и ты будешь самая нарядная девушка в нашем городе. (*Гладит её по щеке. – Выходит и запирает за собой дверь. Альда откидывается на спинку кресла, затем медленно наклоняется вперёд и глядит перед собой. Затем свет везде гаснет, остаётся только на Альде.)*

Молчание.

Альда. Однажды я видела соломинку. У ветра был перерыв. Всё прекратило дышать, было неподвижным. Совсем-совсем неподвижным.

И тут соломинка задрожала. (*Начинает медленно качаться. Гюннар входит через дверь в глубине сцены, на миг встаёт неподвижно. В густой тени он медленным шагом приближается к ней, кладёт руки на спинку кресла и останавливает его. Его лицо и верхняя часть туловища в тени. Он стоит как вкопанный.*)

Молчание.

Альда. Однажды я видела соломинку. У ветра был перерыв. Всё прекратило дышать, было неподвижным. Совсем-совсем неподвижным. И тут соломинка задрожала. (*Гюннар просовывает руку под одежду на её груди.)*

Свет резко гаснет.

II действие

Та же сцена примерно неделю спустя. Вторая половина дня. Свет постепенно усиливается и светит только на Альду, которая стоит у окна своей комнаты. Она неподвижно стоит у окна, опустив руки по швам. Она в платье, простом и со вкусом подобранном. Волосы у неё распущены и почти закрывают лицо. Пока свет усиливается, слышится музыка, воспроизводимая с плёнки. Музыка заканчивается одним длинным ровным звуком, который всё повышается и становится почти невыносимым, а затем приглушается и замолкает. Пока звук ещё не смолк, Альда медленно поднимает глаза, и при этом волосы соскальзывают с её лица; она пристально смотрит вперёд.

Альда (*пока звук не смолк*): Есть дом. Над ним светит звезда. Это необычный дом, потому что он выстроен из одной лишь тишины. Входи, маленькая девочка, говорит дом тишины, и звезда светит над ним, и птица поёт в нём, и соломинка дрожит. И папа вводит меня туда, и мы разуваемся, потому что земля, на которой мы стоим, священная. Помни, маленькая девочка: если случится что-нибудь плохое, будь храброй. И мы вошли в дом тишины, и он всё шептал и шептал. И нашёптывал мне тайны жизни, которые я должна была хранить и рассказать лишь в свой черёд. Тут пришли душеубийцы, чтоб посмеяться надо мной, и сделать мне плохо, и убить душу во мне. Душеубийцы.

Молчание.

(*Она неподвижно стоит, резко хватается обеими руками за прутья решётки и кричит.*) Душеубийцы! Чтоб сделать мне плохо, плохо, плохо! (*С невероятной злобой шипит.*) Душеубийцы!

Короткая пауза.

(*Свет мало-помалу становится ярче в другом месте на сцене. Злобно.*): Я заблудилась в лесу. В чаще зла. И чаща зла была полна хохота и мерзких деревьев и острых веток, чтоб ранить меня. Чёрные ветра налетали на меня с востока, запада, севера и юга, навевали мне ужасные мысли. По тропинке текла кровь. И душеубийцы заставили моего папу исчезнуть, а мою маму сделали своей атаманшей, чтоб им было удобнее добраться до меня и убить во мне душу. Они погнались за мной, окружили меня, стали пронзать меня ядовитыми словами. Душеубийцы.

Молчание.

(С невероятной злобой.): Душеубийцы!

(*Она стоит неподвижно – молниеносно скрывается, уходя вправо. Освещение на сцене достигло полной силы. Через миг Альда влетает на сцену, проходит к входной двери, хватается за дверную ручку, трясёт её, подбегает к окну в глубине сцены, хватается за прутья и тянет за них, подбегает к креслу-качалке, останавливается возле неё, с прекрасными глазами, затем резко вбегает в свою комнату, трижды резко закрывает и открывает дверь, затем останавливается у окна своей комнаты, хватается за решётку, тянет – отпускает, снова замирает, как прежде, затем резко бросается влево и скрывается. Сцена какое-то время пуста. Входит Хёрд с правой стороны. Он одет не так, как раньше. У него в руках небольшая стопка листов А4 и папка. Он кладёт папку на диван посреди сцены, начинает раскладывать по дивану листы, перестаёт и смотрит на дверь в комнату Альды, откладывает листы, подходит к этой двери, осторожно открывает её и заглядывает внутрь, затем вновь осторожно закрывает. Затем раскладывает листы по обоим диванам, рядком, через небольшие промежутки; под конец кладёт несколько листов на кухонный стол и табуретку. Он смотрит на листы, меняет некоторые из них местами, задумывается, вновь перекладывает их в прежнем порядке, поднимает, смотрит на них, сравнивает. Альда молниеносно появляется в окне*).

Альда (*шипит*): Душеубийцы! (*Так же быстро скрывается.*)

Хёрд. Нет. По-другому лучше. Хотя нет… По-моему, лучше оставить всё, как было. А как же оно было-то? (*Берёт листок.*) А это будет здесь. Нет. «Ночное стихотворение» – сюда. «Последняя атомная бомба» – сюда. А вот сюда – «Крик в ночи» и «Шаги страха»… Красота! Нет. Так будет совсем нехорошо… А что, если…? (*Берёт листы и перекладывает в другом порядке.*) Вот так! Вот и хорошо. Тогда это… (*В замок входной двери кто-то вставляет ключ.*) Вот зараза! (*Входит Рейнир, смотрит на Хёрда и листки.*) Ну вот обязательно тебе надо было прийти!

Рейнир. Конечно!

Хёрд. А я думал, вы оба на улице: ты и одноклеточное.

Рейнир. Я зашёл попить, если ты не против. (*Берёт листок с кухонной табуретки, смотрит на него, читает.*) «Бомба в душе моей». (*Хёрд спешит к нему, вырывает у него листок.*)

Хёрд. Не трогай!

Рейнир. Мне на него сесть, что ли? (*Хёрд хватает с кухонного стола остальные листки. Рейнир открывает шкаф, вынимает оттуда две жестянки, из одной берёт клейны, а из другой печенья, из термоса – кофе и т.д., и садится за стол. Хёрд не смотрит на него и раскладывает листки. Альда резко появляется в окне, как прежде.)*

Альда (*кричит*): Душеубийцы! (*Так же резко скрывается. Рейнир и Хёрд прислушиваются.*)

Хёрд (*непроизвольно понижая голос*): У неё приступ. (*Рейнир проходит к двери в комнату Альды, осторожно открывает и заглядывает внутрь. Хёрд тем временем стоит неподвижно, держа в руке листки, смотрит на дверь комнаты. Рейнир осторожно закрывает дверь.*)

Хёрд. Что она делает?

Рейнир. Она на диване сидит.

Хёрд. Наверно, у неё уже всё проходит?

Рейнир. А мама об этом знала? (*Сейчас их разговор звучит почти непринуждённо и естественно.*)

Хёрд. Это у неё началось только после полудня. (*Снова начинает раскладывать листки. Рейнир вынимает из кармана книгу в мягкой обложке и начинает читать, пока пьёт кофе.)*

Молчание.

(Хёрд прекращает раскладывать листки.): Она полночи пела.

Рейнир. Песню «Помнишь, сидели мы вместе»?

Хёрд. Да. Снова и снова.

Рейнир. Как ты думаешь, она папу имеет в виду?

Хёрд. А кого же ещё!

Короткая пауза.

Я лежал в потёмках и слушал, как она поёт. (*Рейнир во все глаза смотрит на него.*) Это было так необычно. Может, из-за того, что вокруг было так темно и тихо. Но сам голос как будто исходил не от неё. Он как будто был вне её. И доносился откуда-то издалека, и был таким чистым, что это уже был не человеческий голос, а тон, и мне казалось – он доносится отовсюду из дома и с улицы. Он был как будто во всём. Как будто он был стихотворением. Не загрязнённым словами и мыслями. Чистым.

(*Хёрд снова принимается раскладывать листки. Рейнир пьёт и читает.)*

Молчание.

Хёрд. Сегодня утром она посмотрела прямо на меня. На какой-то миг мне показалось, что она узнаёт меня. С тех пор, как она снова заболела, она на меня так не смотрела.

Рейнир. А как ты думаешь, она и в самом деле узнала тебя хотя бы на секунду?

Хёрд. По-моему, да. Нет. Не думаю. Мне просто так показалось, потому что я на это надеялся.

Рейнир. Она никогда на нас не смотрит – только когда у неё приступы, а тогда она смотрит на кого-то другого.

Хёрд. Да. Вот так вот.

Короткая пауза.

Иногда я думаю, как бы всё изменилось, если бы она выздоровела. Если бы вдруг исцелилась. Такое бывало. Сумасшедшие в один миг полностью выздоравливали. И никто не знает почему. Как будто вдруг что-то включалось. Иногда я так живо представляю себе, что она выздоровела, что мне кажется – это случилось на самом деле. И что я вхожу к ней, обнимаю её, и мы разговариваем. Как в старые добрые времена. И она рассказывает мне все свои мысли и сны. И мы вместе смеёмся. У неё же был такой красивый смех. Она смеялась нечасто. Но красиво. Ты помнишь, как она красиво смеялась?

Рейнир. Да.

Хёрд. Я никогда не слышал, чтоб в смехе было столько счастья. А сейчас в этом доме никто не смеётся от души. Когда я был маленьким, я её щекотал, чтоб услышать, как она смеётся.

Рейнир. И я.

Короткая пауза.

Хёрд. Я знал, что она опять заболеет.

Рейнир. Откуда знал?

Хёрд. Когда она вернулась домой и ей стало лучше, она всё время смеялась. Ей как будто нужно было постоянно смеяться, чтоб убедить саму себя, что ей хорошо. Но в этом смехе не было радости. А по ночам она плакала. Никто не плакал так горько, как она. Как будто она была в мире одна-одинёшенька, всеми покинута. И никто не мог бы её утешить… А ты никогда не слышал, как она плачет.

Рейнир. Нет, почему; слышал.

Хёрд. Но не так, как я. Я – единственный, кто слышал, как она плачет по-настоящему.

Рейнир. Мама ночами напролёт просиживала у неё, когда она плакала.

Хёрд. Не так часто, как я. Она к ней не успевала. Никогда не успевала к ней. Ни раньше, ни потом. У неё для этого чувствительности не хватало.

Короткая пауза.

Она никому кроме меня не показывала самую свою глубокую боль. Ту, которая возникает без особых причин, а всё же сильнее, чем любая другая боль на свете: боль существования.

Молчание.

Может, она бы и не сошла с ума, если б папа был жив.

Рейнир. Этого никто не знает.

Короткая пауза.

Хёрд. А сейчас они говорят, что это у неё уже хроническое.

Рейнир. Они не знают.

Хёрд. Надеюсь, что не знают. Я надеюсь, что они нагромоздили ошибок и ходят как в тумане. Раз уж они говорят, что у неё это хроническое, я надеюсь, что они понимают в этом так мало, что она хоть зав-

тра может взять и выздороветь. Хоть сейчас. В этот самый миг. Я надеюсь, что если ей должно стать лучше, то это будет скоро. Потому что если ей станет лучше позже – сильно позже, когда ей будет уже сорок, пятьдесят, шестьдесят, то она пропустит в жизни столько всего, что ничего не сможет делать – ни писать, ни рисовать. Что тогда будет слишком поздно. Что это будет ужас. Преступление. Она уже и так пропустила шесть лет.

Рейнир. Пять с половиной. Сперва три, а сейчас два с половиной.

Хёрд. Пять с половиной или шесть – какая разница.

Короткая пауза.

Хёрд. Я отнёс её стихи и сказки в издательство. Там захотели посмотреть ещё. Я переписал то, что за ней записывала Гвюдни. Завтра отнесу им.

Рейнир. А ты уверен, что ей самой хотелось бы их показывать?

Хёрд. Если это не издать сейчас, никто так и не узнает, кем она была. А я хочу, чтоб все знали, кем она была. А ещё тогда будет видно, насколько она важна для моего собственного творчества.

Рейнир. А может, если б она сама решала, она бы уничтожила всё. Ведь свои картины она уничтожила.

Хёрд. Это всё из-за мамы: она позволила ей изорвать картины. Она могла бы это предотвратить – а она допустила. А я не допущу, чтоб с её стихами и сказками случилось то же самое. Они будут изданы. Одновременно с моими стихами. Я всю зиму не спал ночами, пока вы все мирно храпели в своих постелях, и сочинял. Вот это всё. Тридцать пять стихотворений. Я сказал им, что хочу, чтоб мы оба вышли под одной обложкой. В моей первой книге. Мы с ней разделим её поровну. Они сказали, что это блестящая идея. В нашей стране ещё не издавалось книги стихов, написанных братом и сестрой.

Рейнир. А тебе не хотелось бы выйти под одной обложкой со мной? Фифти-фифти?

Хёрд. Ты стихов не пишешь.

Рейнир. А если бы писал – тебе бы хотелось?

Хёрд. Если б ты сочинял, как она.

Рейнир. А как ты думаешь, она захотела бы быть под одной обложкой со мной?

Хёрд. Если б ты сочинял, как я.

Рейнир. Я так думаю, ей бы хотелось, чтоб у неё была своя отдельная книга.

Хёрд. Она бы так же хотела быть под одной обложкой со мной, как ты с ней.

Рейнир. Я не могу и помыслить, чтоб быть под одной обложкой с ней. Ни с ней, ни с тобой. По-моему, каждый поэт должен быть особенным и непохожим на других. По-моему, у каждого должна быть своя отдельная книга. А если стихи в них похожи на стихи других, значит, поэт мелковат.

Хёрд. Да что ты говоришь! Изложи это всё в письменном виде, чтоб это можно было опубликовать официально как приказ. С каких это пор ты стал оракулом поэзии?

Рейнир. Я это вычитал в одной статье в газете.

Хёрд. Оно и видно.

Рейнир. Это была статья про поэтов-«атомщиков»[1].

Хёрд. Никаких «атомщиков» не бывает. Этот термин придумали те, кто терпеть не может современную поэзию.

Рейнир. В этой статье говорилось, что «атомщики» пишут так, словно им постоянно угрожает смертельная опасность. Но единственные поэты, на самом деле бывавшие в смертельной опасности, – это Стейнн Стейнарр[2] и пара-тройка других. А остальные просто выдумали себе смертельную опасность и суету и пишут так. Словно их всех вывели на одной и той же птицеферме. И все они одинаково кудахчут: «Атомная бомба! Атомная бомба!» И что на самом деле все эти поэты – последыши атомной бомбы. Последыши! И поэзия у них такая мёртвая, как будто эта бомба уже взорвалась у них в душе.

Хёрд. И какой же придурок такое написал?

Рейнир (*с непроницаемым лицом*): Йоун Йоунссон с улицы Йоунской в Йоуноградe, Йоунландия.

Короткая пауза.

Хёрд (*злобно*): Циник несчастный! Всё ты извращаешь! Ты – окаменелость! Ничего не чувствуешь, выражения лица не меняешь. Базальта кусок! Ледышка! Мерзлота вечная! Всё это вместе! А тебе кажется, будто это здОрово. Но только это не здОрово. ЗдОрово – это когда все чувства в порядке. В этой жизни, где все пытаются быть кем-то другим, а в первую очередь спешат заполнить себя грязным холодом. А у меня чувства на своём месте. Я чувствительный.

Рейнир (*перебивает*): В основном в том, что касается тебя самого.

---

[1] Поэты-«атомщики» – прозвище первых исландских поэтов-модернистов. В его основе лежит отсылка к роману Халльдоура Лакснесса «Атомная станция», в котором один персонаж сочиняет странные экспериментальные стихи. Вначале оно действительно было ироническим, но со временем превратилось в историко-литературный термин.

[2] Стейнн Стейнарр (наст. имя Адальстейнн Кристмюндссон, 1908–1958) – крупнейший исландский поэт-модерист. Основоположник т. н. «атомной» поэзии. (Прим. пер.).

Хёрд. Да, меня самого. И всего. Я сверхчувствительный. Я сам знаю. И я этого не стесняюсь. А горжусь этим. Самые лучшие люди, родившиеся на земле, были сверхчувствительными.

Рейнир (*перебивая*): Добро пожаловать в их число.

Хёрд. Ты никогда не чувствовал боли. А вот я чувствую. Мне больно оттого, что я существую. (*Машет рукой.*) Эти стихи полны чувств. Боли. Каждое из них. А у тебя никогда чувств не было. Ты всегда только кулаками махал. А твоя мамаша всегда гордилась, что ты всё время кого-то колотишь. (*Подражая своей матери.*) «Он такой храбрец!» А я не храбрец. Но я не боюсь быть трусом: бояться смерти, бояться атомной бомбы. Стоит мне подумать о ней – и я дрожу про себя. Мои стихи исполнены страха перед ней, потому что в тот день, когда все перестанут её бояться и будут считать необходимой, она подчинит себе всю землю. Но стихи победят её. Искусство победит её. Лишь искусство способно спасти человека.

Рейнир. Интересно, что бы на этот счёт сказал Христос.

Хёрд. Атомная бомба имеет продолжение в таких людях, как ты и Гюннар: бесчувственных глыбах и одноклеточных амёбах.

Рейнир (*С непроницаемым лицом поёт на мотив детской песенки.)*

В траве сидел поэтик –
зелёненький беретик,
стишочки сочинял.
Тут бомба прилетела,
сожрать его хотела.
Чудовищный финал!

Хёрд (*злобно*): Как ты сме… (*Альда издаёт крик ужаса. Они замирают и прислушиваются.)*

Пауза.

Я с тобой больше разговаривать не буду. Никогда.

Рейнир. Да пожалуйста! (*Хёрд раскладывает листки. Рейнир читает книжку или притворяется, что читает. Он встаёт и включает радио: там передают объявления, как было заведено в те времена.*)

Хёрд. Ты зачем радио включил?

Рейнир. Новости послушать.

Хёрд. Какие, к чёрту, новости! Это не новости, это объявления.

Рейнир. А мне объявления интересны.

Хёрд. Да, давай, мешай мне! Ведь именно это ты и пытаешься сделать. Только не думай, что у тебя получится. Это ни у кого не полу-

чается. Ни у кого никогда не получится помешать мне: ни у одноклеточного, ни у тебя. И даже если сюда ворвутся десять тысяч бегемотов, мне это не помешает. Одно стихотворение на этом листке и то, как расположить его среди других, мне важнее, чем вы все вместе взятые и бегемоты в придачу. Вам не удастся ничего мне испортить!

Рейнир. А почему ты эти свои вещи не раскладываешь у себя в комнате?

Хёрд. Потому что я здесь.

Молчание.

(Хёрд продолжает разглядывать листки, рассматривать и складывать в папку.)

Хёрд (*быстро*): Выключи!

Рейнир (*не глядя на него*): Оно тебе мешает?

Хёрд. Выключи этот агрегат проклятый! (*Рейнир не смотрит на него. Хёрд быстро подходит к радио, выключает, быстро возвращается на место и продолжает раскладывать листки. Рейнир спокойно встаёт, включает радио громче, чем прежде, садится. Хёрд смотрит на него взглядом, полным ненависти, быстро подходит к радио, снимает его со стола, так что провод возле самой вилки рвётся. Поднимает радио, словно собираясь запустить им в Рейнира.*)

Хёрд. Я тебе твою каменную башку разнесу!

Рейнир (*Не смотрит на него, но всё же не теряет бдительности, спокойно*): Ну? Давай посмотрим! *(Входит Лаура с левой стороны, открывает дверь ключом и запирает за собой. До того, как она входит, Хёрд ставит радио на место и возвращается к своим листкам. У Лауры в руках хозяйственная сумка, она ставит её на кухонный стол. На ней пальто.*)

Лаура. Мне бы хотелось, чтоб вы, входя, вытирали ноги. По всей лестнице грязные следы.

Хёрд. Это не мои. Я всегда вытираю.

Рейнир (*тем же тоном*): Это не мои. Я всегда вытираю.

Хёрд. Шуточки как в детском саду.

(*Лаура выходит направо, через миг Рейнир встаёт и пытается включить радио в розетку, но провод порван.*)

Рейнир (*держа в руках провод*): Ты провод порвал.

Хёрд. Так заткни его себе в задницу.

(*Входит Лаура, снявшая пальто, вынимает из сумки продукты: муку, сахар, картошку, сардельки, хлеб и пр., раскладывает по шкафам и кухонному столу.)*

Молчание.

Рейнир. У Альды приступ.

Лаура (*поворачиваясь к нему*): Когда он начался?

Хёрд. Сразу после полудня.

Лаура (*Рейниру*): Ты вечером дома будешь?

Рейнир. Нет.

Хёрд. Ну что ты спрашиваешь! Это же вечер пятницы: время по тёлкам шастать.

Лаура. Надо, чтоб непременно кто-то остался дома. Я не могу допустить, чтоб она хоть на миг осталась одна, когда у неё приступ.

Хёрд. А почему ты меня не спрашиваешь, буду ли я дома?

Лаура. Я вот сейчас собиралась.

Хёрд. Так спрашивай!

Молчание.

(Хёрд и Лаура смотрят друг другу в глаза. Её лицо ничего не выражает, а его выражает угрозу.) Я буду дома. Весь вечер и всю ночь буду дома. А он пойдёт в Зимний сад и найдёт там себе тёлку, чтоб с ней телиться. Он к этому приучился, пока на рыболовном судне плавал. В каждом порту по тёлочке. (*Снова возвращается к листкам.*)

Молчание.

Лаура (*Рейниру*): Гвюдни стало лучше?

Рейнир. У неё врач был.

Лаура. И что он сказал?

Рейнир. Что это грипп. Ей надо просто отлежаться.

Лаура. А мне через полчаса надо снова быть на работе. Вам придётся потом постараться как-то накормить Альду.

Хёрд. Кому из нас?

Лаура (*холодно*): Кому-нибудь.

Хёрд. Скорее ему, чем мне. Так? (*Она не обращает на него внимания.*)

Рейнир. Гвюдни сказала, что покормит её.

Лаура. Раз ей надо лежать, то я не хочу, чтоб она этим занималась. Я к ней загляну перед выходом.

Короткая пауза.

Я купила сардельки. Сготовьте их сами. Их надо варить двадцать минут.

Хёрд. Из чего сардельки? Из баранины?

Лаура. Из конины.

Хёрд. Я сардельки из конины не ем.

Лаура. До сих пор ты их ел с аппетитом.

Хёрд. Аппетит тут ни при чём. Я не ем лошадей. Это отвратительно.

Рейнир. Он боится ненароком Пегаса слопать!

Хёрд. Заткнись.

Молчание.

(*Лаура наливает себе кофе из кофейника, пьёт стоя. Рейнир протягивает ей свою пустую кофейную чашку, она наливает туда кофе, а потом молоко. Он прихлёбывает из чашки.*)

Лаура (*Рейниру*): Ты не знаешь, куда ушёл Гюннар?

Хёрд. Если дома будет он – я дома не останусь.

Лаура (*не меняя выражения лица, Рейниру*): Ты знаешь, куда он ушёл?

Рейнир. Я за ним не слежу. (*Хёрд только что положил в папку последний листок.*)

Хёрд. Он на собрание пошёл. Сегодня в клубе одноклеточных собрание. (*Выходит направо с папкой под мышкой. Лицо Лауры непроницаемо. Из комнаты Альды доносится грохот. Оба смотрят в ту сторону и прислушиваются. Больше ничего не слышно. Рейнир начинает читать. Лаура смотрит на него.*)

Короткая пауза.

Лаура. Что ты читаешь?

Рейнир. Свою автобиографию: «Тарзан, брат обезьяны». (*Она усмехается.*)

Лаура. Гвюдни мне говорила, ты читаешь очень много.

Рейнир. Иногда читаю, когда мне скучно. В основном книжки про Тарзана и врачебные романы: «Тарзан и зеленоглазая медсестра».

Лаура. А по-серьёзному ты говорить не можешь?

Рейнир. У меня серьёзность вот такая.

Короткая пауза.

Лаура. Я в молодости много читала. А когда вышла за твоего папу, то перестала. Он только и знал, что сидеть за книжкой. И рисовать.

Молчание.

(Она смотрит на него, дует на кофе в чашке, чтоб остудить.) Я вчера вечером листала старые фотоальбомы. Ты удивительно похож на меня – какой я была в твоём возрасте.

Рейнир. Первое, что я помню, – это как Хёрд и Альда говорили друг с другом о том, какие они красивые да умные и похожие на папу, и какой я грубый, нечуткий и похожий на тебя. Может, я родился без участия отца?

Лаура. Ты похож на меня. И на мою родню. По-твоему, это хуже?

Рейнир. Мне не важно, на кого я похож, пока я больше всего похож на самого себя.

Короткая пауза.

Лаура. Твой папа был умный. Такой умный-преумный, настолько занятый своими мыслями, что на обычную жизнь у него ничего не оставалось. Иногда казалось – он даже и не человек, а один сплошной ум.

Короткая пауза.

Он считал меня глупой. Сам он этого не говорил, но я чувствовала. Порой мне хотелось, чтоб он высказал это вслух вместо того, чтоб всё время давать мне чувствовать это.

Короткая пауза.

Я глупая?

Рейнир. Нет.

Короткая пауза.

(Продолжение следует)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

РУДОЛЬФО А. АНАЙЯ (1937 – 2020)

ХАЛАМАНТА: ПОСЛАНИЕ ИЗ ПУСТЫНИ

Глава 1. Изгнанник возвращается

На исходе дня Фатима стояла у реки.

Рано утром, как обычно, она пригнала своё маленькое стадо коз на водопой, затем увела на холмы, где козы паслись под её присмотром. И вот теперь по дороге домой приостановилась, чтобы поглядеть на противоположный берег реки.

С этой стороны вдоль берега расположились лачуги соседей Фатимы, из числа тех, кто много лет назад выступил против правителей и был изгнан из своих домов в городе. И расселившись по побережью, люди стали жить, как могли. Сама Фатима выжила благодаря небольшому стаду коз, обменивая молоко и сыр на зерно и другие продукты. После восстания правители окружили город стеной. Некогда прославленный своей открытостью Седьмой Город Пятого Солнца[2] теперь воевал с соседними королевствами.

Фатима вздохнула, вглядываясь в густеющий сумрак. Тридцать лет назад юный Амадо, в которого она была влюблена, был выслан властями из Седьмого Города, поскольку посмел замахнуться на общепринятые догмы. Все эти тридцать лет она упорно вглядывалась вдаль, ожидая его возвращения. К югу от реки Золотого Карпа[2] раскинулась пустыня, место ссылки Амадо.

Даже сейчас Фатиме слышались его гневные слова.

– Власти стали использовать вероучения для того, чтобы угнетать нас, – говорил он. – Священные писания создавались с целью указать нам путь, а не повергнуть в рабство. Мы должны проложить свою тропу, если хотим озарить наши души светом.

---

[1] «Пятое Солнце» (с исп. *El Quinto Sol*) – в мифологии индейцев Мезоамерики (преимущественно, ацтеков) название текущего цикла, или эры, существования мира. (Прим. пер.)

[2] Золотой Карп – согласно индейской мифологии, речное божество. Предположительно, развитие образа Золотого карпа происходит на основе маньчжурской мифологии, в которой карп символизирует силу, храбрость и упорство в борьбе. (Прим. пер.)

Фатима разделяла убеждения Амадо, поскольку сама была абсолютно уверена в том, что учение «моральных авторитетов» предполагало педантизм, подчинение и жёсткие ограничения во всём. В древних книгах пророков пустыни были заключены знания, необходимые для того, чтобы понять и объяснить родство человечества с Универсальным Духом, но всё было погребено под тяжким грузом истолкований, которые давались правителями. Они старались разрушить веру людей, жаждавших ступить на духовную тропу, в стремлении достичь полного контроля над населением.

Юный Амадо посмел искать иной путь в Будущее. Он слушал странствующих мудрецов пустыни, которые время от времени появлялись на краю города, чтобы проповедовать. Внимая их пророчествам, Амадо начал развиваться и сосредоточивать свои мысли на душе и пути к просветлению.

– Душа наполнена внутренним светом, – сказал он Фатиме в день своего изгнания. – Сущность её стремится к истине. Но как нам прозреть, если перед нами тёмная завеса? Чтобы прийти к истине, надо следовать Тропой Солнца. Я пойду этой тропой и понесу с собой твою любовь.

Воспоминания Фатимы были такими же яркими, как лучи заходящего солнца. Она вновь с остротой ощутила ту давнюю любовь, которая однажды вспыхнула между ними.

Все тридцать лет это чувство не покидало её. Никогда она не теряла надежды на его возвращение.

Теперь этот момент настал – истёк срок его изгнания. Южная пустыня была местом страдания, смерти и забвения. Но Фатима знала, что Амадо жив, потому что на протяжении всех этих долгих лет слышала от бродяг из того или иного племени о пророке, который вещает в поселениях пустыни. Они говорили, что он ходит от племени к племени, повествуя о Тропе Света, и что называет он себя Халаманта – тем, кто срывает с душ тёмное покрывало ради прозрения.

Фатима жадно прислушивалась к этим известиям. Она была уверена: он жив, он прошёл через все испытания. И потому каждый раз на исходе дня она сворачивала к реке, чтобы вглядеться в противоположный берег. Он придёт, она твёрдо верила, он придёт!

И вот сейчас, когда солнце на западе садилось в облака, теряясь в красном мареве заката, вдалеке она увидела фигуру человека. Она остановилась и заслонила глаза рукой от солнца. Это, несомненно, был мужчина, медленно двигавшийся по направлению к реке. Его длинные волосы и борода были белыми, как и накидка странников пустыни на нём.

Она почувствовала, как сильно забилось её сердце.

Как же много раз видела она разных странников, переправлявшихся через реку в город, и как же много раз была разочарована?!

Но на этот раз сердце её не обмануло. Что-то особенное в походке человека напоминало Амадо. Возможно ли это?..

Она подбежала к самой кромке воды, где дремал перевозчик Клепо вместе со своей собакой рядом с небольшим видавшим виды яликом.

– Клепо! – позвала она. – Странник идёт! Скорее!

Шелудивый пёс Клепо разбудил лаем своего хозяина.

– Ну что там? Что ты сказала? – Клепо открыл глаза и взглянул на Фатиму.

– Странник идёт, – показала Фатима.

Клепо посмотрел вдаль: «Ай, странники приходят и уходят. И зачем только им нужен Седьмой Город? Может, затем, что, когда близок конец света, люди собираются вместе, чтобы утешить друг друга?»

Он резко хохотнул. Клепо перевозил души людские через реку так давно, что и забыл, когда начал заниматься этим. Как правило, это были те отшельники, которые искали ответы на вызовы хаоса и жестокости окружающего мира.

– Быстрее, Клепо! – скомандовала Фатима. – Не заставляй его ждать!

Сейчас она уже могла разглядеть странника на том берегу. Ошибки быть не могло: этот человек – Амадо! Сердце не обманывало её!

–Да, да, – заворчал Клепо. Он свистнул своей собаке, та прыгнула в маленькую лодку. – Иду, иду. Только ради тебя, Фатима. А то стал бы я переправляться через реку так поздно!

Он оттолкнулся от берега и медленно стал грести поперёк течения, приговаривая: «Да, мы собираемся вместе, когда смерть близко. Посмотри кругом, Тибодаби, – обратился он к своей собаке. – Везде смерть и разрушение».

Это была сущая правда. За ними умирал некогда цветущий Седьмой Город Пятого Солнца. Войны, охватившие мир, застали людей и в такой дали. Бездомные люди собирались на улицах. Осиротевшие дети, напуганные и голодные, бродяжничали среди развалин и щебня.

Завершалась тысячелетняя эра, близился конец времён.

Человек, ожидавший Клепо на том берегу, выглядел крепким и здоровым, хотя жар пустыни высушил его лицо. Он сжимал свой посох.

Бедная душа, подумал Клепо, ещё один странник пустыни, потерянный в поисках святого Грааля[1]. Ну, и что он познал? То, что пустыня жестока и полна демонов?

[1] Святой Грааль – в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения его благим действиям рыцари совершают свои подвиги. (Прим. пер.).

Лодка причалила к берегу.

– Спасибо, старый друг, что ты приплыл, – приветствовал его странник.

– Благодари не меня, благодари Фатиму, – Клепо указал на неё, в то время как незнакомец влезал в лодку.

Он удивился, что собака не лает на него. Обычно пёс рычал с недоверием на тех, кого он перевозил через реку, но сейчас он тихо лежал у ног странника.

– Мы знакомы? – спросил Клепо, налегая на вёсла. Он взглянул в глаза мужчины, они лихорадочно блестели, но в то же время искрились внутренним светом. Этот человек явно не был обычным странником пустыни.

– Тридцать лет назад ты перевозил меня через реку, – ответил мужчина; его пристальный взгляд был устремлён на Фатиму, которая ждала на противоположном берегу.

– А-а, – Клепо кивнул. Теперь ему стала понятна заинтересованность Фатимы. – Ты Амадо, высланный тридцать лет назад правителями за ересь. Многие ожидали тебя, включая Фатиму.

– Да, я Амадо, тот самый, которого ты перевёз через реку тридцать лет назад.

– Нет, уже не тот самый, – ехидно заметил Клепо.

Халаманта улыбнулся.

– Ты прав. Я уже больше не юноша, каким был. Теперь я Халаманта, человек, которого изменило время и учения пустыни.

– Но у тебя нет посоха пророка, – возразил Клепо.

У Халаманты был обычный пастуший посох. Побуревший от ветров, сделанный из скрученных корней дерева, увенчанный резьбой в виде голов двух сплетённых змей. А его накидка из простого хлопка была обычной пастушьей одеждой.

– Я не пророк, – ответил Халаманта, в то время как ялик приближался к берегу.

– А-а, но многие говорили, что слышали, как ты вещаешь в племенах пустыни. Они называли тебя пророком.

– Я не пророк, – повторил Халаманта. – Я только говорю о Тропе Солнца. Это путь, по которому я решил идти.

Он стоял, когда маленькая лодка причалила к берегу. Его ноги дрожали. Фатима шагнула вперёд и помогла ему выйти из лодки. На какой-то момент они впились глазами друг в друга.

– Это правда ты? – прошептала она.

– Да, – ответил он. – Изгнанник вернулся.

Она поцеловала его руки и прикоснулась к щеке. Нежно тронула его губы, иссушенные пустыней. Она почувствовала охвативший его

жар.

– Фатима, – прошептал Халаманта.

Женщина, что ждала его, была Фатима. Она была здесь, чтобы приветствовать его возвращение. Любовь к ней хранила и поддерживала его все эти долгие годы в пустыне, и сейчас один только её вид наполнял его радостью. Любовь переполнила сердце. Любовь была Священным Граалем, который он искал, и сейчас он пил из этой чаши.

– Добро пожаловать домой, – сказала она, улыбаясь, и глаза её наполнились слезами.

– Я рад, что я дома, я так мечтал об этом.

Он снова улыбнулся. Утомление от столь дальнего путешествия и волнение от лицезрения Фатимы переполняли его. Халаманта почувствовал, как слабеют ноги. Он споткнулся и упал, потом услышал, как Фатима зовёт на помощь. Дальше была темнота. Сквозь забытьё до него доносились голоса, потом сильные руки подняли его. Изгнанник был дома и в безопасности; Халаманта улыбнулся и позволил им нести себя.

Открыв глаза, он увидел себя лежащим на постели, Фатима прикладывала ему холодную, влажную тряпку ко лбу. Его приятно удивила мягкость матраса из козьей шерсти, ведь он привык спать на голой земле.

– Где я? – спросил он.

– Ты дома, – ответила Фатима. Она поднесла к его губам чашку с водой, он немного отпил. – Сантос и Яго помогли принести тебя.

– Сантос и Яго, подумал он, – старые друзья детства. Они всё ещё живы. Он поднялся. В хижине было темно, горел лишь фонарь в том углу, где готовили пищу. Горшки с козьим молоком и свежим сыром стояли на столе.

Он взглянул на Фатиму. Волосы её оставались чёрными, как в тот день, когда он видел её в последний раз, и только на висках они серебрились. В её миндалевидных глазах отражался тусклый свет фонаря. Её красивое лицо сияло, когда она подносила питьё к его губам.

– Выпей, – сказала она, и когда он утолил жажду, она протянула ему тарелку с козьим сыром, затем – круглый хлеб, который пекли местные жители, и маленькие сладкие фиги с дерева, растущего у неё во дворе.

Он жадно ел, утоляя голод, и при тусклом свете фонаря вновь и вновь восхищался красотой Фатимы. Халаманта был болен, но заставлял себя спешить домой, предвкушая встречу с ней и страшась, что она уже не ждёт его.

– А что с моими родителями? – с волнением спросил он после трапезы.

– Наши отцы погибли много лет назад в революцию. Я перевезла

сюда свою мать и твою, и мы стали жить все вместе здесь, на берегу реки. Обе ушли из жизни несколько лет назад.

Халаманта прикрыл глаза. Он увидел своих родителей такими, какими они были, когда он был маленьким. Двое энергичных, чудных людей и к тому же одарённых музыкантов. Они учили его верить в себя, защищать свою независимость от тех, кто посягает на неё. Сейчас их нет.

– Я сожалею, что ты одна, – прошептал он и взял её руки в свои.

Фатима кивнула.

– Мы потеряли всё, когда нас выслали из города. Здесь я смогла выращивать коз и завести маленькую плантацию фиговых деревьев. Люди из городской управы нечасто здесь появляются. Мы бедны, но дышим чистым воздухом. Община у нас дружная. Здесь много пожилых людей. Они рассказывают молодёжи о старых традициях. Я довольна, что я здесь.

Он взглянул на неё. Она была статная, с потемневшей от загара и ветра кожей. Борьба за жизнь сделала её сильной. Красота юности всё ещё играла в её глазах и улыбке.

– Что же, тут была революция?

Она кивнула.

– Народ взялся за оружие и выступил против центральных правителей. Но было слишком поздно, они успели сплотиться. Многие наши отцы и браться погибли, остальные отправились, подобно тебе, в изгнание.

– А как Сантос и Яго?

– Яго преуспел в торговле вином. У него бизнес в городе. А Сантос всё время тратит на чтение священных книг. Он прекрасный учёный, но здоровье у него плохое. Твоё возвращение должно вернуть его к жизни. Уже все знают, что ты здесь! В общине большое волнение.

– Шум по поводу изгнанника?

– Люди знают, что ты проповедовал в пустыне. Они хотели бы услышать тебя.

Халаманта тихо рассмеялся. Так же было в поселениях пустыни: всегда, когда он приходил в изолированные общины, его просили говорить. Большие войны пришли в пустыню. Повсюду люди предчувствовали, что пришёл конец эры, и жестокость, от которой страдало человечество, была как предупреждение о нависшей катастрофе.

Куда бы он ни приходил, люди спрашивали, как уберечь душу во время хаоса. Те, кто думал о спасении души, искали способ сохранить её для любви. Его просили рассказать о Тропе Солнца и пути к истине и добру.

– Я вернулся не для того, чтобы проповедовать, – сказал он.

– Тогда зачем? – спросила Фатима.

– И ты спрашиваешь? – воскликнул он. – Я пришёл ради тебя.

– Как обещал.

– Я сдержал своё обещание. Но не жди от меня каких-то материальных благ.

– Ты принёс себя, – прошептала она. – Ты всё, что мне нужно. Она тесно прижалась к нему и поцеловала в губы, и он почувствовал тёплую волну её любви, такую знакомую, будто только вчера они обнимали друг друга.

– Я вернулся ради тебя, – повторил он.

– И я ждала, – сказала она. – Но сейчас тебе надо отдохнуть.

Он снова лёг, и она накинула на него шерстяное одеяло.

– Такое чудесное тканое одеяло достойно самого короля, – восхищённо промолвил Халаманта. Оно было соткано традиционным способом, секрет которого знали аборигены долины, именующихся в старинных легендах «предками».

– Я думала о том, как ты спишь там, в жутком холоде пустыни и потому соткала его для тебя. Это мой подарок, – сказала она.

Одеяло было невероятно мягким на ощупь, и на нём были вытканы все цветы пустыни.

– Ночи в пустыне холодные, – подтвердил он и поблагодарил её за подарок. – Завернувшись в него, я буду спать, как король.

– Да, отдыхай. Ты уже дома, – сказала она.

Он потянулся и дотронулся рукой до её щеки.

– Я мечтал о тебе с того самого дня, как ушёл, – прошептал он.

– А я мечтала о тебе, – ответила она, чувствуя в его прикосновении всё тепло его любви. Она взяла его руки в свои и поцеловала их. – Любовь раскрывается в силе мечты. Ты говорил, что душа способна летать. Я всегда была с тобой.

– А я принёс тебе так мало.

Она прикрыла пальцами его губы.

– Молчи. Не говори о том, чего я не жду. Ты наполнил радостью мою душу.

Он полез в карман и достал маленький кристалл на золотой цепочке. В лунном свете кристалл искрился зелёными лучами. Она повесила его на шею.

– Это единственное, что я хранил. Глубоко в южной пустыне есть пирамиды предков. Там на высокой горе я впервые говорил об Универсальном Духе и впервые видел танец Повелителей и Повелительниц Света. Энергия и любовь того места и момента времени заключены в этом кристалле.

Фатима тронула украшение рукой и поглядела в глаза Халаманты.

Они оба почувствовали тонкие вибрации любви, которую пронесли через годы.

– Прекрасный подарок, – сказала она. – А сейчас ты должен отдохнуть.

Она прикрыла рукой его глаза, и через мгновение он заснул.

Глава 2. Любовь Фатимы

Долго, день за днём Фатима выхаживала Халаманту, поила его козьим молоком, кормила сыром, салатом и диким шпинатом, который рос на реке, фигами с деревьев у беседки, кашей из синей кукурузы хопи[1] с мёдом и сливками, поджаренным на огне острым перцем-чили и луком, завёрнутым в тортилью[2].

Она делала ему массаж лица и тела с миндальным маслом, и скоро его сухая кожа стала мягкой и упругой. Силы стали возвращаться к нему.

Днём он отдыхал в тени беседки. Из неё он наблюдал, как утром Фатима гонит коз. Соседи из речной общины здоровались по утрам по дороге на работу, однако не навязывались. Они знали, что Халаманта пересёк пустыню и много выстрадал, но также знали о знахарском искусстве Фатимы. Наступит время, когда Халаманта заговорит.

И вот однажды Халаманта проснулся рано, на заре. Снаружи жемчужный свет заливал долину. Разорванные кучки облаков у вершины горы были окрашены в нежно-розовый цвет. Чувство восхитительного пробуждения наполняло Халаманту по мере того, как он наблюдал за светом, разливающимся по небу. В этот момент, как раз перед тем, как солнце забрезжило над вершиной горы, он стал молиться, склонив голову.

Память о тех, кого он знал и любил, пробуждалась в нём. Многие мастера контроля над сознанием практиковали искусство ухода в Нирвану; он позволил своим воспоминаниям стать частью медитации. Халаманта оставался в пределах земли и людей, и потому был связан взаимоотношениями, которые, по правилам, он обязан был забыть.

Он думал о детстве, родителях, дедушке и бабушке, которые жили на этой земле и строили Седьмой Город; он думал и о племенах южной пустыни, в которых побывал. Многие из этих мудрых мужчин и женщин помогли ему найти свой путь. Фатима предстала перед ним совсем юной, и он вспомнил тот день, когда впервые почувствовал вкус её губ,

---

[1] Кукуруза хопи, или синяя кукуруза – сорт кукурузы, который вывели индейцы из племени хопи, проживающие на северо-востоке Аризоны, США. (Прим. пер.)

[2] Тортилья (с исп. *Tortilla* – «маленькая лепёшка») – тонкая лепёшка из кукурузной или пшеничной муки, употребляемая в пищу главным образом в Мексике, странах Центральной Америки и США. (Прим. пер.)

и улыбнулся. Все эти приятные воспоминания слились в свободном потоке памяти, и это было первым шагом медитации.

Листья гигантских хлопковых деревьев[1], растущих вдоль реки, подрагивали в утренней прохладе, подобно душе, вздрагивающей в свете восходящего солнца. Прибрежные ивы и тамариски[2] покачивались под лёгким утренним бризом, прилетевшим в долину.

Пришла Фатима и встала рядышком, он повернулся к ней, чтобы поприветствовать.

– Не помешаю тебе? – прошептала она.

– Любимые никогда не мешают, – сказал он, обняв её за плечи. – Моя медитация была благодарственной молитвой. Я думал о тех, кто помогал мне. Спасибо за твою волшебную силу, сегодня я вновь смог бы быть пастырем. Он взглянул в её тёмные, ясные глаза. Она вернула его к жизни, и любовь к ней с новой силой разгорелась в его сердце. В этот момент первые лучи Солнца упали на гребень горы, напомнив ему о том, что внутренний свет надо не только накапливать, но и отдавать.

Он прижался к ней и потёрся лбом о её лоб.

– Дарю тебе поцелуй жизни, – сказал он, чувствуя горячую волну любви, накрывшую их: энергия их душ стала лучиком в потоке солнечного света.

– Я так долго ждала этого поцелуя. Сегодня моя душа слилась с твоей, – ответила она.

На мгновение всё слилось в единое целое: они и красота утра. Затем, взявшись за руки, пара повернулась к солнцу, наблюдая его восход. Первые солнечные стрелы осыпали пустыню и долину, и начался танец жизни.

– Это самое важное и святое время дня, – прошептал Халаманта. – А поскольку мы сейчас медитировали, мы могли почувствовать присутствие Первотворения, момент, когда темнота мира отступает перед светом. Великий Творец является сейчас, чтобы восстановить нашу энергию и жизненную силу. Старцы в пустыне посвящают ему песнопения и зовут «Солнце-Отец».

– Это наш покровитель! – воскликнула Фатима. – Солнце, подобно душам наших предков, помогает нам и нашёптывает: я – источник жизни.

– Смотри, как свет пронизывает всё, – сказал Халаманта. – Это Повелители и Повелительницы Света, мужская и женская ускоренная энергия Источника Солнца рассекает темноту, чтобы сменить ночь. Всё,

[1] Хлопковое дерево – тропическое дерево семейства мальвовых, одно из священных символов мифологии майя. (Прим. пер.)

[2] Тамариск, или гребенщик – род растений семейства Тамарисковые, небольшие деревья и кустарники. (Прим. пер.)

чего бы они ни коснулись, начинает танец жизни.

Вдвоём они наблюдали солнечные блики, сверкающие и танцующие на листьях деревьев. Река отражала свет и переливалась бриллиантовыми отсветами. Скала и маленькая лань, дерево и камень, мужчина и женщина, рыба в реке и море, птицы в воздухе, – всё было наполнено светом в танце жизни.

Халаманта воздел руки и вознёс благодарственную молитву. Он просил солнце благословить жизнь. Затем повернулся к каждой из четырёх сторон света, сложил руки, собирая свет и отдавая его во всех направлениях. Халаманта возблагодарил Творца за новый день и вновь сомкнул руки, облил светом свою голову, чтобы душа наполнилась светом. Фатима повторяла всё вслед за ним.

Когда они оба очистились светом, то замерли в молчании, соединяясь со всем, что их окружало. В этот момент солнце высветило горный хребет. Свет и свежий бриз с реки заставляли трепетать каждую травинку и каждый листок. На деревьях щебетали птицы, их звонкие трели вливались в общую гармонию звуков бурлящей жизни.

Дети, гнавшие маленькое стадо овец и коз на водопой, остановились поприветствовать Халаманту и вновь двинулись к реке. Фатима взглянула на мужа. Его лицо лучилось утренним светом. Он оправился от болезни после долгого, изнурительного перехода, и люди стремились услышать его.

– Солнце наполняет светом и лечит, – прошептала Фатима.

– Да, – ответил он, взяв её руки в свои. – А ты смогла поднять меня на ноги.

– Солнечный свет сильнее того, чем я владею, – сказала она.

– Солнце – это отражение Универсального Света, который наполняет мир с незапамятных времён. Без него не было бы жизни. Позволить ему наполнить душу – это и значит идти по Тропе Света. Но душа также питается волшебной силой любви. Нет большей любви, чем та, что поддерживает и лечит душу.

– Ты нашёл свет от Универсального источника, – сказала Фатима, – но всё равно молишься о человеке.

– Тело – это храм души, и потому энергия света передаётся от одного тела к другому. Душа вселяется в тело, наполняясь сама и наполняя его светом, который мы видим исходящим из нашего Солнца.

Фатима улыбнулась. Сердце радостно запело. Тело и душа воссоединились в порыве любви.

– Идём, – сказала она, – надо перекусить, впереди ещё много дел.

– С удовольствием, – сказал он, входя в кухню. – Я уже чувствую в себе силы поработать с тобой.

– Прямо как в молодости?

– Да. Он широко улыбнулся, вспоминая те денёчки, которые они провели на реке, и их многочасовые беседы о волшебстве жизни и тайнах мироздания. О, это была пора невинности, когда разгоралась их любовь.

– Что значит жизнь? – спрашивали они друг друга. – В чём наше внутреннее предназначение? Как уберечь душу от зла и следовать верным путём наших предков? Как достичь той ясности сознания, что объединяет нас с Космосом?

От нахлынувших воспоминаний в нём взыграла кровь.

Помнится, юный Амадо говорил, что душа, тело и сознание должны быть в полной гармонии.

Тело отзывается на желание и чувствует боль. У тела своя мораль. Разум ищет знания, чтобы сотворить свой мир, но он тоже – часть бренного тела. Только душа может выйти за пределы тела и сознания. Она тоскует по Универсальному Свету.

– Я всё помню, – сказала Фатима. – Наша любовь была соткана из плоти и души. Любовь связывала их, внося ясность, гармонию и радость в нашу жизнь.

– Ах, как много нам надо обсудить с тобой, – сказал он за обедом.

– Даже сейчас, когда я медитировал, память возвращалась ко мне.

– Да, – воскликнула Фатима. – Какой же долгой была наша разлука! Но вот наконец-то пришло наше время.

Потом они поработали, поужинали и в конце дня уединились в беседке. Лучи закатного солнца упали на вершины гор на востоке и позолотили их. Черепашья гора, казалось, жадно впитывала отблески света заходящего солнца. Она поглощала энергию и отдавала её людям долины. Душа земли отражалась в этом ласковом свете.

/ Из книги: Anaya, Rudolfo. Jalamanta: A Message from the Desert. New York: Warner Books, 1996. Pp. 1–19. /

Перевод с английского Татьяны Воронченко

ХЕЛЕН ХАНТ ДЖЕКСОН (1830 – 1885)

РАМОНА

Глава 14

Первый день минул, второй клонился к закату, Фелипе и Рамона не имели возможности наедине перекинуться ни словом, а только лишь

в присутствии сеньоры. За этим было бы интересно наблюдать, если бы методы сеньоры, благодаря которым она добилась этого, не отличались такой жестокостью, коварством и разнообразием. Фелипе, как ни странно, сопротивлялся активнее, чем Рамона. У неё были свои мечты. У него ничего, кроме беспокойного осознания, что он не сделал всего того, что бы хотел сделать для неё; что она, возможно, подозревает его в предательстве; эти мысли, наряду с мучившими его вопросами о её планах и чаяниях, даривших ей внешнее спокойствие, погружали Фелипе в лихорадочное смятение, которое его мать замечала с полувзгляда и становилась вдвое бдительнее.

Фелипе пришло в голову поговорить с Рамоной ночью через окно. Но стояла неимоверная августовская жара; все спали с широко открытыми окнами; сеньора была начеку; если бы она случайно услышала, как он тайно беседует с Рамоной, всё стало бы ещё хуже. И всё же он решил попробовать. Но лишь только пол веранды скрипнул под его ногой: «Сынок, тебе нездоровится? Тебе помочь?» – прозвучало из окна сеньоры. Она и не думала спать. Фелипе не хватило мужества на вторую попытку; весь следующий день он провёл, лёжа в своей кровати на веранде, не находя места от мыслей о своей неудавшейся ночной попытке. Рамона сидела у изножья кровати, закрепляя напрестольную пелену[1] последними стежками. Сеньора сидела на своем обычном месте и дремала, запрокинув голову. Было очень жарко; весь день знойный южный ветер наносил пыль из пустыни, изнуряя каждое живое существо в той или иной степени.

Когда глаза сеньоры закрылись, Фелипе тут же пришла в голову мысль. Он достал свою учётную записную книжку и начал быстро писать. Подняв глаза и поймав взгляд Рамоны, он сделал ей знак, что это для неё. Она с опаской взглянула на сеньору. Та спала. Вскоре Фелипе, сложив записку и спрятав её в руке, встал и подошёл к окну Рамоны, которая опасливо за ним наблюдала; звук шагов Фелипе разбудил сеньору, которая тотчас же села и огляделась с не поддающимся описанию выражением лица, которое свойственно людям, надеющимся, что они не заснули, но понимающим обратное.

– Я что, спала? – спросила она.

– Всего минуту, мама, – ответил Фелипе, который, прислонившись к открытому окну Рамоны, скрестил руки за спиной. Он потянул руки в стороны, вперёд, назад, лениво зевнул и сказал: «Жара невыносимая!» Затем он неторопливо спустился по ступеням веранды на садовую дорожку и сел там на скамейку под шпалерой.

[1] Напрестольная пелена – белоснежное полотно, покрывающее верх алтаря и ниспадающее с него, центральная часть часто украшена шитьём. (Прим. пер.).

Записка лежала на полу комнаты Рамоны. От страха, что она не сможет поднять её незаметно, её кидало то в жар, то в холод. А что, если сеньора зайдёт в комнату первой! Она едва осмеливалась взглянуть на неё. Но удача не всегда на стороне тиранов. Сеньора снова быстро задремала, радуясь, что у Фелипе нет шансов поговорить с Рамоной. Как только её глаза вновь закрылись, Рамона встала с места. Сеньора открыла глаза. Рамона переступала порог двери, направляясь в дом. Вот и славно! Тем дальше она от Фелипе.

– Ты пошла к себе в комнату, Рамона? – спросила сеньора.

– Да, – встревоженно ответила та. – Мне остаться?

– Нет, – ответила сеньора и снова закрыла глаза.

Через секунду записка была в руках Рамоны. «Дорогая Рамона, – писал Фелипе, – я схожу с ума оттого, что не могу поговорить с тобой наедине. У тебя есть идеи по этому поводу? Мне надо тебе кое-что объяснить. Боюсь, ты не понимаешь. Не грусти, Алессандро обязательно вернётся в течение четырёх дней. Я хочу помочь тебе всем, чем возможно, но ты же видела: я мало что могу. Тебе никто не помешает делать всё, что ты пожелаешь; но дорогая моя, я надеюсь, ты не покинешь нас!»

Рамона разорвала листок на мелкие клочки и спрятала их у себя на груди, решив уничтожить их позже. Затем, выглянув в окно и увидев, что сеньора спит крепким сном, она осмелилась написать ответ Фелипе, хотя неизвестно было, когда найдётся безопасная возможность его передать. «Спасибо, дорогой Фелипе. Не беспокойся. Я не несчастна. Я всё понимаю. Но я должна уйти, как только приедет Алессандро». Спрятав на груди и этот листок, она вернулась на веранду. Фелипе встал и направился к лестнице. Рамона, внезапно осмелев, наклонилась и положила записку на вторую ступеньку. Усталые глаза сеньоры открылись снова. Она была уверена, что не закрывала их последние пять минут; Рамона занималась работой; Фелипе поднимался по ступенькам со стороны сада. Он весело кивнул матери и приложил палец к губам. Всё было спокойно. Сеньора снова задремала. Сон стоил ей больше, чем она могла себе вообразить. Тайная переписка между Фелипе и Рамоной, исподволь объединившая этих двоих против неё и в страхе перед ней, стала точкой невозврата – моментом, значение которого едва ли можно было переоценить. Тираны, большие и малые, склонны упускать из виду подобные возможности, как эта; забывать о важности, которую может приобрести самая незначительная случайность, произошедшая на фоне принуждённого искажения правды о масштабах и взаимосвязях. Тирания может превратить честнейших людей в лжецов и мошенников. Только те, кто знаком с человеческой природой лучше других, понимают масштабы этой проблемы. Когда так поступают короли и импера-

ры, весь мир проникается сочувствием к заговорщикам, считая их менее виноватыми, чем тирана, спровоцировавшего заговор. Клеймить принято именно Россию, а не Сибирь.

У сеньоры была своя Сибирь, и именно в ней в те дни жила Рамона. Сеньора удивилась бы, узнав, какой холодостойкой оказалась эта девушка. Конечно, она и раньше не чувствовала тепла со стороны сеньоры; однако прежний холод отличался от нынешнего многократно, и если бы не её новая жизнь, новая любовь и чаяния об Алессандро, Рамона не смогла бы прожить и дня в этих условиях.

Наступил четвёртый день; странным образом он казался длиннее, чем предыдущие. Весь день Рамона всматривалась и вслушивалась. Фелипе тоже; зная нетерпеливость Алессандро, он, по правде говоря, ожидал его приезда ещё прошлой ночью. Взятая им лошадь была быстра и с лёгкостью проделала бы путь вдвое быстрее положенного. Но Фелипе догадывался, что Алессандро нужно о многом позаботиться в Темекуле. Не было сомнения, что, вернувшись, он будет готов увезти Рамону с собой обратно, если окажется, что у них не осталось других вариантов. Воображаемая картина будущего Рамоны печалила Фелипе. Он бывал в деревне Темекула. Он знал, как там все бедны; мысль о том, что Рамоне придётся там жить, была чудовищной. В голове ленивого празднолюбца Фелипе не укладывалось, что такая хорошо воспитанная девушка, как Рамона могла даже помыслить о том, чтобы стать женой бедного работяги. Он не мог себе представить, что человек решится на такую жизнь ради любви. Фелипе предстояло ещё многое узнать о любви. Наступила ночь; Алессандро не появился. До наступления темноты Рамона сидела, глядя в сторону ивовых деревьев. Когда стало ничего не видно, она слушала. Не упускающая ни одной детали сеньора тоже слушала. Её беспокоило развитие событий, но обсуждать это она не хотела. Ничто не могло заставить её отклониться от той линии поведения, которую она выбрала. В небе сияла полная луна. Когда её первый широкий луч упал на холм и залил весь сад и белый фасад маленькой часовни, точно так же, как в ту первую ночь, когда Алессандро стоял с Фелипе на веранде, Рамона прислонила лицо к окну и всмотрелась в сад. В каждом лунном блике и игре теней ей чудилась фигура приближающегося человека. Ей казалось так снова и снова. Но вновь и вновь порыв ветра утихал, и тень исчезала. Только под утро, усталая, грустная, она поплелась к кровати; но не спать. Она продолжала смотреть и слушать, её глаза были широко открыты и встревожены. Ей никогда не приходило в голову, что Алессандро может не прийти в названное Фелипе время. С какой-то детской простотой она приняла эти слова так же беспрекословно, как и другие факты своей жизни. Теперь же, когда он не пришёл, ею овладел безрассудный и беспочвенный ужас, поселивший в ней немой вопрос: «При-

дёт ли он когда-нибудь! Они отправили его восвояси; возможно, он слишком горд, чтобы вернуться!» Но затем вера в лучшее возвращалась, и она говорила себе: «Он никогда, никогда не оставит меня; он знает, что у меня нет никого на свете, кроме него; он знает, как я его люблю», – это помогало ей вернуть самообладание и припомнить множество причин, по которым он мог задержаться в дороге. И всё же, несмотря ни на что, у неё было тяжело на душе; её тревожный и рассеянный взгляд за завтраком представлял собой печальное зрелище. Смотря в её глаза, Фелипе переживал. Он слишком хорошо понимал, что это значит. Ему тоже было неспокойно. Сеньора поняла это по выражению его лица и была крайне огорчена. Для девушки вполне нормально тосковать и чахнуть без возлюбленного. Но Фелипе-то какое дело? Сеньоре это не нравилось. Это было плохим знаком. От этого могут возникнуть неприятности. И действительно, они предстояли, причём такие, которые сеньора даже не представляла.

Прошёл ещё один день; ещё ночь; ещё и ещё. Прошла неделя с тех пор, как Алессандро, запрыгивая на лошадь, схватил Фелипе за руку и сказал: «Расскажи обо всём сеньорите; позаботься о том, чтобы она поняла, почему я уехал; я вернусь через четыре дня». Прошла неделя, а он всё не возвращался. Трое ожидавших его людей, не зная, что подумать, украдкой смотрели друг на друга, и каждый хотел понять, что думали другие.

Лицо Рамоны побледнело и осунулось. Она почти не спала. У неё появилась навязчивая мысль: Алессандро мёртв. В шестой и седьмой день она уходила далеко по дороге вдоль реки, по которой он должен был вернуться; через луга, через просеку к большой дороге; на каждом шагу устремляя взгляд заплаканных глаз вдаль, – в жестокую, глухую, безмолвную даль. Она возвращалась уже в темноте, ещё более измождённая и бледная, чем ушла. Сидя молча за ужином, она даже не пыталась притворяться, что ест, а только торопливо и жадно выпивала стакан за стаканом молока, что вызывало жалость даже в Маргарите. Но только не в сеньоре. Она считала, что лучшим раскладом будет тот, при котором индеец так и не вернётся. Рамона бы оправилась в скором времени; конечно, в горьком разочаровании нет ничего хорошего, но время лечит даже это. Она удивлялась, что у девушки не хватает гордости хоть немного скрыть свое убогое состояние. Сама она предпочла бы умереть, лишь бы не ходить с таким скорбным лицом на глазах у всего дома, давая им пищу для пересудов.

Утром восьмого дня отчаявшаяся Рамона подстерегла Фелипе, спускавшегося по ступеням веранды. Сеньора была в саду и заметила их встречу; но Рамоне было все равно.

– Фелипе! – воскликнула она. – Мне нужно, нужно поговорить с тобой! Как, по-твоему, Алессандро мёртв? Что ещё могло помешать ему приехать?

Губы у неё пересохли, щёки покраснели, голос охрип. «Ещё несколько дней, и она впадёт в нервическую горячку», подумал Фелипе, с сочувствием глядя на неё.

– О нет, нет, дорогая! Не думай так! – ответил он. – Он мог задержаться по тысяче причин.

– Хоть десять тысяч, все равно бы не мог! Его бы ничто не остановило! – воскликнула Рамона. – Я знаю, он мёртв. Может, ты пошлёшь гонца, Фелипе, и уточнишь?

Сеньора шла в их сторону. Последние слова она услышала. Она пристально посмотрела на Фелипе, будто не замечая присутствия Рамоны, и сказала:

– По-моему, это не очень достойное поведение. Тебе так не кажется, Фелипе? Если бы ты лучше соображал, ты бы понял, что разбрасываться людьми можно только после сбора урожая.

Рамона ушла. Урожай предстояло собирать ещё не меньше недели. До сих пор оставалось несколько нетронутых виноградников; не было свободных рабочих рук, все собирали виноград, топтали его в кадках и выливали сок в бурдюки, свисавшие с поперечных балок в длинном сарае. В ивовой рощице вовсю пыхтел перегонный аппарат для бренди; для присмотра за ним требовался один человек; это была любимая работа Хуана Кэна; у него были какие-то свои причины делать это только в одиночку; и теперь, когда он уже не мог топтать виноград в кадках, у него появилась хорошая возможность работать на перегонном аппарате без посторонних. «Нет худа без добра», – размышлял он, день за днём удобно растягиваясь в тени, куря трубку и вдыхая пары обжигающего бренди.

Как только Рамона исчезла в дверях, сеньора подошла к Фелипе и, положив руку ему на плечо, сказала вкрадчивым голосом, кивнув в сторону убежавшей Рамоны:

– Она плохо выглядит, Фелипе. Не знаю, что мы можем сделать. Не можем же мы посылать кого-то, чтобы вернуть её возлюбленного, которого мы не желаем видеть в качестве её мужа? Непростая задача. Причём, к сожалению, во всех смыслах. Как ты думаешь, сынок? Сеньора владела практически дьявольским искусством одной фразой или вопросом поселить в подсознании человека конкретную мысль, заставив его верить, что эта мысль пришла к нему в голову без посторонней помощи.

– Нет; конечно, мы не должны посылать за ним, – сердито ответил Фелипе. – Разве что только ради его женитьбы на ней; лучше бы его но-

га никогда не ступала на нашу землю. Я решительно не знаю, что мне делать. Меня пугает то, как выглядит Рамона. Мне кажется, она может умереть.

– Нет, я не жалею, что нога Алессандро ступила на нашу землю, – мягко ответила сеньора, – потому что я чувствую, что обязана ему твоей жизнью, жизнью моего Фелипе; а то, как ведёт себя Рамона – не его вина. Не бойся, что она умрёт. Может, она и заболела; но люди не умирают от такой любви, как у неё с Алессандро.

– А от какой тогда любви умирают, мама? – с беспокойством спросил Фелипе.

Сеньора посмотрела на него с укоризной.

– Мало от какой, и очень редко, – ответила она.

– И уж, конечно, не от внезапной страсти к человеку, который неровня во всех отношениях: по положению в обществе, образованию, да во всём, что необходимо для совпадения вкусов и крепости семейного союза.

Сеньора говорила спокойно, без волнения, как будто рассуждала на отвлечённую тему. Иногда, когда она так говорила, Фелипе могло показаться, что она совершенно права и что Рамоне действительно должно быть стыдно так влюбиться в Алессандро. Наличие пропасти, о которой она говорила, нельзя было отрицать. Алессандро, несомненно, уступал Рамоне в положении, образовании и во всех внешних жизненных аспектах; но во внутренней природе, в истинном благородстве души – нет! В этом Алессандро никому не уступал; а ещё в способности любить – Фелипе иногда задавался вопросом, знал ли он кого-нибудь равного Алессандро в этом отношении. Эта мысль приходила ему в голову не раз, когда он, лёжа больной в кровати, тайком следил за выражением лица, с которым Алессандро смотрел на Рамону. Но всё это не имело никакого отношения к вопросу, актуальному здесь и сейчас, к трудной задаче, стоявшей перед ним и его матерью. Отправить гонца, чтобы тот узнал, почему Алессандро не вернулся! Даже если бы об их отношениях все знали, Фелипе не сделал бы этого! Рамоне следует проявить больше гордости. Она сама должна это понять. И когда позже в тот же день Фелипе снова увидел Рамону, он сказал ей об этом. Он сказал это так мягко, как только мог; так ненавязчиво, что она сначала не поняла, что он имел в виду. Это было так ей чуждо, так несовместимо со всем, во что она верила.

Поняв, к чему он клонит, она не спеша проговорила:

– То есть, ты хочешь сказать, что негоже посылать узнать, умер ли Алессандро, потому что это будет выглядеть так, как будто я хочу женить его на себе, даже если он этого не хочет? – и она устремила на Фелипе взгляд, неподвластный его пониманию.

– Да, дорогая, – ответил он, – что-то в этом роде, хоть ты и сказала это резковато.

– Но ни это ли, – настаивала она, – ты пытался мне сказать?

Фелипе нехотя согласился.

Рамона некоторое время молчала; затем произнесла ещё медленнее:

– Если ты так считаешь, нам лучше никогда больше не говорить об Алессандро. Похоже, ты не разделяешь моего мнения о том, что лишь смерть могла помешать ему вернуться. Спасибо, дорогой Фелипе.

И после этого она больше не говорила об Алессандро.

Шли дни; прошла неделя. Урожай собрали. Сеньоре было интересно, попросит ли Рамона ещё раз отправить посыльного в Темекулу. Даже сеньора немного сменила гнев на милость, глядя на бледное исхудавшее лицо девушки, сидевшей молча, сложив руки на коленях и устремив взгляд в сторону ивовых деревьев. Напрестольная пелена была дошита, сложена и убрана. Ей было не место в часовне Морено. По мнению Рамоны, она предназначалась для отца Сальвьердерры. Она решила сходить к нему; если уж он, немощный старик, прошёл от Санта-Барбары до их дома, она уж наверняка сможет повторить его путь. Она не потеряется. Дороги были немногочисленны; можно было спросить у людей. Монастырь, одна мысль о котором казалась Рамоне ужасной четырнадцать дней тому назад, когда сеньора использовала его в качестве угрозы, теперь казался небесным убежищем, единственным убежищем, о котором она мечтала. Она знала, что при монастыре в Сан-Хуан-Баутиста была сиротская школа; она попросит отца направить её туда и проведёт остаток своей жизни в молитве и обучении девочек-сироток. Час за часом она обдумывала этот план, и её воображение так живо устремлялось в будущее, что она успела прожить много лет жизни вперёд. Она почувствовала себя немолодой, потом старой. Перед ней стройными рядами проходили монахини, ведя за руки детей к вечерне; она была самая морщинистая и седая из всех и держала за руки двух самых младшеньких. Эта картинка её успокаивала. Как только она немного окрепнет, она отправится в путь к отцу; но в тот момент она идти не могла, так как была слишком слаба; стоило ей лишь дойти до конца сада, ноги переставали её слушаться. Алессандро погиб; в этом не могло быть сомнений. Его похоронили на том маленьком кладбище за стеной, о котором он ей рассказывал. Иногда она думала пойти туда и найти его могилу; а может быть, и увидеть его отца; если Алессандро рассказал ему о ней, старик был бы рад с ней встретиться; а, возможно, даже она могла найти работу там, среди народа Алессандро. Но это казалось непростым: у неё не хватило бы на это мужества; она нуждалась в крыше

над головой и покое: в звуке церковных молитв, в ежедневных благословениях отца. Монастырь был лучшим вариантом.

Она думала, что уверилась в мысли о смерти Алессандро; но это было не так, и она не прекращала вслушиваться и всматриваться. Каждый день она выходила на дорогу рядом с рекой и сидела, дожидаясь сумерек. Наконец настал день, когда она не могла идти; ей не хватало сил. Весь день она лежала в кровати. Сеньоре, равнодушно спросившей, не больна ли она, она ответила: «Нет, сеньора, вряд ли я нездорова, у меня ничего не болит, но я не могу встать. Завтра я поправлюсь».

– Я распоряжусь, чтобы тебе принесли крепкий бульон и лекарство, – сказала сеньора; отправив и то, и другое через Маргариту, чья ненависть и ревность отступили при первом же взгляде на лицо Рамоны, лежащей на подушке; в таком виде оно казалось совсем исхудавшим и более угловатым, чем когда она сидела.

– О, сеньорита! Сеньорита! – воскликнула она с горечью и печалью. – Вы хотите умереть? Простите меня, простите меня!

– Мне не за что тебя прощать, Маргарита, – ответила Рамона, приподнявшись на локте и ласково глядя в глаза девушке, протягивавшей ей чашку с бульоном. – Я не знаю, почему ты просишь меня простить тебя.

Маргарита бросилась на колени у кровати, плача навзрыд:

– О нет, вы знаете, сеньорита, вы знаете! Простите меня!

– Нет, я ничего не знаю, – отвечала Рамона. – Но если тебе что-то известно, я всё прощаю. Я не собираюсь умирать, Маргарита. Я ухожу, – прибавила она после недолгой паузы. Внутреннее чутье подсказывало ей, что в тот момент она могла довериться Маргарите. После смерти Алессандро Маргарита больше не будет её врагом; возможно, она даже сможет помочь Рамоне. – Я уйду, Маргарита, как только немного окрепну. Я ухожу в монастырь; но сеньора не знает. Ты же не скажешь ей?

– Нет, сеньорита! – прошептала Маргарита, думая про себя: «Да, она покидает нас, но она будет с ангелами». – Нет, сеньорита, я не скажу. Я сделаю все, что вы пожелаете.

– Спасибо, Маргарита mia, – ответила Рамона. – Я так и думала.

Она откинулась на подушку и закрыла глаза, и при этом она настолько была похожа на мёртвую, а не на живую, что слёзы Маргариты потекли быстрее, чем прежде, и она побежала к матери, всхлипывая: «Мама, мама! Сеньорита смертельно больна. Я уверена в этом. Она слегла в постель; и она такая же бледная, как сеньор Фелипе в самый разгар своей горячки».

– Да уж, – произнесла старая Марда, которая уже видела подобное ранее. – Да уж, зачахла она за прошедшую неделю, никак точно горяч-

ка; видала я такое. Должно быть, она морит себя голодом.

– Да-да, она не ест уже десять дней, с того самого дня, – и Маргарита с матерью переглянулись. Не было необходимости уточнять, что это был за день.

– Хуан Кэн сказал, что вряд ли мы его ещё когда-нибудь здесь увидим, – продолжала Маргарита.

– Значит, так угодно святым, – с горячностью сказала Марда, – что сеньорита по нему страдает! Я столько раз прокручивала всё это в голове, что у меня не осталось других мыслей; но вполне понятно, что он попал в какую-то передрягу.

– Я могла бы сказать, во что именно, – сказала Маргарита, и в ней снова промелькнула прежняя дерзость. – Но я больше ничего не скажу, раз уж сеньорита лежит на своей кровати с таким лицом. Один лишь взгляд на неё разрывает сердце. Я готова упасть перед ней на колени за все свои слова; и упаду, перед ней и ещё перед святым Франциском! Скоро она с ним встретится; я уверена в этом.

– Нет, – сказала Марда, которая была мудрее и старше. – Она не так уж больна, как ты думаешь. Она молода. Просто сердце её разбито; вот и все. Я сама через это прошла. Для молодых это в порядке вещей.

– Но я молодая! – возразила Маргарита. – Со мной такого никогда не было.

– До конца дороги ещё много миль пути, девочка моя, – многозначительно произнесла Марда. – Когда мне было столько же лет, сколько тебе, у нас была поговорка: «Не похваляйся, коль первый раз на свет вышел».

Марда не очень любила Маргариту, хоть это и был её родной ребёнок. Они были противоположностями друг друга. Черты, присущие отцу Маргариты, омрачившие многие дни молодой супружеской жизни Марды, то и дело проявлялись в Маргарите, создавая между матерью и дочерью преграду, которую не всегда могла преодолеть даже родительская любовь. Этот антагонизм неизбежно приводил к постоянным нападкам, казавшимся Маргарите несправедливыми и безосновательными, каковыми они и были на самом деле.

«Что бы я ни делала, она все равно набросится на меня, – думала Маргарита. – В одном я уверена: я никогда не скажу ей того, что мне рассказала сеньорита; никогда до того момента, когда её не станет».

Внезапно в голове Маргариты мелькнула новая догадка. Она села на скамейку у кухонной двери, чтобы хорошенько её обдумать. Что если сеньорита собиралась отправиться вовсе не в монастырь, а к Алессандро! Нет, нелепая мысль. Если бы это было так, она бы пошла с ним с самого начала. Никто из тех, кто замышлял сбежать с любимыми, не выглядел так, как сейчас выглядела сеньорита. Маргарита отбросила эту

мысль; но она не исчезла бесследно. Она стала бы более наблюдательной, если бы получила хоть какое-то доказательство своей догадке; пусть её верность молодой госпоже уже потихоньку возвращалась обратно, она была ещё не так сильна, чтобы сопротивляться приступам ревности, которые могли снова возродиться в её пламенной душе. Хотя сама она никогда не была слишком влюблена в Алессандро, её чувства были достаточно сильны, и она помнила его столь живо, чтобы испытывать обострённое чувство неудовольствия при воспоминании о его преданности сеньорите. Теперь, когда сеньорита выглядела такой покинутой, такой несчастной, такой поверженной, у неё не могло возникнуть к ней иных чувств, кроме жалости; но стоит Алессандро снова появиться, и всё изменится. Вернётся прежняя враждебность. Как бы то ни было, Рамона приобрела в Маргарите очень сомнительного союзника, на которого, скорее всего, нельзя будет положиться.

Шёл закат восемнадцатого дня после отъезда Алессандро. Рамона пролежала четыре дня в постели почти неподвижно. Она сама начала подумывать, что умирает. Казалось, её разум освободился от всех мыслей. Она даже не оплакивала смерть Алессандро; её тело и душа будто оцепенели. Подобный упадок сил – вынужденный отдых, навязанный нам Природой. Часто только с его помощью наши тела преодолевают критические и переломные моменты, которые могут привести к гибели, если продолжить сражаться.

В тот вечер, когда Рамона лежала в полубессознательном состоянии – и не бодрствовала, и не спала, – она вдруг что-то ощутила; то не был звук, не видение. Она была одна; дом был безжизненно безмолвен; за окном царила тёплая сентябрьская сумеречная тишина. Она приподнялась на кровати, поглощённая неожиданным чувством, полувстревоженная, полурадостная, растерянная, живая. Что случилось? По-прежнему не было ни звука, ни движения. Сумерки быстро сгущались; ни единого колыхания воздуха. Постепенно покинувшие её чувства и способности пробудились от долгого сна; она оглядела комнату; даже стены казались ожившими; она всплеснула руками и вскочила с кровати. «Алессандро не умер!» – произнесла она вслух и истерически засмеялась. «Он не умер! – повторила она. – Он не умер! Он где-то рядом!»

Дрожащими руками она натянула одежду и выскользнула из дома. Прошло несколько секунд, и она почувствовала в себе неожиданную силу; она не дрожала; её ноги твёрдо ступали по земле. «О, чудо! – думала она, торопливо шагая по садовой дорожке. – Я снова в порядке! Алессандро рядом!» Так живо было это впечатление, что, когда она дошла до ивовой рощицы и увидела, что там так же тихо и пусто, как в тот вечер, когда она в последний раз сидела там, без надежд, с разбитым

сердцем, она испытала отвращение разочарования. – «Не здесь! – воскликнула она.

– Не здесь! – чувство мгновенного страха потрясло её. – Я что, сошла с ума? Возможно, люди именно так теряют рассудок после такого состояния, какое было у меня!

Но молодая, сильная кровь быстро бежала в её жилах. Нет, это не безумие – скорее недавно проснувшаяся сила; полнота сознания; откровение. Алессандро был рядом.

Она быстро шла по дороге вдоль реки. Чем дальше она шла, тем сильнее становилось её ожидание, её ощущение близости Алессандро. В таком настроении она готова была идти всё дальше и дальше, она дошла бы до самой Темекулы, уверенная, что с каждым шагом приближается к Алессандро.

Когда она подошла ко второй ивовой рощице, лежавшей примерно в четверти мили к западу от первой, она увидела фигуру человека, стоявшего, прислонившись к дереву. Она остановилась. Это не мог быть Алессандро. Он не остановился бы ни на минуту так недалеко от дома, где ждала его она. Она боялась идти дальше. Было слишком поздно для встречи с незнакомцем в таком уединённом месте. Фигура была странно неподвижна; так неподвижна, что она допустила мысль о том, что ей всё привиделось в сумерках. Она сделала несколько нерешительных шагов, затем остановилась. В это же время мужчина сделал несколько шагов и остановился. Когда он вышел из тени деревьев, она увидела, что он ростом с Алессандро. Она ускорила шаг, но вдруг снова остановилась. Что это значит? Это не мог быть Алессандро. Рамона заломила руки в агонии ожидания. Почти непреодолимый инстинкт подталкивал её вперед; но ужас сдерживал на месте. Постояв в нерешительности несколько минут, она повернулась в сторону дома с мыслью: «Не стоит рисковать – вдруг, это чужой. Если это Алессандро, он придёт».

Но её ноги будто отказывались идти обратно. Она прошла несколько шагов, замедляясь, потом снова повернулась. Человек вернулся на прежнее место и стоял, прислонившись к тому же дереву.

– Это может быть посланец от него, – сказала она. – Гонец, которому велели не приходить в дом, пока не стемнеет.

Она приняла решение. Ускорила шаг до бега. Ещё несколько мгновений – и она оказалась достаточно близко, чтобы рассмотреть его. Это был… да, это был Алессандро. Он не видел её. Лицо его было слегка отвернуто, голова опиралась на дерево; должно быть, он болен. Рамона летела, а не бежала. Ещё через мгновение Алессандро услышал лёгкие шаги, обернулся, увидел Рамону и с криком ринулся вперёд, и они сжали друг друга в объятиях прежде, чем встретились глазами. Первой заговорила Рамона. Осторожно освободившись от объятий и

подняв глаза, она начала: «Алессандро…» Но при первом взгляде на его лицо она вскрикнула. Был ли это Алессандро, этот измождённый, исхудавший, безмолвный человек, смотревший на нее пустыми глазами, полными страдания, лишёнными всякой радости! «О Боже, – воскликнула Рамона, – ты болел! Ты болен! Боже мой, Алессандро, что случилось?»

Алессандро медленно провел рукой по лбу, как бы собираясь с мыслями, прежде чем заговорить, не сводя глаз с Рамоны и с тем же страдальческим взглядом, судорожно сжимая обе её руки в своих.

– Сеньорита, – сказал он, – моя сеньорита!

Затем он прервался. Казалось, его язык отказывался говорить; а этот голос, этот странный, резкий, беззвучный голос, чей он был? Не Алессандро.

– Моя сеньорита, – начал он снова, – я не мог уйти, не увидев твоего лица; но когда я стоял здесь, мне не хватило смелости подойти к дому. Если бы ты не пришла, я бы ушёл, так и не увидев тебя.

Рамона слушала его слова, и её ужас быстро нарастал. Что они значили? Её взгляд, должно быть, натолкнул Алессандро на новую мысль.

– О небеса, сеньорита! – воскликнул он. – Разве ты не слышала? Разве ты не знаешь, что случилось?

– Я ничего не знаю, любовь моя, – ответила Рамона. – Я ничего не слышала с тех пор, как ты ушёл. Уже десять дней я была уверена, что ты мёртв; но сегодня ночью что-то подсказало мне, что ты рядом, и я пошла тебе навстречу.

В начале фразы Рамоны Алессандро снова обнял её. Когда она произнесла «любовь», всё его тело задрожало от эмоций.

– Моя сеньорита! – прошептал он. – Моя сеньорита! Как тебе это сказать! Какими словами выразить!

– Что ты хочешь сказать, Алессандро? – спросила она. – Я ничего не боюсь, ведь ты здесь, ты не умер, как я думала.

Но Алессандро молчал. Слова давались с трудом. Наконец, прижав её крепче к своей груди, он воскликнул:

– Дражайшая сеньорита! Мне кажется, я умру, если расскажу тебе всё: у меня нет дома; мой отец мёртв; мой народ изгнан из деревни. Теперь я просто нищий, сеньорита; как те, кого ты кормила и жалела в лос-анджелесском монастыре! – Произнося последние слова, он пошатнулся и, схватившись за дерево, добавил: – У меня нет сил, сеньорита; мы голодали.

Лицо Рамоны не внушило ему спокойствия. Даже в сумерках он мог разглядеть это выражение недоверчивого ужаса. Он неправильно его истолковал.

– Я пришёл, чтобы просто ещё раз взглянуть на тебя, – продолжал он. – Я уже ухожу. Да благословят тебя святые, моя сеньорита. Наверное, сама Дева Мария направила тебя ко мне этим вечером. Я бы никогда больше не увидел твоего лица, если бы ты не пришла.

Пока он говорил, Рамона не отрывала лица от его груди. Оторвавшись, она спросила:

– Ты хотел, чтобы я думала, что ты мёртв, Алессандро?

– Я был уверен, что новости о нашей деревне дойдут до вас, – сказал он, – и что ты уже знаешь, что у меня нет дома и я не могу приехать и даже казаться тебе таким, каким был раньше. О, сеньорита, даже раньше я имел слишком мало, чтобы тебя обеспечить! Не понимаю, как мне хватило смелости поверить, что ты можешь быть со мной; но я так тебя любил, что постоянно придумывал, что могу для тебя сделать, – и понизив голос, приглушённо добавил: – Я думаю, это святые наказали меня таким образом за то, что я решил покинуть свой народ и забрать всё, что у меня было, для себя и для тебя. Теперь же они не оставили нам ничего, – и он застонал.

– Кто? – воскликнула Рамона. – Было сражение? Твоего отца убили? – она дрожала от ужаса.

– Нет, – ответил Алессандро. – Не сражались. Я бы дал бой, поступи я по-своему; но мой отец умолял меня не сопротивляться. Он сказал, что так я сделаю только хуже. И шериф тоже умолял меня решить всё мирным путём и помочь ему успокоить людей. Ему было очень не по себе от этого. Это был мистер Ротсейкер из Сан-Диего. Мы часто работали на его ранчо. Он знал о нас всё. Разве ты не помнишь, сеньорита, я говорил тебе о нём, каким он всегда был честным и добрым? У него самые большие посевы пшеницы в Кахоне; мы обрабатывали много миль, чтобы собрать для него пшеницу. Он сказал, что уж лучше умереть, ну или вроде того, чем сделать то, что ему поручили; но если мы будем сопротивляться, ему придётся приказать своим людям стрелять. С ним было двадцать человек. Они думали, что будут проблемы; и они вполне могли возникнуть, ведь целую деревню: мужчин, женщин и детей – выгнали из домов и прогнали, как лисиц. Если бы это был кто угодно, только не мистер Ротсейкер, я бы застрелил его, даже если бы меня за это повесили; но я знал, что если он говорит, что мы должны уйти, нас уже ничего не спасёт.

– Но Алессандро, – перебила Рамона, – я не понимаю. Кто заставил мистера Ротсейкера сделать это? Кому теперь принадлежит земля?

– Я не знаю, кто они, – ответил Алессандро голосом, полным гнева и презрения. – Это американцы – восемь или десять человек. Они собрались вместе и привезли так называемое «прошение» в Сан-

Франциско; и суд принял решение, что им принадлежит вся наша земля. Это всё, что мистер Ротсейкер смог сообщить нам. Он сказал, это закон, и никто не может идти против закона.

– О, – сказала Рамона, – именно так американцы отняли у сеньоры большую часть земли. Дело было в суде в Сан-Франциско; они решили, что многие мили её земли, которая издавна принадлежала генералу, вовсе не являются её собственностью. Они сказали, что земля принадлежит правительству Соединенных Штатов.

– Это шайка воров и лжецов, все до единого! – воскликнул Алессандро. – Они собираются присвоить всю землю в этой стране; с тем же успехом мы могли бы броситься в море и позволить им завладеть ею. Много лет мой отец говорил мне об этом. Он предвидел это; но я ему не поверил. Я не думал, что люди могут быть так нечестивы; но он был прав. Я рад, что он мёртв. Это единственное, за что я могу сейчас благодарить судьбу. В какой-то момент мне показалось, что он пошёл на поправку, и я молился Богородице, чтобы она не позволила ему выздороветь. Я не хотел, чтобы он выжил. С того момента как его выгнали из дома, он был не в себе. А потом пришёл я. Я увидел, как он сидит на земле под открытым небом. Говорили, что это солнце свело его с ума; но это не так. У него сердце разрывалось в груди. Он не хотел покидать свой дом, и тогда его подняли, вытащили силой и бросили на землю; а потом выкинули всю мебель, которая у нас была; и когда он смотрел на то, как они это делают, он схватился руками за голову и кричал: «Алессандро! Алессандро!» А меня там не было! Сеньорита, мне рассказывали, что его голос мог поднять мёртвых из могил; и никто не мог остановить его. Он звал и звал, весь день и всю ночь. О боже! Сеньорита, даже не знаю, как я не умер, когда мне сказали! Когда я приехал, он сидел под маленьким шалашом из камыша, который кто-то любезно для него построил, чтобы защитить от солнца. Он больше не кричал, только просил воды, воды. Вот почему они решили, что причина в солнце. Они сделали всё, что могли; но вокруг было так ужасно, что все были бессильны; люди шерифа очень спешили; они не дали времени. Они приказали всем уйти восвояси за два дня. Все бегали туда-сюда. Весь скарб был свален кучами на земле. Люди даже сняли все крыши со своих домов. Крыши из озёрного камыша; и они не пожалели о содеянном. О, сеньорита, не проси меня больше ничего тебе рассказывать! Я словно умер. Я не могу!

Рамона горько плакала. Она не знала, что сказать. Что теперь значит её любовь перед лицом такого бедствия? Что она могла дать человеку, пережившему такой удар?

– Не плачь, сеньорита, – мрачно сказал Алессандро. – Слёзы уби-

вают и не приносят пользы.

– Сколько ещё прожил твой отец? – спросила Рамона, всё крепче обхватывая руками его шею. Они уже сидели на земле, и Рамона, переживая за Алессандро, будто это она была сильной, а его нужно было защитить, прижала его голову к своей груди, гладя его так, будто он принадлежал ей уже много лет. Ничто не свидетельствовало о его слабости и оцепенении так явно, как его принятие этих ласк, которые когда-то могли привести его в дикий восторг. Он прислонился к её груди, словно маленький ребёнок.

– Он! Он умер всего четыре дня назад. Я остался, чтобы похоронить его, а потом ушёл. Я провёл в пути три дня; лошадь, бедняжка, ослабла чуть ли не больше, чем я. Американцы забрали мою лошадь, – сказал Алессандро.

– Забрали твою лошадь! – в ужасе воскликнула Рамона. – Это тоже по закону?

– Так мне сказал мистер Ротсейкер. Он сказал, что судья распорядился забрать у нас столько крупного рогатого скота и лошадей, чтобы хватило на оплату судебного процесса в Сан-Франциско. Я подумал, что одного только скота будет достаточно; но они сказали, что скот сейчас продаётся очень дёшево. Собранной со всей деревни скотины не хватило для покрытия долга, так что пришлось возмещать лошадьми; мою тоже забрали. Меня не было там в тот день, когда они угнали скот, иначе я бы всадил пулю в голову Бенито, прежде чем какой-нибудь американец взгромоздится на него верхом. Но я был в Пачанге с отцом. Он согласился подняться на ноги только ради меня; так что я вёл его всю дорогу; а потом, когда мы добрались до места, он так плохо себя чувствовал, что я не отходил от него ни на минуту. Он меня не узнавал и не помнил ничего из произошедшего. Я построил маленький шалаш из камыша, и он лежал на земле, пока не умер. Я похоронил его с облегчением.

– В Темекуле? – спросила Рамона.

– В Темекуле, – воскликнул Алессандро со злостью. – Ты, видимо, не понимаешь, сеньорита. У нас нет прав в Темекуле, даже на наше кладбище, пристанище мертвецов. Мистер Ротсейкер предупредил нас, чтобы мы там не появлялись; по его словам, пришельцы – люди суровые, они стреляют в любого индейца на месте, если видят, что он посягает на их собственность.

– Их собственность! — вырвался крик у Рамоны.

– Да; она принадлежит им, – упрямо сказал Алессандро. – Это закон. У них есть все подтверждающие бумаги. Об этом всегда говорил отец: вот если бы сеньор Вальдес дал ему бумагу! Но раньше это не было принято. Бумаг никто не держал. А вот американский закон – другой.

– Это закон воров! – плакала Рамона.

– Да, и убийц тоже, – сказал Алессандро. – Разве нельзя сказать, что моего отца убили, ничуть не менее жестоко, чем при расстреле? Так и было! И, о сеньорита, моя сеньорита, там ещё был Хосе! Ты помнишь Хосе, который пошёл за моей скрипкой? Но, любимая моя, я убиваю тебя такими рассказами! Я замолкаю.

– Нет, нет, Алессандро. Расскажи мне всё, всё. У тебя не должно остаться горя, не разделённого со мной. Расскажи мне о Хосе, – задыхаясь, воскликнула Рамона.

– Сеньорита, это разобьёт тебе сердце, если ты услышишь. Хосе женился год назад. У него был лучший дом в Темекуле, рядом с домом моего отца. Это был единственный дом с черепичной крышей. А ещё у него был амбар, и великолепный конь, на котором он ездил верхом, и волы, и стадо овец. Он был дома, когда пришёл шериф. Очень многие мужчины были на сборе винограда, что осложнило ситуацию. Но Хосе был дома; его жена родила ребёнка всего несколько недель назад, малыш выглядел болезненным и, казалось, не хотел жить, а Хосе не хотел оставлять его. Он был первым, кто увидел шерифа, въезжающего в деревню, и банду вооружённых людей за ним, и Хосе понял, что это значит. Он часто говорил об этом со мной и с моим отцом, и теперь он увидел, что время пришло; рассудок покинул его за минуту, он упал на землю, изо рта пошла пена. Однажды у него уже был подобный припадок; врач сказал, что если у него будет ещё один, он умрёт. Но он не умер. Его подняли, и вскоре ему стало лучше; а мистер Ротсейкер сказал, что Хосе больше других старался в первый день переезда. Большинство мужчин опустили руки. Они сидели на земле с женщинами и закрывали лица, не хотели смотреть. Но Хосе был занят делом; и, сеньорита, чуть ли не в первую очередь он побежал со скрипкой моего отца в магазин к миссис Хартсел и попросил спрятать её для нас; Хосе знал, что она стоит денег. Но перед полуднем второго дня у него случился новый припадок, и он умер от него, умер прямо у своей двери, занятый каким-то делом; а после того, как Кармена – так зовут его жену – увидела, что он мёртв, она больше не проронила ни слова, а сидела на земле, раскачиваясь, с младенцем на руках. Она уехала в Пачангу в одно время со мной и моим отцом. Мы отбывали длинной процессией.

– Где находится Пачанга? – спросила Рамона.

– Примерно в трёх милях от Темекулы, в месте, похожем на ущелье. Я посоветовал людям переехать туда; земля никому не принадлежала, и, может быть, они могли бы там зарабатывать на жизнь. Самое худшее то, что там нет воды.

– Нет воды! – воскликнула Рамона.

– Нет проточной воды. Есть один ручеёк, они выкопали подле него колодец, как только пришли туда; так что питьевая вода есть, но это всё. Я увидел, что Кармена едва поспевает за нами, и тогда я понёс её ребёнка в одной руке, а другой рукой поддерживал отца; но ребёнок плакал, поэтому она взяла его обратно. Тогда я думал, что он не проживёт и дня; но он прожил до утра того дня, когда умер мой отец. Всего за несколько часов до его смерти пришла Кармена с младенцем, завернутым в шаль, села рядом со мной на землю и не произнесла ни слова. Когда я спросил: «Как малыш?», она расстегнула свою шаль и показала мне его тело. «Хорошо, Кармена! – сказал я. – Это хорошо! Мой отец тоже умирает. Мы похороним их вместе». Так она просидела рядом со мной всё утро, а ночью помогла выкопать могилы. Я хотел положить ребёнка отцу на грудь; но она сказала, нет, это должна быть маленькая могилка. Она выкопала её сама; и мы их похоронили; она не произнесла ни слова с той поры. Когда я уходил, она сидела у могилы. Я сделал крест из двух маленьких деревьев, обрубив у них ветви, и поставил меж двух могил. Так было заложено наше новое кладбище – мой отец и маленький ребёнок; благословение на смерть получают лишь самые младшие и самые старшие. Видимо, мне умереть не позволено!

– Где они похоронили Хосе? – вздохнула Рамона.

– В Темекуле, – ответил Алессандро. – Мистер Ротсейкер велел двум своим людям выкопать могилу для Хосе на нашем старом кладбище. Но я думаю, Кармена придёт туда ночью и унесёт его тело. Я бы пришёл! Но, моя сеньорита, сейчас очень темно, я едва вижу твои любимые глаза. Думаю, тебе нужно возвращаться. Я смогу проводить тебя до ручья и остаться незамеченным? Святые благословят тебя, любимая, за то, что ты пришла. Мне кажется, я не смог бы жить дальше, если бы ещё раз не увидел твоего лица.

И, вскочив на ноги, Алессандро стоял, ожидая, когда Рамона пойдёт. Она не двинулась с места. Ей было тяжело. В её сердце царило лишь одно побуждение, одно желание – пойти вместе с Алессандро; но он об этом и думать не хотел. Можно ли ей вызваться идти с ним? Следует ли рисковать и возлагать на него бремя более тяжкое, чем он может вынести? Если он действительно стал нищим, будет ли ему жить легче или труднее рядом с ней? Она чувствовала себя сильной и способной на многое. Работа не страшила её; пусть она не знала ничего о лишениях, но она не боялась их.

– Алессандро! – сказала она голосом, заставившим его вздрогнуть.

– Моя сеньорита! – нежно сказал он.

– Ты ни разу не назвал меня Рамоной.

– Я не могу, сеньорита! – ответил он.

– Почему нет?

– Я не знаю. Иногда в мыслях я говорю «Рамона», – слабым голосом добавил он. – Но не часто. Если я и называю тебя в мыслях как-то, кроме моей сеньориты, то обычно это имя, которое ты никогда не слышала.

– Какое же? – удивленно воскликнула Рамона.

– Индейское слово, дорогая моя, название птицы, на которую ты похожа, – лесной горлицы. На языке луизено это «Мэджел»; думаю, так бы назвали тебя мои люди, если бы ты решила жить среди нас. Красивое имя, сеньорита, оно тебе подходит.

Алессандро всё ещё стоял. Рамона поднялась; приблизившись к нему, она положила обе руки ему на грудь, а голову на руки и сказала: «Аллессандро, мне нужно тебе кое-что сказать. Я индианка. Я из твоего народа».

Молчание Алессандро поразило её.

– Ты удивлён, – сказала она. – Я думала, ты будешь рад.

– Я уже давно обрадовался этой новости, моя сеньорита, – сказал он.

– Я знал это!

– Откуда? – воскликнула Рамона. – И ты ничего не говорил мне, Алессандро!

– Как я мог? – ответил он. – Я не посмел. Хуан Канито мне сказал.

– Хуан Канито! – задумчиво проговорила Рамона. – Откуда ему знать?

Затем в нескольких словах она рассказала Алессандро всё, что узнала от сеньоры.

– Это тебе сказал Хуан Кан? – спросила она.

– Все, кроме имени отца, – пробормотал Алессандро.

– И кто, по его мнению, был мой отец? – спросила она.

Алессандро молчал.

– Это не имеет значения, – сказала Рамона. – Он ошибся. Разумеется, сеньоре лучше знать. Он был другом её и сеньоры Ортеньи, которой он меня отдал. Но мне кажется, Алессандро, что я больше унаследовала от матери, чем от отца.

– Да, моя сеньорита, – нежно ответил Алессандро. – Как только я узнал об этом, я увидел это в твоём лице, которое всегда казалось мне лицом из моего народа.

– Ты не рад, Алессандро?

– Я рад, моя сеньорита.

Что ещё могла сказать Рамона? Внезапно её сердце сдалось; недолго думая, не принимая решений, почти не сознавая того, что она де-

лает, она бросилась на грудь Алессандро и воскликнула: «О, Алессандро, возьми меня с собой! Возьми меня с собой! Я скорее умру, чем позволю тебе снова оставить меня!»

(*Из книги Helen Jackson (H. H.)"Ramona: A Story". – Boston: Roberts, 1884, – 490 p.*)

Перевод с английского Елены Гладких

АЛЕХАНДРО МОРАЛЕС (род. в 1944 году)

БАРРИО НА ГРАНИ

<…> Рождество стремительно приближалось. Поскольку праздники были самым ярким событием в жизни обитателей баррио[1], он наслаждался духом и атмосферой этого периода. Все магазины украшены, дома расцвечены сверкающими огнями, и в большинстве гостиных установлены традиционные рождественские ёлки. Повсюду снуют люди в поисках подарков. Неважно, были ли у них талоны от администрации округа или заработка отца семейства едва хватало на то, чтобы прокормить семью; все шли за подарками для детей, лишь бы купить хоть что-то.

Для некоторых людей Рождество ассоциировалось с полным, одетым в красное старичком с длинной белой бородой, множеством огней и подарков; но для него оно значило нечто иное. Это было то самое время года, чтобы сидеть возле ёлки и мечтать о том, что у него будет собственный дом, жена, дети и самая красивая рождественская ёлка, на которую приятно посмотреть. Рождество – это время петь жизнеутверждающие песни, уноситься в мыслях в далёкие экзотические страны – страны, где у людей нет ничего, кроме голода, антисанитарии и болезней, которые будут их спутниками и в рождественский праздник. Время подумать о большинстве сограждан, которые страдают от бедности и нищеты, и даже мысль о праздновании Рождества не приходит им в голову. Время подумать о своих родителях, увидеть их лица, вспомнить о своей любви к ним и возможностях выразить благодарность за то, что они сделали, и за то, что они не могут сделать. Для других это время не-

[1] Баррио (*исп*.) Barrio – квартал, район города, населенный преимущественно испаноязычными жителями. (Прим. пер.)

нависти и зависти; когда они смотрят на своих родителей с обидой, потому что те не могут дать им то, что есть у других. Неважно, чего в сердце больше – неприязни или любви, – мысли о смерти неизбежны, поскольку она придёт за нашими родителями. Важно подготовиться к этому моменту; нужно быть начеку перед встречей со Смертью – Великим Уравнителем. По-видимому, она приходит в гости ко многим людям и в конце, и в начале, и в середине жизни, а затем приглашает их к себе навсегда. Она очень любит Рождество и Новый год; она тоже хочет получать подношения, быть счастливой, испытывать благодарность и благодарить самой. Из-за неё и грядущих для некоторых страданий Рождество представляет собой восторг и печаль вперемешку; те, кто лежал когда-то под рождественской ёлкой и вглядывался в искажённое отражение кажущегося громадным носа в хрустальном шаре, подтвердят, что грусть является верной спутницей праздника.

Он вышел на улицу; обжигающий холод подарил ощущение свободы. Он бросил взгляд на угол, где Мелон, Мигелито, Лусио и Бенни обычно разводили костёр. О чём они думали? Он вспомнил детей Лусио. Интересно, они когда-нибудь спрашивают об отце? Он подумал обо всех брошенных и незаконнорождённых детях, их матерях и отцах. И о тысячах мужчин и женщин, находящихся в тюрьмах; он пытался представить, каково это: проводить каждое Рождество взаперти, без возможности когда-либо выйти на улицу, увидеть праздничные огни и радостно взволнованных людей. Как это ужасно – быть на Рождество вдали от семьи. Он думал обо всех этих людях и гадал, сколько из них в это самое мгновение могло думать о нём. Будь то Бог или Дьявол, – кто-то из них сотворил боль, агонию и отчаяние, и сделал так, чтобы люди могли их выдерживать.

Куда ни глянь, везде перед глазами маячили эти треклятые горы. Множество огней сверкало на морозе; как он хотел бы суметь описать всё, что он видел. Он думал о больных людях и молился за них, чтобы они не страдали так сильно. Он молился за людей, которые могли погибнуть этой ночью, и за тех, у кого были неприятности с полицией. Он молился за падших женщин и просил, чтобы они были прощены и благословлены. Он думал о солдатах, которые находились там, на чужбине, и месили ногами болотную жижу, обо всех военных, их врагах и врагах врагов; он молился об их безопасности и о том, чтобы они как можно скорее вернулись к своим семьям. Он подумал о президенте республики; интересно, что он делает в эту самую минуту? Я хотел бы поговорить с ним. У него определённо было рождественское настроение; он был печален, очень подавлен; ему хотелось плакать. Почему ему так грустно? Чувствуют ли другие то же, что и я? Кажется, что жизнь идёт

своим чередом, и никто не говорит прямо о том, что он действительно чувствует. Он ощутил любовь и сострадание ко всем живущим. Он был благодарен за то, что снова чувствовал себя живым. Ему хотелось глубже понять жизнь, познать самого себя.

Он будто снова очутился дома, на диване, и видел, как на кухне поднимался пар; его мама грела молоко. Что случилось, Матео? Ничего, мне просто очень плохо, мама. В голове столько мыслей, обо всём мире и людях. Я думаю о своей жизни, о том, что со мной будет в будущем. Всё так печально. Я думаю о смерти и о том, как мы все окончим дни свои. Я не хочу умирать, потому что знаю, что меня забудут. Сколько было таких ребят, как я, а их никто не знает, никто их не помнит, кроме меня, но я не хочу так страдать. Да, Матео, у тебя сердце авантюриста; ты совсем не похож на своих братьев. Ты совсем другой, Матео. Иди спать; ты устал. Выпей стакан тёплого молока и ложись спать. Нет, я хочу ещё немного посидеть здесь. Ну ладно, пойду ложиться. Спокойной ночи, мама.

Он сидел на полу и думал о музыке. Музыка олицетворяла то, чего он не достиг, но к чему всегда стремился, ведь музыка и музыканты будут жить вечно. Петь перед тысячами людей, воспевать свободу, вдохновлять других, отдавать им частичку себя – он всегда мечтал насладиться этим моментом. Слушая музыку, он молча плакал. Казалось, сама смерть говорила с ним; он крепко сжал руки в попытке защититься; он вдруг понял, что умереть молодым – это прекрасно; Смерть притягивала его. Разум и тело отказывались подчиняться. Нет, я не должен умирать; мне есть ради чего жить. Неужели я никогда больше не увижу сияния звёзд и света луны, пробуждающих мысли о той непостижимой вышине, в которой они находятся; никогда не почувствую ни яростного удара мужского кулака по губам, ни экстаза поцелуя, ни красоты близости с любимой девушкой. О нет, я должен жить! Я буду жить; я не могу умереть, пожалуйста, *пор фабор*[3]! Дайте мне снова взглянуть в глаза темнокожего и увидеть десятилетия предрассудков и гонений. Дайте мне увидеть рассвет нового дня и почувствовать, как ветер дует мне в спину, когда я смотрю на закат с холма. Я хочу слышать вой собаки в полночь, смех ребёнка, рыдания матери, потерявшей сына в честной войне, но никогда больше не видеть лица голодающих людей и их отчаянные крики. Нет, я не должен умирать; я должен жить, чтобы предоставить им пристанище, чтобы помочь им, помочь себе! Как я могу никогда больше не полюбоваться мягкими седеющими локонами моей матери и не посмотреть в её то грустные, то счастливые глаза. Я хочу снова увидеть решительный взгляд моего отца и услышать его строгий,

[3] Por favor (*исп.*) – пожалуйста. (Прим. пер.)

резкий голос; моего вспыльчивого отца, падре, *naná*! Неужели я больше никогда не подружусь с кем-то на пару недель, а потом, не видя его уже до конца своей жизни, буду изредка задаваться вопросом, чем он занимается в это самое мгновение; возможно, его уже нет на свете. Мир так прекрасен, и в нём нет ничего ужасного; нет ничего абсолютно безобразного, даже в самом отвратительном можно найти красоту. Ради всего этого и по миллионам других причин я должен жить; но и в смерти есть своя красота, во всех тех эмоциях, которые наполняют сердце. Умереть молодым несправедливо, но как же прекрасно умереть в этом возрасте: полным сил, песен, любви, страсти, ненависти, таким молодым, таким счастливым и таким необузданным. Но смерть забирает эту красоту и гасит её, как свечу в море. Что остаётся после того, как всё сказано и сделано? Эмоции и чудесные воспоминания. Не плачь, мама, не плачь…

Он был весь в поту, лицо стало мокрым, слёзы стекали по губам, горло сжималось в спазмах; улица просматривалась, как через пелену. Все огни мерцали; дома казались тёплыми и уютными. Звёзды холодно смотрели на него сверху вниз, как будто посылали ему знаки; он смотрел на них, задрав голову и протянув вверх руки. Он сделал несколько вдохов и почувствовал себя лучше. Сейчас он чувствовал себя намного лучше. <…>

/ Из книги: Morales, Alejandro. Barrio on the Edge. Tempe: Bilingual Press, 1998. Pp. 102–110 /.

Перевод с английского Екатерины Фёдоровой

ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА

КАК ПЕРЕВОДИТЬ КИТАЙСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Поздравление и пожелание являются неотъемлемой частью общения в любой форме и в любой ситуации. Будь то поздравительная открытка с сердечными пожеланиями от родственников, короткое поздравление от друзей в мессенджере или формальное поздравление партнера по бизнесу в официальной переписке. Важно учитывать, что пожелания в китайской традиции являются не только частью поздравления, но и неотъемлемым элементом любого акта коммуникации, свидетельством уважения собеседника. В межкультурном общении (межличностном и официальном) актуальным является вопрос: как поздравить друзей в праздник? Что пожелать коллегам по бизнесу, завершая официальное письмо? Каким благопожеланием открыть мероприятие или дать старт новому начинанию? Как трактовать китайские благопожелания?

Пожелания, с одной стороны, строятся в соответствии с устоявшимися моделями и принципами поведения, вводящими в общее пространство коммуникативной культуры, и отражают общие мировоззренческие установки и нравственные понятия. Однако, с другой стороны, освоение окружающей действительности через пожелания происходит специфическим, присущим определенной национально-культурной общности способом, что позволяет рассматривать их как национально-маркированные элементы языковой системы, своеобразные культурные знаки, которые указывают на особое видение вещей и характер познания действительности представителями различных культурных сообществ (1, с. 119).

Чем на первый взгляд привлекают внимание традиционные китайские благопожелания? Безусловно, их особой структурой, визуализирующей идентичность. Большинство пожеланий в китайском языке имеют четырёхсложную структуру. Четыре морфемы, а на письме четыре иероглифа – вот та норма, тот эталон, которому соответствуют не

только идиомы и разнообразные устойчивые словосочетания, но также и создаваемые ежечасно бесчисленные свободные словосочетания китайского языка (2, с. 114). Не менее значим, а в некоторых случаях и более важен тот аспект содержания благопожеланий, который связан с национально специфическим пониманием мира, с культурно значимыми образами и символами. Рассмотрим некоторые содержательные особенности китайских благопожеланий и способы перевода, позволяющие учитывать китайскую специфику их образования.

Тексты китайских благопожеланий строятся в соответствии с культурно-универсальными особенностями, которые, несомненно, представляют большую трудность для перевода. Нередко в переводящем языке находятся регулярные переводческие соответствия, например, для пожеланий 身体健康、万事如意 регулярными переводческими соответствиями в русском языке будут *Здоровья и исполнения желаний.* Однако не все благопожелания находят адекватные переводческие соответствия в русском языке, особенно если в благопожелании содержатся культурно значимые смыслы. Сложность перевода таких благопожеланий состоит не только в различии лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств переводящего языка, но и трудностями интерпретации, заложенных в пожелания культурных смыслов. Перевод китайских благопожеланий должен осуществляться в неразрывном единстве с миром и культурой Китая.

Если говорить о наиболее регулярном функционировании пожеланий в речевом общении китайцев, то первым поводом выразить благоприятное пожелание собеседнику, безусловно, является Праздник весны (отмечаемый китайцами по лунному календарю). Особенности системы времяисчисления в Китае находят отражение не только в лунном календаре, но и в традиционных системах летоисчисления – шестидесятилетнем и двенадцатилетнем циклах.

Астрологическая система обозначения лунного года одним из двенадцати священных животных, получившая в мировой практике название «китайский гороскоп», является основой уникальности новогодних поздравлений. Так, астрологическим символом наступившего, 2023 года является кролик 兔, появление которого в новогодних пожеланиях стало закономерным. Например: 兔年大吉! – *Много счастья в год кролика!* 兔年行大运! – *Большой удачи в год кролика!* 福兔贺岁！– *Счастливый кролик поздравляет Вас с Новым годом!* 玉兔迎春！– *Яшмовый кролик встречает Новый год (Весну)!*

Здесь перевод благопожеланий не вызывает затруднений, поэтому представляется возможным их дословный перевод. Однако не все благопожелания могут быть переведены таким способом. Есть ряд трудно-

стей, связанных с особенностями китайского языка и китайской культуры.

Уникальной особенностью китайского языка являются омофоны или фонетические омонимы – это одна из разновидностей омонимии, когда слова совпадают по звучанию, но не совпадают по написанию. Омонимия является одним из ярких фонетических явлений китайского языка.

Выразительность речевого произведения, обусловленная игрой смыслов одинаково звучащих слов, является достаточно трудной задачей для переводчика. В силу особенностей фонетической организации слога, число слогов в китайском языке строго ограничено, и это приводит к их частой повторяемости. Стоит сказать, что и в русском языке присутствует омонимия, но такой стилистический эффект, как игра слов-омофонов, довольно-таки редкое явление. Поэтому при высказывании пожеланий в китайском языке, где есть созвучные иероглифы с 兔 *tù,* китайцы смело заменяют исходный иероглиф на символ нового года, например: 前**途**无量 *qián**tú**wúliàng* – 前**兔**无量 *qián**tù**wúliàng безграничных перспектив **в год кролика**!*

Здесь, как и в приведённых ниже благопожеланиях, компонент 途 *tú путь, дорога* заменён на 兔 *tù кролик,* что и создаёт эффект игры слов в китайских новогодних пожеланиях. При переводе благопожеланий с омофоничными компонентами использование приёма добавления при переводе находит наиболее частотное употребление. То есть при переводе данного благопожелания добавляется целое словосочетание *год кролика*. *Другие примеры:* **突**飞猛进 ***tū**fēiměngjìn* – **兔**飞猛进 ***tù**fēiměngjìn бурного развития **в год кролика**!* **突**逢新春 ***tū**féngxīnchūn* – **兔**逢新春 ***tù**féngxīnchūn **кролик** встречает Новый год (новую весну)!* 大展鸿**图** *dàzhǎnhóng**tú*** – 大展鸿**兔** *dàzhǎnhóng**tù** осуществления задуманного **в год кролика**!* 奋发**图**强 *fènfā**tú**qiáng* – 奋发**兔**强 *fènfā**tù**qiáng процветания и развития **в год кролика**!* 扬眉**吐**气 *yángméi**tǔ**qì* – 扬眉**兔**气 *yángméi**tù**qì воспрянуть духом **в год кролика**!* **突**来运转 ***tū**láiyùnzhuǎn* – **兔**来运转 ***tù**láiyùnzhuǎn хорошего вам **года кролика**!*

Также в Интернете китайцы могут поздравить друг друга с Новым годом и отправить пожелание, сочетающее в себе межъязыковые омонимы – слова обоих языков, схожие по звучанию или графической форме, но имеющие разные значения. Здесь английский язык выступает как дополнительный инструмент выражения смыслов в игре слов: Best wishes 兔 U! – *С наилучшими пожеланиями в год кролика!* Happy New Year 兔 U! – *С Новым годом кролика Вас!* В вышеприведенных благо-

пожеланиях иероглиф 兔 *tù кролик* схож по звучанию с предлогом направления действия английского языка *to*.

Приведем еще примеры: 财运兔 LUCKY – *Удачи в денежных делах,* 好事兔 MUCH – *Всего самого наилучшего!* **每天兔** NICE – *Пусть каждый день будет счастливым!* 兔年快乐！ – *С Новым годом кролика!*

В представленных пожеланиях иероглиф 兔 *tù кролик* является омофоном английского наречия *too***,** которое переводится как *очень, слишком* и выступает для усиления акцента на каком-либо качестве объекта.

Межъязыковая омонимия – это один из «ложных друзей переводчика», на которую стоит обратить особое внимание, так как от перевода слов, являющихся межъязыковыми омонимами, главным образом зависит смысл высказывания. Неправильный перевод может вызвать недопонимание между говорящим и слушающим, поставить как адресата, так и адресанта в неловкую ситуацию и затруднить дальнейшую коммуникацию.

Одним из помощников при переводе является контекст, который может указать на то, в каком значении используется межъязыковой омоним. Полагаясь на контекст, можно с уверенностью сказать, что в переводе не будет никаких «кроликов». Однако в последнем благопожелании иероглиф 兔 *tù кролик* выступает в своем прямом значении.

Если рассматривать пожелания как часть фразеологического фонда китайского языка, тогда приемлемыми могут оказаться рекомендуемые исследователями способы перевода фразеологических единиц китайского языка, в числе которых перевод с полным сохранением образности (при условии совпадения китайской и иностранной образности); перевод с изменением образности (при отсутствии в языке перевода идентичного образа, но наличии иного образа, равного по переносному значению сочетания), а также перевод исходной единицы перевода с образным значением единицей без образного значения.

Основой образных значений в китайском языке выступает богатая и красочная картина мира китайцев. Ещё с древних времен китайцы верили в магию чисел, в то, что они могут принести людям богатство и успех. У каждого числа в Китае есть определённая символика, и нередко числа выступают как компоненты китайских благопожеланий, например: 新年快乐！祝你一帆风顺、二龙腾飞、三羊**开泰、四季平安、五福**临门、六六大顺、七星高照、八方来财、九九同心、十全十美。

Можно заметить, что пожелания содержат числовые компоненты 一 *один*、二 *два*、三 *три*、四 *четыре*、五 *пять*、六 *шесть*、七 *семь*、八 *восемь*、九 *девять*、十 *десять*, и все числа располагаются в порядке

возрастания. Такая структура делает весь текст пожелания оригинальным и лаконичным. Как отмечает Тань Аошуан, в отличие от западной цивилизации, где предпочтение отдается числам *три* и *двенадцать*, число *семь* считается счастливым, а число *тринадцать* приносит несчастье, в Китае весь ряд чисел от одного до десяти считался весомым и осмысленным не только с точки зрения собственно числовых значений, но и ассоциативных полей, несущих категориальную функцию. В этой связи все числа имеют положительные коннотации (3, с. 75).

На русский язык перевод пожеланий, содержащих числовые компоненты, представляет большую трудность. Числа в составе китайских пожеланий являются своеобразным смыслоорганизующим элементом. Чаще всего дословный перевод не позволяет передать всю образность и точность употребления единиц, поэтому нередко при переводе китайских благопожеланий прибегают к вольному переводу, при котором числа уже теряют своё первоначальное значение. При переводе выражений с числами с китайского языка на русский часто употребляется переводной метод потери числовых значений. Это происходит в силу разных культурных представлений, различий языковых картин мира русских и китайцев: 一帆风顺 – *Попутного ветра! Удачи! Ветра в паруса! (букв. попутный ветер раздувает парус).* В данном пожелании числительное 一 *один* несёт в себе смысл 满，全部 *весь, целиком, полностью*. Другой пример, 二龙腾飞 – *Успеха! (букв. пусть два дракона воспарят).* Признанный царь китайского бестиария – это дракон 龙, самый известный символ могущества и власти в Китае. Два дракона – возносящийся и низвергающийся, – которые борются за «огненную жемчужину», служили эмблемой императорской власти (4, с. 339).

Перевод числительных в китайских благопожеланиях представляется сложным ещё и в силу того, что некоторые числовые компоненты являются омофоничными или схожими по звучанию с благоприятными для китайской культуры концептами или символами. Так в пожелании 三羊**开泰** – *Богатства в Новом году! (*букв.: *на трёх баранов надвигается удача)* сочетание 三羊 *sān yáng* созвучно 三阳 *sān yáng*, что означает оживление природы, приход весны и первый месяц по лунному календарю, когда в Китае празднуют китайский Новый год (Праздник весны) 春节. Баран 羊 *yáng* здесь тоже не случайно, он созвучен иероглифу счастье 吉祥 *jí xiáng.*

Несмотря на то, что некоторое время назад числительное «четыре» имело отрицательные коннотации, в составе словосочетания «четыре времени года, круглый год» четвёрка приобретает значение временной непрерывности и поэтому также встречается в пожеланиях: 四季平

安 – *Мира в любое время года (круглый год)! (букв. спокойствие, четыре сезона, времени года).*

Число 五 *пять*, словно красной нитью проходит через китайскую философию, культуру, быт и другие сферы человеческого опыта и знания. В первую очередь это *у син* 五行 – пятичленная структура, определяющая основные параметры мироздания, в неё входят пять элементов-стихий: огонь, вода, дерево, металл, земля. Также есть и другие классы, устанавливающие идеальные отношения человека и природы: *пять звуков* 五声, *пять вкусов* 五味, *пять внутренних органов* 五内, *пять цветов* 五色 и т. д. В пожелании 五福临门 – *Желаю абсолютного счастья! (букв. Пять счастий посетят дом)* пять счастий 五福 – это долголетие, богатство, спокойствие, добродетель и кончина в преклонные годы.
六六大顺 – *Желаю всего самого наилучшего! (букв. Две шестёрки благоприятствуют)* Число шесть для жителей Поднебесной символизирует везение. Это самое счастливое и благоприятное число для китайцев. В интернет-сленге китайцев также нередко можно встретить комбинацию цифр 666, что можно воспринимать как похвалу, одобрение от собеседника. Число 6 созвучно иероглифу 牛, что означает «круто! классно!».

Для понимания механизма перевода пожелания 七星高照 – *Храни Вас Бог! (букв. Пусть семь хранителей-небожителей вас охраняют)* следует понимать, что китайский пантеон небожителей имеет сложную структуру и внушительные размеры: в Китае есть семь небожителей: божество счастья, божество карьеры, божество долголетия, божество любви, божество, оберегающее природу, божество мира и божество войны. В России же христианская концепция Бога представляет собой единую Божественную сущность в трёх ипостасях: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Так, например, в общении носителей русского языка при совершении акта пожелания часто доминирует Бог как базовый культурный концепт языковой картины мира русских: *Бог в помощь, Бог (Господь) с Вами, Храни Вас Бог, Дай Бог добрый путь, Дай Бог Вам здоровья, Помилуй Бог (Вас), Помоги Вам Бог, Спаси Вас Бог* и т. д. Концепт Бог отражает ценностные ориентации русского народа, он раскрывает религиозность и православный дух наших предков.

八方来财 – *Богатства со всех сторон! (букв. с восьми сторон приходит богатство).* Числа 四 *четыре* и 八 *восемь* больше связаны со значениями пространства и времени. У нас принято говорить о четырёх сторонах света – север, юг, восток, запад. В Китае же к четырём основным сторонам добавляются четыре промежуточных – это северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад. Благоприятный смысл цифры

«восемь» обусловлен также и созвучием (в диалекте северной части провинции Гуандун) со словом 发(财) – богатеть.

九九同心 – *Гармонии сердца и разума! (букв. две девятки единодушны)*. Число 九 *jiй девять* является омофоном 久 *jiй долгий, вечный* и отчасти на этой основе ассоциируется с императором. В ходе длительной истории девятка стала символизировать превосходство, величие и священность власти императора, монархи разных правящих династий любили облачаться в платья, на которых были вышиты девять драконов – 九龙袍 *парадное платье императора с изображением драконов*.

В иероглифе 十 *десять* китайцы видят совершенство и целостность, полноту жизни и бесконечность поэтому при переводе благопожелания 十全十美 – *Совершенства! На все* ***сто****! (букв.* ***десять*** *совершенств, десять превосходств),* можно наблюдать случаи полной замены числового значения.

Интенсивной выразительностью обладают разрядные числительные – 百 *сто,* 千 *тысяча,* 万 *десять тысяч*, их функционирование в пожеланиях можно продемонстрировать следующими пожеланиями: 百事可乐 – *Удачи во всех делах! (букв. сто дел в радости)* или 千禄百福 – *Удачи и счастья! (букв. тысяча успехов и сто счастий)*; 万事如意 – *Исполнения (всех) желаний (задуманного)! (букв. десять тысяч дел как пожелали)* или 万马奔腾 – *Стремительного роста! (букв. мчатся десять тысяч коней)*; 鹏程万里 – *Успехов в будущем! (букв. полёт птицы Пэн в десять тысяч ли)* или 万事大吉 – *Успехов во всех делах! (букв. удачи в десяти тысячах дел) и др.*

В русских благопожеланиях число *сто* ассоциируется с долголетием, долгой и счастливой жизнью в браке: *Дай Бог Вам прожить сто лет! Жениху и невесте – сто лет жить вместе! Жизни сто годов и здоровья сто пудов! Жить тебе сто годов с годом! Сто лет жизни и миллион денег!*

В китайском языке также есть благопожелание долголетия с таким же числовым компонентом – 长命百岁！ *Долгих лет жизни! (букв. долгой жизни сто лет)*. Однако есть и более образные благопожелания, которые в полной мере отражают представления китайцев о долгой жизни, например, в благопожелании 鹤寿延年 – *Долгих лет жизни! (букв. живите столько, сколько живёт журавль)* использован образ журавля. Журавль 鹤 всегда считался животным святых небожителей, поэтому он также буквально зовётся «журавлём небожителей» 仙鹤. Святые бессмертны, а, значит, вечно живёт и животное, которое сопровождает их. Иногда журавль соседствует в пожеланиях с другими образами, символизирующими долголетие – сосной: 松鹤延年 – *Желаю дол-*

гих лет жизни! (букв. живите столько, сколько живут сосна и журавль) или черепахой – 龟年鹤寿/龟鹤齐寿 – *Долгих лет жизни! (букв. черепашьи годы, долголетие журавля).* Сосна 松 – это вечнозелёное растение, которое живёт тысячи лет, и поэтому символизирует долголетие. Черепаха в Китае 龟 издревле относится к так называемым «четырём совершенным животным» (кит.: 四灵), к которым относятся дракон, цилинь, феникс, черепаха. Поэтому в Китае черепаха символизирует долгую жизнь, бессмертие, силу и выносливость.

Наряду с указанными символами в пожеланиях доминирует компонент 寿 *долголетие*. В Древнем Китае люди стремились жить вечно, древний народ на протяжении многих веков пытался изобрести эликсир бессмертия. Наиболее распространённым народным представлением о долголетии является обычай употребления «лапши долголетия» (кит.: 长寿面/寿面). Такую лапшу преподносят имениннику в день рождения и считается, что она продлевает жизнь.

Одно и то же явление или предмет в разных языках может иметь неодинаковое, образное значение (5, с. 48). В силу того, что представления о животных у русских и китайцев могут не совпадать, быть противоположными, или те или иные образы в целом могут отсутствовать в культуре, то уместнее будет обратиться не к буквальному переводу, а к переводу с использованием переносного значения этих слов. Но тогда при переводе теряется образная основа китайских благопожеланий.

В текстах китайских благопожеланий можно обнаружить специфический способ мышления китайцев и многочисленные особенности восприятия жителями Поднебесной окружающей действительности. В силу того, что в языковом сознании носителей китайского языка зафиксирован свой способ видения мира, который не совпадает со способом видения мира носителей русского языка, благопожелания в русском и китайском языках будут находить отличия в компонентах, которые функционируют в текстах пожеланий. Кроме того, не менее важную роль в создании уникальных текстов благопожеланий играют лексические особенности китайского языка, такие как омонимия, в частности слова-омофоны, которые могут сыграть «злую шутку» при переводе, поэтому необходимо правильно интерпретировать тексты китайских благопожеланий, опираясь на все вышеперечисленные особенности.

Литература:

1. Ветрова Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте: монография / Э. С. Ветрова. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 399 с.

2. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103. «Иностр. язык». – М., «Просвещение», 1979. – 192 с.
3. Тань, А. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность: [монография] / А. Тань. – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – 273 с.
4. Малявин В. В. «Китайская цивилизация». – Москва: «Издательство Астрель», «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 632 с.
5. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учебное пособие / В. Ф. Щичко. – 3-е изд. – Москва : ВКН, 2017. – 224 с.

ЛЕОНИД ЗИМАН

«ИЗВЕДАВ ТРУДНОСТИ УЧЕНЬЯ…» УРОКИ С. Я. МАРШАКА

Высоко оценивая переводческое искусство С. Я. Маршака, Корней Чуковский отмечал, что его переводы «воспроизводят не букву – буквой, но юмор – юмором, красоту – красотой» [5, с. 81]. Стихи, написанные на английском языке, а также на немецком и итальянском, на польском и чешском, на сербском и венгерском, на армянском и еврейском, на латышском и литовском языках, под пером Маршака становились явлениями русской поэзии. «Одной из ранних литературных побед» Маршака в этом плане Чуковский считает завоевание английских малых фольклорных жанров, которые обычно объединяют в книгу “Mother Goose Rhymes”.

Многие даже не подозревают, что стихотворения о котятках, потерявших перчатки, о старушке и её проказливом пуделе, о трёх смелых звероловах, про гвоздь и подкову и др. – переводы с английского. Уверены, что они с самого начала были на русском языке. Если в этом уверены читатели, то это высшая похвала для переводчика. Значит, переводчик, по словам К. И. Чуковского, обратил чужеземных поэтов «в русское подданство» [5, с. 260].

Сразу оговоримся, что многие «Стишки матушки Гусыни» прочно вошли в чтение наших детей и воспринимаются как свои, родные, прежде всего благодаря С. Я. Маршаку и К. И. Чуковскому. Но не только благодаря им. Благородный труд по превращению английских нонсенсов в «русскоязычные» продолжили М. Бородицкая, Г. Кружков, В. Лунин, О. Седакова, Н. Шерешевская и др.

«Изведав трудности ученья» (воспользуемся цитатой из лирического стихотворения Маршака), наши переводчики усвоили его уроки: ритмическое богатство, музыкальность, «лёгкую свободную дикцию»

[5, с. 262] и, что очень важно, определённые специфические приёмы перевода. Рассмотрим некоторые из них на конкретных примерах.

Среди английских нелепиц есть стихотворения, каждый стих которых начинается со слов "*I saw*" (я видел) – и далее идёт перечисление самых невероятных, бессмысленных картин. В одном из таких стихотворений появляются горящий в огне пруд с рыбками, свинцовый воздушный шарик, котёнок в шляпе, плетущие кружева лошади; в другом – бушующее море из пива, стакан венецианского стекла высотой в 16 футов (чуть меньше пяти метров), муравей, проглотивший кита, и т. д. Кончаются такие стихи утверждением повествователя, что он *видел* человека, который *видел* все эти явления.

У Маршака во всех видениях-картинах присутствуют персонажи русских анималистических сказок. Естественно, в нелепой ситуации: собака в брюках на коне, мыши ловят котов, утка в содружестве с лисой (!) печёт пироги, медвежонок примеряет туфли. И в заключительном стихе тоже появляется постоянный персонаж русского фольклора – дурак, который этому «всему поверил».

Маршак, по сути, просто сыграл в ту же игру, в которую играли авторы английских нонсенсов, но сыграл по-русски! Г. М. Кружков писал в своё время, что игровые стихи нельзя перевести или пересказать – можно только переиграть [4, с. 3]. Думается, что этот перевод Маршака можно назвать переигровкой английского нонсенса.

В другом стихотворении Мужа ростом не выше большого пальца Маршак называет Муженёк с ноготок; в английском оригинале жена даёт ему в поездку подвязки для чулок, а Маршак – «шубу с шапкой меховой». Не в Россию ли она его отправляет?

И Григорий Кружков подчас, как и Маршак, английские реалии заменяет русскими. У английского человечка, который жил на луне, вся одежда была создана из продуктов питания: шляпа – из сливочного сыра, пальто – из ростбифа, пуговицы – из дешёвых (в один пенни) булочек, жилет – из корочки от пирога (английского пирога – пая), а штаны и вовсе из экзотического шотландского яства – хаггиса (Двуязычный словарь И. Р. Гальперина поясняет, что это *«бараний рубец, начинённый потрохами со специями»* [1, т. 1, с. 622]). У Кружкова этот же человечек носит колпак из творога, сюртук – из блинчиков, штаны – из ветчины, жилет – из коржиков; иными словами, предметов русского меню. Во второй части стихотворения появляется другой человечек, который в английском оригинале жил в другом городе, а у Кружкова – за горой. В обоих вариантах он съедает всё, что носит на себе человечек на луне, будь то английские или русские яства.

Любопытно, что, изменяя меню-одежду персонажа, Кружков с математической точностью воспроизводит мелодику английского нон-

сенса, с его троекратными повторениями и строфической игрой.

Кто из английских детей не знает коротышку *Humpty Dumpty*, которого обычно изображают в образе яйца! Под пером Маршака он превратился в популярнейшего у нас персонажа – Шалтая-Болтая, который «сидел на стене», но «свалился во сне», и теперь

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая
Собрать.

Забавное – очень русское! – прозвище Шалтай-Болтай придумал Маршак, «переиграл» автора английского стишка. Неужели по-русски можно назвать иначе это странное существо?

И вот в стихотворении поэта XX века Эмиля Виктора Рью (1887–1972) появляется эксцентричный персонаж, от одного появления которого всё вокруг ломается и разбивается. Имя этого персонажа – Sir Smasham Uppe. Что оно обозначает? *To smash up* – разбить вдребезги, разломать на мелкие кусочки. Речь в стихотворении идёт о том человеке, который совершает эти поступки. Казалось бы, к глаголу *smash* надо прибавить суффикс *er*. А Рью прибавляет *am*. Наверное, для того, чтобы глагол звучал как имя героя – по аналогии с *Graham, Adam, Bertram*. Что же касается *pe*, прибавляемого к предлогу *up*, то оно почти не меняет произношения этого предлога, но воспринимается как фамилия. Григорий Кружков в своём переводе назвал героя этого стихотворения Сэр Бом Вдребезги. Думается, в такой контаминации высокого титула английского дворянина и русских просторечных междометия и наречия – своеобразное (сугубо индивидуальное, творческое) усвоение уроков Маршака: юмор переводится юмором, оригинальность на грани экстравагантности – оригинальностью на грани экстравагантности.

Забавен английский фольклорный нонсенс об обитавшей в очень маленьком жилище очень маленькой женщине, которую случайно проглотил глубоко зевнувший человек. Имя этой женщины – Nothing-at-all. Дословный перевод – Совсем ничего. Виктор Лунин заменяет его словосочетанием Нету-меня. И это странное имя оказывается очень органичным в его эквиритмичном и эквилинеарном переводе. Такая, говоря

словами К. И. Чуковского, «неточная точность» [5, с. 61] – тоже урок переводческой школы Маршака.

С незапамятных времён в детском устном народном творчестве существуют так называемые небылицы, нелепицы, нонсенсы – произведения, противоречащие и жизненным реалиям, и здравому смыслу. В английских нелепицах, например, корова прыгает через луну, кошка играет на скрипке, пузатый Робин-Бобин чего только не съел: и корову, и телёнка, и церковь, и колокольню, и полтора мясника, и священника, – но так и не наелся.

Среди английских фольклорных малых жанров встречаются и перевёртыши иного рода, когда повествуется об обычных, реальных событиях как о невероятных, чуть ли не сверхъестественных. В своё время мы их охарактеризовали как *перевёртыши с обратным знаком* [2, с. 44]. В шуточном стихотворении о морской свинке автор-повествователь с удивлением утверждает, что эта свинка не бывала голодной, когда ела; не оставалась неподвижной, когда бежала; не была молчаливой, когда пищала. Маршак перевёл это стихотворение довольно близко к тексту. Но первая строфа приобрела дополнительный смысл:

Свинка морская
Была
Мала,
И, значит, большою свиньёй не была.

Как видим, эта морская свинка была, в общем-то, сносным существом. Почему же в английском стихотворении этого дополнительного значения – *большая свинья* – нет? Дело в том, что у англичан – и у американцев тоже – по традиции отношение к свинье совсем иное, чем у нас. Прозвище Свинья не воспринимается ими как отрицательная оценка: *грязный*, *подлый* или *толстый*, *жирный*. Не случайно в английских и в американских сказках так часты обаятельные поросята или боровы. Вспомним хотя бы английскую народную сказку «Три поросёнка», сказки американских писателей Уильяма Стайга (1907–2003), Кейт Ди-Камилло (род. в 1964 г.).

Но когда английское стихотворение под пером Маршака приобретало, по словам К. И. Чуковского, «русское подданство» [5, с. 260], то в нём могли появиться и чисто русские характеристики, и русские прозвища. Подобные явления мы наблюдаем у сегодняшних переводчиков детской поэзии. Автор данной статьи, переводя стихотворение-нонсенс Иэна Серрайлиера (1912–1994) об отправившем в ремонт свою голову *садовнике*, естественно (для русского языка, только для русского) назвал эту голову *садовой*:

Среди цветов, среди травы
Жить без садовой головы
Немного можно – но, увы! –
Прошёл уж год – нет головы.

В стихотворении Кристины Россетти (1830–1894), имеющем две версии: англоязычную и италоязычную, сообщается о том, что к свинье, точнее к свину (мужской род), если он наденет парик, надо относиться как к джентльмену. Но для русскоязычного читателя понятие *джентльмен* ассоциируется не с париком, а с цилиндром, тросточкой или фраком. Маршак в своё время, переводя английский фольклорный нонсенс о свинье без парика, оставил её, вернее их – двух свинок, без шляп и ботинок. Он заменил близкими для сегодняшних детей реалиями экзотический для них предмет, который они, по всей вероятности, могут увидеть лишь в театре. Автор данной статьи, переводя двуязычное стихотворение Россетти о «свине», пошел вслед за Маршаком, заменив парик – фраком:

Если вдруг наденет хряк
Панталоны или фрак,
В нём узнаешь непременно
Истинного джентльмена.

Не единичны случаи, когда наши переводчики обращаются к «переигранным» Маршаком стихотворениям, давая, таким образом, возможность юным читателям по-настоящему оценить оригинальность маршаковской игры («переигровки»).

В одном из «стишков матушки Гусыни» первая строфа (в переводе Виктора Лунина) звучит так:

Если был бы весь мир бумажным,
И чернилами стала вода,
И висели бы пышки на деревьях, как шишки,
Что бы пили мы с вами тогда?

Отличие от оригинала здесь только в том, что не пышки висят на деревьях в английском стихотворении, а сами деревья стали хлебом и сыром. Но слово *сыр* в русском языке, обозначающее молочный пищевой продукт, может входить в сложное слово *сыр-бор* (Из-за чего сыр-бор загорелся?), в котором имеет совсем другое значение. Здесь прилагательное *сырой* употреблено в краткой форме, которая звучит так же, как этот вкусный продукт (сравни: *белый – бел, серый – сер, добрый –*

добр и т. д).

Маршак не мог пройти мимо этого специфически русского выражения. Вот его перевод:

Если бы в торт превратился весь мир,
В чернила – вода озёр,
А все деревья – в зелёный сыр,
Какой это был бы сыр-бор!

Это, конечно, нонсенс, т.е. чепуха, нелепица, абсурд. Но это законченное уже стихотворение. Все последующие строфы Маршак переводить не стал, а своё, по сути, произведение, лишь навеянное (подсказанное) английским «стихотворением матушки Гусыни», назвал «Сыр-бор».

Виктор Лунин перевёл всё стихотворение. Благодаря тому, что перевод его по-маршаковски динамичен и весел, как англоязычный оригинал, мы можем по достоинству оценить ту игровую версию, которую создал Маршак.

По-своему интерпретировал Маршак стихотворение “Sing song of sixpence”. Назвал он эту шестипенсовую песенку «Птицы в пироге». Королеву переместил из гостиной, где она ела хлеб с мёдом, в спальню, где она тоже ест хлеб, но уже с вареньем. Король у него, как писала одна из моих студенток в письменной работе, «превращается из зажиточного феодала, считающего денежки, в эдакого политического деятеля, корпящего над манифестом». Но главное, Маршак добавил «оптимистическую» концовку: откушенный у служанки (в версии Маршака – фрейлины) дроздом (в версии Маршака – сорокой) нос вновь прирастает. Надо сказать, что такая «отсебятина» наших студентов (и детей, по всей вероятности, тоже) ничуть не смущает: она воспринимается многими как традиционный английский *happy-end*.

Знакомятся студенты и с переводом Григория Кружкова, озаглавленным «Песня за полпенса». И сюжет его перевода, и мелодика (чередование четырёхстопных и трёхстопных стихов) близки к оригиналу. И концовка почти такая же, как в английском стихотворении:

Служанка возле замка
Сажала кустик роз;
Примчался дрозд – вертлявый хвост –
И откусил ей нос.

Наверное, в единстве этих столь разных переводов лучше воспринимается англоязычный оригинал. Что же касается предпочтения одно-

го перевода другому, то тут единого мнения у студентов не наблюдается. Думается, это хорошо.

Подчас современные переводчики, обращаясь к тем произведениям, которые в своё время перевёл Маршак, вступают с ним в своеобразное соревнование, в чём-то обогащая читательское представление о стихотворении и эмоциональное впечатление от него.

К одному из самых популярных английских нонсенсов, в котором встречаются кошка со скрипкой в лапах; корова, прыгающая через луну, и смеющаяся над ней собачонка; бегущие тарелка с ложкой, вслед за Маршаком обратился не один наш переводчик. Но Наталья Шерешевская, в отличие от Маршака, обратила внимание на абракадабру, с которой начинается этот нонсенс-перевёртыш: "*Hey diddle diddle"*. В её переводе абракадабра звучит как ярко выраженная орфоэпическая имитация английской речи: «Хей, Тильда-Матильда-дидл-ду». Дети, звонко скандирующие эту фразу, якобы говорят по-английски (воображают себя полиглотами). Конечно же, такая игра усиливает суггестивное воздействие на юных читателей.

Борис Заходер из всего стишка выбрал лишь одну (но, самую главную) фабульную деталь – о прыгающей через луну корове. Но облёк эту деталь в поразительный мелодический рисунок:

Послушайте сказочку
Вы, шалуны:
Корова подпрыгнула
Выше Луны!
Боюсь, что не скоро
Появится снова
Такая прыгучая
Чудо-корова.

Одно из самых популярных, самых любимых стихотворений Маршака у наших детей – «Вот какой рассеянный». И, вероятно, все они помнят метатезы в эпизоде, когда главный персонаж стихотворения едет на вокзал:

– Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить!

В «Поэтическом словаре» А. Квятковского метатеза характеризуется как «перемещение в словах слоговых частей, меняющих звуковой, а иногда и смысловой облик слова» [3, с. 155]. Такие метатезы буквально пронизывают сказку современной итальянской писательницы Флорианы Босси «Король Беспорядка». Все они исходят из уст того персонажа, который дал заглавие сказке. «Я часто сбиваюсь», – признаётся он девочке Онирии, чью квартиру аннексировал в своё Королевство Беспорядка. Когда он слово “corona”произносит как “rocona” или “calendario” как “dalencario”, перевод на русский язык чисто механический: латинские буквы легко заменяются русскими буквами. Но то и дело приходится сталкиваться с куда более сложными явлениями, когда метатезу трудно, подчас невозможно «включить» в дословно переведённые лексемы. Маршаковские уроки, так или иначе, помогают преодолеть эти затруднения. Приведу лишь несколько примеров из своего перевода.

Оригинал на итальянском языке	Перевод
paragone (сравнение) – rapagone	параллель – палларель
rifiuti (отказываешься) – firiuti	отказываешься – казотываешься
sciagurata (несчастная) – sciarugata, sciaturaga, sciaraguta (три варианта метатезы)	бедолага – беголада
cervello (ум) – vercello	рассудок – раздусок
cometti del cassó (ящики комода) – cassettti del comó	ящики комода – кощики ямода
vera corona (настоящая корона) – cera vorona	верная корона – керная ворона

Среди малых фольклорных жанров имеется такой, который, кажется, не поддаётся переводу на другой язык. Это скороговорка (*tongue-twister*): труднопроизносимые звукосочетания, входящие в лексемы стихотворения на ИЯ, практически никогда не могут войти в подобные же или синонимические лексемы на ПЯ. Среди девяти десятков английских фольклорных стихотворений, переведенных Маршаком, мы найдём самые разнообразные жанровые структуры, но скороговорок не найдём. Однако Григорий Кружков ухитрился ввести в круг чтения наших детей, по крайней мере, одну – очень популярную в Англии – скороговорку. Скорее переиграл её, чем перевёл. Эта скороговорка построена на аллитерации на звук [b]. Вот её начало:

Betty Botter bought some butter,
But, she said, the butter’s bitter;

If I put it in my batter
It will make my batter bitter…

А вот как начинается скороговорка в кружковской версии:

Молли Миллер купила мыло,
Молли Миллер мылась умело,
Но оказалось: мыла мало,
Чтобы отмыть так много мела.

Кружков, как видим, заменил и имя главной героини, и предмет её покупки: у него не Бетти Боттер купила масло, а *«Молли Миллер купила мыло».* Видоизменив фабулу, переводчик сохранил «правила игры», по которым строится это стихотворение.

Авторы английских фольклорных произведений для детей – так называемых «Стишков матушки Гусыни» играют иногда в омонимические игры. В одном из стишков обыгрывается омофония существительного *sea* – море и глагола *to see* – видеть. Сюжет сводится к тому, что, матрос, придя к морю, смог увидеть… только море:

A sailor went to sea,
To see, what he could see.
And all he could see
Was sea, sea, sea.

Конечно же, создать близкий к оригиналу перевод этого нонсенса невозможно. Но можно сыграть в ту же игру, в которую сыграл автор английского стишка, – естественно, на другом сюжетном материале. Предлагаю четыре варианта такой игры:

Дядя Джон пришёл на луг.
Смотрит, ищет: «Где тут лук?»
Он покинул этот луг
И купил на рынке лук.

Компаса ему не дали –
Он забрёл в глухие дали.
Распознать такую даль
Не поможет даже Даль.

Потеряла Мэри ключ.
Видит: бьёт в овраге ключ!

Жизнь повсюду бьёт ключом!
Только как таким ключом
Дверь открыть в родимый дом?

Затупим
копья и мечи!
Всё, что в печи,
на стол мечи!

Такой способ перевода («переигровки») можно, наверное, считать творческим освоением уроков Маршака.

Литература:

1. Большой англо-русский словарь. В двух томах / Под общ. руковод. И. Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1977.
2. Зиман Л. Я. Английские фольклорные перевёртыши с обратным знаком / Л. Я. Зиман // Дошкольное воспитание. – 2014. – № 11. – СС. 44–46.
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: «Сов. энциклопедия», 1966. – 376 с.
4. Кружков Г. Предисловие для придирчивого читателя / Г. М. Кружков // Миллиган С. Чашка по-английски. – М.: Дет. лит., 1991. – СС. 2–3.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. – СПб: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. – 448 с.

АННА БУЛДЫГЕРОВА

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА (о некоторых значимых аспектах переводческого процесса)

С тех пор как появились языки, возникла необходимость перевода. История цивилизационного развития подтверждает, что перевод является той уникальной силой, которая соединяет народы и континенты, той безграничной властью, которая способна разрешить противоречия и привести к разрешению конфликтов, тем магическим средством, которое открывает двери в мир нового, отличающегося и неизведанного.

Значимой с этой точки зрения оказалась роль перевода в развитии Китая, особенно в XV веке, когда по мере расширения контактов с западными странами, роста обоюдного интереса Китая к западной научной литературе и Запада к китайским литературным источникам, востребованность перевода достигала невиданных высот, и даже возникла острая необходимость в специальной подготовке переводчиков. Во все времена для китайских ученых-языковедов и переводчиков важным был основанный на понимании сущности переводческой деятельности поиск путей разрешения трудностей перевода, особенно перевода письменного, посредством которого в сокровищнице китайской культуры должное место заняли буддийские сутры, достижения западных учёных, классические сюжеты западной художественной литературы.

В китайском языке словом 翻译 (досл.: *перевод, переводчик, переводоведение*) могут называться не только процесс трансформации содержания, изложенного на одном языке средствами другого языка, и результат этого процесса (как и в русском языке), но и лицо, осуществляющее перевод (русск. *переводчик*), а также отрасль деятельности (русск.: *переводоведение*). Такая обобщенность значения, безусловно, связана с системными особенностями китайского языка.

Относительно китайского понимания сущности переводческого процесса важно отметить одну закономерность: теоретические выводы рождались исключительно в результате долгой и упорной практики. Переводчики стремились обобщить имеющийся опыт в лаконичных формулировках. В таких особых формах систематизации смысла, которые в китайском языке являются достаточно регулярным механизмом выражения смысла, были закреплены принципы, закономерности, трудности, условия, способы, приёмы и другие разнообразные элементы переводческой деятельности. С точки зрения китайского словообразования такие обобщающие те или иные реалии переводческого процесса формулировки в древнем языке представляли собой сокращение с числительным, а в современном языке приобрели вид словосочетаний: числительное + счётное слово + существительное.

Учитывая выразительность числовых компонентов, предлагаем далее рассмотреть подборку некоторых, актуальных для теории и практики, переводческих концепций. Отметим, что порядок расположения предложенных ниже китайских переводческих концепций с числовыми компонентами, связанных с разными этапами развития переводоведения в Китае, с именами разных переводчиков, а также разными аспектами теоретического и практического осмысления процесса перевода, определяется, в рамках данной статьи, цифровой последовательностью (от 1 до 10).

Как отмечает один из разработчиков современного учебника по переводу с китайского на английский язык Ван Чжэньго, 王振国 в определении перевода следует придерживаться «*одной концепции*» (кит.: 一个概念), объективирующей многомерную сущность перевода, позволяющую учитывать все важные факторы, способные каким-либо образом оказать влияние на переводческий процесс и его результат. (3).

С одной стороны, перевод – это социально обусловленная практика, в ходе которой для способов выражения исходного языка избираются наиболее идентичные формы переводного языка, а при отсутствии таковых (в силу возможных отличий двух языковых систем) выбираются такие формы, которые способны при разнице форм выражения отразить максимальный объём исходного содержания. С другой стороны, перевод – это культурно обусловленное взаимодействие, в ходе которого равную значимость приобретают владение словом (в устной и письменной формах), лингвистические и культурные знания, составляющие основу для сохранения культурной специфики передаваемого на языке перевода содержания. Перевод как продукт является результатом межкультурного и межъязыкового взаимодействия, качество которого определяется степенью достоверности и тождественности исходному, выступающему в качестве основы, тексту по всем параметрам, отвечающим внеязыковым условиям коммуникативного события. Причём, перевод всегда остаётся созидательным процессом, в ходе которого смысловое содержание и художественное своеобразие произведения, созданного на одном языке, безошибочно, максимально точно и полноценно должно воссоздаваться средствами другого языка. Это не только процесс трансформации знаковых систем, но и важная часть социальной практики и взаимодействия культур.

С точки зрения семиотики, перевод есть процесс замены языковых знаков; с точки зрения лингвистики, это языковая трансформация; с точки зрения письменной традиции, перевод является творческим процессом; с точки зрения мышления, перевод представляет собой процесс психологического толка; с позиций механизмов выражения, перевод не что иное, как языковая деятельность; с позиций культурной специфики, перевод является взаимодействием; с функциональной точки зрения, перевод может рассматриваться как социальная практика; по своей сущности перевод является процессом обмена информацией. Одним словом, перевод – это комплексная языковая деятельность, в которой значимость различных научных знаний интегрирована с многомерностью факторов, требующих учёта при осуществлении процесса.

Обсуждение трудностей перевода, связанных с речемыслительной деятельностью, со способностью, например, синхронных переводчиков продуцировать перевод в непосредственном следовании звучащему со-

держанию оригинала, всегда соотносится с психологической сферой. В процессе перевода принято выделять «*два процесса*» (кит.: 两个过程): восприятие и выражение. Эти процессы, с одной стороны, являются самостоятельными, а с другой стороны, взаимообусловленными, поскольку от полноты восприятия, точности понимания всех смысловых и языковых деталей исходного содержания зависит полнота и качество репрезентируемого смысла.

Двусторонний характер носит и иная переводческая концепция, отражающая взаимосвязь в переводе языкового и культурного факторов, так называемых «*двух сторон*» (кит.: 两个方面). Перевод – это процесс взаимодействия языкового и культурного кодов. Точнее говоря, языковой знак – способ выражения – есть воплощение культурного кода; культурный код определяет содержание языкового знака. Если культурная специфика лежит на поверхности, то языковая единица представляет собой культурную реалию, в культурном коде есть знаковый шифр, позволяющий, опираясь на языковой знак, трактовать культурный смысл; Языковые знаки (слова и сочетания) включают культурные смыслы, языковые формы (конструкции и структуры, механизмы выражения смысла и построения предложений, фраз, текстов) являются проявлением национальной специфики мышления.

Только учитывая национальную специфику механизмов смысло- и речеобразования иностранного и переводящего языков, возможным оказывается поиск оптимальных единиц и форм для полноценного перевода, а следовательно, успешного преодоления соотносимых в современной китайской теории и практике перевода «*трёх трудностей*» (кит.: 三个困难). Изначально «*три нелёгких дела*» (кит.: 三不易) относились в переводу буддийских канонов и размышлениям о способах передачи глубины смысла и красоты слов санскрита талантливого переводчика и религиозного деятеля Древнего Китая Дао Аня (кит.:道安, 312–385 гг.). Позднее на «три трудности» перевода (кит.: 三难) указал видный философ и переводчик западной литературы Янь Фу (кит.: 严复, 1853–1921 гг.), благодаря которому Китай познакомился с работой Томаса Гексли «Эволюция и этика». (2). В предисловии к данной работе Янь Фу писал: 译事有三难：信、达、雅 (досл.: в деле перевода есть три трудности: достоверность, норма, стиль). Достоверность указывает на верность содержания, норма указывает на выбор приемлемых и оптимальных способов выражения, а стиль указывает на изящность и литературно-художественную обработку текста перевода. Указанные трудности соответственно связаны с текстом оригинала, реципиентом и языковыми особенностями текста перевода.

Концепция «*трёх равных полей*» (кит.: 三等境界) обобщает три уровня тождественности между оригиналом и переводом: уровень содержательной ценности, уровень коммуникативной эффективности и уровень эстетико-духовной равнозначности. Равенство содержательной ценности исходного и переведённого текстов определяется не только соотносимым объёмом информации, но и идентичностью сфер функционирования соотносимых текстов; коммуникативный эффект определяется реакцией реципиентов; равенство эстетико-духовной составляющей текстов оригинала и перевода лежит в художественной плоскости и может достигаться результативностью избираемых для перевода стратегий, позволяющих учитывать в процессе перевода атмосферу и параметры эмоциональной ситуации, выразительность и поэтичность, торжественность и настроенность участников общения.

Концепция «*четырёх ключевых моментов перевода*» (кит.: 四个译点) указывает: во-первых, на смысловые акценты исходного текста, во-вторых, на трудные для перевода элементы текста, в-третьих, на условия создания переводного текста (выступающие исходными данными репрезентации исходного содержания, позволяющими избирать соответствующие ситуации тактики, инструменты и способы перевода и т. д.), в-четвёртых, точки соприкосновения – такие переводческие решения, которые позволяют сделать текст перевода и достоверным и изящным и красивым.

Концепция «*пяти основ мастерства*» (кит.: 五大基本功) раскрывает основы профессионального роста и мастерства, в числе которых базовые переводческие техники, которые способствуют показывать в переводе ровно столько информации, фактов, образов, сколько представлено в исходном тексте; высокий уровень владения родным и иностранным языками, позволяющий понимать нюансы смысла и избирать оптимальные формы выражения; понимание культурного своеобразия и особенностей мышления носителей переводящего языка; богатые знания специфики области перевода; объективное оценивание собственной посреднической роли в актах переводческой коммуникации.

Глубокое погружение в понимание сущности процесса перевода, необходимое для успешного его осуществления, выступало неотъемлемой частью переводческой практики уже в период первой, охватывающей почти тысячу триста лет, волны переводческой деятельности в Китае. Выдвинутые на основе тщательного изучения санскрита и сопоставления его с особенностями китайского языка, объективировавшими серьёзные отличия между исходным языком и языком перевода, «*пять отклонений от оригинала*» (кит.: 五失本) включают такие случаи, которые ведут к утрате в переводном тексте духа, стиля и колорита исходно-

го содержания. Систематизированным обобщением теоретических выводов в практике перевода буддийской литературы стала работа Сюань Цзана (кит.: 玄奘, 602–664 гг.) под названием «翻译名义集» (досл.: *сборник санскритских имён*), в которой прославленный знаток санскрита, буддистский паломник и опытный переводчик, стремившийся в своей работе к точному воспроизведению исходного содержания, представил рассуждение о «*пяти видах непереводимости*» (кит.: 五种不翻) – пяти случаях применения фонетического калькирования для перевода лексических единиц, отражающих специфические реалии буддизма.

Продолжением описания проблем непереводимости в истории китайского переводоведения можно считать представленные буддистским монахом эпохи Северная Сун – Цзань Нином (кит.: 赞宁, 919–1001 гг.), в работе «宋高僧传» (досл.: Жизнеописания достойных монахов династии Сун) на основании обобщения опыта предшественников «*шесть примеров*» (кит.: 六例), полное название 六例四句 (досл.: *шесть ситуаций и четыре совета*). Указанные параметры охватывают шесть проблем, с которыми сталкивались переводчики буддийских канонов, а также представляют по четыре переводческих решения для каждой из указанных проблем. (1).

Количественный показатель «шесть» нашёл отражение в такой концепции современных китайских переводоведов как «*шесть шагов процесса*» (кит.: 六步过程), в числе которых: необходимое для погружения в атмосферу произведения детальное знакомство (прочтение) с текстом-оригиналом, основанное на усвоении контекста глубокое понимание исходного содержания, точная формулировка предложений, обстоятельное соединение предложений и создание связного текста, стилистическое оформление и уместное редактирование. Два первых шага носят подготовительный характер и позволяют оценить общий план содержания и определить трудности перевода, на третьем этапе осуществляется подбор учитывающих лингвистический, тематический контексты соответствий, выбор наиболее подходящих форм выражения, избираются способы перевода для «трудных» фактов текста. На четвёртом этапе особую значимость приобретают вопросы структурной организации текста перевода, которая часто обладает национальной спецификой. Целью пятого и шестого этапов является стилистическое оформление текста перевода и общее редактирование, призванное оценить целостность, полноту и качество репрезентируемого на иностранном языке содержания.

Следующая концепция, получившая название «*семь требований*» (кит.: 七个要求), конкретизирует семь параметров деятельности переводчика. Переводчик должен нести ответственность перед читателями и

обществом, в своей деятельности он должен демонстрировать высокий уровень знаний и мастерства, должен стремиться к равнозначному действию выступающих в качестве критериев качества перевода достоверности и нормы, предупреждая преобладание одного из них над другим; должен целенаправленно добиваться свидетельствующей об успешности в создании одухотворенности текста перевода (очень важного свойства текста перевода с точки зрения китайских исследователей), должен прилагать усилия для того, чтобы, сохраняя традиции древности, работать над непрерывным совершенствованием мастерства текстосложения; должен избегать в своей деятельности девяти ошибок и развивать семь навыков.

«*Семь важных навыков*» (кит.: 七大技巧) переводчика, характеризующих профессиональное мастерство, основанные на особенностях системы китайского языка, включают навыки дословного перевода, ведущего к полному пониманию;[1] навыки адаптации и расподобления, разные способы построения сложных предложений (гипотаксис и паратаксис); умения оценивать коннотативные оттенки смысла языковых единиц; умения устанавливать и выражать логико-грамматические связи; знание правил сочетаемости лексических единиц и механизмов образования переносного значения; навыками лингвистического анализа.

«*Девять видов ошибок*» (кит.: 九类错误), которые не должен допускать в своей работе переводчик, именно: избегать потери смысла исходного содержания, избегать неподходящих соответствий; избегать «безвкусицы» текста перевода; исключать нагромождения длинных предложений; избегать пропуска слов, не имеющих соответствий; в выборе слов избегать случаев поверхностного понимания смысла; избегать неясного выражения связи между словами; разрешать трудности, связанные с грамматическими значениями лексических единиц; разрешать трудности, связанные с многословным изложением; использованием буквального перевода без адаптации к особенностям переводящего языка.

Практика работы с буддийским канонами стала основой для выдвинутых Дао Анем «*восьми основ и десяти условий*» (кит.: 八备十条). Восемь основ отражают этические принципы переводчика, значимость глубокого понимания философии буддизма, а также хорошее знание санскрита и китайского языка; десять условий включают правила, предъявляемые к форме и композиции текста перевода.

[1] Этот аспект имеет важное значение при переводе с китайского языка, поскольку многие устойчивые выражения, цитаты и др. языковые факты построены по правилам древнего языка вэньянь, поэтому для полного понимания исходного содержания и выбора соответствия важно оценивать все нюансы смысла реализуемого входящими в состав исходной единицы элементами. (Прим. пер.).

Перевод буддийской литературы не только оказал огромное влияние на развитие теоретических воззрений древних китайских переводчиков-практиков, которые имели непосредственный опыт богословской деятельности, позволивший им совершенствовать профессиональное мастерство и оставить богатое наследие последующим поколениям. Китайские переводческие концепции с числовыми компонентами в названии могут выступать в качестве ключевых ориентиров на пути к совершенствованию переводческого мастерства.

Литература:

1. 《翻译名义集》текст размещен на платформе 中国哲学书电子化计划 https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res
2. 严复，《天演论》译例言，载王栻编，《严复集》（第五册），北京：中华书局，1986，第 1322 页[русск.: Янь Фу «Пояснениях к переводу «Эволюции и этики», опубл. в «Сборнике трудов Янь Фу» под ред. Ван Ши, т. 5, Пекин, Китайское книгоиздательство, 1986 г. 1322 с.]
3. 新汉英翻译教程 王振国，李艳琳 著高等教育出版社，2014年，367 с. [русск.: Новый курс китайско-английского перевода, под ред. Ван Чжэньго, Ли Яньлиня и др. – Издательство «Высшее образование», Пекин, 2014 г., 367 с.].

ПОЛЬ ЛАББЕ (1867 – 1943)

Лаббе, Поль Огюст (Paul Auguste Labbé), французский лингвист, этнолог, специалист по Сибири, член французского географического общества, генеральный секретарь торгового Географического общества в Париже (1905–1919) и Французского альянса (1919–1935). После окончания лицея учился на юридическом факультете и в Школе восточных языков, где, обладая исключительными данными к изучению языков, выучился русскому. В 1896 году Министерством народного просвещения Франции отправлен в научную командировку в Россию, с которой и начались его путешествия по стране. Он был одним из лучших знатоков нерусских народов Сибири и Дальнего Востока России. Поль Лаббе совершил ряд поездок по восточным провинциям Российской империи (1896, 1897–1898, 1902, 1906). Его книги, насыщенные яркими бытовыми сценами и ценными этнографическими наблюдениями, представляют важный источник восприятия российской глубинки европейцем в конце XIX – начале XX в.

В СТРАНЕ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ЛАМ

Гл. 6. Слепой Субургаев

Большой торговый путь. Служба в дацане. Лестница добродетели. Слепой Субургаев. Детство и жизнь ламы[1].

Нима зашёл за мной, и мы совершили несколько экскурсий. Он показал мне угольные залежи рядом с монастырём, водные источники с признанными ныне целебными свойствами, наконец, это с ним я увидел торговый путь, называемый «Купеческий тракт», проходящий недалеко от монастыря, проведённый через горы чайными торговцами желавшими выиграть около полутора сотен километров и избавить караваны от большого объезда в Верхнеудинск. Тракт пересекает горы Хамар-Дабана, отделяющие бассейн Селенги от Байкала. Его вершины достигают до 2 километров, состоит он из кристаллических скал, гранитов, гнейсов и даже из вулканических пород, трахитов и базальтов. Но во

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 21, 2021. СС.210–219; № 22, СС. 203–217 (Прим. ред.).

время моего пребывания изучение монастыря и жизни лам занимали почти всё моё время.

Я любил заходить в храмы, заставая монахов на молитве, слушать, как громким голосом молятся ученики, а учитель держит в руках ужасную палку, о которой я говорил выше, которой он успешно будит сонливых и добивается молчания от болтливых.

Однажды я долго оставался на втором этаже перед большими шёлковыми полотнами, на которых были запечатлены разные божества; я созерцал страшного и совершенно синего Хомбо с его ужасным ожерельем из окровавленных голов, с большим развевающимся на ветру знаменем в руке, милосердного Чичибу с бесчисленным числом рук, совершенно жёлтого Намсарая, сидящего на льве, с фонарём в одной руке, а в другой была мышь – символ богатства. Вдруг бормотание молитв привлекло моё внимание, и бесшумно я направился к лестнице. В храме собрались ламы, и среди жёлтых и красных одеяний лам, поклонявшихся их богу, я признал Дылгирева, Найденгумби и даже самого хамболаму. Один из лам читал присутствующим о 12 главных событиях жизни Будды со времени его пребывания в Душите, где он царствовал над тенгрисами, благими и почитаемыми духами. Когда чтение закончилось, Иролтуев меня заметил и подошёл пожать мне руку с обычной для него сердечностью.

– Надо напомнить верующим о главных событиях жизни Будды-Чакьямуни, и его божественных предсказаниях, которые он умел делать более или менее глубокими в зависимости от степени восприятия людей, к которым он обращался. И тогда наши ламы лучше понимают их обязанность освобождения от материального мира, погружённого в пороки и страдания. На пути к совершенству пять ступеней. Надо усвоить себе великие истины и уничтожить в себе три главных порока: невежество, вожделение и гнев. Невежество, говорил нам Будда, первый источник зла в мире. Но этого недостаточно, и человек с благородным желанием подняться на пять ступенек по дороге добродетели, должен постараться обрести последователей и повлечь себе подобных к истине.

Сказав это, хамбо-лама поклонился и вышел с другими монахами.

– Но это как лестница, – сказал я Дылгиреву, – эта дорога к добродетели с пятью ступеньками, и добавил: «А если с неё свалишься?»

– Снова собраться, – просто ответил мне лама.

– Не будет ли нескромно спросить вас, а на какой ступеньке вы находитесь?

– Не очень ещё высоко, но я поднимаюсь, поднимаюсь потихоньку.

Храм опустел, вечерело, и мы были очень удивлены, когда за нами раздался серьёзный голос: «Каждый поднимается, как может!».

Дылгирев резко повернулся и вскрикнул: «О, здесь слепой Субургаев!» И совсем тихо, с восхищением добавил: «Он был в Тибете!»

Много раз я слышал эту фразу, всегда произносимую одинаковым тоном. Побывать в Тибете какое блаженство! Каким великим вещам таинственный далай-лама мог научить ламу, имевшего честь его созерцать!

Бедные монахи, не имея такой удачи, вынуждены читать, не понимая их смысла, эти молитвы на тибетском языке, и это чрезвычайно тяжело, как они часто признавались мне. Я, смеясь, сказал это Субургаеву, а он мне ответил: «Не надо над этим смеяться, молитва может показаться ещё прекраснее, поскольку они её не понимают, и Бог принимает её благосклоннее, чем какую-нибудь другую, из-за того, что они с таким трудом выучили её». Потом, немного помолчав, добавил: «Сердце, чтобы молиться, не имеет необходимости понимать, достаточно полностью обратиться к Богу!».

Дылгирев вышел, а я остался один в темнеющем храме со слепым стариком и молодым послушником, водившем его. Я уселся рядом с ним. Субургаев, высокий, очень худой и сгорбленный старец с поседевшими волосами. Говорил он медленно, как человек, что-либо припоминающий, как сказал о нём один лама, голос его, тёплый, доброжелательный и вместе с тем таинственный, казался идущим издалека. «Когда он говорит с вами, – сказал мне тот же лама, – кажется, что говорит его душа».

Субургаев, казалось, задумался, затем сказал идущим издалека, но одновременно тёплым и мягким голосом: «Я думаю, что вы наш друг. Я это чувствую и думаю, что вы позволите старому человеку, как я, дать совет: будьте более снисходительны к людям. Вы только что посмеялись над Дылгиревым. О, не сердитесь на меня, я едва ли упрекаю вас, поскольку знаю, что вы его любите и не хотите опечалить его».

После нового молчания голос его возвысился снова, как если бы его мысли завершались словами, неприметно для его самого.

– Надо быть снисходительным, люди лучше, чем о них думают, и в самом жестоком сердце можно иногда найти похвальные намерения, и большое зло возмещается частичкой добра. Будда оценивает усилия к добродетели степенью разумения, которое он даёт каждому. И хорошо, что он скрытно предпочитает слабых, бедных духом и калек; они вмещают в свои молитвы столько чистосердечия, они сохранили столько простодушия и детскости в жестах!

На минутку Субургаев задумался, затем вдруг молодая улыбка осветила его лицо.

– Вы меня не спрашиваете, на какой ступени я на том, что вы назы-ваете лестницей добродетели?

Я также ответил шуткой: «Вы на ней слишком высоко».

– Нет, я не очень высоко, я начал подниматься, когда начал понимать истину, я начал терять зрение; я увидел истину, только когда ослеп! – И меланхолически добавил: – Ах! Воспоминания дорогого детства! Волнение, подобное волнению послушника ламы при входе в храм, где всё говорило моему детскому воображению! Развевались знамёна, мне казалось, что вижу проходящих благодетельных духов, и моё сердце пело. Я чувствовал, что Бог любит очень маленьких детей и протягивает ко мне руки. Мне было немного боязно смотреть на изображения Джемчока или Ямандавы, которые я старался пройти быстрее. Я слишком рано возмужал и потерял свежесть детских ощущений. Наконец я отправился в Тибет, я стал молиться, медитировать рядом с живым Богом, учиться в святых храмах Лхасы. И с каким рвением я принялся за работу! Я хотел всё знать, но мой пыл был эгоистическим, я учился только для себя и пренебрегал моими обязанностями к ближнему, я забывал, что наука прекрасна только для того, кто ею владеет для блага других. Учёный, которому Бог раскрыл истину, и который её прячет от своих ближних, предает божественное доверие, чувствует, что понемногу сердце его иссушается. Я в унынии возвратился на родину, постарел и ослеп. Для меня это было ужасающее отчаяние, но я победил себя, смирился с волей Господа, который всегда знает, чего он хочет. И однажды я вошёл в храм. Нет, моя молодость не исчезла навсегда, она вдруг ко мне вернулась: сердце моё наконец увидело то, что не видел глазами, поскольку все былые взывания возвращаются ко мне с трепетом губ. «Увы! Он больше не видит», – говорили другие ламы. Они ошибались, я видел дальше их, я слышал молитвы невидимых детей, чарующие слова их казались ласками. И весь храм величественно вошёл в моё сердце; Бог предстал предо мною во всех своих ослепительных воплощениях. Дорогая Дара-Ехе улыбалась мне; Аюши учил меня добродетели, предлагая розовые и голубые цветы лотоса; Манджушири с огненным мечом в руке, обещал мне мудрость и Арибало, чтобы спасти людей от греха, бросился с громадных скал, представ мне с одиннадцатью головами, синими, красными, белыми и жёлтыми, он протягивал мне тысячи рук помощи, ободрял обращёнными ко мне улыбками всех своих ртов.

Субургаев остановился в сильном волнении. «И каждый раз теперь я встречаю радость и согласие. Вокруг меня ночь и мрак, но в сердце моём солнце и вера!»

Слепец поднялся с трудом. Стоя, он имел ещё более постаревший, разбитый вид. Он едва держался на ногах, боли мучили его ужасно. Я не мог удержаться от плохо подавленного вздоха. Субургаев понял меня:

– В моем возрасте, – сказал он мне, – больше не говорят «до сви-

дания», но «прощай». Когда вы будете говорить о нас в своих писаниях, будьте снисходительны. Буряты – славный народ, поскольку вы полюбили некоторых из них, и сколько других, внушивших вам жалость.

Старец взял руку молодого послушника, сопровождавшего его, и медленно вышел к своей повозке, он был в монастыре только проездом. Лёгкий ветер колебал знамёна, как благостные духи, которых он любил, делали в его юности, а я остался один, при колеблющемся свете ночных светильников время от времени проблескивает позолота алтарей: показывается спокойное лицо Будды, ужасный Докчит делает гримасы. Вдруг звуки труб издают жалобный призыв, долго звучат звуки гонга, медленно ламы входят и склоняются для молитвы.

Гл. 7. По разным дорогам

Визит в думу. Бурятские роды. Пристав. Монастырь Бултумур. Страшный суд. Усть-Кяхта. Казачья милиция.

Я привык к жизни лам и с сожалением покинул дацан Гусиное Озеро, где столько добрых людей так хорошо меня принимали, для поездки в Кяхту. В день моего отъезда хамбо-лама пригласил меня присутствовать на знаменитом празднике Цам[1] в будущем году и дал мне ценную бумагу – рекомендательное письмо во все монастыри.

В окрестностях дацана дорога была не очень хороша и скоро стала совсем плохой; приходилось перебираться через болотистые места, в более проходимых местах росла большая трава и буряты заготавливали сено. Чтобы провести ночь во время короткого периода заготовки сена, коренные жители делали простейшие укрытия из связанных веток, покрывая их перевязанными охапками сена. Тысячами нас донимали свирепые комары, достаточно было хлопнуть рукой по щеке, чтобы убить добрый десяток. Наконец дорога улучшилась, мы переправились вброд через два больших ручья, и довольно оригинальный плот доставил нас до Тимника. Мы издали заметили окружённую несколькими домами *думу* – мэрию коренных народов области.

Буряты области разделены на 22 *рода,* или колена. Каждый род состоит из многих семей одного происхождения со своей думой и назначал несколько делегатов, избиравших мэра, или *тайшу,* и одиннадцать заместителей; один пристав, русский чиновник небольшого ранга,

[1] Цам (*монг*. Цам; *тиб*. Чам; *бур*. Сам) – торжественное религиозное служение, совершаемое ежегодно на открытом воздухе в буддийских монастырях (дацанах) Забайкалья, Монголии и Тибета. По одной из версий, происходит от древних шаманских практик. Был включён в буддийский ритуальный комплекс. В Монголии и Забайкалье Цам стал одной из основных религиозных мистерий. (Прим. пер.).

следил за полицейским порядком. После моего визита администрация была изменена. Буряты, как и русские крестьяне, разделяются на *волости,* или кантоны. Им были назначены судьи, разбирающие дела ценностью до 200 рублей. Бурятские судьи, как и у других коренных народов, уплачивают залог за должность, поскольку они назначены на время, они думают только о наполнении своих карманов, и взяткам добро пожаловать, а правосудия нет. Везде сожалеют о тех временах, когда молодой человек, желавший стать судьей, изучал обычаи и их употребление у какого-нибудь мудрого человека. Люди, желавшие решить спор, обращались предпочтительно к самому честному, и его порядочность составляла его богатство, и была пословица: «Если ты берёшь в судьи того, в котором ты сомневаешься, ты осуждаешь самого себя».

Русский пристав Шилов с похвалой отзывался о бурятах: это народ мягкий и вежливый, возрастающий в численности. Он признался, что всегда лечится у лам и добавлял: «Русские крестьяне очень часто обращаются к ламам. Я знаю деревни, где напрасно обращались к попам для вызова дождя, и, так как их молитвы оставались напрасными, крестьяне шли к соседнему ламе, поскольку к нему обращались как второму, у него было больше шансов для окончания засухи. И когда случался столь желанный дождь, наши крестьяне были серьёзно убеждены, что лама колдун и может вызывать дождь, когда захочет».

– А лама требует честное вознаграждение?

– Всегда, – смеясь, отвечал Шилов, – за ничто ничего не бывает, а дождь дорого стоит.

Тайша принял меня в свою очередь, он показал мне деревню очень мало для меня интересную. Рядом было небольшое озерцо, над которым летали стаи диких гусей и уток. Были и цапли, но меньше, чем на Гусином озере, где они кишели. На соседнем холме стоял гигантский онбон.

Я рассчитывал отправиться в Усть-Кяхту через дацан Джиде, но дорога стала непроезжей; пришлось выбрать более долгую дорогу по тракту в Переваловск, так что мне пришлось ехать через бурятский монастырь Бултумур. Дорога была отвратительная, экипаж постоянно трясло, а комары не хотели с нами расставаться. Паром был намного больше, чем предыдущий, но Тимник был маленькой речкой, тогда как Селенга разливалась широко, как настоящая большая река. На краю парома был столб наподобие катушки для ниток, канат проходил от одного берега до другого, удерживая плот, который иначе мог быть унесён, на плоту был большой руль. На плот втащили тарантас, предварительно распрягши лошадей. Два паромщика схватились за канат, и паром тронулся. Мы приблизились к противоположному берегу, но в этом месте спуск был невозможен: старик-паромщик стал за руль, а другие взялись

за вёсла, нужно было грести против течения. Река текла между рядом островерхих гор. Мы прошли перед одним островом, затем показался широкий и глубокий рукав. Гребцы бросились в воду и начали тянуть тяжёлый паром. Наконец мы высадились. Деревня Дзоки показалась нам очень бедной, состоящей из нескольких юрт и бараков, где мы нашли хороших лошадей.

Скоро поднялись на гору, начался высокий лес. Постоянные пожары уничтожили огромные богатства. Огромные обугленные стволы возвышались перед нами, наконец, предстали менее угрюмые пейзажи, и вдруг показался монастырь Булгумур. Ширетуй (начальник монастыря) отсутствовал, но ламы были на месте; они уже знали, что я остановлюсь у них. В главном храме – статуи и интересные изображения, много Очервани, Дзонкава, Майдари. Самое замечательное – изображало Страшный суд.

В центре картины находился бог ада – Очервани. Наверху картины был сад с хорошенькими домиками, где были видны улыбающиеся и аккуратно причёсанные добродетельные люди; одни прогуливались по аллеям, другие весело разговаривали в беседках; над садом планировали опоздавшие, радостно спешившие на небо. Внизу картины находились проклятые, несчастные не веселились. Дьяволы, вооружённые вилами и другими как ужасными, так и странными инструментами, пронзали их груди. Несчастные вертелись на колу, делая страшные гримасы, другие висели гроздьями на страшных крючьях на безлистных деревьях. В других местах бедняги разрывались на части руками огромных демонов. Те, кто грешил языком, были хорошо наказаны: отвратительные чудища, вооружённые вилками, тащили из ртов несчастных бесконечной длины языки, иногда язык был широк, ужасно широк, и маленькие демоны вспахивали их плугами. И в уголке – ужасная пытка: несчастные поджаривались на вертелах, а другие вечно тонули, захлебываясь в чёрной воде. Менее грешные страдали в группах; самые наказываемые держались в стороне, и их мучили два или три демона. И на самом верху, в языках пламени находился ужасный верховный вершитель правосудия Чоиджил с ожерельем из мёртвых голов, наблюдавший терзаемых, в то время как рядом с ним бешеные змея и свинья рвали друг другу хвосты.

Ламы провели меня в один из домов, пригласили на праздник, который будет у них в следующем апреле. Как и в монастыре на Гусином озере, они празднуют знаменитый Цам, но у них только тридцать показанных мне масок. Некоторые вынули даже костюмы с украшениями на головах, с золотыми серьгами, ожерельями и чётками, они напоминали индусские статуи Шигомуни. Свежесть костюмов была сомнительна, однако при ярком солнечном свете их броские цвета производили бы

неплохое впечатление. Но, увы, солнца не было; я поблагодарил лам, которые хотели меня оставить переночевать, и добрался по разбитой дороге на почтовую станцию. Разразилась необыкновенной силы гроза, и дождь полился потоками. На почтовой станции я нашёл только хлеб и клопов, так что с жалостью вспоминал о доме ламы, где я бы спал под охраной бога Абеды, перед которыми стояли семь чаш с жертвоприношениями.

В этой части Сибири грозы ужасны, и часто от них жертвами являются лошади и сами путешественники. Велико число лошадей, убитых молнией. Беда ещё в том, что единственная гроза делает путешествие почти невозможным: некоторые дороги, ещё накануне пыльные, становятся реками, и реками с вихревыми потоками, броды – непроходимыми, а другие, совсем небольшие, становятся на метр глубже. Я спрашивал себя, что же будет с дорогою завтра. Но когда я проснулся, солнце блистало в совершенно голубом небе, дорога была немного сыровата, и я легко продолжил свой путь, освободившись одновременно от пыли и комаров.

Только Герасим был в печали; мы прибывали в Троицкосавск, и уездный начальник давал мне для сопровождения другого человека. «Я растолстел у лам, – поговаривал он беспрестанно, поглаживая себя по животу, и добавлял: – Подумать только, что придётся всё это потерять!»

Наконец мы прибыли в Усть-Кяхту – большую казачью деревню. Казаки чаще живут в приграничной полосе, иногда вперемешку с крестьянами. Особенно их много в долинах Джиды, Чикоя, Онона, Ингоды, Шилки и на востоке области. Казачье население было бы больше, если бы в 1854 году 5 тысяч не было переселено на Амур для создания там казачьей милиции. Сейчас байкальских казаков 200 тысяч, 180 тысяч из них православные, а остальные принадлежат к сектам и даже являются буддистами. Буряты и даже тунгусы записаны в казаки. В военное время забайкальские казаки должны составить три кавалерийских полка, 6 пехотных батальонов, 3 батареи по шесть орудий в каждой, всего – 234 офицера, 9319 солдат и 4060 лошадей. В пользу этой милиции уступлены земли. В области ей принадлежит больше 3 миллионов гектаров.

На почтовой станции сидели китайцы и играли в карты с казаками. Китайцы уже распродали свои товары и старались выиграть ещё немного денег. Играли они гораздо хладнокровнее своих противников, развеселившихся несколькими стаканами водки. Вспыхнул спор, вскоре перешедший в мордобой. Конечно, китайцы были побиты. Я должен был вмешаться. Почтмейстер, видевший мои официальные бумаги, выставил русских за дверь. Один из китайцев сидел с фонарём под глазом, другому разбили нос. «Всё-таки, – мне говорил второй, вытирая лицо, – всё-таки мы хитрее. Нам попало, а их денежки всё-таки наши».

Пейзаж стал более живописным; дорога древнего вида, но хорошо устроенная, шла впритирку с горами, на берегу реки росли осины и березы; колокольчики упряжи звенели, и кучер, которому Герасим сказал, что я даю хорошие чаевые, весело хлопал бичом. Вскоре появился прелестно расположенный город. В нескольких километрах от нас была монгольская граница. Кучер повернулся ко мне и, заложив порцию жевательного табака за правую щёку, сказал с видом отвращения: «После этого городка воняет китайцами!».

Гл. 8. Город чая

Троицкосавск. Русский город Кяхта. Чайный путь. Китайский город Маймачен. Монгольский путь. Китайский театр. Китайский обед.

На русско-монгольской границе расположен тройной городок: Троицкосавск и Кяхта населены русскими, а Маймачен – только китайцами. Троицкосавск – один из самых кокетливых городков Сибири; в нём хорошо построенные церкви, хорошие дома и небольшой городской сад с зелёными деревьями. В нём живет знаменитый ученый Талько-Гринцевич[1], устроивший мне великолепный приём.

Он привёл меня в музей, где рядом с довольно бедной зоологической коллекцией находится замечательная археологическая и антропологическая коллекция из раскопок, которые сделал этот учёный в окрестных погребениях; она имеет бесспорную ценность. В ней изобилуют скелеты монголов, их можно собрать прямо на полях, где они просто брошены без всякого погребения, напротив черепа бурятов найти гораздо труднее, а часто небезопасно раскапывать.

Кяхта – в нескольких километрах от Троицкосавска. Живут в нём торговцы чаем. Широкая улица, посреди которой маленький ручеёк, почти сухой, служит границей между Россией и Монголией и разделяет русский город от китайского. Когда шагнёшь через ручей, покидаешь империю царя и входишь в империю Срединную. Отсюда, из Кяхты, идёт чай, потребляемый в Сибири и большей части России. Русский народ не может без него обойтись.

Важность чайной дороги, проходящей через тройной город, весьма древнего происхождения. Товарный обмен на границе был значите-

[1] Талько-Грынцевич Юлиан Доминикович (1850–1936) – известный антрополог, этнограф, археолог конца XIX в.– начала XX в. Поляк по национальности, врач по образованию, выпускник Киевского университета. С 1892 г. до 1906 г. (около 15 лет) работал окружным врачом в Троицкосавске. Наряду со служебной деятельностью активно занимался антропологией, археологией и этнографией. Опубликовал около 300 трудов. (Прим. пер.).

лен уже в начале XIX века. В 1854 году в Кяхте было 58 торговых домов; 37 из них принадлежало сибирякам, которые имели торговые дома в Иркутске, Томске и ещё в других городах, 21 был под руководством торговых представителей из Москвы и Петербурга. Активная торговля несколько потеряла свои объёмы с 1870 года, когда начались перевозки чая морем в Одессу. Открытие Транссибирской магистрали, война с боксёрами и Русско-японская война нанесли чувствительные удары кяхтинской торговле. Торговый обмен её колеблется между 50 и 60 миллионами франков. Товары, ввозимые в Сибирь, не всегда китайского происхождения, есть и товары монгольского производства: масло, войлок, шерсть приносят монголам около 300 тысяч франков.

Чай перевозится листовой и кирпичный. Не все довольно богаты в России, чтобы покупать листовой чай, и многие покупают чай кирпичный: это дощечки тёмно-каштанового цвета, примерно 30 см длины, 18 см ширины, 2–3 см толщины. Чтобы его делать, листья чая сильно прессуют, полученный кирпич очень крепок, и крестьянин, который его использует, откалывает очень маленький кусочек и настаивает обычным образом. Переселенцы и почти все крестьяне России потребляют чай кирпичный; таким же его употребляют и монголы. Заработная плата у них (монголов) даже выплачивается кирпичами чая чаще, чем деньгами. Он привозится в Сибирь на верблюдах или в повозках, везомых быками. Чай же первоклассный, так называемый караванный, тщательно заворачивается, как ценный товар.

В Кяхте широкие улицы и прекрасные дома с большими дворами и пристройками. В ней есть очень любопытный музей с антропологической и палеонтологической точки зрения. Говорят, что кяхтинские купцы самые богатые в Сибири. В действительности настоящие богачи довольно редки. Часто огромные состояния рассыпались за несколько недель. Достаточно было одного года, когда чай повезли не по обычной дороге и банкротства последовали одно за другим. Дело в том, что купцы получали много денег, но и быстро их тратили; их торговые дома имели только фасад, и сами сибирские банки были этим обмануты.

Кяхтинские купцы отличаются широким гостеприимством, ведут весёлую жизнь, и мне утверждали в Троицкосавске, что невозможно в Кяхте найти семью, где бы не было, по крайней мере, одного пьяницы.

Китайский город Маймачен сильно отличается от русского. В нём не видно широких улиц и просторных площадей. Улицы в нём узенькие, повозка с трудом может по ним проехать, они грязны, и маленькие собачки с приплюснутым носом как у их хозяев, враждебно встречают европейцев, отваживающихся туда зайти без сопровождения. В Кяхте мало видно людей, занятых каким-либо трудом, улицы в ней спокойны и бесшумны. В китайском городе, наоборот, постоянное движение очень

озабоченных каким-либо делом людей. В нём нет женщин, китайцы, живущие здесь, подчиняются древнему указу, запрещающему брать на границу женщин. Китайцы женаты и поочередно каждые два-три года уезжают к своим семьям. Самые молодые китайцы, лет четырнадцати-пятнадцати, выполняют роль хозяек дома: они готовят чай, хозяйничают на кухне и послушно прислуживают старшим. Некоторые крупные купцы из Маймачена начинали подавателями чая в магазинах и складах, теперь они управляют этими магазинами на счёт какого-либо большого торгового дома в Пекине или Шанхае. Китайцы не хотят быть похороненными у границы, и время от времени их останки перевозят на родину, и целые караваны гробов пересекают тогда Монголию.

Если улицы грязны, то внутри домов часто безупречная чистота. В глубине каждого двора этажерки, на которых стоят горшки с цветами: розы, лавры, герани, китайские астры и бегонии. Главные комнаты дома все выходят на двор; они обширны, всё в них в большом порядке, в них много элегантных безделушек и ценных предметов. У одного из этих китайцев я восхищался коллекцией стенных часов, купленных, как мне сказали, у сибиряков, особенно у казаков. Эти часы были привезены из Франции завоевателями в 1815 году; русские, как позднее и пруссаки, показали много вкуса к нашим часам.

В центре города я посетил храм, не без труда это произошло, так как мне много раз запрещали вход. Внутренность храма была украшена знамёнами и шелками; в нём – огромные статуи богов, сколько огромных, столько и уродливых, в них не было ничего художественного.

Весёлая толпа теснилась в китайском театре. Актеры, к сожалению, отказались позировать перед фотоаппаратом. Я им предлагал для убеждения немного денег, они их не взяли. Однако это были очень бедные люди, некоторые совсем ещё дети, и несколько глубоких стариков. Театр бесплатен; город обещает актерам 150 рублей в год. Сомнительно, что они их получают.

На сцене музыканты создали довольно неприятный для слуха оркестр; сверхпронзительные выкрики актёров были ещё более невыносимы. Один инструмент создавал впечатление трещотки, второй имитировал свист паровоза, третий – пароходную сирену. Актёры выкрикивали нечто вроде воя, в котором не было ничего человеческого, голоса их соперничали в визге с ожесточением инструментов. Все недостатки, общие всем китайским театрам, утрированы были на бедной сцене Маймачена. Чем больше жесты актёров были противоестественны, тем больше они одобрялись восторженной публикой, в ней слышалось и ворчание восхищения. Слуги носили по рядам на руке стопки мокрых салфеток; публика вытирала ими глаза, давала небольшие чаевые, и снова погружалась в свои переживания происходящего на сцене.

Я видел в этом театре загадочные произведения, в которых ничего не понимал, в них выводились на сцену русские, английские и французские миссионеры, с которыми происходили весьма неприятные приключения, вызывавшие удовлетворённый смех зрителей. Две постановки мне показались довольно забавными: одна драма и одна комедия.

Ужасный муж с густой бородой выгонял, крича во всё горло, заплаканную жену; она умоляла его и кричала с такой же громкостью, как и муж. Муж вынул саблю, угрожал ей, и оркестр сопровождал сцену трагически пугающими звуками. Тогда он стал крутить саблю в воздухе над головой своей половины, та, вместо успокоения, заорала, превзойдя мужа в силе голоса. Муж же, поняв, наконец, что не сможет успокоить свою супругу, принимает решение как героическое, так и неожиданное: схватив одной рукой свою пышную шевелюру, другой перерезает себе горло. Тело его падает под ноги супруги, она мгновенно как по волшебству замолкает. Неужто таким образом избавляются в Китае от несносной супруги? Может быть…Конечно, лекарство хуже, чем болезнь!

Другая пьеса почти напоминает произведение нашего репертуара и доказывает, что у китаянок есть вкус к красивым молодым людям. Большой разгильдяй лениво прогуливается. Из одного дома глядит на него девушка и посылает ему со своей служанкой записку. Молодой человек несколько жеманится, ему надоели женщины, у него их больше, чем хочется. Во время разговора со служанкой он находит её миленькой и даёт это ей понять. Он пойдёт к девушке, но сначала надо, чтобы служанка немного прогулялась с ним за кулисами. Служанка чуть-чуть заставляет себя упрашивать, ну совсем немного, и отправляется, жеманясь. Оркестр играет нежную мелодию, в которую вторгаются слишком высокие крики. Молодые люди появляются вновь, а их мимика вызывает радостный смех. Далее происходит любовная сцена между счастливым плутом и девушкой, служанка уходит, но в это время входит мать, она приближается, угрожая метлой: «Ах, мерзавец, сейчас ты увидишь мою дочь»! Грозна метла в её руках. «Сейчас я тебе задам..» Но метла остаётся без применения, так как маман, у которой ещё нежное сердце, находит молодца по своему вкусу и ей совестно покалечить такого красавца.

Несколько знакомых китайцев мне говорили о большом русском проекте новой железнодорожной магистрали – Трансмонгольской, которая могла бы пересечь Монголию и соединить Иркутск и Пекин. Но в официальных кругах утверждается, что ничего не решено, и, по правде сказать, дела продвигались гораздо дальше перед Русско-японской войной, в чём тогда не старались признаваться. Вопрос был изучен, это было бы большое достижение для России, если бы она смогла создать подобную магистраль. Кяхта была бы тогда одной из главных станций, а

Урга, местопребывание почитаемого бурятами живого бога, была на пересечении магистрали. Будущее нам скажет, когда это будет возможно для России возобновить этот великий проект и открыть для мировой торговли новый цивилизационный путь.

Бардашов, любезный русский коммерсант, пригласил меня на обед к одному китайцу. В контрактах между купцами Кяхты и Маймачена всегда отмечалось, что жители Маймачена предлагают русским несколько прекрасных обедов. Русские обеспечивают трапезу шампанским, которым обильно орошают копытное масло, плавники акулы, яйца, пролежавшие несколько месяцев, и приготовленные особым образом морские черви. Наш обед был у коллекционера стенных часов. Нас с Бардашовым сопровождал комиссар. Трапеза была обильной. Сначала нам дали выпить тёплой водки, похожей на японское саке: чашечки были очень маленькие, настоящие чашечки из кукольного сервиза, но водка, *тижило,* была очень крепкой и, казалось, нравилась русским. Нам подали затем 26 блюд: хвосты креветок, сосиски и язык, приготовленные по-китайски, мясо маленькими пластинками, тонкими, как волос, с чуточкой сильно пахнущей зелени, обычной и морской капустой. Я думал, что обед окончен, но это оказалось только первой подачей. Вторая включала супы: суп с мясом, суп с морскими червями, суп грибной, за которыми последовали кушанья из Кореи, плавающие в четырёх больших чашах.

Затем мы перешли к грибам: грибы полевые, грибы лесные, грибы морские, грибы с морскими червями. Затем подали рубленые котлеты по-русски, в тесте и без него, сибирские пельмени и молочного поросенка, без костей, с хрустящей шкуркой, распластанного по блюду. Маринованные орехи, прозрачные макароны, морскую капусту, яйца, которые вызвали во мне отвращение, но морские черви были очень вкусны, птички с водяными лилиями превосходны, и несравненный маленький поросёнок. Наконец, на большом подносе принесены были совсем маленькие стаканчики, в которых было совсем чуть-чуть от каждого блюда, которые мы ели. Можно было вернуться к тому, что понравилось, как объяснил один китаец, придумать новые смеси по собственному вкусу.

Шампанское лилось рекой. Вещь курьёзная – хозяин дома не сидел с нами и, улыбаясь, смотрел, как работали официанты. Среди них были очень красивые, а вот японцы обычно малорослы и невзрачны. Наш хозяин для такого случая был в превосходном небесно-голубом одеянии, а на его пальцах – прекрасные камни, изумруды и сапфиры. Он проводил нас, постоянно кланяясь, до двери.

– С русскими всегда легко договориться, – сказал он мне на прощанье, – немного водки, и они славные ребята.

Гл. 9. В долине Чикоя

Усть-Киран. Цугольский монастырь. Бичура. Крестьяне и поселенцы. Семейские. Петровский Завод.

Я выезжал из Кяхты в отвратительную погоду: мелкий моросящий дождь, ледяной ветер, дороги под толстым слоем грязи, из-под колес и копыт лошадей на меня летели омерзительные брызги. Труп верблюда у дороги испугал лошадей, и они рванулись и понесли тарантас, и только долго после кучер сумел их остановить. Очень поздно приехали в деревню Усть-Киран, весьма живописно расположенную, где находились загородные дома крупных кяхтинских купцов. В ней я и познакомился с очень гостеприимной и милой семьёй Лушниковых, которую столько путешественников по Сибири благодарили за сердечный приём.

У меня была цель провести несколько времени в Бичуре у знаменитых поселенцев, о которых я уже говорил: – о семейских, религиозных диссидентах. От Усть-Кирана до Бичуры дорога долго была трудной. У меня был слугой казак-бурят Гарма, с отчаянием вцепившийся в тарантас, чтобы не свалиться с сиденья. Нам надо было перебраться через два рукава красивой и широкой реки Чикой, она вместе с Хилком – большие притоки Селенги, очень богатой рыбой и судоходной на протяжении приблизительно 275 километров. Эта двойная переправа продолжалась полтора часа. Паром несло потоком, и он постоянно натыкался на места, где высадка была невозможна. Пришлось его тянуть, медленно поднимаясь по течению. С нами были крестьяне; их лошади после долгих понуканий и упрашиваний согласились войти в воду и, двигаясь против течения, медленно потянуть паром, перегруженный телегами и пассажирами.

Дорога пошла песчаником; песок был так мелок и глубок, что колёса увязали в нём по ступицу. Гарма несколько раз беспокойно поглядывал на колёса: одно из задних колёс из-за трения песком загорелось. Воды с нами не было, и Гарма соскочил со своего сиденья потушить его, как бы поступил брюссельский Мальчик Пис[1]. К нему в свою очередь присоединился и кучер.

Вскоре показался Цугольский монастырь, где мы нашли жир для смазки колёс. Храм был самый старый в стране бурят, ему было более 150 лет. Рядом с ним находился маленький домик, где при помощи ста-

[1] Писающий мальчик или Маннекен-Пис *(нидерл.* Manneken Pis; фр. Petit Julien) – одна из наиболее известных достопримечательностей Брюсселя, расположенная в непосредственной близости от Гранд-плас, на пересечении улиц Банной (Rue de l'Étuve / Stoofstraat) и Дубовой (Rue du Chêne / Eikstraat). Это миниатюрная бронзовая статуя-фонтан в виде нагого мальчика, писающего в бассейн. (Прим. пер.).

рой и хитроумной системы верёвочек приводилось в движение много молитвенных мельниц. Те, для которых произносилась молитва, не чувствовали никакой усталости, зато молодой человек, тянувший эти верёвочки, был буквально в изнеможении.

Среди статуэток и картин было много таких, где позы изображённых никак не подходили друг к другу. Одна картина представляла ужасного вида Чалчи, совершенно синего. Двенадцать мёртвых голов составляли корону на голове, он был с тёмно-синими волосами и огромными жёлтыми ногтями, подошвы красные. С каждой стороны этой картины на шёлке маленькие панно создавали триптих с ним и показывали обычных спутников Чалчи странного и ужасного вида; слева синий с гримасами, другой жёлт лицом, с отвисшими грудями, напоминающими мочевые пузыри со спущенным воздухом, справа – первый был чёрен, как угольщик, а второй – совершенно красный, с непроницаемым зарослями жёлтых волос на голове.

Я присутствовал на церемонии *Туе*. Ламы торжественно вошли в храм. Перед статуэткой Будды Абеды было поставлено *толе*, металлическое зеркало, в которое любят глядеться бурханы. Толе было поставлено так, чтобы удовольствовать божественное желание, а рядом со статуэткой поставлена тарелка. Один из лам, с ритуальным сосудом-бумбой в руке, время от времени поливал водой толе, в то время как его собратья обращали к небу свои молитвы, вытирал зеркало шёлковым хадаком синего цвета. Вода, служащая для сего благочестивого обряда, сохраняется как благословенная.

Рядом с монастырём находился огромный надгробный камень, я его сфотографировал, но ни один лама не мог объяснить, в честь кого он там водружён. Лама Серинджаров однако сказал мне:

– Выразили ли вы какое-нибудь желание во время наших молитв? Будда доброжелателен для всех во время церемонии Туе.

– Что же вы мне не сказали заранее, вы меня слишком поздно предупредили!

– Ничего страшного, – сказал мой добрый собеседник, – у вас будет хорошее путешествие, я об этом попросил Будду.

Я поблагодарил Серинджарова и заранее обрадовался мысли, что благодаря Будде дорога, без сомнения, станет получше, лучше нечего и желать.

От Цугольска до Эдина дорога, однако, была совершенно отвратительная, Будда не внял молитвам, а мой кучер сказал мне: «Вы сразу отправились в дорогу, не дав возможности и времени Будде убрать песок с дороги. Эта такая работа, что в один день не делается!»

От Эдина до Еланского дорога стала получше. После тяжёлого подъёма по песчаным холмам мы доехали до обширного плоскогорья,

засеянного зерновыми – гречихой, пшеницей и рожью. Эти поля принадлежали казакам. На нашем пути они чередовались с бурятскими. Мы приехали в Аракиретский монастырь, маленький и неинтересный, но в нём, однако, я сделал одну фотографию молодого ламы в невероятном головном уборе, *шассере*, жёлтого цвета, похожем на каску, верхняя часть которой одна только достигала до полуметра высотой.

Там же у монастыря был *дзарджук*, род алтаря с палками, воткнутыми в землю, на холмике, украшенном знамёнами, онбон более современный, чем те, которые я видел раньше.

И вот мы на землях семейских: мы проезжали хорошо обработанные поля, на которых работали мужчины крупного телосложения. Рядом с ними были женщины с платками на голове вроде большого тюрбана. Наконец я добрался до Бичуры, значительного села, главная улица которого тянется несколько километров. Я остановился у друга доктора Талько-Гринцевича, его звали Михаил Климыч Петров.

Бичура находится на превосходных землях, которых так много в Забайкалье, где поля с зерновыми чередуются с пастбищами и покосами. В Забайкалье земледелие придерживается использования паров и даже целины, в области более 300 тысяч гектаров засеянных полей. Общее количество пахотных земель, пригодных для земледелия, используемых населением, достигает полутора миллиона гектаров. Ежегодный урожай зерновых варьируется между 2 и 4 миллионами гектолитров, половину из которых даёт яровая рожь, а вторую – пшеница, овёс, гречиха и картофель. Средний урожай с гектара для пшеницы и ржи 10 центнеров, по сведениям г. Семенова, вице-председателя учёного Императорского географического общества. Когда урожай хорош, нередко крестьяне получают и 20, и 25 центнеров с гектара. Сельскохозяйственные условия в этом регионе более благоприятны, чем в Европейской России. Урожаи зерновых в Забайкалье не только обеспечивают местных крестьян и горожан, но и вывозятся в соседние области. Недавно избыток урожая обеспечивал войска и оседлое население в бассейне Амура.

С того времени, когда губернии Амура и Приморья, благодаря усилиям крестьян, изменились, избыток зерна стал посылаться в Иркутскую губернию на золотые прииски, к несчастью, слишком много зерна употребляется для производства водки. В годы хороших урожаев цены зерна сильно падают: пуд (16 кг) яровой ржи продаётся за 20–25 копеек (от 55 до 70 сантимов). Мы уже говорили, что среди забайкальских жителей наиболее оригинальны семейские. Их название происходит от слова *семейство*, что означает семью. Одни говорят, что они получили такое имя, поскольку браки заключаются между своими; другие, с бóльшим основанием, утверждают, что название происходит от того,

что их ссылали семьями, а не поодиночке. Это происходило во второй половине XVIII века, когда их высылали как сектантов-диссидентов. Они, как отмечают многие авторы, сохранили великорусский тип в чистом виде, который и наблюдается до сих пор. Однако некоторые из них утверждают, что они из Малой России. Они поселились в Селенгинском и Нерчинском уездах.

Мой хозяин Петров утверждал мне, что семейские в большинстве своем уроженцы Черниговской и Полтавской губерний; его дедушка, добавил он, полтавского происхождения.

– Это было очень тяжело для наших стариков, – говорил мне Петров, – устроиться в долине Чикоя; там хозяйничали буряты и очень плохо встретили новых поселенцев. Мой дед построил свой дом на том же самом месте, где сейчас стоит мой, работа была долгой и тяжёлой. Буряты появлялись ночью и уничтожали все, что было сделано днём. Но мой дед был смелым человеком. Однажды он ушёл пешком в Иркутск по бездорожью, через вздувшиеся от разлива ручьи, которые надо было переплывать. Он пришёл в Иркутск и представил от всех своих соседей челобитную губернатору. Было проведено следствие, и с тех пор семейские смогли жить и работать спокойно.

Действительно, упорство семейских было удивительно, и они преодолели все препятствия. Их ухоженные поля, удобные дома уже целое столетие удивляют путешественников. Ленивые казаки плохо обрабатывают плодородные земли, тогда как семейские сумели возродить неплодородные или целинные земли. Приятно посмотреть их ухоженные усадьбы, у них в домах просторные, хорошо проветриваемые комнаты, на стенах старые лубочные картины и восхитительные иконы. Почти над всеми дверьми можно увидеть деревянные орнаменты, иногда с художественным вкусом, что свидетельствует об изобретательности вкуса к украшению. Нравы этих крестьян часто приводятся в пример поселенцам, которые уже лет тридцать прибывают из европейской части России: с самого юного возраста они умеют читать и писать, они ревниво сохранили свои древние обычаи, и ещё сегодня можно у них собрать богатый и вкусный урожай песен и легенд. Только совсем недавно некоторые из них стали пить и курить.

У них есть дома для общих молитв: самые пожилые читают святые книги для самых юных, которым они объясняют священные тексты. Они знают наизусть Ветхий Завет, и по любому поводу им нравится приводить оттуда длинные цитаты. Они живут без священников, но каждые три года они приглашают из Ярославля своего попа, который благословляет, крестит, женит, отпускает грехи прошлого, настоящего и будущего. Между его приездами старики проводят брачные церемонии. «Мы не любим холостяков, – говорил мне Петров, – брак есть основа-

ние и вся красота жизни». В 14 лет девушки могут выходить замуж; в пятнадцать могут жениться молодые люди.

Сколько хороших бесед я слышал у семейских; это было в простоте и истине, и я чувствовал, насколько этот народ был здрав в своей простоте.

Эти крестьяне не знают современной жизни, читают только священные книги и пособия по сельскому хозяйству. Пристав, который несколько раз любезно принимал меня, казался к ним более суровым, чем я. Однажды, когда мы пили чай, приготовленный слугой-чувашом, приехавшим с берегов Волги, он утверждал, что семейские очень суеверны. Как-то давно доктор Кириллов устроил в Бичуре метеорологическую станцию; это было летом, и урожай пострадал от засухи. И тогда народ принялся обвинять доктора: в нём видели колдуна, это он останавливает облака и, подстрекаемый дьяволом, построил этот странный, невиданный дом, который называл обсерваторией… Так что бедняга Кириллов, которого я знал по Владивостоку, который всю жизнь думал делать добро, был изгнан из села, и должен был немедленно уехать.

После Бичуры пейзаж становится очень холмистым до Мухоршибири; мы поднялись на высокую гору, затем показались обширные поля пшеницы, овса и даже конопли, которые выращивают семейские. Затем я пересёк среди сосен и лиственниц предгорья Станового хребта и оказался в селении, где находится большой Петровский завод.

Заводу принадлежат лесные угодья площадью 90 тысяч гектаров. Завод работает уже больше века, и на нём было выплавлено 128 миллионов килограммов железа. Залежи железной руды оцениваются более 32 миллионов. С 1886 по 1891 год, за шесть лет, выплавлялось ежегодно 360000 килограммов железа и железных изделий. На заводе персонал насчитывает 300 человек. В 1896 году объём производства оценивался в миллион франков. Завод производит от 6000 до 7000 килограммов чугуна и около 300000 пудлингового железа.

Через Петровский Завод уже проходит Транссибирская магистраль, которая, через Становой хребет, входит в бассейн реки Амур; на ней я доехал до Читы. Поздно вечером, когда я выходил из вагона, увидел входящим в него хамбо-ламу в сопровождении многих монахов. Иролтоев показался мне обрадованным встречей; однако его отношение меня удивило, он мне показался больным и печальным. Я не осмелился спросить его в этот вечер, и только на следующий день я понял причину его печали, и я сделался участником неожиданного приключения, посвятившего меня в друзья бурятского народа.

Перевод с французского Николая Епишкина

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В 2023 году отмечается 195 лет со дня венчания Полины Гебль и Ивана Анненкова в Церкви Декабристов г. Читы

Глава VII

Читинское сообщество
(окончание)

Многоуважаемый читатель! В этом номере журнала ты найдёшь продолжение перевода с французского языка VII главы книги «Я последую за тобой в Сибирь...» известной французской писательницы, обладательницы нескольких престижных литературных премий Франции, чьи книги переведены на многие языки мира, в том числе на русский. В центре повествования жизнь и судьба Полины Гебль, француженки по происхождению, которая последовала в Сибирь за своим любимым, декабристом Иваном Анненковым. Мы публикуем переводы глав, посвящённых пребыванию декабристов в Читинском остроге.

В переводе, который мы предлагаем твоему вниманию сегодня, речь идёт о повседневной жизни декабристов в Чите, их занятиях, любимом времяпрепровождении и пр. Среди других декабристов особо выделялся Николай Александрович Бестужев, человек выдающийся и необыкновенный во всех отношениях, «умнейший человек среди заговорщиков», – по словам царя Николая I. Видный деятель освободительного движения и человек разносторонних талантов – художник, этнограф, путешественник, изобретатель, экономист, историограф флота, критик, он обладал также незаурядным литературным и художественным дарованием.

Именно Бестужев оставил неизгладимые впечатления о нашем крае того времени в виде рисунков и гравюр. Николай Александрович написал около 150 портретов декабристов (в том числе и автопортрет), их жён и детей, городских жителей, а также виды Читы, Петровского Завода и их окрестностей. Он писал отличные акварельные портреты и

иконы, а позднее самостоятельно научился писать маслом. Вся эта галерея образов – единственное в своём роде явление в русской живописи, а для нас, жителей региона, уникальное историческое свидетельство о месте, людях и ушедшем времени глазами очевидца и художника.

Кроме того, Бестужев обладал выдающимися техническими способностями: он очень быстро усваивал всевозможные виды ручной работы, генерировал творческие идеи, и в его голове постоянно зарождались разные идеи. Некоторые из таких изобретений дошли до наших дней с его именем. Так, ещё во время службы в морском корпусе, он придумал особую спасательную лодку – «бестужевку», а в Сибири построил особую экономичную «бестужевскую печь».

В читинской тюрьме он без всяких инструментов сделал такие часы, которые работали, не останавливаясь, в течение четырёх лет и отличались необыкновенно правильным ходом. В Сибири он ремонтировал мельницы, устраивал огороды, парники, кожевенные заводы, шил сапоги, фуражки, придумывал ювелирные украшения, самопишущие метеорологические приборы и многое другое.

На каторге и поселении Николай Александрович Бестужев занимался токарным, ювелирным и часовым делом. Там он разработал инновационную конструкцию хронометра, работал над ружейным замком, проводил метеорологические, астрономические и сейсмические исследования, выращивал арбузы и табак, описал местное месторождение каменного угля.

Кроме того, декабрист собирал бурятские сказки и песни. Здесь он написал большую краеведческую работу под названием «Гусиное озеро», это было первое естественнонаучное и этнографическое описание Бурятии, её хозяйства и экономики, флоры и фауны, народных обычаев и обрядов. В этом очерке вновь сказалась многосторонняя одарённость Бестужева – беллетриста, этнографа и экономиста.

Богато и разносторонне одарённая личность, Николай Александрович Бестужев занимался переводами прозы Байрона, Вальтера Скотта, Томаса Мура на русский язык, писал статьи, которые были посвящены преимущественно морской истории, очерки о европейских народах (по впечатлениям от заграничных плаваний в молодости), сибирских инородцах. Лучшие его рассказы и очерки после смерти декабриста были изданы одной книгой под заглавием «Рассказы и повести старого моряка» (1860 г.). В сборник вошли «Записки о Голландии», «Гусиное озеро», «Русский в Париже 1814 года» и другие.

И если ко всему этому прибавить, что Бестужев был обаятельный, весёлый собеседник, отличный рассказчик и декламатор и очень нравился женщинам, то, вне всякого сомнения, его ждала блестящая и успешная карьера. Но обстоятельства сложились иначе; на его долю с

1825 г. выпали многолетние страдания в крепостях и на каторге. В 1840 г. он перешёл в разряд селенгинских поселян и умер в 1855 г.

«Николай Бестужев был гениальным человеком, – писал Н. И. Лорер, – и, боже мой, чего он не знал, к чему не был способен!»

ВРЕМЯ РАСТЯНУЛОСЬ. Если бы не было времён года, то было бы непонятно, где они сейчас и где их прошедшие дни. Все они, и мужчины, и женщины, так заняты этой жизнью, что кажется, будто день за днём, они стараются избежать погружения на самое дно.

Бестужев рисует, чтобы оставить след этих небывалых, невероятных моментов. Чтобы позднее сказать самому себе, что он ничего не выдумал, что оно существовало на самом деле в затерянной долине, это микрообщество заключённых, которое изобрело новую свободу.

Он рисует для узников, которых застигал в слезах у подножия частокола. Для тех, кто создаёт это мучение. Для детей, которые только что родились и которые однажды захотят понять. И в память о своей возлюбленной, замужней женщине, которая никогда не приедет сюда, чтобы соединиться с ним и чьё лицо продолжает преследовать его по ночам. Он мог бы нарисовать её портрет по памяти.

Он рисует, потому что красота исцеляет. Потому что она вселяет уверенность и мужество.

Он рисует без устали. Рисует всё. Горы, долину, деревню, общие спальни (казармы), ручную мельницу, Чёртову Могилу, церковь, дома женщин, частокол, кочевников, группу заключённых, которые возвращаются в исправительную тюрьму, огород. Ему даже удалось нарисовать тюремный двор при свете полной луны. Стакан самогона охраннику, и он был за пределами тюрьмы со своей акварельной тетрадью, кистью и красками.

Он получил право в хорошую погоду устраиваться на возвышении, расположенном за церковью, на краю деревни. Он мог прихватить с собой, кроме материала для рисования, стол и табурет, а ещё тент собственного изготовления, который защищал его от солнца.

Он любит панорамы. Комендант тоже любит и разрешает ему время от времени ходить рисовать на другую сторону реки на склоне горы. Офицер, вооружённый штыком, сопровождает его, для проформы. Он, как и все в Чите: деревенские жители, казаки, рядовые солдаты, заключённые, женщины – горды и счастливы видеть его, как он фиксирует в своих тетрадях работу и повседневную жизнь этой долины, единственно кому известную, так это кочевникам и царской полиции.

А его, Бестужева, делает счастливым то, когда люди счастливы. Настолько, что он полностью поглощён живописью.

С недавнего времени он охвачен страстью написания портретов.

Он заставляет позировать заключённых и их «ангелов-хранителей». Он пишет свои акварели в двух или трёх экземплярах. Это не только потому, что раз от раза они становятся всё лучше. Заключённые хотят иметь эти копии. Потом они попросят Марию приложить их к почтовым отправлениям. Семьи в свою очередь попросят воспроизвести их и отправят эти копии с копий своим друзьям.

Бестужев знает это. Он не возражает, это именно то, чего он хочет. Эти портреты – это больше, чем просто портреты, это политические манифесты. Для тех, кто в европейской части России плачет об осуждённых и всё ещё мечтает о свободе, эти картины провозглашают: осушите ваши слёзы и посмотрите на нас. У нас всё хорошо, мы не изменились, мы славно держимся, мы остаёмся верными нашему идеалу. И царь ничего не может сделать против этого.

И так как он тупица, этот Николай, почти такой же, как грязный полицейский из Третьего управления, отвечающий за цензуру, иностранцев, государственных преступников и всех неблагонадёжных для Империи, настоящих и мнимых, он ничего не поймёт из того, что рассказывают эти акварели, если они хотя бы лягут на его письменный стол. В течение всего этого времени на другом краю России, несмотря ни на что, свобода упрямо продолжает свой путь!

*

Большое число этих женских портретов исчезло. Тем не менее, несколько из них найдено.

Вот Мария[1], тонкая и элегантная в своём чёрном платье с двойным воротничком из белого кружева. Она сидит, серьёзная и мечтательная, перед большим оконным проёмом, который смотрит на частокол. Ни стекла, ни ставней, она воображаемая. Она там только для того, чтобы обозначить, что благодаря женщинам окно открыто.

Пышная Каташа[2] изображена в летнем платье из простой хлопчатобумажной ткани. Она выглядит сияющей. Она некрасивая, но подетски свежая: взгляд чистый, как золото, маленький вздёрнутый носик. Испытания оставили её без изменений. У Елизаветы[3] Бестужев воскресил её имперскую величественную осанку и нерушимое спокойствие. Очаровательная Александра[4] кажется весёлой, почти игривой. Она должна была быть очень приятной, как уверяет Мария.

[1] Мария – Мария Николаевна Волконская. (Прим. пер.).
[2] Каташа – Екатерина Ивановна Трубецкая. (Прим. пер.).
[3] Елизавета – Елизавета Петровна Нарышкина. (Прим. пер.).
[4] Александра – Александра Ивановна Давыдова. (Прим. пер.).

Сандра[1] – наименее красивая из всех. Как всегда Бестужев не старается приукрасить действительность. Она искупает своё невыгодное телосложение ослепительной улыбкой. Не похоже, что она заставляет себя. Её муж был осуждён только на два года каторги и скоро будет освобождён. Она только промелькнёт здесь.

Нет портрета Полины[2] в Чите. Ни Александрины[3], ни Натальи[4]. Они так же, как и другие, вероятно, позировали Бестужеву, и акварели были отправлены в Европейскую Россию или в другое место. Потом они исчезли.

Зато есть портрет Анненкова. Бестужев изображает его, несомненно по его просьбе, перед окном тюремной камеры Петропавловской крепости. Прямая спина, розовый цвет лица, живой взгляд, полные щёки, волосы коротко подстрижены, безупречно белая рубашка, гладкие усы и бородка: ничего похожего ни на потерпевшего кораблекрушение, каким он был когда-то, ни на косматого и изможднного заключённого, которого увидела Полина на следующий день своего приезда в Читу. Он воскрес.

СПОКОЙНЫЕ ДНИ В ЧИТЕ. Об этом известны крохи, обрывки несвязных хроник и редко датированных, которые пришли на ум Марии, Полине и бывшим заключённым, когда настало время воспоминаний. И ностальгия, поскольку они были едины: именно эти два года, между маем–июнем 1828 и июлем 1830, были самыми лучшими из тех, которые они провели в Сибири. А для некоторых – самыми лучшими годами их жизни.

*

Конец мая, на горы и равнины нахлынула зелень. День ото дня всё меньше следов снега. Весна здесь приходит без предупреждения.

Заключённые закончили строить свои теплицы. Они примостили их к подножию частокола. Женщины заказали разных семян, в частности семена томатов и спаржи. Трубецкой, когда ему отдали пакетики, обнял их. Он все-таки немного сумасшедший.

Лето заявляет о себе. Они понимают это по бурятским ребятишкам, которые бегают совершенно голые по улицам, прежде чем прыгнуть в реку.

И по густой траве, которая колышется на равнине. Земли предна-

[1] Сандра – Александра Васильевна Ентальцева. (Прим. пер.)
[2] Полина – Прасковья Егоровна Анненкова. (Прим. пер.).
[3] Александрина – Александра Григорьевна Муравьёва. (Прим. пер.).
[4] Наталья – Наталья Дмитриевна Фонвизина – Прим. пер.).

значены для косьбы. Полина арендовала одну из них у кочевников. Она хочет купить скот, ей понадобится корм.

Она любит прогуливаться там, гулять по полям, это позволяет ей отдохнуть среди бесчисленных цветов. Она собирает из них букеты.

Иногда другие женщины сопровождают её. Они арендуют лошадь и берут сопровождающим молодого бурята, вооружённого луком. Когда они пересекают лужайки, куропатки, фазаны, перепела выскакивают из травы. Кочевник натягивает свой лук, выпускает стрелу. Он никогда не упускает свою добычу. По возвращении Полина ощипывает дичь, жарит её. Если бурят убивает зайца, она готовит рагу.

Сезон гроз прошёл. Во дворе тюрьмы и в огородах у женщин овощи гигантских размеров. Каждый знает почему: земля новая. До приезда осуждённых никто никогда ничего не выращивал в земле Читы.

Полина раскладывает свой урожай в кладовых. Она высадила малину. Из этих ягод и куска сахара, который она купила у коробейника, она готовит сиропы. Один уголок её сада переполнен цветами. Полина получает удовольствие от их выращивания. Она не получит от них ничего другого, кроме этого маленького счастья. Но выживание, как и жизнь, требует немного поэзии.

Как и Мария, она не останавливается. Она может передохнуть только вечером, когда засыпает её ребёнок, и в момент, когда Иван наносит ей визит. Два коротких часа передышки после полудня, затем она снова начинает заниматься садоводством, гладить, крахмалить, шить, вышивать, заниматься своим ребёнком, руководить своей служанкой и крестьянкой, которых она наняла для стирки и ведения хозяйства.

Или она бежит к частоколу, если ей не нужно идти лечить раны жителей деревни, как в те времена, когда она была вынуждена ухаживать за своей матерью и за своими маленькими братьями. Она хорошо управляется с бинтами, вывихами и всем тем, что происходит от переохлаждения – кашли, насморки, боли в груди.

Готовить еду Полине нравится всё больше и больше. В маленькой избе, которую сняли для неё, когда она приехала, она нашла только три плохих переносных плитки, которые должна была растапливать тлеющими углями из печи. В своём новом доме она устроила печь. Каждое утро, едва поднявшись, она готовит кастрюлю для Ивана и его друзей по камере. Как только блюдо готово, она спешит передать его охранникам.

Некоторое время Полина давала уроки кулинарии этим дамам. Они сами попросили её. Пока учились готовить супы, дамы более менее

преуспевали, но как только приступили к мясу, это обернулось настоящей катастрофой. Никаким способом невозможно было заставить их потрошить курицу. В тот момент, когда Полина показывала им, как надо погрузить голые руки внутрь животного и вырвать из него внутренности и кишки, все до последнего, у дам это вызывало рвоту. Они не были способны притронуться к куску мяса, даже, чтобы посолить его – настолько они были ранимы, если можно так сказать. Дамы разразились рыданиями, и когда они успокоились, было сказано окончательное нет, на самом деле, готовка невозможна. Уязвлённые, они настойчиво искали объяснения этому: «Наши матери не научили нас ничему подобному. Мы были изнежены, избалованы. А теперь слишком поздно…». Они винили себя.

Полине удалось разубедить их. Она ответила им, что со всеми несчастьями, которым подверглась её семья, когда она была маленькой, она вынуждена была научиться. Она рассказала им вдруг немного из своей жизни. Они расселись, чтобы послушать её, и вот таким образом закончился курс обучения: вместо супов и жаркого воспоминания и рассказы.

Приближалась зима, благоприятное время для посиделок вокруг печи. Именно это они и делали, и это ещё больше сближало их. Каждая в свою очередь, они доверяли друг другу кусочки своих историй, и с тех пор они непроизвольно разделяют друг с другом свои радости и горести.

Часто все дамы собираются у Полины. Иногда без предупреждения они приходят на обед только для удовольствия поговорить.

Это нисколько не стесняет её, наоборот. Кухня – это её гордость. Как и цветы – её радость. Сильная.

Она намного лучше узнала других женщин. Самая привлекательная из них, это блондинка Александрина. И самая красивая из всех. У неё – изящество, живость эльфа. На неё нельзя смотреть без волнения.

По мнению барона Розена, это оттого, что она одинаково прекрасна как внутри, так и снаружи. Все согласны с ним; Александрина получает очень много денег от своей семьи и раздаёт их, не считая. Возможно, это её способ забыть свои тревоги. Она не прощает себе, что оставила своих двоих детей, несмотря на то, что рождение маленькой Нонушки немного утешило её.

Она обожает своего мужа и, что делает ей честь, скрывает от него свои мучения. Когда они видятся, она всегда сияющая. Это должно ей стоить немалых усилий, у неё нервы на пределе, она всё принимает близко к сердцу, и всё может разрушиться из-за мелочи. Но всё заканчивается тем, что она справляется с собой, сжимает зубы, собирает свои силы, чтобы выстоять.

Следующая Каташа, она кажется монументом твёрдости. Женщина стойкая, набожная, преданная, но очень вспыльчивая. Однако никто не обвиняет её в гневе. Она сама тотчас жалеет об этом, а женщины, которые знают её историю, понимают, что делает её взрывной. Она выросла во дворце невероятной роскоши, и родители ужасно избаловали её. Тем не менее, они никогда не интересовались ею, особенно отец, потрясающе безобразный французский интриган, которому удалось жениться на одной из самых богатых женщин России. Он отчаянно пытался пристроить Каташу, когда этот большой дурень, Трубецкой, влюбился в неё. Родители поспешили выдать её замуж подальше от Санкт-Петербурга, в Париже, и без большой церемонии. Они совсем не любили своего зятя. А с момента раскрытия заговора они желали ему смерти, особенно отец. Для него Трубецкой был изъяном семьи. С восстанием и, более того, со своим исчезновением в утро мятежа он скомпрометировал положение семьи, амбиции отца, замужества других его дочерей, намного более блистательных и прелестных, чем их сестра. Всё могло бы очень хорошо устроиться, если бы Каташа, у которой не было детей от Трубецкого, попросила развод. Вместо этого она была первой, кто отправился в путь в Сибирь. Каташа не считала это превосходством, и если она приехала сюда, то лишь для того, чтобы сбежать от этой семьи выскочек, таких светских и честолюбивых.

У Елизаветы тоже не было детей. Она не говорила об этом и по человеческому великодушию только что удочерила маленькую девочку Ульяну, которую родила её служанка от заезжего любовника. Несомненно, она спасла ей жизнь. Муж мог бы заставить свою жену оставить девочку, но малышка была такой слабенькой, что она бы не выжила.

Александра и Елизавета – это самые молчаливые женщины из всей компании. Тем не менее, они тоже достаточно активные. Они не прекращают из кожи вон лезть ради заключённых и жителей деревни. Сандра, которая только что уехала, была такой же, и это не мешало иметь удовольствие прекрасно проводить благословенное время с ней. Однажды прошлым летом, когда они с Марией находились на берегу реки, какому-то попу захотелось перейти реку вброд, а не на пароме, и ему стало так плохо, что он оказался голым, как червь, под их носом. Они смеялись над этим несколько дней.

Только одна женщина немного обособлена: это Наталья. Она страдает сильной бессонницей; и когда она наконец засыпает, ей снятся кошмары. Или у неё видения. Галлюцинации, должно быть, были мучительными, она издавала вопли. Слышно было на другом конце улицы. Виноваты ли они в том, что оставили своих детей в России? Об этом ли она так беспокоится? Мы наблюдаем, как она смотрит на людей широко

раскрытыми глазами. Затем хватает их ладонь и предсказывает им будущее.

От неё никто не держится в стороне подальше, наоборот, её окружают вниманием. Правило между женщинами такое же, как в тюрьме: переживаем всё сообща: несчастья, страдания, радости, маленькие и большие. Стараемся выходить из этого вместе, и из каждой ситуации мы запоминаем только лучшее.

К тому же в последнее время Наталья успокаивается. Говорят, что она проконсультировалась у шамана.

*

Именно к Марии Полина чувствует себя ближе всего. Их связь – молчаливая. Они наблюдают друг за другом, понимают друг друга, взаимно не нуждаясь в разговоре. Полина, тем не менее, настолько же жизнерадостна, насколько княгиня меланхолична. Полина экспансивная, прагматичная, в то время как Мария сдержанная и часто омрачённая от низменной реальности, как от потрошения куриц.

Они разгадывают друг друга. Мария догадывается, что весёлость Полины и её очаровывающий юмор заменяют ей доспехи. В своих воспоминаниях она объясняет, почему её подруга притворялась, будто всё воспринимает с лёгкостью: это, как скажет она, во избежание того, чтобы кто-то мог бы измерить, до какой степени она была без ума от Ивана.

Полина же совсем не упоминает Марию, кроме как для того, чтобы сказать, что она ею восхищалась. И, также как Александрина, она заведомо не упустила упоминания о том, что её лицо озарялось, когда она видела прекрасного Поджио, проходившего по улице.

Если княгиня и бывшая модная продавщица не нуждаются в разговоре друг с другом, чтобы понимать, это ещё благодаря музыке. Полина всегда настолько любит петь, а Мария, как только у неё выпадает минутка, завладевает партитурой и играет на клавикордах. Мария любит голос Полины. Её контральто подкупает её, и она была поражена, узнав, что та никогда не брала уроков пения. Полина, со своей стороны, получает удовольствие от мелодий, которые Мария (извлекает) заставляет фонтанировать из своей клавиатуры.

Они разделяют также страсть к кочевому миру. Как Бестужев, который вынашивает проект написания русско-бурятского словаря, они сближаются с племенами, которые устанавливают свои юрты на равнине, изучая тарабарщину их языка (учась говорить на непонятном языке), восхищаются их шёлковыми манто, облачёнными талисманами.

Они доходят до того, что подсматривают ритуалы их колдунов, их неслышные диалоги с силами Природы и с духами предков. Они обе чувствуют ещё достаточный порыв, чтобы пойти на встречу с тем, что не походит на них, попытаться понять и насытить этим свою жизнь полупленниц. Если бы я должна была сказать о Марии или о Полине, кто из них был более сильным, я была бы в затруднении. Я думаю, что я бы выбрала обеих.

В ЭТОЙ ХРОНИКЕ некоторые дни следует отметить как особо знаменательные. Происходит нечто такое, что веселит, как никогда. Или наоборот – сильно беспокоит. Судьба задрала нос, затем вернулась в свою нору. Они говорят себе: не нужно, чтобы это повторилось. Но это снова произойдёт, это точно. И это будет конец неподвижного времени.

К худшему, к лучшему? Никто не ведает этого. Молятся, полагаются на Бога.

А жизнь возобновляет свой рутинный ход, они снова начинают теряться в датах.

*

Полина получила деньги из Москвы. Житель деревни узнал об этом. Он входит к ней, чтобы украсть их и едва не убивает её. Она спасена ниспосланным провидением, приходом своего мясника.

В тюрьме, Ивашев, неженатый, тридцати лет, не отказался от проекта побега. Мария и Наталья надеются найти решение. Среди корреспонденции, попавшей им в руки, одна информация задержала их внимание: одна молодая женщина, которая живёт у родителей заключённого мятежника, дочка их гувернантки, оказалась безумно влюблённой в него. Она мечтает соединиться с ним в Сибири.

Дело приняло вид одержимости, она больше не ест и не спит. Что если её выдать замуж за Ивашева? Это его успокоит и устроит всех. Девчонка, француженка, зовут Камилла Лё Дантю, у неё практически больше нет семьи. Ей как раз двадцать лет, и она хорошенькая.

Мария и Наталья увеличили количество писем. План воодушевил девушку и её близких. Дамы только что поговорили об этом с Ивашевым. Он встал на дыбы: куда они вмешиваются? Пусть женщины в европейской части России проводят своё время, желая поженить одних и других, пусть. Но здесь, в исправительной колонии!

Простая перипетия, считает Мария. Рыба на крючке, они возьмут его измором.

Однажды летним утром, после знойного, жаркого дня, Полина

бросает взгляд на свой сад и не верит своим глазам: её цветочная клумба побита морозом. Она подмёрзла ночью, оповещает её служанка. Полина настолько ошеломлена, что запомнила дату произошедшего: в ночь со 2 на 3 августа. 1828, 1829? Она, обычно такая точная, забыла обозначить это.

Она регулярно покупает окуней и карпов у бурят, которые вылавливают их в озере, расположенном на краю почтового маршрута. Ей сообщают, что они больше не продают их. Полина спрашивает жителей деревни. Они раскрывают ей, что кочевники пришли в ярость, когда увидели, что русские ловят рыбу в том озере, которое принадлежит им с незапамятных времён и сбросили туда токсичное вещество. Какое, никто не знает. Между тем, придётся отказаться от рыбы.

Однажды, когда Александрина вела задушевный разговор со своим мужем в переговорной, офицер, который надзирал за ними, хотел запретить ей говорить по-французски. Она отказалась. Он был выпивший и оскорбил её. Запаниковав, она с криком убегает. Охранник набрасывается на неё. Иван, который находится поблизости, вмешивается и удерживает его.

На следующий день комендант приходит, чтобы принести свои извинения молодой женщине. Офицер наказан. Без Лепарского дело в любой момент может принять плохой оборот.

Во время своих выездов верхом Полина часто встречает человека с обрезанным носом. Он поведал ей о своей жизни. Он француз, иммигрировал в Россию во времена Екатерины II. После того как сражался на дуэли, он был посажен в тюрьму, хотел сбежать и убил часового, но его поймали и приговорили к избиению кнутом. Он пережил испытание и заканчивает свои дни здесь. У него есть сын. Два года назад, когда прибыли депортированные, он велел сыну: «Кланяйся перед этими людьми». Он очень хорошо осведомлен о том, что произошло после восстания 14 декабря.

Полина никогда не спрашивала, как он лишился своего носа. Она предпочитает слушать его. Он рассказывает ей о своей охоте. Он так любит преследовать дичь, что добирался до реки Амур. Он утверждает, что там трава такая высокая, что она выше лошадиных ушей.

Она любит истории безносого человека. Он побывал дальше далёкого, было бы здорово поступить также как он. К сожалению, никаких шансов, что это случится.

Однажды душным послеобеденным часом, возвращаясь от Чёртовой Могилы, Иван зашёл пообедать к Полине и позволил себе неболь-

шой отдых. Проснувшись, он захотел пить. Слуга подал ему квас, но у напитка был неприятный привкус. Следующей ночью Ивана постоянно рвало. Молодой охранник воскликнул: «Его отравили мышьяком!» – и заставил его проглотить кувшин молока. Ему помогло.

Чуть позже дом Полины обокрали. У неё украли деньги, которые она спрятала в шиньоне, уезжая из Москвы. Сундук был вскрыт.

Виновные были найдены, это был слуга, который налил Ивану стакан отравленного кваса, и тот человек, который хотел убить Полину. После того как они были арестованы и освобождены из-за отсутствия доказательств, слуга вернул половину денег. «Остальные, – сказал он, – оказались в карманах чиновников, которые вели расследование». «Опять двоюродные братья», – подумала Полина. При отъезде из Москвы один из приближённых ко дворцу убедил её взять этого слугу в Сибирь.

Затем хорошие новости: царь решил вернуть Ивану деньги, которые жаждал получить двоюродный брат, адъютант. Он, царь, также разрешил Александре[1], которая так и живёт у старухи-матери, носить имя своего отца.

Марию постигли два несчастья менее чем за две недели. Первое письмо сообщило ей, что её отец скончался от пневмонии, а другое, что её малыш умер от лихорадки. Она удручена, но не показывает этого. Ею восхищаются больше всего. И задаются вопросом, откуда она берёт эту силу?

Могло ли это быть благодаря шаману, к которому они ходили с Полиной? Они добрались на лодке до священного острова, где жил шаман. Он был молодой, немного заносчивый. Поговаривали, что его отца ударило молнией, и это наделило его даром ясновидения. Он клялся, что получил дар от отца, он также мог лечить больных, сопровождать умирающих в загробный мир, общаться с их духами. Чтобы доказать это, он показал им танец птицы. Он размахивал барабаном, заворачивал себя в покрывало из кожи и меха, которое было обшито амулетами, как бронёй, затем впал в транс. Когда он из него вышел, то захотел предсказать им будущее. Женщины отказались. Они вернулись измученными и неспособными обменяться ни единым словом.

Новый заключённый, именуемый Лунин, прибывает в Читу. Он провёл четыре года в крепости – католик, блистательнейший, превосходный музыкант, и он ничего не делает, как другие. Он оказывает воздействие на всех заключённых своей независимостью и непримиримостью. Политический руководитель. Только о нём и говорят.

[1] Александра – дочь Полины и Ивана, рождённая до их бракосочетания и оставленная в Петербурге на попечение матери Ивана, Анны Ивановны. (Прим. пер.).

Лепарский только что уехал в Нерчинск. Наконец узнали зачем. Один депортированный, перемещённый туда после нескольких дней пребывания в Чите, сбежал с пятью своими друзьями. Он уже вынашивал этот проект задолго до своего перемещения. Его сокамерники пробовали убедить его отказаться. Но он не хотел ничего слышать и, как только прибыл в Нерчинск, предпринял авантюру.

Его схватили, сообщили царю, который решил, чтобы его сообщники были расстреляны. А для него было назначено наказание в виде избиения кнутом. Лепарский ездил туда, чтобы проконтролировать исполнение наказаний.

Вот он возвращается. Полина угодила прямо на него, когда он выходил из экипажа. Было грустно на него смотреть.

Она наводит справки. Он только что пережил страшные часы. Утром, когда солдаты пошли за человеком, приговорённым к кнуту, они нашли его повесившимся на своих цепях. Лепарский был подавлен, но это не был конец его неприятностей. Когда нужно было расстреливать его соучастников, он увидел, что солдаты не умели прицеливаться. Расстрел превратился в скотобойню. От этого он так разболелся, что перед тем, как возвращаться в Читу, он вернулся на их могилы и попросил у них прощения.

Он не приходит в себя в течение нескольких недель. Мысль о том, что читинские депортированные могут сбежать, что их поймают и что он будет вынужден их казнить, как тех из Нерчинска, лишила его сна. Заключённые отныне его дети, которых у него никогда не было.

Полина должна была похоронить маленького Кома[1]. Он неожиданно умер у неё на коленях.

Снова возникает напряжение между кочевниками и солдатами Лепарского. Однажды, когда Иван был у Полины, бурят-коробейник постучал в дверь. Полина впустила его, теперь они часто видят друг друга, и стали друзьями.

Посещения кочевника радуют её. Это моменты мира, обмена, а также игры. Солдат, который сопровождал Ивана, исчез, Полина держит свою маленькую дочку на руках, а бурят, по обыкновению, раскладывает свои товары прямо на полу. Начинаются торговые переговоры.

Солдат возвращается. Присутствие бурята выводит его из себя. Он хватает его за воротник и хочет вышвырнуть наружу. Полина встаёт между ними. Рядовой пугается и улепётывает, хлопнув дверью. У неё срабатывает рефлекс, она отскакивает назад до того, как хлопает дверь, грозя ударить ребёнка.

Однажды сентябрьским вечером, в то время, когда небо чистое, а

[1] Ком – собачка, которую Полина привезла с собой из Петербурга. (Прим. пер.).

дни ещё длинные, ей удался чудесный ужин. Она никого не ждала и приготовилась к уединению с самой собой, которое она так любила: сесть лицом к долине и петь старинные французские романсы, глядя на солнце, исчезающее за лесами.

Неожиданно тишина была нарушена голосами и смехом. Она выскакивает на улицу, всматривается в сумерки, узнаёт своих друзей. Дамы возвращаются с прогулки по горам и объявляют ей, что умирают с голоду. В считаные минуты она импровизирует ужин: жареная дичь, поросёнок в желе. И всё остальное. Однако заливное из поросёнка в глубине Сибири – снимаю шляпу! Чтобы приукрасить это холодное блюдо, она отправилась нарезать салат в своём саду. Опустилась ночь. Елизавета сопровождает её с фонариком.

Когда садились за стол, Полина обнаружила, что больше нет вина. Она предлагает гостям малиновый сироп. «Почему бы и нет?» – восклицают дамы. Сладко-солёное сочетание оказывается сочным, они поглощают еду.

В тот вечер они бодрствовали допоздна. Женщины не переставали смеяться, и совсем не хотели расходиться.

Когда Полина вспоминает этот момент благодати, она произносит слова, которые сбивают с толку: «Надо признать, что было много поэзии в нашем существовании. Мы были связаны тесной дружбой».

Мне нравится, что Полина смешивала поэзию и дружбу. Я тоже, я не разделяю их. Ради любви это стоит того.

*

На пороге осени Полина обнаруживает, что снова беременна. Мария тоже, но немного позже, в преддверии больших холодов. Полина рожает в середине мая ещё одну, третью дочку. Она называет её Ольга.

Спустя шесть месяцев у Марии тоже появляется на свет дочка. Младенец прожил только два дня. Она похоронит её в тени деревянной церкви, в которой венчалась Полина. По возвращении с церемонии она разбита. Женщины уверены, что она справится. Мария всегда всё преодолевает.

Они грезят и знают это. Что-то обязательно должно произойти. Они знают что. Но зачем говорить об этом? Сам Лепарский избегает этого вопроса. До того момента, пока это становится невозможным. После короткого и таинственного выезда в Иркутск он во второй раз собирает заключённых для торжественного объявления. «Мы собираемся уезжать, – заявляет он, – новая тюрьма совсем скоро будет построена в Петровском Заводе, в поселении, расположенном в пятистах километрах отсюда. Мы покинем Читу в начале августа месяца, когда прекра-

тятся грозы. Мы сформируем два конвоя. Женщины поедут следом, казаки будут сопровождать их повозки».

*

Полина выехала 7 августа, несколько часов спустя после того, как первая партия заключённых отправилась в путь. Так как она боялась, что дети – Анна, два с половиной года, и Ольга – три месяца, не вынесут этого путешествия, она наняла кормилицу, бурятку.

Перед отъездом женщины продали свои дома. «За головку сахара», – написала Мария, когда она объявляла эту новость своим близким. Говоря другими словами, за буханку хлеба.

Жители деревни и кочевники провожали их повозки до самого края деревни, до того места, где находился паром. Они желали им удачи, они плакали.

Француз, у которого не было носа, смешался с маленькой толпой. Он тоже был взволнован. У него больше не было никого, кому он мог бы рассказать о своей охоте. Ни о травах на берегах реки Амур, которые поднимаются выше лошадиных ушей.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК УЕХАТЬ ИЗ ЧИТЫ, я посетила единственный дом, который остался с того самого времени, дом Елизаветы.[1] Другие были разрушены во время строительства Транссибирской магистрали.

Я там встретилась с Ларисой, с Людмилой-брюнеткой и одной из двух Марин. Наша встреча была немного грустной, мы провели так много времени, дискутируя о Полине и её друзьях.

Жилище Елизаветы, солидная бревенчатая постройка, украшенная фронтоном и утопающая в зелени, была восстановлена и переделана в библиотеку для детей и подростков. С большой помощью копий гравюр того времени и акварелей Бестужева удалось воскресить смелое предприятие восьми женщин, страдания ссыльных и благородное присутствие старинной хозяйки этих мест. Мы расположились на втором этаже вокруг длинного деревянного стола. Комната в прошлом, несомненно, гостиная просторна; а свет, проникающий через окружающую растительность, мягкий и немного зеленоватый. С самого начала Лариса вернулась к сюжету, который волновал её сердце, – это судьба детей, рождённых во время ссылки и изгнания бывших мятежников. «При рождении, – вздохнула она, – все они получили имя, но не фамилию. Некоторые родители, заботясь о том, чтобы не скомпрометировать их будущее, дали им отчество какого-нибудь жителя деревни, с которым они были

[1] Дом Елизаветы Нарышкиной. (Прим. пер.).

связаны. Несмотря ни на что бесчестье было несмываемым. «Крепостные Короны» было написано в их бумагах. Тогда как Сибирь никогда не знала крепостного права! Для Полины, француженки, это была ужасная рана».

Шестидесятилетняя Лариса выражала свои мысли с олимпийским спокойствием, и оттого её слова имели больший вес. Но она напряглась, когда пришла к выводу: «Мы, русские, многим обязаны французам. Вы привнесли сюда дух Просвещения. Мы в этом нуждаемся, как никогда. В то время как в вашей родной стране вы находитесь в процессе утраты этих ценностей, этого духа!».

У меня не было времени, чтобы ответить. Как заключённые, когда они шли закапывать Чёртову Могилу, Людмила-брюнетка, сидевшая на краю стола, запела «*Марсельезу*». Лариса и Марина знали её, мы пели хором.

ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ ДО ПЕТРОВСКОГО ЗАВОДА, мы воспользовались Транссибирской магистралью. Поезд отправлялся в час ночи, у меня было много времени, чтобы привести в порядок свои записи.

В тот момент, когда я проходила через холл отеля, чтобы поужинать, портье посчитал нужным предупредить меня по-английски, что Франция сыграла вничью с Данией на стадионе Лужники в Москве. Это деликатное внимание меня тронуло почти так же, как «*Марсельеза*» Ларисы в доме Елизаветы. Это становилось серьёзным, это событие, Кубок мира, мне следует быть в курсе этого. Я бросилась к компьютеру, который заведение предоставляет в распоряжение постояльцам, в комнатке, похожей на кладовую, напротив стойки регистрации.

Дела на самом деле принимали серьёзный оборот. На моих предстоящих этапах пути, в Петровском Заводе, на озере Байкал, в Иркутске, Нижнем Новгороде, мне нужно будет владеть ситуацией, если только французская команда не будет раздавлена к тому моменту.

Я написала памятку в своём блокноте. На этот момент в нашей группе, группе C, мы выглядели не так уж плохо. Но нужно было обратить внимание на Хорватию из группы D, броненосцы, по всей видимости. Даже бельгийцы из группы G могли бы нам доставить неприятности, если они не будут уничтожены англичанами. Что касается немцев, группа F, игра пошла насмарку: южная Корея только что забила им два гола между глаз. Они не забили ни одного, потерпели унизительное поражение с самого начала.

Я становилась сведущей. Мой портье наблюдал за мной. Как только он увидел, что я прилипла к экрану компьютера, он тотчас понял, что я пыталась понять, какие надежды у команды Франции.

Когда я вернулась к его стойке, он посчитал нужным мне сказать: «Через три дня «Франция–Аргентина» в Казани, будет жарко». Было что-то похожее на молнию в глубине взгляда его серо-голубых глаз, и я поняла, что Россия тоже участвует в гонке. Это совершенно ускользнуло от меня.

*

Людмила-брюнетка провожала меня на вокзал вместе со своей подругой Ириной, её мужем и сыном. Пока мужчины доставали мой багаж из багажника машины, она снова заговорила со мной о Полине, и, как в доме Елизаветы, она запела «*Марсельезу*».

Я подхватила. Мы вошли в здание вокзала, взявшись за руки и распевая. Ни Ирина, ни её муж, ни сын, ни кто бы то ни был, не казались удивлёнными.

Чтобы добраться до железнодорожного перрона Транссиба, вместо того, чтобы воспользоваться мостом, они прошли по путям пешком, держа мои сумки над рельсами, я не знаю почему. Возможно, там не было моста. Была ночь, я немного выпила, не могу ни в чём поклясться.

Поезд ещё не прибыл, мы немного подождали. Чтобы скоротать время, Людмила заговорила со мной о футболе: «Франция начала неплохо на Кубке мира».

Мне показалось это дружеским с её стороны, и я сочла нужным ответить: «Я не думаю об этом». Она подняла брови: «Да ладно. Вы знаете что-нибудь о футболе?».

Земля пришла в движение, я пробормотала: «Нет, я в нём не понимаю, строго говоря, ничего, это чисто интуитивно». И я благоразумно вернулась к Полине.

Когда поезд тронулся, луна последовала за ним. Она была полной. Как на акварели, где Бестужев нарисовал тюремный двор, чудесный свет падал от звёзд. Определённо, точно такой же синий.

/Из книги: Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXVIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2023 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2023 года подведены итоги XXVIII межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России при участии и поддержке кафедры китайского языка и кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие 117 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Целью конкурса является выявление талантливой молодежи в области перевода художественной литературы с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные.

Задачи проведения конкурса:

1. Объединение переводчиков художественной литературы под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.
2. Стимулирование молодежи к совершенствованию знаний в области иностранных языков и творческой деятельности. Усиление роли художественного перевода для достижения взаимопонимания между народами в контексте расширяющегося диалога культур.
3. Приобщение зарубежных читателей к забайкальской поэзии в переводе на иностранные языки.

Участниками конкурса стали молодые люди из многих регионов нашей страны. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов, представляющих различные российские колледжи, институты и университеты: ГАПОУ СО «Екатеринбургский колледж транспортного строительства», Алтайский госуниверситет, Забайкальский госуниверситет, Рыбинский государственный авиационный, Технический университет им. П. А. Соловьёва, Санкт-Петербургский госуниверситет, Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Сибирский госуниверситет путей сообщения (Новосибирск), Самарский филиал Московского городского педуниверситета.

Кроме того, в конкурсе принимали активное участие учителя иностранных языков и учащиеся российских гимназий и общеобразовательных средних школ. Среди них, в первую очередь, следует назвать многопрофильную языковую гимназию № 4, многопрофильную гимназию № 12 (Чита); МБОУ СОШ № 14 (Саров, Нижегородская область); МБОУ городские средние общеобразовательные школы № 27, № 33, № 48 (Чита), МАОУ № 134 (Екатеринбург), МОУ СОШ с. Тарбагатай, ЧОУ школа-интернат

№ 33 ОАО «РЖД» с. Толбага; МКОУ Подойцынская СОШ Балейского района, МОУ СОШ с. Баляга (Забайкальский край).

Интерес к конкурсу молодых поэтов-переводчиков проявили также и многие представители работающей молодёжи и творческой интеллигенции.

Основные номинации:

1. Перевод поэтических текстов с английского, немецкого, французского и китайского языков;
2. Перевод забайкальской поэзии с русского на иностранные языки.

В соответствии с «Положением» о конкурсе жюри определило авторов лучших поэтических переводов с английского, немецкого, китайского и русского языков.

Авторами лучших переводов являются:

– с английского языка

1. **Мусорина Юлия** (учитель английского языка МБОУ «СОШ № 27», Чита).
2. **Кибирева Елена** (учитель английского языка Подойницынской СОШ Балейского района Забайкальского края).
3. **Чикурина Анна** (студентка 2 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург).
4. **Коржова Екатерина** (музейный работник, Чита).
5. **Фёдорова Екатерина** (ООО «АЛС Чита-Лаборатория»)

– с немецкого языка

1. **Коржова Екатерина** (музейный работник, Чита).
2. **Небогатикова Наталия** (студентка 2 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
3. **Краус Лилия** (Чита).
4. **Кукушкин Даниил** (специалист по работе с иностранными специалистами ПАО «Метафракс Кемикалс», г. Губаха, Пермский край).

– с китайского языка

1. **Федотов Макар** (студент 1 курса китайского отделения историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета).

Перевод Забайкальской поэзии

– с русского языка *на английский*

1. **Коржова Екатерина** (музейный работник, Чита).
2. **Товстик Светлана** (студентка 2 курса магистратуры Алтайского государственного университета, Барнаул).

– с русского языка *на немецкий*

1. **Краус Лилия** (Чита).
2. **Кукушкин Даниил** (специалист по работе с иностранными

специалистами ПАО «Метафракс Кемикалс», г. Губаха, Пермский край).

– с русского языка *на китайский*

1. **Мей Лин** (студентка 1 курса юридического факультета Забайкальского государственного университета).

Конкурсное жюри особо отмечает авторов, которые представили адекватные переводы с нескольких языков: Екатерину Коржову (английский, немецкий, русский), Елену Кибиреву (английский, немецкий, французский), Лилию Краус, Даниила Кукушкина (немецкий, русский).

Авторы лучших переводов награждены почётными грамотами, остальные участники – грамотами и сертификатами.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет авторов лучших переводов и всех участников межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2023 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода!

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

Переводы с английского языка

Ina D. Coolbrith (1841 – 1928)

One Little Song

For you ‘one little song to sing
That deep within your heart
May live, a sweet and sacred thing
From all the world apart.’

A song? – the rhythmic rapture of
A passion that endures! –
And one, alone, for you? Ah, Love,
When all my songs are yours!

Ина Донна Кулбрит

Одна песенка

Я песню для тебя спою,
Что глубоко в душе.
Святая сладость как в раю,
Не сыщешь на земле.

А что за песня? То восторг
От страсти и огня.
Всё для тебя, любовь моя,
Все песни для тебя!

Перевод Елены Кибиревой

Песенка

Тебе я песенку спою,
Храни её внутри,
И душу будет греть твою
Она, коль я вдали.

Что песня? Вдохновенный слог
Я в сердце нёс, любя,
И в рифму бережно облёк,
Чтоб радовать тебя!

Перевод Анны Чикуриной

Loneliness

The waning moon was up; the stars
Were faint, and very few;
The vines about the window-sill
Were wet with falling dew;

A little cloud before the wind
Was drifting down the west;
I heard the moaning of the sea
In its unquiet rest;

Until, I know not from what grief,
Or thought of other years,
The hand I leaned upon was cold,
And wet with falling tears.

Одиночество

Взошла ущербная луна,
И звёзды столь бледны.
Перед окном моим лоза
Промокла от росы.

Затишье перед бурей вновь
В закатных облаках.
Я слышу моря тихий стон
В своих мятежных снах.

И от неведомой беды
Или от прошлых грёз
Надежды руки холодны
И вымокли от слёз.

Перевод Елены Кибиревой

Одиночество

Лунный серп взошёл, а звёзды
Мерцали тускло в вышине.
Лоза стелилась за окном,
Купаясь в выпавшей росе.

А ветер облако кружил,
На запад унося;
И с моря раздавался стон,
Волнуя вновь меня.

В какой же миг пришла беда,
Никак мне не понять.
Надёжных рук твоих тепло
Смогла я потерять.

Перевод Юлии Мусориной

Одиночество

Было темно; средь тусклых звёзд
Лишь лунный лик мерцал;
На стеблях виноградных лоз
Слезой блестит роса.

На запад облачко одно
Плыло в свой дальний путь,
И море плакало о том,
Что не могло уснуть.

И от стенаний моря ли,
Иль от тоски другой, –
Катились слёзы с щёк моих
На хладную ладонь.

Перевод Екатерины Фёдоровой

Spencer Michael Free (1856 – 1938)

The Human Touch

‘Tis the human touch in this world that counts,
The touch of your hand and mine,
Which means far more to the fainting heart
Than shelter and bread and wine;

For shelter is gone when the night is o’er,
And bread lasts only a day,
But the touch of the hand and the sound of the voice
Sing on in the soul alway.

Спенсер Майкл Фри

Прикосновенье

Бесценен миг прикосновенья.
Нет в мире ничего сильней.
Для сердца это во сто крат
Ночлега, хлеба и вина важней.

С утра ночлега уж не будет.
И хлеб останется черстветь.
Лишь голос и прикосновенье
В душе всё время будут петь.

Перевод Юлии Мусориной

Касание рук

В прикосновении целый мир,
Тепло объятий и слов
Для раненых душ куда важнее,
Чем хлеб, и вино, и кров.

Исчезнет кров, лишь рассвет настанет,
И хлеба хватит на день,
Но касание рук и голоса звук
В душе сберегу своей.

Перевод Анны Чикуриной

Edwin Markham (1852 – 1940)

A Creed

There is a Destiny that makes us brothers;
None goes his way alone:
All that we send into the lives of others
Comes back into our own.

I care not what his temples or his creeds,
One thing holds firm and fast –
That into his fateful heap of days and deeds
The soul of man is cast.

Эдвин Маркхэм

Кредо

Судьба, как братьев, сводит нас,
Никто в пути один не остаётся,
И всё, что сделано для друга в добрый час,
Для нас сторицей снова обернётся.

Не для меня наказы, проповеди, речи,
Мне до конца понятно лишь одно:
Что в бездне дел и время быстротечно –
Душе бессмертной жить в нём суждено.

Перевод Елены Кибиревой

Кредо

По жизни вместе мы идём.
Одна на всех судьба.
И что другим мы отдаем
Вернётся нам сполна.

Господь не сводами церквей,
А верой нас спасает.
И в суете нелёгких дней
К людской душе взывает.

Перевод Юлии Мусориной

Вера

Путь жизни, что судьба нам преподносит,
Нельзя пройти одним.
Всё то, что в жизнь других людей приносим,
Вернётся к нам самим.

Не церковь и не вера нас сроднила,
Есть кое-что важней:
Проходят души трудностей горнило
В потоке дел и дней.

Перевод Анны Чикуриной

Henry Wadsworth Longfello (1807 – 1882)

Loss and Gain

When I compare
What I have lost with what I have gained,
What I have missed with what attained,
Little room do I find for pride.

Генри Уодсворт Лонгфелло

Потери и приобретения

Коль я сравню,
Что потерял и что нашёл,
Что упустил и что обрёл,
Гордиться нечем мне на деле.

I am aware
How many days have been idly spent;
How like an arrow the good intent
Has fallen short or been turned aside.

But who shall dare
To measure loss and gain in this wise?
Defeat may be victory in disguise;
The lowest ebb is the turn of the tide.

Я признаю,
Что праздно жил порой.
Мои мечты неслись стрелой,
Но не достигли цели.

Дано ль кому
Все счесть потери и приобретенья?
Подчас сулит победу пораженье:
Прилив уйдет, оставив мели.

Перевод Юлии Мусориной

Потери и приобретения

Если сравнить,
Что я упустил и что обрёл,
Что потерял и что нашёл,
Причин для гордости вовсе нет.

Мне не забыть,
Как много дней я потратил зря,
Как цель благую утратил я
И упустил торжество побед.

Но как судить,
Нам рока прихоти не понять:
Провал победою может стать,
А пользу вдруг заменяет вред.

Перевод Анны Чикуриной

Потери и приобретения

Когда сличаю
Утраты скорбь и триумф побед,
Больной вопрос и мой ответ,
Гордость мне не дано питать.

Я точно знаю,
Что не всегда твёрдо к цели шёл,
Что хоть я лук свой к добру навёл,
Стреле моей не дано летать.

Но не встречаю
Я тех, кто смел бы всё рассудить.
Тону, но я волен в любой миг всплыть;
Бурун сойдёт, и наступит вновь гладь.

Перевод Екатерины Коржовой

Henry Wadsworth Longfello (1807 – 1882)

Генри Уодсворт Лонгфелло

The Golden Sunset

The golden sea its mirror spreads
Beneath the golden skies
And but a narrow strip between
Of land and shadows lies.

The cloud-like rocks, the rock-like clouds
Dissolved in glory float.
And midway of the radiant flood
Hangs silently the boat.

The sea is but another sky,
The sky a sea as well,
And which is earth and which is heaven,
The eye can scarcely tell.

Золотой закат

Как зеркало, морская гладь
Златое небо отражает.
Закат багряной полосой
От неба море отделяет.

То ль скалы, то ли облака –
Всё в дымке голубой.
И лодка, кажется, парит
Меж небом и землёй.

Где море и где небеса –
Никак не разобрать.
Перемешалось всё вокруг,
И глазом не объять.

Перевод Юлии Мусориной

Золотой закат

Златится небо в зеркалах
Морского полотна,
Полоской в светлой пустоте
Земля едва видна.

Все вместе – скалы, облака,
В мерцании одном,
Зависла лодка рыбака
В сиянье золотом.

В слиянье моря и небес
Равны они на вид.
Где их граница, зоркий глаз
Едва ли различит.

Перевод Анны Чикуриной

Переводы с немецкого языка

Joseph Von Eichendorf (1788 – 1857)

Frühlingsnacht

Übern Garten durch die Lüfte
Hört ich Wandervögel ziehn,
Das bedeutet Frühlingsdüfte,
Unten fängt's schon an zu blühn.

Jauchzen möcht ich, möchte weinen,
Ist mir's doch, als könnt's nicht sein!
Alte Wunder wieder scheinen
Mit dem Mondesglanz herein.

Und der Mond, die Sterne sagen's,
Und in Träumen rauscht's der Hain,
Und die Nachtigallen schlagen's:
Sie ist deine, sie ist dein!

Йозеф фон Эйхендорф

Весенняя ночь

Нынче ночью в сад я вышел,
Птиц заслышав возвращенье.
Воздух уж весною дышит:
Начинается цветенье.

Плакать, ликовать хочу я,
И едва могу поверить,
Но с луною вместе чудо
Мне в окошко снова светит!

В тихом шелесте деревьев,
В звонкой трели соловья,
В шёпоте светил на небе
Слышится: она твоя!

Перевод Наталии Небогатиковой

Весенняя ночь

Глядя в небо, я над садом
Снова слышу птиц полёт,
Так весенним ароматом
Вся земля вокруг цветёт.

Я, ликуя, плакать буду:
То со мной, чего не ждал!
Светит мне былое чудо
Там, где месяц воссиял.

И луна пленит речами,
В грёзах рощи шелестят,
И пою я с соловьями:
Ах, твоя она – ты рад?

Перевод Екатерины Коржовой

Nachts

Ich wandre durch die stille Nacht,
Da schleicht der Mond so heimlich sacht
Oft aus der dunklen Wolkenhülle,
Und hin und her im Tal
Erwacht die Nachtigall,
Dann wieder alles grau und stille.

Ночью (Колыбельная)

Безмолвна ночь, я странник сна.
Крадётся медленно луна,
Вся высь затянута в печали,
И вдоль долины всей
Проснулся соловей,
Затем путь в серой, тихой дали.

Перевод Екатерины Коржовой

Ночью

В ночи спокойной я бродил,
Украдкой месяц в небе плыл
Средь тёмных облаков покрова,
Ну, а в долине там и тут,
Проснувшись, соловьи поют,
Потом всё тихим стало снова.

Перевод Лилии Краус

Ночью

Сквозь тишь ночи блуждаю я,
Едва скользит впотьмах луна,
И часто с облаков покрова,
То там, то тут в долине
Звук трели соловьиной,
Затем всё серо и спокойно снова.

Перевод Даниила Кукушкина

Ludwig Uhland (1787 – 1862)

Людвиг Уланд

Seliger Tod

Gestorben war ich
Vor Liebeswonne:
Begraben lag ich
In ihren Armen;
Erwecket ward ich
Von ihren Küssen;
Den Himmel sah ich
In ihren Augen.

Блаженная смерть

Покинул мир я
В любви блаженстве:
Был погребённым
В нежнейших дланях,
А сон прервался
От лобызаний,
И рай увидел
В её я взгляде.

Перевод Даниила Кукушкина

Блаженная смерть

Меня убило
Любви блаженство:
Был погребён я
В её объятьях;
От поцелуев
Я пробудился;
В её глазах я
Увидел небо.

Перевод Наталии Небогатиковой

Mailied

Wenig hab ich noch empfunden
Von der werten Frühlingszeit;
All die Lust und Lieblichkeit
Hat zu mir nicht Bahn gefunden.
Ach! was soll ein Herz dabei,
Das sich so zerrissen fühlet?
Jetzt empfind ich erst den Mai,
Seit der Sturm in Blüten wühlet.

Майская песня

Малы все чувства мои были
К прекрасным временам весенним,
И всё: влюблённость и веселье –
Ко мне путей не находили.
Ах! Что же сердце затевает?
Себя разбитым полагая?
Май лишь теперь я ощущаю, –
И кровь бурлит и закипает.

Перевод Лилии Краус

Heirich Heine (1797 – 1856)

***

Der Schmetterling ist in die Rose verliebt,
Umflattert sie tausendmal,
Ihn selber aber, goldig zart,
Umflattert der liebende Sonnenstrahl.

Jedoch, in wen ist die Rose verliebt?
Das wüsst ich gar zu gern.
Ist es die singende Nachtigall?
Ist es der schweigende Abendstern?

Ich weiß nicht, in wen die Rose verliebt;
Ich aber lieb euch all`:
Rose, Schmetterling, Sonnenstrahl,
Abendstern und Nachtigall.

***

А мотылёк в дивную розу влюблён,
Вальсирует нежно с ней,
Его лаская, с ним златой
Вальсирует любящий блеск лучей.

И всё ж, в кого роза та влюблена?
Хочу я знать ответ.
Быть может, в певчего соловья?
Быть может, в звёздный безмолвный свет?

Не знаю, в кого она влюблена;
Вы все в душе моей:
Роза, мотылёк, блеск лучей,
Свет звезды и соловей.

Перевод Екатерины Коржовой

***

Бабочка в розе не чает души,
Порхает над ней и кружит,
Её же саму влюблённой рукой
Солнечный луч золотит.

Но вот что бы мне хотелось узнать:
А роза в кого влюблена?
Быть может, ей нравится песнь соловья
Иль далёкая в небе звезда?

Кого любит роза, мне знать не дано,
Но всех вас равно люблю я:
Бабочку, розу и солнечный луч,
Звезду в небе и соловья.

Перевод Наталии Небогатиковой

Mit deinen blauen Augen	***
Mit deinen blauen Augen Siehst du mich lieblich an, Da wird mir so träumend zu Sinne, Daß ich nicht sprechen kann.	Своими синими глазами Глядишь влюблённо на меня, От чувств моих и от мечтаний Лишаюсь дара речи я.
An deine blauen Augen Gedenk ich allerwärts; – Ein Meer von blauen Gedanken Ergießt sich über mein Herz.	И о глазах небесно-синих Теперь мечтаю я везде – И море мыслей, тоже синих, Сердечко омывает мне.

Перевод Лилии Краус

Перевод с китайского языка

林徽因（1904 – 1955）	**Линь Хуэйинь**
黄昏过泰山	**Восходя под вечер на Тайшань**
记得那天 心同一条长河， 让黄昏来临， 月一片挂在胸襟。 如同这青黛山， 今天， 心是孤傲的屏障一面； 惹郁， 不忘却**晚霞**， 苍莽， 却听脚下风起， 来了夜—	Тот день в своих воспоминаньях сохраняю: Едино сердце вновь с потоком вдаль струящейся реки, Теням закатных сумерек владенья уступаю, Подвеской тонкий месяц на груди висит. Подобно сей темнеющей от зарослей вершине, С той поры В сердце нет ворот для одиночества гордыни; И в окруженье трав благоуханных Зари вечерней вспоминаю огненный чертог, Среди кустов темнеющих бадьяна Внимаю ветру, что скользит у ног – Вечер в ночь переступил порог...

Перевод Макара Федотова

Переводы с русского языка

Забайкальская поэзия

Вячеслав Александрович Вьюнов (род. в 1953 году)

Поэт, прозаик, литературный критик. Вячеслав Вьюнов родился в г. Чите. Образование высшее, учился в Иркутском университете на факультете журналистики и в Литературном институте имени М. Горького. Член Союза писателей России с 2004 года. Член Забайкальского регионального отделения Общероссийской общественной организации Союза писателей России. Проживает в селе Тасей Арахлейского поселения Читинского района Забайкальского края.

***

Я жизнь не оставляю на потом,
Я днями, как монетами, швыряю.
Мне их в карман насыпали пальто,
А сколько их насыпали – не знаю.

***

For life “Today and Here” I shall vote!
I hurl the days, like coins, with zest and pleasure!
They’ve filled them to the pocket of the coat,
How many – oh, by Christ, I cannot measure.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

***

Ich spar’ das Leben nicht im Nachhinein,
Vergeude meine Tage wie die Münzen.
Sie sind in meinem Mantel mit dabei,
Die Anzahl ist mir jedoch nicht begriffen.

Перевод на нем. Даниила Кукушкина

***

Памяти Сергея Авдеева

Свет сиреневый, розовый свет
Опускается вечером с неба.
Есть в нём холод грядущего снега
И тепло мною прожитых лет.
Что с того, что когда-то и мне
Приходилось и горько и сладко?
В этой лёгкой сквозной вышине
Растворяется всё без остатка.

***

In memory of Sergei Avdeyev

The sky is lilac, the pink light
Comes down; the day’s about to go.
It makes me think of the cold snow
And the warm years of my life.
What does it matter? So have I
Had both the bitters and the sweets.
This airy and transparent height
Will take it all away it seems.

Перевод на англ. Светланы Товстиковой

***

In fond remembrance of Sergey Avdeev

Rays are lilac and pinkish are rays,
Sky is gifting again evening hour.
Such is coldness of swift snowy shower,
Such is warmth of my halcyon days.
Can I praise, can I judge, can I fight
With my life’s contradictory notions?
Over there in light draughty height
Are dissolved all events and emotions.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

***

Стихи не пишутся вдвоём,
Стихи приходят к одиночкам.
Так к ночи ходит водоём
И к водоёму ходят ночи.
И здесь свидетель ни к чему.

Ему,
С наивными очами,
Не надо знать, в какую тьму
Уходят лилии корнями.

***

You don’t write poetry in twos,
It takes a loner to berhyme.
Like lakes to moon, so comes the muse,
Like moon to lakes, in the nighttime.
No need for witnesses in here.
Such things are not meant to be seen;
One’s
Too naive to be aware
Of darkness lily’s rooting in.

Перевод на англ. Светланы Товстиковой

***

The verse is never writ by twain,
The verse is coming to the singles.
So to the night will come the main,
And with the main the night-time mingles.
And I don’t need onlooker’s vim.
To him,
With eyes naïve and silly,
Let be unknown the dark that’s dim
In which are sprouting roots of lily.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

***

Gedichte schreibt man nicht zu zweit,
Sie kommen nur zu jedem einzeln,
So gehen Nächte zu jedem Teich,
Und so, zu Nächten gehen Teiche.
Hier hat der Zeuge nichts zu tun
Mit seinen
So naiven Augen.
Er braucht nicht zu wissen, wo
Im Dunkel Lilien Wurzeln haben.

Перевод на нем. Лилии Краус

***

На выбор.
Нелепо.
Случайно.
Не ведая меры тепла,
Поэзии лёгкое пламя
Согрело мне душу дотла.

***

I’m chosen.
It’s funny.
Luck’s dire.
The warmth can extremely redound:
Of verse the transparent fire
Has warmed soul of mine to the ground.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

***

Been chosen
Absurdly,
At random.
In boundless heat I’ve been drowned.
The delicate fire of poems
Has warmed up my soul to the ground.

Перевод на англ. Светланы Товстиковой

***

Wahlweise.
Unsinnig.
Beiläufig.
Und ohne einer Wärmemenge,
Der Poesie ‘ne leichte Lohe
Hat meine Seele ganz erwärmt.

Перевод на нем. Даниила Кукушкина

***

Ещё совсем не холода,
Но пахнет дымом.
Необходимо иногда
Быть нелюбимым,
Ненужным,
Брошенным,
Больным,
Ничьим, как ветер.
Совсем одним,
Совсем одним
На белом свете.

***

It is not cold for beasts and men,
But smoke smells here.
It is important now and then
To be not dear,
Not needed,
Lorn by all,
Diseased,
No one's, like air.
From friends released,
From foes released,
Oh yes, I swear!

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

***

Es ist nicht kalt,
Doch riecht nach Rauch.
Man soll manchmal
Missliebig sein.
So ungebraucht,
Verlassen,
Krank,
So herrenlos wie Wind.
Komplett allein,
Komplett allein
Zu sein macht's Sinn.

Перевод на нем. Даниила Кукушкина

Художнику

Сергею Прудникову

Ты идеал возьми мишенью,
Но забывать о том нельзя:
Лишь те творенья совершенны,
Где есть невидимый изъян.
Он – ускользаем, словно блики,
Он – как невольная вина.
Он – как в джокондовой улыбке –
Асимметрия не видна.

To The Artist

Sergey Prudnickov

Let the ideal be your craving,
But don't forget and don't object:
The perfect works and ever saving
Have got invisible defect.
Like shades and lights, it's ever slipping,
It's like involuntary fault.
Like Mona Lisa's smile, it's keeping
Asymmetry as not the salt.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

Dem Maler

Sergey Prudnikov

Das Ideal nimm als Zielscheibe –
Nun darf man nicht vergessen dies:
Beendet sind nur die Geschöpfe
Wo unmerkbar ein Mangel ist.
Er ist wegschleichend, wie Lichtflecken,
Wie ungewollte Schuld. Ist`s wahr.
Er ist – wie das Giocondas Lächeln –
Asymmetrie ist unsichtbar.

Перевод на нем. Лилии Краус

Сестре Наталье

Жёлтый дым подстриженных акаций,
Розовый лишайник на скале.
Нет! Не перестану удивляться
Совершенству жизни на земле!
Только формы, запахи и звуки,
Только цвет – и никаких идей!
Только руки, только эти руки
Из породы диких лебедей.
Голубые в изморози сливы,
Кремовые розы на столе.
Слишком всё разумно и красиво,
Чтобы быть случайным на земле.
Ясно обозначена тропинка
Белой паутиной по утрам.
Слишком крепко эта паутинка
Стягивает завтра и вчера.
Слишком гениально всё и прочно!
Отчего же, без толку спеша,
И сама не зная, чего хочет,
Места не найдёт себе душа?

To Sister Natalya

Yellow smoke of nursed and lopped acacias,
And the pinkish lichen on the crag.
Oh! How is amazing and vivacious
Life with its ideal sigh and wag!
Only forms, aromas, sounds and voices,
Only tint – and none of “whys” and “whens”!
Only hugging, hugging that rejoices
With your arms resembling graceful pens.
Plums are blue, and they are slightly freezing,
Lie the creamy roses on the dish.
Oh, too much it’s beauteous, sane and easing,
Just to be fortuitous lone wish.
Pathway is distinguished wide and clear,
Cobweb in the morn is white and vast.
Too much toughly can it now and here
Unify the future with the past.
All is too much gifted, ever shining!
But my soul does rush in senseless race,
Oh, for what is poor creature pining,
Cannot find its pacifying place.

Перевод на англ. Екатерины Коржовой

НОВИНКИ

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

КИТАЙСКИЙ НА ЛАДОНИ

Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний)

Эта книга для желающих начать учить китайский язык и для тех, кто уже учил или изучает его, но ощущает потребность в самостоятельной творческой активизации данного процесса и в комплексной ревизии своих знаний, в их пополнении и закреплении.

В ней вы найдёте ответы на самые распространённые вопросы о китайском языке: что такое традиционный иероглиф и упрощённый иероглиф, сколько иероглифов надо знать, как запоминать иероглифы, правда ли, что иероглиф – это целое слово, что такое тоны, как выглядит китайский алфавит, что делать для развития своей разговорной речи на китайском языке, как быть с диалектами и т. п.

Это уникальный путеводитель по китайскому языку.

Особенность настоящей книги в том, что в ней представлены сразу все самые употребительные иероглифы китайского языка для пользования китайским языком на любом уровне, то есть 4023 иероглифа – оптимальное количество для свободного владения современным китайским языком. Впервые в России в одном учебном пособии так подробно представлено такое большое количество иероглифов.

К 2242 иероглифам применён индивидуальный подход и даны все самые употребительные слова с участием этих иероглифов, а также лексемы, имена, которые связаны с культурой, литературой и историческими событиями Китая. 1781 иероглиф представлен рекомендательно как минимальный потенциал для самостоятельного изучения.

Специфика китайского языка, которая заключается в главенстве иероглифа на всех уровнях этого языка наряду с наличием современных гаджетов и достаточно зрелых средств машинного перевода в сети Интернет, даёт хорошую возможность самостоятельным интересным занятиям китайским языком. И эта книга готова содействовать любым вашим экспериментам.

Современный темп жизни уже не позволяет нам при изучении иностранного языка сидеть на нескольких разговорных темах часами и днями, как это предполагают традиционные учебники и пособия.

Эта книга обеспечивает более вовлечённое, гибкое и активное обучение: вы сможете свободно перемещаться по разным уровням языка, выбирая то, что вам необходимо или интересно, например, сразу можете выучить слова *инновации, инвестиции, стартап, беспилотник, блокчейн, искусственный интеллект, бизнес-*

инкубатор, технопарк, интернет вещей и составлять фразы и предложения с этими словами, озвучивать их, читать и писать сообщения и статьи на китайском языке.

Для любителей традиционных и постепенных подходов в обучении эта книга станет удобным справочником по китайским иероглифам и лексике на все случаи жизни.

В рамках данной книги можно играть в игры по сопоставлению частей китайских слов, по анализу слов одному или вместе с друзьями.

В книге очень подробно разъясняются все особенности и явления китайского языка, что обеспечит уверенный прогресс любому, кто решил выучить данный язык для практического применения в своей жизни.

В этой книге весь китайский язык как на ладони. Теперь не надо ждать годы, учить приветствия и прочие общие фразы и так и не дойти до того, что вам нужно, не заговорить на нужном вам китайском языке, не начать читать и писать на нём интересующие вас тексты.

Выбирайте в этой книге в любом порядке нужные или интересные вам иероглифы и слова, составляйте фразы, предложения, тексты и учите, запоминайте то, что вам нужно и интересно. Ведь современные возможности Интернета, сервисов языкового перевода с аудиосопровождением позволяют быстро выучивать новые слова и фразы на иностранных языках в правильном произношении самостоятельно.

Вводную часть из этой книги «Как пользоваться этой книгой, чтобы выучить китайский язык» вы можете прочитать и скачать бесплатно по данной ссылке[1]

ОЛЬГА МАРКЕЛОВА

«ВСЁВЗЯЛСТИХ»

В истекшем году библиография переводов современной исландской поэзии пополнилась ещё одним изданием: впервые на русском языке вышел полный перевод одной из книг стихов Сигюрда Паульссона (30 июля 1948 – 19 сентября 2017) – выдающегося поэта, прозаика, драматурга, переводчика французской литературы на исландский язык и воспитателя молодых поэтов.

В оригинале эта книга называется „ljóð námu safn“ (2008), а на русском языке получила очень по-модернистски звучащее название «ВСЁВЗЯЛСТИХ».

В юности Сигюрд изучал французский язык и литературу (в Тулузе, затем в Париже, 1967–68), а затем – драматургию и литературу в Сорбонне (1968–73 и 1978–82; в те же годы изучал кинорежиссуру в Conservatoire Libre du Cinéma Français**).** О своих студенческих годах во Франции Сигюрд написал интереснейшую книгу „Minnisbók“ («Памятная книжка», 2007), которая пока ещё ждёт своего переводчика на русский.

Первая книга Сигюрда вышла в свет в 1975 году и называлась *Ljóð vega salt*. (Это заглавие можно приблизительно перевести как «Стихи балансируют»).

[1] https://www.vokitai.ru/kniga-kitajskij-na-ladoni/ или на сайте www.vokitai.ru в разделе Блог. Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. **Китайский на ладони.** Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний) / Н. Н. Воропаев, Ма Тяньюй; илл. Э. Н. Воропаевой. – М. : Издательский дом ВКН, 2022. – 692 с. ISBN 978-5-907086-96-8.

Вместе с Тоурарином Эльдъяуртном, Стейнунн Сигюрдардоттир и другими поэтами, впоследствии сыгравшими значительную роль в развитии исландской литературы, Сигюрд входил в группировку «listaskáldin vondu» («Недобрые поэты» – в исландской традиции «добрыми поэтами» принято называть умерших классиков). (Основана в 1976 г. Для этой группы характерна неореалистическая творческая манера и ярко выраженное юмористическое начало. В настоящее время группа уже не существует, а её основатели пишут каждый в своей собственной творческой манере). В 1976–78 гг. Сигюрд возглавлял «Alliance Française», в 1984–88 гг. был председателем Профсоюза писателей Исландии (Rithöfundasamband Íslands). В последние годы жизни он преподавал писательское мастерство в Университете Исландии. Перу Сигюрда Паульссона принадлежат 3 романа, 3 книги мемуаров, 11 пьес и множество книг стихов.

Книга „ljóð námu safn“ (2008), которой посвящена эта заметка, объединяет три ранее вышедшие книги: „Ljóð námu land“, „Ljóð námu menn“, „Ljóð námu vald“. Если воспринимать их названия как фразы из трёх слов, то буквально они означают «Стихи взяли землю», «Стихи взяли людей», «Стихи взяли власть». Необходимо оговориться, что переводить названия книг Сигюрда – непростое занятие: они всегда составлены таким образом, что совокупность названий множества книг образует стройную систему, отдельные элементы которой могут заменяться и варьироваться. Обычно их буквальное значение бывает «*Стихи [делают] <то-то >*». Но их можно интерпретировать и как многосоставные сложные существительные – авторские неологизмы.

Все тексты в книге «ВСЁВЗЯЛСТИХ» – верлибры (есть и стихотворения в прозе). Для творчества Сигюрда Паульссона не характерны стихи в традиционной манере исландского стихосложения, с обязательной аллитерацией и/или рифмой. В этой связи можно вспомнить, что эстетические установки автора формировались, когда он изучал французскую поэзию XX века в отрыве от исландской культурной среды… Однако отсутствие традиционных исландских поэтических форм у Сигюрда вовсе не означает разрыва с исландской литературой минувших веков; напротив, связь с нею подчёркивается, и в книге читатель найдёт цикл стихотворений об авторах знаменитых древнеисландских саг.

Поэтический универсум Сигюрда в основе гармоничен. Даже если в стихотворениях говорится об объективно страшных или печальных событиях, надрыва в них нет; преобладающим чувством всё же является интерес к миру. Порой речь в его стихотворениях идёт о заурядных явлениях: будни в исландской столице, попутчица в поезде, туман и мох в горах… – но сам факт, что то или иное явление удостоилось взгляда поэта (а также описания необычным поэтическим языком) уже делает его отчасти волшебным.

Знакомство автора этих строк (и переводчика книги «ВСЁВЗЯЛСТИХ») с Сигюрдом Паульссоном состоялось в 2010 г. во время работы над сборником современной исландской драматургии, в состав которого входила пьеса Сигюрда «Не в теме» (написанная в 2008 году). Исландский поэт с большим энтузиазмом отнёсся к тому, что его произведение будут переводить на русский язык. Я помню наши встречи в баре на ул. Лёйгарвегюр в центре Рейкьявика, разговоры о писательском труде (тогда Сигюрд преподавал литературное мастерство в Университете Исландии) и литературоведении. Например, Сигюрд говорил, что недоверчиво относится к темам исследования в стиле «Влияние автора X на творчество автора Y», потому что в действительности решающее влияние на создание того или иного текста могут

оказывать и совершенно неизвестные и неучитываемые факторы, скажем, голоса на улице, доносящиеся до автора…

Позже я стала переводить на русский язык и стихи Сигюрда. Летом 2013 г. мы с Сигюрдом участвовали в «выездном» круглом столе Общества дружбы России – Исландии (ОДРИ) в Рейкьявике «Русский язык и русская культура в Исландии»[1] с литературной программой: читали каждый свои стихи (с переводом на соответственно русский и исландский языки), а затем предложили слушателям литературную игру: Сигюрд читал перевод известных русских стихотворений на исландский язык, а они угадывали подлинник. (Это было непросто, т.к. в исландских переводах русской поэзии, особенно XX века, размер оригинала соблюдается редко).

Впоследствии количество переводов стихов продолжало увеличиваться, они стали известны самому Сигюрду, и со временем встал вопрос о создании полного перевода одной из его поэтических книг. Осуществить это намерение удалось не ранее минувшего года.

По ряду объективных причин публикация книги «ВСЁВЗЯЛСТИХ» на русском языке оказалась возможной только в электронном виде. Впрочем, у этого обстоятельства есть и положительная сторона, так как в такой форме её текст станет доступен большему количеству читателей[2].

Переводчик благодарит книжное издательство “Forlagið” (Рейкьявик) и лично Вальгерд Бенедиктсдоттир.

Единственные короли Исландии

Нам птицы укажут тропу, что давно заросла,
под дёрном сокрылась, – и плотный ветер
качает стебли, где раньше были
сгинувшие хутора и заросшие дороги.

А птицы укажут нам путь по заросшему дёрну,
по сгинувшим хуторам; на них короли
сидели – писали: короли стиха и рассказа
на маленьких хуторах – а в головах весь мир.

Нам птицы укажут светлым полётом
путь, что ведёт лишь вверх и вперёд,
путь, что ни время, ни тленье не тронет,
путь по строкам, что короли записали.

Рухнули хутора; нет больше дорог.
Лишь путь стиха и рассказа для всех открыт.

Сад в самый последний раз

Когда пуночка умолкла
и радужное дитя исчезло,
в саду раздались мысли
Зачем, зачем?

[1] http://odri.msk.ru/?p=8335
[2] Ссылка для бесплатного скачивания и чтения: https://dimentionen.wixsite.com/haabetstrae/переводы

Зачем ты здесь, если ты уедешь?
Зачем уезжаешь, если ты здесь был?

Ночь, я жажду тебя, ночь.
Ночь, я надеюсь, ты будешь
бесконечной и тёмной
В саду,
Чтоб мы могли спать,
чтоб могли умереть,
чтоб могли спать
вечно

Да, зачем?
По весне
полетят другие пуночки
под другими радугами

Самолёт думает

Жирный самолёт без двигателя
влеком по взлётной полосе
старым трактором «Фэрмал-Каб».
Самолёт думает:
«Я лечу
я летаю высоко, и мне
так легко, так легко,
и крылья сильны и упруги»

Жирный самолёт без двигателя
выволакивают из ангара
на свалку металлолома,
и он думает:
«Я высоко летаю,
тучи черны,
а это что за штуковина такая алая
передо мной скользит,
это мой проводник по небесным высям?
Или мой талисман?»

Автор «Саги о людях из лососьей долины»

Недород, снега
вот уже третью зиму подряд
И что ещё тяжелее:
до сих пор, до сих пор, до сих пор
нет чётких ответов, нет ясных линий
в истории жителей Лососьей долины.

С тяжёлым сердцем выходит он
во двор

в голубую светлынь апреля,
в Первый день лета.

И весь этот день автор «Саги о людях
из Лососьей долины»
блуждает в страхе по холмам и слушает,
как пробуждаются небеса,
как вода пробуждается и сочится
сквозь расползающиеся сугробы.

Под вечер автор «Саги о людях
из Лососьей долины» не сводит глаз
с западного края неба,
где ласковость солнца истекла кровью.
И читает: линии чётки, ответы ясны
в закатных небесах:
«К тому была я всего суровее…»

Приливная полоса

В окнах ни огонька,
ступай осторожно:
тут такое может случиться.

С давних пор ходит нечисть
как раз на дороге
между двумя мысами.

Ступай осторожно,
я настороже,
но я далеко.

Широко взморье
у двух мысов,
ступай осторожно.

Поскользнулся на камне,
мгла сгущается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литературно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

За 2001 – 2023 гг. опубликованы переводы с 36 иностранных и 5 национальных языков России, а также с русского языка на иностранные

1. **А**базинский язык
2. **А**бхазский язык
3. **А**лтайский язык
4. **А**нглийский язык
5. **А**рмянский язык
6. **Б**елорусский
7. **Б**олгарский язык
8. **Б**урятский язык
9. **В**енгерский язык
10. **В**ьетнамский язык
11. **Г**алисийский язык
12. **Г**рузинский язык
13. **Д**атский язык
14. **И**вритский язык
15. **И**ндонезийский язык
16. **И**нгерманландский язык
17. **И**сландский язык
18. **И**тальянский язык
19. **И**спанский язык
20. **К**аталанский язык
21. **К**итайский язык
22. **К**орейский язык
23. **Л**атинский язык
24. **М**акедонский язык
25. **М**альтийский язык
26. **М**онгольский язык
27. **Н**емецкий язык
28. **Н**орвежский язык
29. **П**ольский язык
30. **П**ортугальский язык
31. **Р**усинский язык
32. **Р**усский язык
33. **С**ербский язык
34. **С**ловацкий язык
35. **Т**атарский язык
36. Тувинский язык
37. **Ф**арерский язык
38. **Ф**ранцузский язык
39. **Х**орватский язык
40. **Я**кутский язык
41. **Я**понский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев)
(с. Новая Заря, Заб. край)

Известный русскоязычный поэт, прозаик, публицист, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 году Указом Президента России за вклад в развитие культуры и искусства награждён медалью А. С. Пушкина, в 2012 году хамбо-лама буддистов наградил его медалью «200 лет Агинскому дацану», в 2014 году Постановлением Законодательного собрания Забайкальского края награждён медалью «За укрепление дружбы народов». Автор романов «Разные люди», «Последние войны волков»; стихотворного сборника «Каторга», книг прозы и поэзии – «Русский мир бурят-монгола» (Торонто, 2013), «Разговоры в полнолуние» (Торонто, 2014), «Голоса бездны» (Чита, 2014), Поэт-переводчик с монгольских языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин», «Алханай – Шамбала моей души», «Рассказы», «Звезда над степью», «Между Алханаем и Ямато». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).
E-mail: baldorzhieff@yandex.ru

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка на историко-филологическом факультете Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Сотрудничает с журналом «Переводчик». **E-mail:** annbuldigerova@mail.ru

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»). Литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Входит в редакционный совет журнала «Переводчик». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской («чикано») литературы и творчества авторов – представителей коренных народов Сибири, Северного Китая и Америки. Автор ряда монографий и серий высокорейтинговых статей в указанных направлениях. В числе переводов мексикано-американских авторов: популярное эссе известного писателя XX–XXI вв. Рудольфо Анайя «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» и знаковый рассказ «Рождественские *фаролитос*», главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы» (1898) и др. Государственная награда РФ – орден Дружбы.
E-mail: tavoronch@mail.ru

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил с отличием факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук (аспирантура Института языкознания РАН, диссертация «Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе», 2012, специальность 10.02.22). Пере-

водчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997) и синхронный переводчик (с 2006 года) с/на китайский язык в период с 2002 года по настоящее время работал на более 400 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Из них на более 100 мероприятиях как синхронный переводчик. Работает научным сотрудником отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и справочников по китайскому языку, в том числе инновационного лингвокультурологического словаря-справочника для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи»; Персональный сайт: www.vokitai.ru **E-mail: voropaev@vokitai.ru**

ГЛАДКИХ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)
Окончила факультет иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по направлению «Филология», профиль «французский и английский языки», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы связаны с литературным регионализмом и культурой коренных народов Сибири и Америки. Автор ряда научных публикаций, рецензий и художественных переводов с английского языка. **E-mail: gourouleva@mail.ru**

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)
Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского языка. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликованы: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски». **E-mail: epishkinni@mail.ru**

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва)
Окончил с отличием историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и Государственные центральные курсы заочного обучения «ИН-ЯЗ». Кандидат педагогических наук, доцент, отличник народного просвещения. Член Союза писателей Москвы, почётный член Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических переводов с английского и итальянского языков (всего более 390 публикаций). В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. **E-mail: Lziman@yandex.ru**

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)
Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает в музее истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского. **E-mail: yek.korzhova@yandex.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)
Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С», «60 кг солнечного света»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор девяти сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языке в журналах «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)
Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России, Почётный член гамсуновского общества. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», “Таллиннн”, в норвежской печати (газета “Aftenposten”, журналы “Prosa”, “Forfatteren”, “Nordlit”), финском журнале"LiteraruS". и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии. **E-mail: noralauri@yahoo.com**

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)
С отличием окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Поэт-переводчик. Автор более 60 книг переводов со славянских языков на русский. С македонского языка перевела стихи более 250 поэтов. Автор проектов: «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века». С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Автор поэтических сборников: «Предзимье», «Параллельные миры», «Плеск». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» (2010), имеет награды за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2018) – Россия; «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль» и награда за успехи в художественном творчестве «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звёздный македониум» Фестиваля искусств города Скопье (2016), государственная награда Медаль за заслуги перед Македонией (2019) – Македония. В 2020 году стала лауреатом литературной премии «Югра» в номинации «Лучший переводчик». В 2021 получила «Золотой витязь» – высшую награду Международного форума славянских культур.
E-mail: olga_pankina@hotmail.com

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)
Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького (семинар критики). Поэт, кри-

тик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Международной ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов; действительный член Петровской академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор 46 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Донбасс» (Донецк), «Бийский вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), член редколлегий альманаха «День поэзии» и других изданий. **E-mail: nik-mar@rambler.ru**

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)
Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает заместителем главного редактора альманаха «Истоки». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016).
E-mail: detschoolakad@mail.ru

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. С 2000 по 2021 гг. возглавляла забайкальский лингвистический центр «Прогресс» при университете. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, почётный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...», «The Songs of Joy and Sorrow». Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду…». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень …», «Волшебный мир любимых грёз», «Мой зачарованный мираж…»; «Сладкой грусти наслажденье…». Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». **E-mail: ovstelmak@mail.ru**

ФЁДОРОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Чита)
Окончила филологический факультет Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности «Филология» (английский и испанский языки), магистратуру по программе «Литература народов зарубежных стран (на английском языке)», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы направлены на изучение этнических литератур Сибири, Северного Китая и Юго-Запада США (литература «чикано»). Автор и соавтор ряда литературоведческих работ, среди них: пособие (в соавторстве) «Мифопоэтика в литературном творчестве коренных аме-

риканцев и чикано США XX–XXI веков» (2016), раздел в монографии (в соавторстве) «Интерпретация текста» (2019). **E-mail: katyaz@bk.ru**

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
(г. Бенавенте, Португалия)
Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. Подтвердила учёную степень в португальском университете. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник» и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV–XX веков «Лузитанская душа», Фернандо Пессоа: «Книга непокоя» (2016 г.), «Поэзия Оды Рикарду Рейша», «Рубайят», «Poesia. Первая антология Фернандо Пессоа (SHANTARIN, Лиссабон, Португалия, 2022 г.). **E-mail: irenerussian@gmail.com**

ЩЕРБАКОВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА (Чита)
Студентка 4 курса китайского отделения (направление «Лингвистика») историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета.
E-mail: kate-fantastic73@mail.ru

ЩЕТНИКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (Новосибирск)
Окончил физический факультет Новосибирского государственного университета. Автор более ста книг и статей по истории точных наук и прикладной эпистемологии; более 300 видеороликов по физике в проекте GetAClass. Инициатор и организатор ряда проектов в области дополнительного образования. Поэт, переводчик. Переводы с английского (Байрон, Шелли, Китс, Уитмен, Уильямс, Стивенс, Ферлингетти, Керуак, Гинзберг, Корсо, Снайдер, Буковски), испанского (Борхес, Хименес, Неруда, Лорка), украинского (Андрухович, Жадан, Пасичник), польского (Мицкевич, Милош, Шимборская), древнегреческого (Аристотель, Прокл, Евклид, Гемин, Клеомед и др.) языков. **E-mail: schetnikov@ngs.ru**

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)
Окончила с отличием Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает главным специалистом отдела международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликованы переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из книги Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь…» и статей к ним. Главный редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова. **E-mail: intdep@mail.ru**

Литературно-художественное издание

Переводчик

Выпуск 23

Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства

Главный редактор О. В. Стельмак

Контактный телефон 8(3022) 21-87-30
e-mail: ovstelmak@mail.ru

Подписано в печать 18.05.2023.
Формат 60x84/8. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Уч.-изд. л. 15,1. Заказ № 23018.
Печать по требованию

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Алекзаводская, 30.